

В. Балашов

Призрак
единственной

Министерство культуры Республики Хакасия
Дом литераторов

Владимир Балащов

Призрак единственной

Повести

Абакан
Хакаское книжное издательство
2010

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Б 20

Книга издана при финансовой поддержке
Правительства Республики Хакасия

Балашов В.

Б 20 **Призрак единственной.** Повести. – Абакан: Хакас-
ское книжное издательство, 2010. – 320 с.

ISBN 978-5-7091-0467-9

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6

© Балашов В.Б., автор, 2010
© Косовская С., оформление, 2010
© Министерство культуры РХ, 2010
© АУ РХ «Дом литераторов», 2010
© АУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2010

Владимир Борисович Балашов родился в 1949 г. в Костромской области, среднюю школу окончил в Ленинграде. Инженер-геодезист по специальности, работал в изыскательских экспедициях в Казахстане, на Дальнем Востоке, в Сибири. В 1992 г. заочно окончил Литературный институт имени А.М. Горького, а в 1994 г., по рукописи первой книги, был принят в Союз писателей России. Главные темы его творчества – природа, история Хакасии, его герои – это борцы, по стоянно находящиеся в духовных исканиях. Выпустил несколько книг и в настоящее время работает над историческим романом. В 1999 г. ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Хакасия». В 2008 г. за большой личный вклад в развитие журналистики Сибири был удостоен звания «Кавалер Золотого Почетного знака «Достояние Сибири».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
АРЕМА	8
ШАМАН-ДЕРЕВО	65
ПРИЗРАК ЕДИНСТВЕННОЙ	120
ТУМАН	136
СКАФАНДР ДЛЯ ГЕНИЯ	220
ПУТЬ ЗЕРНА	247
Послесловие. МОЙ СОВРЕМЕННИК – ПУШКИН	317

Зачем приходит человек на Землю? Ведь не для того лишь, чтобы прожить в сытости и довольстве несколько десятков лет, а потом уйти безвестно в небытие? Тогда лучше бы ему воплотиться в образе животного, которое не испытывает ни зависти, ни корысти, ни, тем более, угрызений совести. И что представляет собой наша планета Земля? Космический мозг, состоящий из четырех миллиардов мыслящих людей-ячеек, или же чистилище для их бунтующих душ? Ведь должно же быть какое-то высокое предназначение для безграничного человеческого разума? В чем оно: в вечных поисках смысла жизни, в осмыслении космического мироустройства или же в стремлении к самому необъяснимому – к великой всепоглощающей любви? И если смысл жизни все-таки в любви, то в любви к кому: к другому человеку, к матери-Земле или к Богу-учителю?.. Однако нет до сих пор и не будет, наверное, никогда ответа ни на один из этих вопросов. Но на пике жизни или даже на закате ее мелькнет в нас догадка – и поведет за собой подобно магниту или ускользающему миражу. И уже до самого конца, до самого последнего вздоха будет звать и манить нас маяк главной цели или призрак единственной женщины...

* * *

Иду по Бронной, мимо бывших Патриарших прудов, переименованных ныне тускло и непритязательно – в Пионерский пруд. И вдруг замечаю, что по противоположной стороне улицы – в том же направлении, что и я – стремительно движется женщина. Полы длинного светлого плаща при каждом шаге отбрасываются назад – отстают, а каблуки спешат – цокают по асфальту в каком-то строго-ритмичном, завораживающем темпе. Её голова повязана черным шарфом, концы которого свободно развеваются за спиной. И кажется, что прилегающее пространство – по крайней мере воздух – движется вместе с ней...

Меня тоже словно захватило – повлекло следом. Пересекая проезжую часть улицы, думаю: «Нет – не догнать!» Но неожиданно оказываюсь рядом – и даже обгоняю! Однако какая-то сила сковывает, не позволяет заглянуть странной женщине в лицо. Только

на Большой Садовой решаюсь обернуться – но незнакомка, низко наклонив голову, быстро спускается в подземный переход. Невольно подумалось: «Будто в Преисподнюю...»

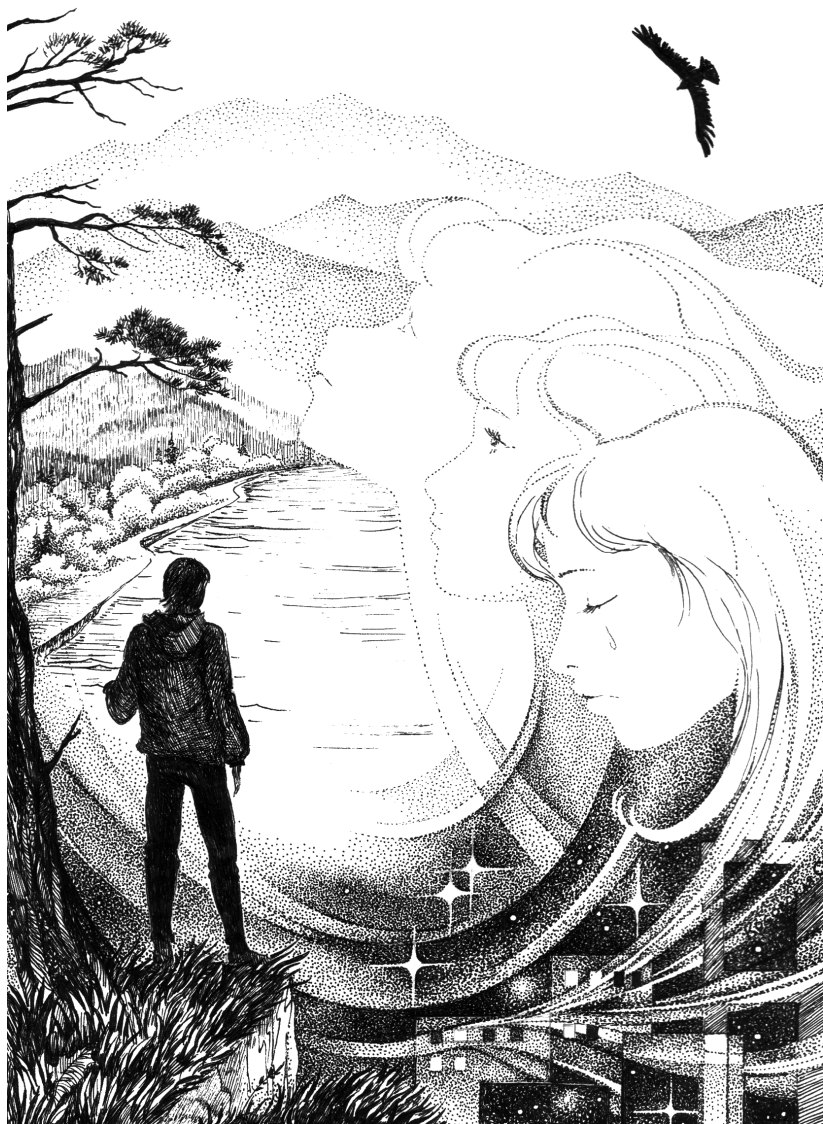
Спешу к выходу, ожидая и одновременно страшась через минуту очутиться с ней лицом к лицу. Вот сейчас!.. Но тут подсказывает неизвестно откуда взявшийся рыжий небритый мужичонка, невнятно частит:

– Извини, я из милиции – два дня на нарах провалялся. Дай на сигареты!..

А глаза хитрые, бесовские. Выгребаю из кармана мелочь – отдаю, не глядя, а сам ищу взглядом в толпе черный шарф. Нет нигде!.. И вертлявый мужичок исчез, словно испарился.

Потоптавшись несколько минут на месте, иду своей дорогой. Осталось лишь ощущение, что случайно подсмотрел невидимый для прохожих эпизод – встретил на перекрестке времен булгаковскую Маргариту...

г. Москва, 10 апреля 1991 г.

АРЕМА

Арема – это по-сибирски, а в других местах ее дурниной зовут. В этой траве, бывает, и человека не видно. Пройти-то по ней можно, но путает ноги, а коли роса ляжет – то и вовсе ходу нет.

Таёжное эхо

– **М**амка, мне страшно, стра-аш-но-о! – тянула, уткнувшись в материнский подол, дрожавшая всем телом то ли от испуга, то ли от влажной утренней прохлады, худенькая белокошая девчушка.

Оттесненные к крутояру женщины жались друг к дружке, словно овцы, старались согреть ребятишек: на тех, что постарше, накинули свои душегрейки и платки, а младших держали на руках. Неотрывно глядели туда, где командир чужаков – высокий, сухопарый, в полинялом офицерском кителе без погон и в казачьей, с красным околышком, фуражке – допрашивал их мужиков.

У старого Нила Шлыкова, не то что у сыновей, руки не были связаны – потому он сцепил пальцы на ременном пояске, чтобы не видно было, как дрожат. Понимал старик, что пришлые не шутки шутят, что запросто можно и пулю получить.

– Ты, старый хрен, семейство свое пожалей, – командир мотнул головой в сторону баб с детишками, и налившийся кровью широкий шрам на его скуле судорожно дернулся.

– Слово дай, што никово не тронете, тохда укажу, где золото схоронено, – решился наконец старик.

– Даю тебе мое офицерское слово.

– Господним именем поклянись.

– Господом Богом клянусь, что разойдемся по-хорошему. На кой хрен вы нам нужны?! Так, для острастки попугали!

Глянув на угрюмо молчащих сыновей, на перепуганных баб и всхлипывающих ребятишек, Нил пошел тропинкой к избам. Следом

по-журавельи зашагал высокий, держа в опущенной руке наган. По его знаку двое бандитов отделились от остальных и, отвязав лошадей, тоже поехали к хутору; но не по тропке, а напрямки по крутому склону – сразу видно, что привыкли ездить вот так, без дорог.

Связанным мужикам разрешили наконец присоединиться к женам. Встав впереди, как бы отгораживая семью от опасности, братьев в то же время сторожко вслушивались в отрывистый разговор чужаков. Однако из-за журчания ручья большинство слов невозможно было разобрать.

Вдруг на хуторе остервенело залаяла собака. Хлопнул негромкий, словно бы ненастоящий, выстрел. Собака пронзительно завизжала, но второй негромкий хлопок разом оборвал ее скулеж.

– Мама, это они Шарика нашего убили! – вскрикнул замотанный в клетчатый полушалок мальчуган и громко, во весь голос, заревел. Примолкнувшие было ребятишки тоже заголосили, но никто на них даже не прикрикнул.

Вскоре один из верховых вернулся, подъехал к своим. В вытянутой руке он держал за хвост окровавленную собаку и, не боясь, что пленники могут услышать, сказал громко:

– Нашли золото. С четверть пуда наберется. Господин есаул приказал, чтобы этих всех кончали!

– Есаул же им жизнь обещал, – возразил молодой парень с редкой, клочками еще пробивающейся бородкой.

– Они тебе тогда покажут жизнь! – огрызнулся верховой и бросил под ноги парню собаку. – Это же чалдоны, охотники! Пока до границы доедем, они нас сто раз выследят и, как рябчиков, всех перещелкают.

– Не энти, дак другие выследят, – не унимался парень, – у их здесь в каждой деревне родня.

– Потому и сказано было, чтобы следов не оставлять. Вон, под обрыв гранату сунем – ищи их потом хоть с собаками. А через день-другой вода вниз по ручью покатится, смоем наши следы – и все! Понял, дубина деревенская?

Рассветный туман, загустевая, сползал по ручьям и многочисленным логам к реке. Над водой он сбивался в еще один, медленно текущий и непроницаемый для взгляда поток, раздвигающий на неведомую ширину кантегирские берега.

Вязкая белая пелена приглушала плеск струй и неузнаваемо искажала все таежные звуки – поэтому, когда часто затрещало в круто изгибающемся от Кантегира логу, то могло показаться, что надломилась у корня и медленно клонилась сухая лесина.

На некоторое время все смолкло, потом треснуло запоздало еще два раза, и что-то грузное ударилось о землю. Грохот вытолкнуло на простор из узкого ложа ручья вместе с рваными клочьями тумана, так что случайно очутившемуся поблизости в этот неурочный час человеку могло почудиться, будто вдалеке коротко и зло рыкнул огромный неведомый зверь.

Пропаж

От старательских землянок, что на ручье Приисковом, до Кантегирского порога, где пришлось оставить лодку, ходьбы не менее часа, хотя и всё-то расстояние – неполных три километра. Однако в тайге километр километру рознь: в нынешнее лето вода хоть и подзапоздала, не поднялась еще даже до половины подмытого прежними паводками берега, но все же скрыла нижнюю тропу, а на верхней приходилось поминутно перелезать через саженного обхвата валежины.

Старатели, провожавшие уполномоченного Прохора Юдина, вскоре повернули назад, остался с ним лишь бригадир Шлыков. Пробирались молча: не до разговоров, когда сапоги то и дело разьежжаются на осклизлых стволах, а сухие пихтовые сучки непременно целят в лицо. Лишь когда спустились на почти уже скрытую водой косу ниже порога, Шлыков наконец решился, спросил:

– Ты нащел сродственников моих ниче там нового не слыхал – хто их?

Уполномоченный взглянул искоса, помедлил, потом хмуро произнес:

– Даже ни зацепочки. Сообщили вот на днях, что на хуторе Богословском какие-то недобытыши живут... Может, это их рук дело? – и сразу спохватился. – Только насчет Богословского разговор меж нами!

– Знамо дело. Однако куды ж вы, милиция, по сю пору глядели, што советской власти уж столь лет, а у вас все враги да бандиты объявляются? Милиция тож, мать вашу!

– Место там, видишь ли, глухое, – невольно стал оправдываться уполномоченный. – Ну да ничего, настал и для них черед!

И снова шли молча, только повизгивал под сапогами смоченный водой галечник.

– Ответь-ка мне по совести, – рискнул теперь задать вопрос уполномоченный, – было, поди, у братовьев припрятано золотишко?

– Откуля мне знать? – буркнул бригадир. – Они сами по себе.

Сказал, а сам глаза отвел в сторону. Уполномоченный тоже больше не стал расспрашивать – кто же на родню добровольно наговаривать будет.

– Да, прикажь нашему завхозу Черепкову в Означенном, штоб прислали с оказией для твоих милиционеров сухарей мешков пару, – напомнил бригадир уже возле лодки. – А то с хлебом, сам знаешь как: у нашего Мирона то дрова сыры, то мука неподъемна, то мировая контра ему под руку нашептала. Ране-то хоть у родни на хуторе после выпечки разживались...

– Передам. А вы здесь посматривайте: коли чужие объявятся – знаете что делать.

– Совладаем, поди. Нам теперича чево бояться?! – бригадир криво усмехнулся. – Вона ты каких двух орлов оставил: и при форме, и с винтарями – от их виду цельна сотня разбежится... Ты сам-то как, не боишься плыть один – не дай Бог, стрелят?

– Да не след мне, вроде, в своем-то районе бояться? – уполномоченный попытался улыбнуться, но тоже получилось невесело, натянуто. – Меня, как будто, должны все пугаться.

– Ну, гляди, коли так. Бог не выдаст – свинья не съест! Зря вот только обеду не дождался: путь-то неблизкий – оголодаешь?

– Ничего, назад быстрее – вон как вода прет! Из-за нее на пароходном буксире и то больше суток Енисеем поднимались. Мне вчера еще надо было дома быть – сын должен со службы воротиться. И так уж, поди, заждались?.. Толкни-ка лодку, бригадир!

– Щас, подмогнем!

Шлыков без видимого усилия приподнял длинный нос деревянной лодки и оттолкнул так, что вода гулко забурилась у кормы.

– Здоров, чертушка! – уполномоченный восхищенно мотнул головой.

Из всех старателей Шлыков больше других нравился уполномоченному Юдину: и мужик толковый, и цену себе знает – не лебезит перед начальством. Таким, верно, и нужно быть артельному

бригадиру: чтобы где за ум уважали, а где и силы побаивались. Ведь старатели известно какой народ – таежная вольница.

Вдруг вспомнилась старая мальчишечья дразнилка: «Идет из кабака бергала в плисовых штанах». Бергалами испокон называли тех, кто золото по тайге добывал. После первого мороза богачами выходили они с заветных ручьев, но богатство это до первого кабака – там все пропьют подчистую. Оставит кабатчик лишь плисовые штаны – свидетельство бывшего достатка, чтобы срам прикрыть... Теперь на этот каторжный промысел народ идет другой: многосемейный, самый работающий, ведь только на старательстве и можно еще денег заработать, подкопить на хозяйственное обзаведение. Потому как в артели – не то что в колхозе – собственный фарт у каждого.

Меж тем течение, подхлестнутое порогом, подхватило лодку и поволокло по мелководью, упрямо разворачивая носом на затопленные кусты. Пока управлялся Прохор с шестом, пока заводил капризный американский мотор, невесть какими путями доставшийся минусинской милиции, – далеко отнесло. Оглянулся назад – бригадир Шлыков уже наверху стоит, на краю обрыва: кряжистый, крупный – такого ни работа, ни беда не согнут. И братовья его, неизвестно от чьей руки бесследно сгинувшие, и отец Нил Савельич такими же были...

Отогнал Прохор тревожные мысли – сумеют, поди, в случае чего от лихих людей отбиться, все-таки шесть стволов у них теперь, вместе с милицейскими.

Встречный поток воздуха почти не освежает: июньское полуденное солнце печет немилосердно, да еще мотор обдаёт жаром, словно натоленная печка, одурманивает запахами бензина и нагретого масла. Но все-таки ни напивавшуюся потом милицейскую гимнастерку, ни прилипшую ко лбу фуражку Прохор не снимал – пусть издали видят, кто сидит в лодке.

От жары и бензинового духа вскоре на дрему потянуло, даже сын Алешка пригрезился в минутном сне. Привиделся таким, каким провожали его в армию: худеньким, белобровым. Возмужал теперь, должно быть?

По второму, а, особенно, третьему году приходили несколько раз письма из Горного Алтая, от пограничного начальства, в которых сообщалось, что хорошо служит их сын, что не посрамил славы отца – бывшего красного партизана. Трудно сказать, чего

испытывал Прохор больше: гордости или тревоги? И хотя ругал жену за короткие и нехитрые ночные молитвы, но, кто знает, может, именно материнские просьбы сохранили Алешку от вражьей пули?..

Эхо, стиснутое крутыми берегами, то бежало рядом, вплетаясь в мерный перестук мотора, то пропадало на поворотах – но тут же опять привязчиво догоняло и, словно ошалев от короткой свободы, обрушивалось звонко и хлестко, как удар бича. Тогда ненадолго отгоняло суматошное эхо прилипчивую дрему, сбивало со сладких мыслей.

Ниже Амбарного ручья река Кантегир круто поворачивает, и сразу за поворотом – белая кипень над затаившимся на стрежне камнем. Чуть не довели до беды думы: лишь в самый последний миг успел-таки Прохор отвернуть – проскочил, лишь зачерпнул бортом воду.

Но, когда на следующем повороте открылся хутор Шлыковский, как рукой сняло остатки сонливости – в который раз возник навязчивый страх: все казалось, будто кто недобрый следит за рекой из хутора. Течение потащило лодку под берег, но Прохор упорно держался середины – подальше от темных слепых окон.

А семь дней тому назад он вот так же торопился успеть в Минусинск засветло и на хутор завернул лишь потому, что бригадир Шлыков попросил передать родственникам записку. В тот раз, как обычно, привязал свою лодку к кедровому выворотню под берегом, рядом с хозяйской наново осмоленной, и стал подниматься вверх по утопанной дорожке. Не возникло ни настороженности, ни предчувствия, показалось, правда, странным, что никто не встречает, даже собаки не выбежали, не залаяли по обыкновению. Куры купались в пыли посреди дороги, пегая корова выглядывала из-за куста, перестав жевать свою жвачку. Лежавший рядом с ней телок поднялся, потянулся к человеку, но веревка не пустила. Зашел Прохор в ближайший дом – никого, зашел в следующий – то же самое, и в третьем, крайнем, – опять ни души. Куда все подевались? Может, в тайгу зачем ушли, так ведь не с малыми же детишками? Вон и ружье висит на стене, и в доме оставлено все так, будто хозяева отлучились ненадолго. Насторожил Прохора непонятный затхло-кислый запах. Подошел к печи, снял закопченную заслонку – в носшибануло вонюю. Вытащил ухватом на шесток крайний чугунок – и даже не сразу сообразил, что в нем: все покрыто серой пористой коркой. Похоже, были щи? И каша, словно белой шерстью,

до самого верха горшка заросла плесенью. Видимо, с неделю, если не больше, стоит в печи. Еще раз, приглядываясь, прошел по домам – может, просмотрел что важное? Ни особого беспорядка, ни следов поспешных сборов не заметил, но по всему выходило, что давно отсутствуют хозяева. Будто сквозь землю провалились: и лодки на месте, и на приiske, до которого, при желании, пешком за день можно добраться, никто из хуторских не объявлялся...

Когда пошел Прохор назад к реке, померещилось, что кто-то выглядывает то из-за одного, то из-за другого дерева – на всякий случай даже кобуру расстегнул. И куры на этот раз, завидев его, переполошились, кинулись врассыпную, один лишь красно-рыжий петух не побегал, а, вытянув шею, сошел с дорожки и настороженно следил черным глазом-бусиной. Снова потянулся к человеку ослотившийся от жары теленок.

«Что же получается? – прикидывал Прохор. – Ежели скотина не ревет и по тайге разбрелась, – а у коров молоко где-то на десятый день засыхает, – значит, уже полторы недели людей нет?..»

Отвязал теленка и торопливо, будто кто за ним гнался, спустился к реке. Оттолкнул лодку – и подальше от берега, на самую бырь*. Опомнился, пришел в себя, когда мимо дома лесника потащило в Енисей. Пришлось разворачиваться, возвращаться. Но и лесник ничего не мог сказать – не видел Шлыковых. А когда спустился Прохор до большой деревни Сизая и выяснил, что за последние две недели никто сверху в лодке не сплавлялся, исчезли и последние сомнения – на хуторе случилось что-то неладное.

Отец и сын

Много раз представлял Прохор долгожданное свидание с сыном, а встретились словно чужие – настороженно, будто бы заново узнавая друг друга. И не то чтобы сильно изменился сын, нет, внешне он остался все тем же белесым и стройным – в мать – парнишкой. Сохранилась даже давняя привычка ерошить волосы на затылке и пунцово краснеть от волнения. Лишь когда, умываясь, скинул сын армейскую нательную рубаху, отметил Прохор игравшие на загорелых руках бугры окрепших мускулов – из жидковатого юнца превратился он за три года службы в крепкого, ладного парня. Вот только взгляд стал другим: иногда,

* Бырь – быстрое течение (сиб. диал.)

изредка, вроде бы знакомо вспыхнут голубые глаза веселыми искорками, но тут же сторожко замирают, нацеливаются – и словно цепенеют. Откуда в нем эта настороженность, о чем думает – поди, догадайся?

Для матери же сын словно и вовсе не переменялся – глаз от него не отрывает: потрогала лежащую на комодке фуражку со звездой, погладила гимнастерку с тремя маленькими треугольниками на петлицах*, поласкала пальцами нагрудный знак «Ворошиловский стрелок».

Прохор и то любопытствовал:

– Какой-то новый? Не встречал прежде.

– Новый. К тому ж из первых – московский инспектирующий привез всего один на наш округ. Ну, я на смотровых стрельбах и отличился.

– Теперь, значит, на охоте форы у меня просить не будешь?

– Не буду. Как-никак лучший стрелок погранокруга!

– Ну, не больно-то хвались! По летящей утке стрелять – это тебе не по неподвижной мишени.

– Да и всадника на скаку снять нисколько не легче! Не раз приходилось...

– Да, в человека вообще стрелять нелегко, – сразу посерьезнел Прохор. – Много чего передумашь, пока целишься.

– Там, на границе, раздумывать было как-то некогда: либо ты его, либо он тебя, – жестко, как-то очень уж по-взрослому проговорил сын. И сразу замолк, будто потерял интерес к разговору...

На том целования-обнимания и закончились. Когда же надумал сын переодеться, тесна оказалось ему прежняя одежда, что хранилась в чулане. Пришлось матери доставать из шкафа чистую отцову рубашу.

– Еще недельку можно будет в форме пофорсить, а потом ее предписано выслать в часть, – посожалел Алексей.

– Ничего-ничего, за неделю какую-нибудь одежду купим, – заверила мать. – А без примерки как было брать – вон плечи-то раздались...

Мать – она всегда мать, и близость с ней не ослабляет, а, даже наоборот, укрепляет долгая разлука. Недаром вспоминают ее и в радости, и в горе и в самый последний, смертный, миг. Отец –

* Соответствует помощнику командира взвода.

другое дело. Вот ведь, казалось бы, родная кровь – но долго не могли Прохор с сыном побороть неизвестно откуда взявшееся отчуждение. Лишь когда уселись за праздничный стол да выпили по стопке водки – начал вроде бы складываться задушевный разговор. Все-таки давно не виделись, было о чем поговорить двум мужикам.

– Мне по второму году службы отпуск давали, – рассказывал Алексей. – Я ведь писал вам про это! Мы тогда на Чуе, в Кош-Агаче, стояли. Документы уж оформил, но тут нашего помкомвзвода и еще четверых бойцов с ним кулацкая банда захватила. Сонных, должно, подстерегли. Уж и поиздевались бандиты вволю – у мертвых-то все волосы седые. Потом на куски порубили – так что и не понять: где кто? Какой уж тут отпуск?!

– Взяли банду-то? – поинтересовался Прохор.

– Настигли... Но никто живым не сдался – всех их в том бою постреляли! Они же ясно понимали, что после таких зверств одна им дорога: не за кордон – так в распыл. Правда, мы сначала не знали, куда пойдут бандиты: то ли в Туву, то ли в Монголию? Но командир наш – он из местных – тот сразу сказал: «По Чуйскому тракту пробиваться не рискнут. Либо по Чулышману, либо через перевал Оготор-Хамрын-Даба...» Тьфу, черт, – Алексей рассмеялся. – Столько наизусть заучивал, столько раз в рапортах повторял – а без разбега не выговариваю. Хотя ты и сам, поди, помнишь тамошнюю топографию: слева Шапшальский хребет, справа Сайлюгем. Вот они по Чулышману и поднялись – прямёхонько на наши пулеметы. Бывал ведь на Чулышмане, должен тот скальный прижим помнить?..

Как не помнить Прохору. Сразу же, словно наяву, возникла в памяти быстрая Катунь. Не единожды доводилось скрываться с товарищами-партизанами в ее заросших протоках, ночевать в глухих урочищах, уходить через скалистые перевалы от карателей. Уж столько лет прошло, но все так же бередили душу эти труднопроизносимые названия.

– И я к тебе так и не съездил, – сказал он виновато. – Вот ведь, вроде бы рядом – да как вырвешься?! Тоже почитай уж три года без отпуска, тоже всяческих банд на нашу душу хватает. А тут еще и коллективизация на наши милицейские головы...

– Неужто и здесь проблемы с коллективизацией? В чем трудности-то? – живо отозвался Алексей, и Прохор, поймав его

мимолетный, снова ставший цепким взгляд, в очередной раз подумал, что рядом как бы и не сын вовсе сидит, а незнакомый человек.

– Трудно не трудно – не о том речь! А только больно мне смотреть, как гнут наш сибирский люд в бараний рог. Я ведь не понаслышке, а на прощуп, как говорится, людей этих знаю – сколько лет уж по енисейским деревням мотаюсь. Ведь что говорил товарищ Ленин на восьмом съезде? – Действовать здесь насилием – значит погубить все дело...

– Крепко ныне милицию в политграмоте подковывают! – Алексей весело рассмеялся. – Прямо-таки по-писаному, будто городской лектор цитатами шпаришь!

– Если честно, то эту политграмоту в мою голову, словно гвозди, заколачивают, – Прохор тоже усмехнулся, только криво, невесело. – Поначалу, как твоим неграмотным алтайцам, установку на коллективизацию доводили чуть ли не с каждодневными дополнениями и разъяснениями. До-о-олго ее после партсъезда втемяшивали. А тут следом процесс «промпартии»! Так по-новой, чтобы, не дай Бог, не отклонились. И как начали после «шахтинского дела», так сейчас уж тридцать второй год – а все никак без «ликбеза» не обойдемся! Это меня-то агитируют, красного партизана, который эту советскую власть здесь устанавливал! Ты не подумай, что я противник агитации! Просто в газетах-то все правильно пишется: и про перегибы на местах, и про смычку города с деревней. А здесь, на местах, что?.. Вот, к примеру, я или какой другой представитель органов милиции попробует мужику какое малое послабление сделать... Да хотя бы просто на словах посочувствовать. Сразу местное начальство пришивает «сознательную ревизию генеральной линии»! Будто это и не наш мужик, а мировая контра какая?! Нечего, мол, слюни рассусоливать, как любит повторять наш новый начальник милиции. Форму, говорит, сами надели – никто не приневоливал, власть вам от народа большая дадена – так что постановления партии исполнять извольте неукоснительно. И попробуй заикнуться ему, что газеты другое пишут...

– Непонятны мне здешние проблемы, – перебил Алексей. – Народ тут грамотный, а в колхозах только слепой или откровенный враг выгоды не разглядит!

– В том и дело, что нашему мужику выгоду наперед увидеть надо! – продолжал горячиться Прохор. – Наша сибирская деревня

из тех складывалась, кто от царской власти ушел свободу-волю искать. Здесь они этой народной властью себя и почувствовали! В свои собственные силы поверили! А теперь, значит, приходит откуда-то из города новая власть – и опять их под себя начинает подминать! Кому же такое понравится?! Конечно, нашлись и такие, что в колхоз охоткой идут. Если кроме шелудивой овцы у них и обобществлять-то нечего – что они теряют? А те, у кого хозяйство покрепче, да еще и от властей забрались подальше в тайгу – эти, естественно, не прочь выждать. Чтобы не с кандачка, чтобы уж, на самом деле, сознательно! Вот для этих-то мы теперь наврode кнута! Не знаю, уж кто, а только сверху милиции спускают приказ: подстегнуть, а то и припугнуть! Тем же, кто поупрямее да посмелей остальных, – ярлык «затаившийся враг» припечатать. А от него, сам понимаешь, попробуй потом избавься! Так кто же я сегодня: народный милиционер или опять дореволюционный держиморда? Вот в чем моя обида! Легко ли бывшему красному партизану Юдину превращаться в урядника?

Прохор оскалился в гримасе и подкрутил несуществующие урядничьи усы. Но сын на эту шутку-вопрос не ответил, только неопределенно пожал плечами.

– А после сто седьмой статьи вообще любого можно раскулачить, – не мог остановиться Прохор. – По доносу выгребут, не разбираясь, с излишками и семенное зерно – а тому же указчику четвертая часть причитается. Это за иудин донос-то! Так поганцы из зависти доносить стали! А то и после ссоры – кто раньше в милицию успеет! Или вступят в колхоз все безлошадные, а пахать-сеять не на чем – ну и раскулачивают под эту лавочку кулаков не кулаков, а тех, кто позажиточней...

– Вот ведь, и мне, и тебе, и другим ясно, – перебил сын, – что перегибают власти на местах...

– Не всем, значит, ясно, раз такое творится! – не дал Прохор договорить сыну и рубанул со злостью рукой воздух перед собой.

– А может, товарищ Сталин и не знает, что у нас здесь, в Сибири, делается, – примирительно сказал Алексей.

– Может, и не знает! От Москвы-то до нас ой как далеко... А только, скорее всего, что и знает!

– Ты, батя, что это?.. Сталин за народ!..

– А я вот что думаю: пусть нам, простым винтикам, все сталинские планы неведомы – а как же с теми, кто в его окружении?

Как получилось, что он практически никому доверять не может, ни от кого правду не слышит? И не может такого быть, чтобы приказ, пока сверху донизу по инстанциям идет, задом наперед переписывали! Ты же сам военный человек, подумай... Иногда тишком так, про себя, подумаю: неужто и дальше будем свой народ гнобить да изничтожать, неужто в его сторону власть так никогда и не повернется?

– Ты такие свои мысли лучше поглубже спрячь, – прервал отца Алексей. – Скажешь не к месту или не к компании – до-олго оправдываться придется.

И тронул отца за рукав, успокаивая. Потом, будто нечто смешное только что вспомнил, заговорил каким-то дурашливым, неестественным голосом:

– А мне довелось как-то присутствовать, посмотреть, как алтайцев в колхоз агитировали! Занимался этим сам комендант Кош-Агача, а от нашего погранотряда обязательно бойцов просил в сопровождение. Вот я и попал! Приехали на место – и начал комендант, как заведено, их лозунгами да призывами за советскую власть агитировать. Призывал он к сознательности, потом склонял к победе социализма, потом пугал капиталистами – нет, все впустую! И чтобы быстрее надумали, приказал всех ихних мужиков на ночь в амбаре запереть. Даже охрану выставлять не стал – мол, куда они денутся? Ну, а те, не будь дураки, потемну крышу разобрали – и ушли всем аалом. Мы только утром хвятились – и сразу к машине! А у нее под передними колесами подтащено толстенное бревно и фары напрочь грязью замазаны...

– Фары-то почто? – не понял Прохор.

– Ясное дело – чтобы машина ослепла и не видела, в какую сторону пойдут. Автомобиль они вообще, я думаю, в первый раз увидели! Им это глазастое, рычащее страшилище прирученным драконом, наверное, или вообще каким-то злым подземным духом казалось. В какой уж тут колхоз записываться – убежать надо подобру-поздорову! И от дракона, и от командира строгого, и от колхоза непонятного... Ну, мы, естественно, задний ход – и по их следам. А те сдуру, с перепугу вздумали отстреливаться. Нас-то против них всего пятеро, поэтому комендант приказал поворачивать – и в отряд, за подмогой. Поставили наспех на «Форд» пулемет – и снова вдогонку. Хорошо хоть не догнали, а то положили бы глупого народу...

– У нас это запросто случается, – согласился Прохор, и посочувствовал алтайцам: – Куда ж эти бедолаги-то подались?

– В Монголию, конечно. Куда им еще?

– После этого назад, поди уж, не вернуться?

– Да уж наверняка сами в колхоз не запросятся! На нашу агитацию у них всегда ответ был короткий: «Сперва баев на смерть посослали, а теперь, выходит, как баи закончились – и до нас добрались!?» Так что последний год я не так за бандитами гонялся, как за этими «шубниками».

– За какими шубниками? – не понял Прохор. – Про таких что-то не слыхивал!

– Да бойцы их так окрестили. Подъезжаем обычно на конях на дым костра – а они, как овцы, жмутся возле огня: все на одно лицо, все в одинаковых шубах. Ну и прилепилось: шубники да шубники... И ведь что с таких возьмешь? Увозим их, вроде как своих граждан, подальше от границы – а они опять ближе к ней жмутся, чтобы если что – сразу за кордон...

– С алтайцев, конечно, что возьмешь? Это даже начальству понятно, – уже более спокойно произнес Прохор. – Хоть какая-то на ихнюю темноту скидка... А в Хакасии, вот, не так давно отару овец градом побилло – так председателя колхоза и заведующего фермой посадили. Накрутили срок за вредительство. С Господа Бога ведь не спросишь, а виноватым кто-то быть должен. Требуют сверху отчитаться! Вот и получается, что прав обычно тот, у кого больше этих прав!

– Кто тебе сказал, что с Бога спросить нельзя? Хочешь, расскажу, как спросили с его земных апостолов, – снова своей дурацкой скороговоркой зачастил сын.

И Прохор только теперь сообразил, что Алексей его нарочно перебивает – чтобы увести разговор от неудобной темы. Понял и удивленно посмотрел на сына: «Неужто со мной откровенничать боится? С родным-то отцом?! Вот до чего служба вышколила – выходит, и отцу не доверяет?!»

Сын, поймав его пристальный взгляд, на секунду замешкался, но тут же справился с собой – и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Был, значит, у нас такой случай. Как-то понанесло в наши места монахов: и старых, и молодых – всяких. Невесть каким ветром, но много их принесло! Ходили по улусам и поднимали народ против колхозов. Мол, загонят всех в один дом, скотину вашу

– в одну стайку, а есть будете из общего котла вместе со свиньями. Поэтому, перво-наперво, мол, нам ничего не жалейте. Во-вторых, режьте скот и пейте, гуляйте – все одно скоро конец света наступит. Что тут началось – никакого удержу! И, главное, не знаем: кого переубеждать, кого наказывать. Пока монахов всех до одного не переловили – так и не могли порядок навести...

Поймав снова пристальный взгляд отца, Алексей оборвал свой рассказ на полуслове, покраснел и, как в детстве, стал ерошить волосы на затылке. Разговор оборвался – вернулась исчезнувшая было натянутость.

Еще выпили за встречу, но беседа не ладилась. Мать в ней не участвовала и, похоже, в прежний-то разговор не больно вникала, а просто сидела со счастливой улыбкой на лице и на сына не могла налюбоваться. Только и делала, что то одну тарелку ближе к нему подвинет, то другую.

– А как у тебя, батя, продвижение по службе? – поинтересовался Алексей и добавил: – Обозленный ты какой-то стал...

– На службе ценят, как будто, но не все у нас так просто. Вот я раньше своим партизанским прошлым гордился – а теперь о том помалкиваю. Слишком много тому примеров вижу, как отовсюду потихоньку убирают нашего брата – красных партизан. В том числе и из милиции. Помнишь, верно, прежнего начальника Мишу Кузнецова?

– Как же не помнить дядю Мишу?

– Арестовали его полгода назад – и осудили, как шпиона! Я-то знаю, что никакой он не шпион, что в одном отряде воевали, что он за Советскую власть дважды кровь пролил... Но меня даже выслушать не захотели! Следователь еще и предупредил, что для меня же лучше будет, если навсегда позабуду эту страницу своей биографии. Я понимаю, когда «промпартию» судили – там, как писали, все «бывшие» окопались... А мы-то чем себя запятнали?!

Прохор остановил взгляд светло-голубых, выцветших глаз на сыне, будто именно от него и непременно сейчас хотел получить ответ на этот мучавший его вопрос.

– Вы теперь тоже бывшие, это мы, молодежь, – настоящие, – неуклюже пошутил Алексей.

– Короче, непонятные нынче вещи творятся, – будто не услышав сына, продолжал Прохор. – Испытанных большевиков сажают, а

всяческая сволочь, вроде нашего начальника Сойкина, в это время к власти карабкается. По головам, если не сказать по трупам.

– Начальник-то новый ваш из карьеристов, что ли?

– Если бы только так, а то навреде чирья на заднице: пока лежишь на брюхе да не шевелишься – вроде и не замечаешь. А как надумаешь встать, не говоря уже о том, чтобы сесть – так прижучит, что слезы из глаз брызнут. Жизни не возрадуешься.

– Что-то ты, батя, все черными красками разрисовал, – подвел итог их разговора Алексей. – Прежде, помнится, иное о службе говорил.

– Должно, устал я, – Прохор тяжело вздохнул. – От крови устал. И то: сначала империалистическая, потом Гражданская, и теперь то же самое, будто война и не кончалась вовсе. Только и отдохнул душой, пока в механических мастерских работал.

– Но ведь не уходишь со службы...

– Давно подал бы рапорт, но как подумаю: я уйду, товарищи мои, у которых совесть еще не зачерствела, уйдут – тогда уж в милиции, действительно, одни Сойкины останутся.

– А я вот надеялся, что ты меня поддержишь, замолвишь словцо, – проговорил Алексей, не глядя на отца. – Рекомендацию я взял в милицию, думал, вместе служить будем.

Прохор помолчал, поскреб ногтем скатерть и наконец ответил:

– Тебе решать. Только мы с матерью надеялись, что учиться пойдешь или по нашей семейной линии – работать в мастерские.

– Да я уж, вроде, все решил, – стоял на своем Алексей.

– Отговаривать не стану – сам уже не маленький, – сказал Прохор спокойно, но по тону чувствовалось, что он недоволен решением сына.

Задание

Наутро уговорил-таки Алексей отца похлопотать за него перед Сойкиным. Но уж никак не ожидал, что в тот же день – сразу после обеда – прикатят за ним на автомобиле, словно за начальником каким, чтобы отвезти в милицееское управление.

Сразу предупредив возможные расспросы, черный, как головешка, – от загара – посыльный милиционер коротко бросил:

– Приказано срочно доставить. Все детали на месте!

И в управлении милиции, проведя по запутанному, напоминающему лабиринт коридору, указал Алексею на одну из дверей и пояснил еще более лаконично:

– Тебе сюда.

Расправив под ремнем складки армейской гимнастерки и проверив ребром ладони, прямо ли сидит фуражка, Алексей постучал костяшками пальцев в обитую войлоком дверь. Подождав, ткнул пару раз кулаком в податливую обивку и, не дождавшись ответа, потянул ручку на себя.

В самом конце длинного и узкого кабинета стояли у окна двое: худой, мосластый, каким его и описывал отец, начальник милиции Сойкин и коренастый черноволосый незнакомец в кожаной куртке. Оживленно жестикулируя, «кожанка» рассказывал:

– ...Молокане эти все сызмальства охотники, к тому ж им вера курить запрещает, так что табачный дух за версту чувят. Так мы, поверишь ли, перед операцией сутки не курили...

На негромкое покашливание Алексея незнакомец резко обернулся, и Алексей тут же его узнал: широкоскулое, изрытое оспинами лицо, лохматые, выгнутые каким-то вечным удивлением брови, прямой нос с горбинкой... Это же знаменитый Кузьменко: орденосец, бывший легендарный чоновец. Алексей видел его впервые, но часто встречал фотографии в газетах.

– Вызывали?

Сойкин приглашающее махнул рукой – подозвал. Начал с ходу:

– Мы тебя, товарищ Юдин, вот по какому делу пригласили. Антон Прокопьевич Кузьменко здесь проездом и оказывает нам помощь в разработке важной операции. Отец твой сказал, что ты уже в курсе насчет пропажи семьи Шлыковых?

– Так, касались в разговоре.

– Значит, можно без вступления. Район там не наш, но банда на хуторе Богословском имеет отношение к этой пропаже. Место, правда, неудобное: вокруг тайга, горы, единственную дорогу они наверняка держат под наблюдением – так что облавой только спугнем. Ищи их тогда по всей тайге! А нам нужна полная гарантия, и чтобы никаких осечек.

– Об этой банде толком никто ничего рассказать не может, – перебил Кузьменко, – но численность ее, по дошедшим до нас сведениям, невелика. И чтобы бандиты не ускользнули, нам необходимо заиметь на хуторе свои глаза и уши. Соображаешь, к чему разговор?

– Пока что не очень...

– Это задание мы решили доверить тебе, – Сойкин ткнул пальцем едва не в грудь Алексею. – Лично я, когда рекомендовал тебя Антону Прокопьевичу, так и сказал ему: «Юдин не откажется. Он боец сознательный, к тому же кандидат в коммунисты. Да и отец его, Прохор Юдин, у нас на хорошем счету – в свое время по партийному набору в милицию направлен...»

– Ты пойми, Алексей Прохорович, – опять перебил Сойкина Кузьменко, – что это не приказ. – Он положил Алексею на плечо свою широкую короткопалую ладонь. – Это, можно сказать, наша с Иваном Ильичом личная просьба. Поэтому можешь подумать, можешь сразу отказаться. Во-первых, риск велик, во-вторых, никаких особенных инструкций мы тебе дать не можем. Но другого плана у нас нет.

– Чего же отказываться? – Алексей покраснел, будто его уличили в трусости. – Кому-то все равно идти надо...

– Ну, вот и хорошо! – обрадовался Сойкин. – С настоящего дела начинаешь службу, товарищ Юдин!

– Одежду тебе подходящую подберем, документы выправим чин по чину, – сразу же начал уточнять детали предстоящей операции Кузьменко. – Связь тоже дадим, но связной подойдет только через несколько дней, потому как за тобой наверняка первое время пристально следить будут. Идти придется без оружия... Да, самое главное: сегодня же зайди в швейную артель к Агапее Пивоваровой – она родом как раз с Богословского хутора.

– Муж ее активистом был, милиции помогал, – добавил Сойкин, – только вот помер он недавно... А с Агапеей тебе непременно нужно поговорить. И крестик надень! Хутор-то не зря Богословским зовется. – Он ткнул прокуренным пальцем куда-то в потолок. – Мужики там, должно, набожные.

– Может, не надо креста?.. – Алексей замаялся. – Все-таки я кандидат...

– Не то ты говоришь, парень! – накинулся вдруг на него Кузьменко. – Чекист порой вынужден не только во вражескую форму рядиться и не то, что за одним столом сидеть с врагом, – но и одной шинелью укрываться. Пусть против твоих принципов, но ведь ты делаешь это потому, что впереди у всех нас цель великая – коммунизм! И каждый из нас в отдельности цель эту приближает в меру своих человеческих возможностей. Заметь, не для себя лично, а для всего человечества...

Он осекся, заметив на алексеевых губах мимолетную улыбку.

– Ну что ты лыбишься?! Я тебе тут не байки рассказываю!

Потом и сам усмехнулся и, разведя руками, сказал несколько виновато:

– Вот ведь черт, опять меня понесло! Привык, понимаешь ли, на митингах выступать. По-другому, по-человечески, уж и не выходит.

– А я не вижу ничего смешного! – повысил голос Сойкин. – На руках этих бандитов кровь невинная, и народ наш вправе с милиции спросить, почему его мирному труду до сих пор всяческие враги мешают. Если мы эту банду упустим, то спрос в первую очередь будет с тебя, милиционер Юдин. А ты хиханьки разводишь!

– Да понимаю я все: и про кровь, и про коммунизм! Надо будет жизнь отдать – отдам!

– Ну вот, – теперь улыбнулся уже Кузьменко. – Ты жизнь-то свою молодую побереги, ведь, почитай, и не жил еще. Опыта настоящего чекистского у тебя кот наплакал, а там могут оказаться волки тертые. Одно хорошо – тебя здесь никто не знает...

Вспомнив что-то, он склонился над столом и сделал запись на листке бумаги, потом добавил: – А может, это вообще ложная тревога – и нет там никакой банды. Тогда сходишь, все выяснишь – и через день-два вернешься.

– Понимаешь, Юдин, кровь из носу, как надо нам найти убийц, что Шлыковых порешили. Пожалуй, что и экспедицию на Верхней Казанашке они же постреляли. И вот так их, по-нашему! – Сойкин сжал пальцы в кулак так, что суставы захрустели. – Всех до единого, чтобы ни один от народного возмездия не ушел!

– Вид у тебя, Алексей, понимаешь, какой-то беззащитный. – Кузьменко обезоруживающе улыбнулся. – Но как раз это и хорошо! Если бы я, к примеру, не знал о твоей пограничной службе, подумал бы: «Пацан, да и только».

«Ничего себе, обласкал, – думал Алексей, шагая по коридору. – Другой обругает слаще...»

В Богословский

Из предосторожности на машине Алексея довезли только до старого медного рудника, что притулился на выходе Енисея из саянских отрогов. А от него до Богословского путь еще неблизкий – без малого тридцать верст по тележной дороге. Правда, если

перевалить через хребет по охотничьей тропе, то сократишь сразу верст пять. Про этот найденный хуторскими укороток сказала ему Агапея.

Тропа, однако, так круто забрала от дороги в гору, что Алексей засомневался: не легче ли было идти в окружную? Но уж коли пошел, то возвращаться – плохая примета. Да и тропка, вильнув в сторону, начала полого петлять в обход скал и толстых валежин. Вот только ноги елозили в чужих великоватых сапогах, отчего вскоре загло и ступни, и, особенно, пятки.

Едкий пот слезит глаза, рубаха жарко облепляет мокрую спину, но, несмотря на это, до чего же легко и привольно чувствуешь себя в горах! Таежный воздух, густо напитавшийся к полудню запахами багульника и грибов, пьянит не хуже браги, березовые листья прикосновением своим охлаждают, врачуют запаленное тело. И чудится Алексею, будто вокруг алтайские горы, к которым прикипел сердцем за три года службы. А ведь точно так же, помнится, поначалу чуть ли не каждую ночь снилась в казарме минусинская степь, и грезился ее терпкий полынный запах... И вот: всего неделя прошла, как с заставы – а будто уже целый год минул с тех пор.

Наверху, на перевале, он прилег минутку передохнуть на выступающем поперек тропы плоском камне. Теплый ветерок едва ощутимо тянул вдоль гривы: коснувшись щеки, соскальзывал за расстегнутый ворот и обессиленно замирал под рубахой. Усталость, медленно покидая тело, убаюкивала, и Алексей, сразу утратив ощущение времени, словно плыл по воздуху с закрытыми глазами. Поначалу даже не думалось ни о чем, но, едва окончательно улетучилась усталость из ног и рук, примчался рой беспокойных мыслей – словно надоедливые черные мушки, донимающие в тайге человека до первого заморозка. И тотчас сделалось беспокойно, неуютно на шершавом камне.

Он решительно поднялся, облизал сухим языком солоновато-горькие губы и, морщась при каждом шаге, стал спускаться вниз по склону. Тропу вскоре потерял, но шел уверенно – все равно мимо речки не пройдешь. Да вот и она: издали дает о себе знать – шумит в густой черемуховой непролази. А вот, выше по косогору, и прихотливо змеящаяся дорога: то юркнет вниз, пересекая неширокий ложок, то круто заберет вверх, огибая теснящие воду скалы.

Судя по вершинам кустов, раскачиваемых течением, невелика в межень речка со странным именем Уй – но сейчас, чтобы перебраться на другую сторону, пришлось Алексею стаскивать не только сапоги, но и штаны. Вода тотчас судорогой свела икры, и потом еще долго горела кожа, будто ошпаренная кипятком. Недаром существует охотничья заповедь: попил из горного ручья – не останавливайся, сразу же споро иди дальше, иначе простудишься и обложит воспалением горло или грудь...

Вдруг за спиной кто-то громко захлопал – Алексея от неожиданности даже передернуло, разом развернуло на месте. А это матерый тетерев, сорвавшись с разлапистой лиственницы, хлопнул несколько раз широкими крыльями и заскользил бесшумно над вершинами деревьев вниз по логу. Фу ты, напугал, лешак краснобровый!

Будто от наваждения очнулся Алексей – огляделся вокруг. Круто бугрятся горы, колокольчиком звенит в зарослях рябчик, шумливые струи переговариваются разноголосо... А что там, впереди, будет? Может, напрасно он согласился – полагался же отпуск после службы? Кузьменко-то все по полочкам разложил, а бандиты возьмут да и шлепнут, не разбираясь, – просто так, на всякий случай!..

Палящее солнце уже начало прятаться за строй ошестинившихся по верху горы пихт, но до сумерек было еще далеко. И тут на Алексея слабо напахнуло дымом. Значит, уже недалеко хутор Богословский! Алексей стал присматриваться повнимательней. Вон, на телеге недавно проехали – еще не оплыли продавленные колесами глубокие колеи. А вот и двуглавая скала, про которую упоминала Агапея! За этой приметной скалой связной должен устроить тайник...

Уже в виду домов, которые открылись совершенно неожиданно в широком распадке, вышел навстречу из-за кустов крепкий чернобородый мужик. Правую руку он держал за отворотом засаленного офицерского френча.

«Обрез там, должно быть, – подумал Алексей. – Значит, достоверными оказались сведения! – И сразу же отметил про себя: – Что-то совсем рядом от домов их сторожевой пост».

– Куды, добрый молодец, путь-дорожку держишь? – мужик ощерился в улыбке, но взгляд его при этом оставался колючим, настороженным.

– В Богословский, куда ж боле? – ответил Алексей, напряженно ожидая, что теперь уже сзади, за спиной, выйдет из засады как минимум еще один бандит.

– Дело пытаешь али от дела лытаешь? – по-скоморошьи произнес бородач, а сам скосил глаза на дорогу – не идет ли по ней еще кто, кроме Алексея.

– На работу иду наниматься.

– На работу-у? Эко занесло тебя, паря! Али в другом месте не нашел, што в наши забытые Богом места забрел?

– Пообносился вот, – Алексей показал на свои разбитые сапоги, – в городе-то за все платить надо, а в деревне я и еду отработаю, и на обновы скоплю. Мать говорит, хоть к свадьбе, мол, приоденешься.

Алексей уже справился с волнением: перестала потряхивать нервная дрожь – пришла уверенность.

– А ты, оказывается, парняга ушлый, – уже по-настоящему, вполне дружелюбно заулыбался мужик и высвободил спрятанную руку. – Однако на сей раз ты промашку дал, зря за столь верст шагал киселя хлебать. Нету на хуторе работы – это я доподлинно знаю-ведаю. Так што бери сапоги свои праздничные под мышку, покудова они совсем не развалились – и топай откуль пришел.

– Эка жалость, – сокрушенно проговорил Алексей, – куда ж я теперь, на ночь-то глядя, пойду?

Бородач поскреб за ухом, еще раз оценивающе окинул Алексея взглядом, видимо, на что-то решаясь.

– С чево охромел-то?

– Да вот, ноги натер.

– Ладно, чево теперича с тобой, паря, делать, переночуешь у меня. Во-он та крайняя изба, – он показал пальцем. – А зовут-то тебя как?

– Лешкой.

– Алексеем, значит? Алеша три гроша, шейка копейка, алтын голова, по три денежки нога: вот ему и вся цена. Ну, иди, Алеша! Хозяйке скажешь, что Петро прислал... Да, тебя по дороге никто не останавливал?

– Нет, никого не видел.

– Ну, иди с Богом.

Пока Алексей шел до избы, два раза оглянулся – мужик все стоял на дороге и смотрел ему вслед.

Тимофеевы думы

Тимофей Огородников не спал – думы одолевали. Непокойно на сердце: уходить бы надо, а большеводье задерживает. Схлынули, правда, самые ярые воды, увлек их с собой Енисей, но до сих пор еще каждый ключ – словно бурная речка, а где ручьи были, там бушующие стремнины.

То на один бок повернется Тимофей, то на другой – нет, не идет сон. Он уже позабыл, когда в последний раз засыпал спокойно: думы вязкие, тяжелые ворочаются в голове, не дают покоя. Да еще ручей за избой шумит, стучит по дну галькой. «Вот так и наша жизнь, – итожит прожитое Тимофей, – пока бежишь маленьким ручейком, то и мысли, как ключевая вода: прозрачные, незамутненные. А как подфартит, как привалит богатство, то, вроде, и заметнее станешь, и сильнее – а в голове от мыслей сплошная муть. Богатство, золото – это оно во всем виновато!»

Ладно бы гонялся Тимофей за деньгами, а то ведь сами в руки шли, будто какое слово наговорное знал. Начинал с малого: первое лето по Енисею плоты сплавлял в Минусинск, осенью заодно прихватил на пробу кедровые орехи и лиственничную серу, которую так любят жевать деревенские девки. А через каких-то три года на него весь хутор, почитай, работал, да еще из ближайших деревень немалое число промысловиков. Конечно же, главная прибыль шла со строевого леса, но в урожайные годы и орехами не гнушался – вез сотню-другую пудов. Больше бабам и детишкам здешним давал заработать, потому как платил за орехи щедро, не в пример прижимистым минусинским купцам. Но и самому шли в карман барыши немалые, особенно когда обрел постоянных лавочников-скупщиков. Щедр саянская тайга, много еще можно было с нее богатства взять, кабы не революция. Словно железный немецкий танк, о котором рассказывал братеньник Петро, порушила она великими трудами устроенную жизнь. А следом еще обрушилась на Сибирь и Гражданская война. Хотя она-то прошла будто бы мимо Тимофея, потому как не воевал он ни за белых, ни за красных – у него свои заботы были: сохранить нажитое в военной неразберихе, а то еще и приумножить – по возможности. В военные-то годы за куль кедровых орехов насыпали три куля отборной пшеницы – так что можно было не пахать, не сеять – и жить с полными закромами. А он, как чувствовал – поберег хлебушко. В Гражданскую же войну

оголодалый люд за ту пшеницу стал золото отдавать, по таежным речкам намытое, а иногда и старинные семейные драгоценности. Когда же урожайные годы подкормили голодных, присоветовали знающие люди продавать меха китайским да монгольским купцам. Хотя, на поверку, рискованное это оказалось занятие – зато было ради чего в тайге пропадать неделями и месяцами. Через Туву и Монголию уводил он караваны с пушниной, а оттуда тоже не пустой возвращался. С самыми что ни на есть ходовыми товарами, на которые у охотников-промысловиков спрос был отменный. Где бы им еще взять сукно, сахар и охотничьи припасы, если в деревенских лавках да в государственных магазинах – хоть в бабки на голом прилавке играй! Китайские же купцы-скупщики его заказы исполняли строго, а за медвежью желчь и кабарожью струю – мускус по-ихнему – отваливали, не торгуясь, даже золотом...

Все Тимофей пускал в оборот, только золотишко придерживал – для себя. Но все кончается: пересох и этот золотой ручеек, когда перевалы наглухо закрыли пограничные заставы. Однако к этому времени около пуда песку и самородков поднакопилось, да камешков дорогих целая горсть. Богатство такое, что и во сне не приснится, только вот какой с него толк? Даже в государственный магазин-торгсин не понесешь – сразу прицепятся, откуда столько? А и перекупишь хорошего товару где что, так от глаз завидующих и от рук загребущих покоя не будет. Тотчас донесут властям! Вот и выходит, что капиталом он, Тимофей Огородников, побогаче иного заграничного буржуа, а на поверку, как и все – голь перекатная, быдло деревенское.

Обида, обида всю душу излодала: ведь не ворованное же – своим трудом богатство нажитое. А нет с ним в Расее счастья... Потому и решил он, после долгих раздумий, уходить за кордон. Не враз, конечно, решил – много бессонных ночей обдумывал свое тамошнее житье и все оттягивал, думал. Может, переменится, в конце концов, к лучшему? Но развеялись надежды одна за другой: сначала артель распалась, потом разбредились с хутора сотоварищи по пушной торговле, а теперь вот бездельники и горлопаны, осевшие в Советах, выдумали обобществление. Позарились на чужое... Это чтобы своим трудом нажитое – да лодырям и пьяницам отдать? Он лучше в Енисей золото бросит, потому что только оно одно у него и осталось, только оно еще и согревает душу. Ну, правда, еще остались люди верные: брат Петруха – родная кровь, да еще Воргаты с

Мефодием, что прибились, когда караваны к китайцам водил. Мефодий-то первым и заговорил про заграницу. Страшновато, конечно, на чужбину подаваться, но с золотом, верно, везде хорошо примут?

«Только вот Танька упрямится, – Тимофей покосился на посапывающую рядом жену. – Ну, не поедет – не велика цаца, он там за свои деньги и не такую кралю откупит вместе с потрохами».

До сих пор не может он понять, что у этой шалой на уме: как-то после свадьбы стукнул для острстки, так за вилы схватилась, еще и бандитом, сучка, обозвала... Вон и сосед Михей вслед шипит, как змея подколодная. Навстречу-то кланяется, а видно по глазам, что в спину брешет: «Бандюк, бандюк...»

«У, осмелел при новой власти, сволочь хохляцкая. – Тимофей даже зубами скрипнул от внезапно накатившей злобы. – А все потому лишь, что они, Огородниковы, всегда при оружии, всегда за себя постоять могут. Ему-то, Михею, ясное дело, наган ни к чему – в его избе, кроме мышей да дохлых тараканов, взять нечего. А оружие-то каждому мужику уверенность дает... Ведь сколько лет не расстается он, Тимофей, с оружием, а за все это время ни одного человека не порешил. Приходилось, конечно, и ему отстреливаться от пограничников, но чтобы попал в кого – не видел ни разу. И не стремился попадать, потому как знал, что Бог людскую кровушку не прощает... На Петрухе-то, может, и есть грех, но то было дело солдатское, подневольное. Ну, а у Воргатого с Мефодием, известно, – руки по самые локти в крови, но за их грехи с них и спросится. Главное, что люди они преданные и к тому же за упокой всеми попами давно отпетые! И дорога им теперь одна – через границу, потому как по эту сторону ни кола у них нет, ни двора. А кто и ждет с ними встречи, так это милицейская пуля...»

«Им все-таки легче, – Тимофей тяжело вздохнул, – ни свой дом, ни хозяйство бросать не нужно. А голому собраться – только подпоясаться... – И тут же пришла неожиданная мысль: – Надо бы до ухода отцово хозяйство подновить. А то ведь тяжело старому будет одному: мать уже не помощница – у нее и руки, и ноги ноют, да и на голову постоянно жалуется. Есть еще времени несколько дней, но кого заставишь работать? Петруха с женой, как собрались уходить, и свое-то хозяйство не блюдут, а Воргату с Мефодием лишь бы жрать да спать. Дозор называется – парня этого прозевали!.. А может, все-таки неспроста он сюда появился? Что

если от бандитов подсыл – мало ли их еще по тайге шатается? Про богатство прослышали от кого-нибудь из бывших артельщиков и подослали, чтобы разнюхал? Не оттого ли гнетет последнее время тяжелое предчувствие? Эх, надо было наказать Петрухе, чтобы запер этого парня в чулане! А то ведь утром уйдет... – От этой мысли Тимофея даже в жар бросило. – Высмотрел, что надо, и уйдет! Что же теперь делать-то?! А если его прямо сейчас потрясти: спросонья да со страху в штаны наложит, а то, может, и сболтнет чего...»

Осторожно, стараясь не разбудить жену, Тимофей поднялся. Не зажигая лампы, оделся при лунном свете, достал из-под изголовья наган. Стараясь не скрипеть половицами, прокрался до двери и вышел на улицу.

Петр еще не спал – на два условных стука сразу распахнул окно.

- Чево тебе? – спросил шепотом.
- Парень у тебя где спит?
- В горенке, на лавке.
- Тогда вылазь сюда, только тихо. Разговор есть...

Допрос

Алексею показалось, будто он только что заснул – как вдруг чьи-то руки грубо оторвали его от лавки. Плохо соображая спросонья, он рванулся со всей мочи, но кто-то невероятно сильный продолжал удерживать его на весу, все туже перетягивая шею воротом рубахи. Последнее, что запомнилось в пропадающем сознании, – это темное бородатое лицо склонившегося над ним в полумраке горницы человека, потом черный силуэт заколебался и поплыл в сторону...

Очнулся от тупой боли в затылке – должно быть, от удара о стену. Во всем теле каменная тяжесть, к горлу подступала расслабляющая волю тошнота. И если бы от незнакомца не разлило резко самогоном да что-то твердое не давило больно на кадык, Алексей, наверное, еще долго не смог бы определить нечеткую грань между обморочным и реальным. А так сразу ощутил под собой твердость лавки и, словно из воды вынырнул, – услышал голос.

– Распознали тебя, паря. Оказывается, от бандитов ты... Подсыл ихний, оказывается.

Чтобы ослабить перехватившую горло удавку, Алексей уперся руками в лавочную доску, потянулся вверх. При этом лихорадочно подыскивал нужные слова. Нет, в эту первую минуту сознания он не испытал испуга, наоборот, злость мешала собраться с мыслями – ведь чуть не придушили, гады! Но следом, вместе с волной крови, толкнулась в виски, горячо отозвалась в затылке и разом обожгла все тело мысль: «Узнали? Откуда? Какая такая банда?» И следом мысли, болезненно-короткие, как искры, пронеслись опалющим роем – пока не пришла остужающе-холодная ясность: «О милиции-то ни слова и о Минусинске ни слова – значит, на испуг берут!»

Пытаясь отстраниться от больно давившего нагана, он, насколько мог, вжался спиной в стену и прохрипел:

– Что ты, дядя,.. задушишь ведь... Не знаю я никакой банды... Тетка Агапея меня прислала, здешняя она... Да убери наган-то, вдруг бахнет!

– Постой, постой, Тимоха! Он, кажись, нашу Агапею знает? – прогудел знакомый бас, по которому Алексей сразу узнал хозяина дома.

– Засвети-ка, Петруха, лампу! – приказал удерживавший Алексея дядька. – Парняга-т, видать, не простой.

Петр тяжело прошагал мимо, привернул едва тлеющий фитиль лампы и повесил ее на крюк над столом. Теперь Алексей смог разглядеть того, что величали Тимофеем: медвежьеподобный, черная с проседью борода во всю грудь и огромные, под стать хозяину, кулаки с пробивающимися бурыми, словно бы и впрямь медвежьими, волосами.

– Дак откудова ты, милоч, Агапею знаешь? – спросил Тимофей зловеще-ласково и поднес дуло нагана к самому Алексееву носу.

– Из Минусинска я, – заговорил Алексей торопливо, изо всех сил сопротивляясь жутковатому притяжению маленького черного отверстия. – Агапея за моим дядькой Ильей замужем. Она и присоветовала: мол, если не возьмут на Майнский медный рудник работать – иди дальше, в хутор Богословский. Там, говорит, сродственники мои богато живут, у них в хозяйстве работа завсегда найдется. А шахту на руднике давесь затопило, вот и пришлось до вас идти...

– Дак Илюхин племяш, говоришь? – Тимофей как-то косоротом, неестественно изобразил на лице усмешку. – Как там наша Агапея-

свет-Ивановна, невестка наша бывшая, поживает? Чай, сладко в городе-то живется?

– Обыкновенно живет – в швейной артели работает.

– Белошвейкой, значит? Илюха-то, поди, в больших начальниках ходит?

– Помер он недавно.

– Иди ты! Всего годок и попользовался бабенкой, а уж она-то пела: моего, грит, Федора взял Господь, дак заместо ево Илюшу прислал. Краснобая этого, кузнеца чумазого, занесла ево к нам нечистая! И Гапка, стерва, выгулялась на наших харчах – на мужика ее, вишь ли, потянуло. Тьфу!

Тимофей плюнул на пол, выматерился в сердцах, но тут же спохватился – торопливо перекрестился:

– Прости, Господи, мя грешного!

Внимательно, как бы оценивая, оглядел Алексея. Поймав толстыми пальцами крестик, поднес его к глазам.

– Золотой, што ли?

– Позолоченный. От мамани памятка.

Алексей невольно поежился от прикосновения волосатых пальцев, попытался запахнуть рубаху на груди, но она с треском окончательно расплзлась на спине.

– Рубаху вот порвали...

– Ладно, сопли подотри, – буркнул Тимофей и отошел. – Дадим тебе работу. А про банду я не просто спросил: по тайге разный парод шляется, ишшо наведут варнаков.

– Да я заработать только... на пинжак и на сапоги новые. На свадьбу одеться. А вы сразу руки распускать! – И от обиды ли, или от спадающего напряжения, но Алексей неожиданно для себя всхлипнул.

– Не скули. Пойми ты, – стал вдруг оправдываться молчавший до этого Петр, – надо ж было тебя проверить. Не приведи Господь, подсыл!

– Пушай завтра начинает городьбу вокруг ближнего покоса менять, – перебил брата Тимофей и, окинув напоследок сумрачным взглядом горницу, вышел.

– Рубаху не жалеи – другую дам, – пообещал Петр и примирительно улыбнулся. – Не переживай, Леха, с деньгами уйдешь! А при деньгах Панфил всем девкам мил, – и, заметив

появившуюся в дверях полуодетую жену, прикрикнул: – Ну, чево выставилась? Спать иди!

«Пронесло, кажись, – думал Алексей, ворочаясь на лавке и безуспешно пытаясь прикрыть голые плечи старым коротким одеялом. – Помог-таки крестик, а могли и прихлопнуть – здесь это раз плюнуть, никто и не узнал бы. Следить, конечно, будут – вон у них, кругом посты... А за крестик Ивану Ильичу спасибо!»

Уснуть не мог долго: то ли от ночной прохлады, то ли от всего пережитого, но трясло так, что зубы стучали – боялся, эту дробь услышат за перегородкой. Так и лежал, сжавшись в комок, стиснув зубы и, казалось, сквозь тиканье ходиков различал сонное дыхание хозяев: вот Петр заворочался, простонал, вполголоса помянул в молитве Бога.

«В самом деле мужики здесь набожные?..» – подумал Алексей, уплывая сознанием в ласковую, расслабляющую утомленное тело глубину.

Дед Спиридон

На следующее утро сам Спиридон Анфианович – отец Петра с Тимофеем – появился раным-рано. Позавтракав вместе со всеми, перекрестился на иконы, распорядился невестке Анне насчет обеда и, выведя Алексея в сени, указал на приготовленные топоры и пилу:

– Забирай, Лексей, струмент!

По всему чувствовалось, что безмерно рад старик новому человеку. С крыльца не успел сойти – затараторил без умолку, так до самого покоса и не дав Алексею слово вставить.

– Я здесь прежде первеющий плотник был, – откровенно хвастал он. – Лучше всех знал, где каку лесину брать: кедру там аль лисьвень на сруб, а то амбарник, тоншак, значит, – который прогонистый и без сучков штоб был. Энтими вот руками почитай все дома на хуторе рублены, а еще сколь пятистенков отсель повывезли – не перечесть!.. Петрухин вон дом тож я рубил. А теперя уж ничо никому не надоть...

Он расстроено махнул рукой и ненадолго умолк.

На место пришли быстро – покос оказался почти рядом с домом. Оглядев полуразваленную, с проломами и провисшими жердями, городьбу, старик выбрал себе топор поухватистой и, поплевав на ладони, пробормотал:

– Ну, Господи, благослови!

За дело Спиридон Анфианович взялся рьяно, даже чересчур – враз рубаха на спине и животе промокла от пота, да и дыхание, должно быть, с непривычки, стало тяжелым, отрывистым. Но все равно долгое молчание старому Спиридону было в тягость – так что за работой он продолжил свои плотницкие наставления:

– Вот, Лексей, к примеру, березу на кол где лучше брать? Не знаешь? То-то. Надоть не одинокую, а которая в густом бору растет – боровая супротив остальных много крепше. Ту как рубить начнешь – разница сразу топору приметна. А и рубить-то надоть время знать: с ущерба луны аль в каку ину пору. От энтова зависит, сколь долго стоять будет... Ты запоминай, Лексей, што тебе говорю!

Словно ученика для передачи плотницкой науки неожиданно обрел в лице Алексея дед Спиридон – говорил и говорил без умолку. Сам росточка небольшого, зато телом широк и руки жилистые, сильные, а вот ногами не удался – до смешного коротки да к тому же ухватом. Как-то даже не верилось, что этакий сморчок двух таких здоровяков народил. Зато уж бородами сыновья, определенно, в отца пошли. Правда, у Спиридона, не то что у сыновей, она без единого седого волоска, несмотря на преклонный возраст. Будто старик-гном из сказки: черная куща бороды, одна лишь сизая картофелина носа торчит наружу, да еще азартно поблескивают не по возрасту молодые глаза.

Дивился Алексей, как неистово и добросовестно взялся старик за дело: каждый столб собственноручно выставляет, каждую жердь на глаз прикидывает, выравнивает. При этом еще походя жадничает, норовя к покосу клин прирезать – так что новая городьба местами далеко передвинулась от старой, развалившейся. Даже высокое разнотравье с прошлогодним будылем и чахлыми березками вразбежку Спиридон оглядывал долго и внимательно, явно примериваясь. Потом протянул с сожалением:

– Аре-е-ма. Кабы кусты посечь, а так ведь не возьмет литовка-то. Пожалуй, пять лет тому, как вырубал, а оне уж и в другорядицу вымахали. – И, тяжело вздохнув, повторил: – Аре-ема.

«Арема! – передразнил про себя Алексей. – С сыновьями-бандитами не до покоса было, вот и отобрал лес землю назад. Видно ведь, что не в один год затянуло: вон и папоротник, и коневик – все в рост человеческий».

Арему таежники еще «дурниной» зовут. Как доведется переходить через густо заросший ею лог – из сил выбьешься. Лошадь – и та через сотню шагов начинает спотыкаться. А как роса упадет, то и вовсе по ней ходу нет – спутывает, связывает ноги дурная трава. И никакой от нее пользы человеку нет: ни тебе покоса, ни пастбища...

До полудня, до самой жары, без передышки катался впереди Алексея на своих коротеньких ножках дед Спиридон: то в заросли возле ручья – колья рубить, то на косогор – сосновые столбы пилить. Употел весь, рубаха промокла насквозь – но не хочет признать, что не по силам уже ему такая работа. Обедали и то в спешке, будто кто подгонял.

Перед самым вечером, когда, вконец умаявшись, прилегли передохнуть на траву под березой, завел вдруг Спиридон разговор и о самом сокровенном, не единожды, видимо, думаном-передуманом:

– Эх-хе-хе, дожили, что и ножки съежили! Гляжу я на ты, Лексей, работу ты любишь – а хозяином-то никогда не станешь. Не то што тебе, а и настоящему-то мужику не дает теперешня власть пожить с разворотом. Поначалу война-злодейка оторвала хозяина от землицы, потом революция-разруха, а теперича и вовсе... – он махнул рукой, будто комара отогнал. – Как все в революцию кричали? Уря, уря! А вышло, што от волка бежали да на медведя напали: колхозами энтими так мужиков задавили, што все по щелям, аки тараканы, попрятались и молчат. Ране супротив царя выступать запрещено было, дак строгостей таких все одно не было. Ведь теперя што? Про Советску власть хушь одно худое словечко скажи – тут же враз заарестуют и посадют! Штоб остальным, значит, даже думать неповадно было!

– Так ведь врагов-то вона сколько развелось! – вырвалось у Алексея.

– Мила-а-ай, – Спиридон Анфианович сердито затряс бородой, – откель у новой власти друзьям-то взятыся, с каких таких вшей? Ведь, не приведи Господь, просто попадешься милицанеру на глаза – а уж он тебя, если захотит, наперед сумеет обвиноватить.

– На ком вины нет, тому милиционера чего бояться? – опять сорвалось у Алексея с языка, и он тут же мысленно обругал себя за это.

– Ты ишшо сопля зеленая, ни бельмеса не смыслишь в жизни, а вякаешь ишшо! – дед Спиридон даже плюнул в сердцах, прямо себе на бороду. – Ноне учитель здеся жил, уж на што божий человек,

муху, муравья не обидит – дак и ево власти в тюрьму засадили. Мол, враг он, противу народа выступал... А народ-то тутошний на ево как раз никакой обиды не держал. Вон, лодыря и матерщинника Аркашку Горшкова не любили – дак ему, наоборот, от властей должность и почет. Так што, куды ни хвать – то еж да ерш.

Старик вздохнул и откинулся на спину.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! – Спиридон истово перекрестился и забурчал себе под нос: – Помирать скоро, а то наплевал бы на хозяйство да к старообрядцам подался – хошь перед смертью пожил бы вольно...

Алексей наблюдал, как он, тряся бородой, шепчет еще что-то, должно быть, молитву, но Спиридон вдруг резко повернулся и живо спросил:

– А знаешь, пошто Сталин на Сибирь-матушку обозлился?

– Не-ет... – Алексей, никак не ожидавший подобного вопроса, даже растерялся.

– В двадцать осьмом годе приехал он хлебушек у сибирских мужиков просить. Как полагается, поначалу на митинге агитировал – а те ему и скажи: «Попляши нам на потеху, тоды дадим». Сталин, конечно, ниче им не ответил, укатил в свою первопрестольную – а теперича вся Сибирь ему на потеху пляшет. Так-то вот.

– Выдумывают, поди? – усомнился Алексей. – Вот Семен Михайлович Буденный приезжал в двадцать девятом, так об этом в газетах писали.

– А чево энтому-то было надоть? – заинтересовался Спиридон.

– В Бее выступал – в колхоз агитировал.

– Ну, Буденный твой – энто не велика птица, – сразу потеряв интерес, отмахнулся, словно от мухи, старик. – А Сталин-то, как власти бают, родной отец всей Расее, вот газеты и побоялись оконфузить... Только родной-то он родной, да не нашим деткам: городские, вишь, скачут, а деревенские слезьми плачут.

Выговорился старик и словно точку поставил:

– Хватит валяться, пошли дале городить, пока ведро стоит. А в дождь кака работа? Маята одна...

К вечеру Спиридон Анфианович так наломался, что спиной занедужил – и в ночь слег пластом.

Сторожа

На следующее утро работать вышли поздно: сменивший заболевшего отца Петр все дожидался, пока подсохнет роса. Да и потом работали, как говорится, спустя рукава – хозяин поминутно усаживался отдохнуть, покурить. Не было в Петре Спиридоновой крестьянской ненасытности к работе, зато поговорить он оказался любителем похлеще отца. На любую, порой самую незначительную тему. Даже проходя мимо приземистой свиловатой сосны, и то остановился, обошел вокруг, похлопывая:

– Гля, Леха, како бабисто дерево! Все как есть у баб: снизу широко, а потом сразу тонко. Знаешь, поди, обнимал девок-то, а?

Увидит Петр какую птицу или шустрого полосатого бурундука приметит – умиляется всему, как-то даже по-детски. Алексей поначалу усмехался про себя: «Эка невидаль, словно впервой в тайге очутился?» Но потом начал и за собой примечать, что радуется вместе с Петром лесной живности, цветущему разнотравью. Главное же, что при этом меньше о задании думалось. А то уж начал уставать от назойливых мыслей.

Когда начал расспрашивать Петр о минусинских новостях – вот тут не знал Алексей о чем и говорить, ибо сам был о них не больно-то наслышан. Но Петр вскоре разговор повернул к тому же, что и отец вчера. Знать, одна у всех здешних мужиков дума – как дальше жить, куда эту жизнь советская власть повернет?

– В прежние-то времена на хуторе у всех, почитай, было справное хозяйство, – рассказывал Петр, неторопливо потягивая самокрутку, – кроме Артемки Горшкова, который всю жизнь лодыря гонял. А как начала милиция по анбарушкам шарить, тута руки у всех и опустились – на хрена горбатиться-то? По первому разу, конечно, хуторские мужики уперлись: «Не дадим! Мы здесь тайгой живем и зерно это сами в Минусинске покупаем». Дак уполномоченный, сука, всех мужиков заарестовал. Пока, мол, жены зерно не сдадут, будете сидеть! Вгорячах даже вселенскую порку грозился учинить... А чо, и учинил бы – с ево сдастся! Были уж тому примеры! У нас-то, в Богословском, до бузы дело не дошло – сдали бабы хлебушек, а кой-где, слышал, достали мужики винтовочки. В Минусинске до сих пор поговаривают, поди, о тех делах, али нет?

Алексей промолчал. Тут бы, казалось, и начать ему исподволь разговор о банде, но подумалось почему-то об отце: может, он сюда

приезжал? Может, он зерно реквизировал? Хотя нет, это же чужой район...

– Тот из Беи был, – словно отвечая Алексеевым мыслям, продолжал Петр, – а прошлым летом аж из Минусинска прикатили. Мол, поступило от властей указание, штобы сплошная коллективизация. А на кой, спрашивается, нам энтот колхоз: хлеб мы не растим, потому как здесь места под пахоту нет. Мы охотой, тайгой живем, а в тайге ведь каждый сам по себе. Ну, соберем мы, к примеру, всю скотину в один двор – а дальше-то што? Нет, говорят, либо в колхоз, либо под твердое обложение... Ты, Леха, не спишь часом?

– Нет, слушаю, – отозвался Алексей.

– Вот и стали, знатца, мужики нараскоряку: в колхоз – дело темное, раз туды силком сгоняют, и от налога волком взвоешь. Подумай только: за коня плати, за коров плати, с каждой овцы полторы шкуры сдай. Даже с кабана, говорят, кожу надоть сдавать, котору на Руси отродясь не сымали. А коли чево не сдашь, то милиция хозяйство опишет. Так-то вот... Конечно, коль хрен редьки не слаще, позаписались все в колхоз, вроде как добровольно хомут энтот одели. И што, за это разве я в Красной Армии воевал?..

Что мог ответить Алексей? Пуститься в не вполне убедительные даже для самого себя рассуждения, просто посочувствовать? Со своей колокольни вроде бы и прав Петр, а если газетам верить, то не видит он дальше своего собственного носа. Ведь товарищ Сталин не для себя старается – он в будущее смотрит, в коммунизм.

Петр вдруг рассмеялся собственным мыслям:

– Умора! Председателем-то знаешь ково назначили? Самого неимущего – лодыря и пьяницу Артемку Горшкова. Он с полгода пьяный слонялся по хутору: тяму нет, а чуть што не по евонному – сразу револьвер к носу али пятьдесят восьмой статьей пугает, котора за контру. От таковского начальника остальные мужики отсель разбежались: которы в Минусинск, а хто дак и того подале. Ежели б энтот председатель от водки вскорости не сгорел, от тутошнего хутора одни собаки да кошки остались бы... Не уснул ишшо?

– Нет...

– Михей откуда-т слыхал, што энтой весной всех раскулаченных, которые из енисейских деревень, посажали на плоты и вниз отправили с охраной. По первости в Красноярск, а там еще дале на север. Врет Михей али ты тож слыхал?

– Насчет плотов правда, – подтвердил Алексей.

О сосланных рассказывал отец. Более того, двоюродный дядька по отцовской линии попал под эту акцию. Отец родственника своего сильно жалел, но вместе с тем откровенно рад был тому обстоятельству, что фамилии у них разные.

– Это надо ж! – Петр вновь засмеялся. – Из Сибири-то да в ссылку. Такого, поди, и при царе Николашке не бывало – не припомню, чтобы ково из наших дале Минусинска возили?

Вот так, не особо утруждаясь работой, и проговорили они едва ли не весь день. Вернее, говорил в основном Петр – Алексей же только слушал да поддакивал. И, слушая, невольно признавал житейскую правоту Петровых суждений. Поддакивал, но в то же время периодически пытался определить собственную позицию. Как оказалось, не приходилось еще ему особо задумываться о многом. Потому-то и не торопился – не из-за одной лишь предосторожности – переводить разговор в нужное русло. Время еще есть – только второй день пошел, и связной не скоро появится.

Несколько раз ходили они с Петром в дом, попить холодного молока, а заодно и подзакусить. Выпивая в один присест полную крынку, тот смачно крикал, оглаживал бороду пятерней:

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных твоих благ,.. – но к середине молитвы неизменно зевал с подвывом, после чего, перекрестив несколько раз рот, умолкал.

Большой Петров дом поставлен на отшибе, особицей. Не зря хвалился своей работой дед Спиридон: рублен дом из кондача* – такой сто лет простоит, и хоть бы что. Внутри просторно: в горнице полсотни человек рассядутся. Да что там в светлой, даже в печной, кухонной половине для многолюдных посиделок места предостаточно. Из всех окон лишь одно смотрит на дорогу, а остальные уставились в тайгу и на просторный покос. Только крыша следующего дома, что выше по ручью, чуть высовывается над густыми черемуховыми зарослями, так что о протяженности хутора Алексею приходится только гадать. Помнится, правда, что говорила Агапея Пивоварова, будто осталось сейчас всего полтора десятка домов, да и из тех едва ли не половина заколочены.

Возвращаясь на покос, Петр опять же первым делом садился покурить, а, увлекшись разговором, смолил две-три

* Кондач – кондовый, т.е. смолистый, мелкослойных пород строевой лес.

самокрутки кряду. Не было рядом деда Спиридона – обругал бы в сердцах за такую работу. Но много обид и сомнений, должно быть, накопились в душе – хотелось мужику поделиться даже с малознакомым человеком, снять с души горькую накипь. А уж со здешними, хуторскими, обо всем этом, конечно же, не раз говорено-переговорено.

– Ты, Леха, поди-ка, грамотный?

– Девятилетку закончил.

– Вот ты, грамотный, скажи-ка мне?..

И так весь день. То же самое продолжилось и вечером, уже в доме.

– Как ты об этом думаешь, городской?..

Уже и Анна, Петрова жена, махнула на них рукой и ушла спать за перегородку, а хозяин все не уймется:

– А скажи-ка, что о нынешнем житье-бытье в Минусинске говорят?..

– А сами-то вы почему с оружием ходите, боитесь кого, что ли? – решил, наконец, задать вопрос и Алексей.

– Дак вона што опять началось! – Петр сокрушенно развел руками. – Кругом банды объявляются. Тогда на Верхней Казанашке ихспидию постреляли, теперь Шлыковых ктой-то порешил, даже малых дитев не пожалели. А мы ведь тож в глухомани живем, вот Мефодий с Воргатым и доглядывают за дорогой третью неделю.

«Врет или правду говорит? – засомневался Алексей. – Может, и в самом деле здешние жители напуганы пропажей Шлыковых. Что с оружием, так оно еще с Гражданской у многих припрятано, мужики – народ бережливый. А если все ж таки хитрит? Что-то здесь не вяжется: стоит Алексею за дверь шагнуть, как следом Петр либо Анна. Явно стерегут! А, может, до сих пор считают, что он от бандитов подослан? Спросить, что ли, Петра напрямую?.. Нет, правду все равно не скажет, а сторожить еще пуще станут».

Алексей посчитал уж, что Петр и дальше будет с ним работать, пока дед не выздоровеет, но на следующее утро сопровождать его отрядили Мефодия. По всему выходило, что сторожить будут по очереди.

По Мефодию видно сразу, что не здешний: бороду бреет чисто, а усы оставляет тоненькие, в стрелочку. Лицо не крестьянское – гладкое, словно у женщины, и глаза цепкие, прилипчивые. То и дело чувствовал Алексей, как впиваются они в него, словно два черных

клеща. А язык у Мефодия, словно жало змеиное – так и течет с него, так и капает злоба, будто змеиный яд. О ком ни заведет разговор, все «хамы, хамы, хамы...»

В общем, не понравился новый сторож Алексею, не то что Огородниковы: Спиридон с Петром. И то: отряжен Мефодий вроде бы как работать, а сам целый день просто слонялся следом, будто привязанный. Ходит, ходит, да, вроде бы ни с того, ни с сего, и спросит что-нибудь неожиданное, каверзное. Например, как выглядит теперь Агапея или кто назначен новым директором в минусинскую школу? Постоянно приходилось держать ухо востро с этим «варлыгой» – так минусинские базарные торговки обзывают отъявленных хитрецов.

Придя на обед, столкнулся Алексей лицом к лицу с красивой, статной девахой – и будто в грудь кто толкнул, когда встретились с ней взглядами. На вопрос, чья она, Петр погрозил пальцем:

– Э-э, паря, на чужой каравай рта не разевай – энто жена Тимохина.

– Да я просто так спросил, – начал оправдываться Алексей, чувствуя, что густо краснеет.

– Ладно, коли так, – Петр усмехнулся. – Только штобы не вышло, как в присказке про кота Евстафия. Слыхал, поди?

– Не-ет, не слышал.

– Кот Евстафий, ты постригся? – Постригся. – И посхимился? – И посхимился. – Пройти мимо тебя можно? – Можно. – Мышка побежала, а он ее цап. – Оскоромись, кот Евстафий! – Кому скоромно, а нам на здоровье... Уразумел присказку-то?

– Уразумел.

– Ну, смотри, а то Тимоха тебе за Таньку ноги повыдергивает. И я помогу.

Где уж не понять Алексею: не девка – мужняя жена. А на сердце ни с того ни с сего словно тяжелый камень лег.

Мельком видел Алексей и Григория. Здоровенный длиннорукий детина с несоразмерно маленькой головой – где уж в такой голове большому уму поместиться? Наверное, потому никто и не зовет его по имени, а все Воргатый да Воргатый – губастый по-здешнему.

Еще проходил раз стороной рыжий мужичок: лицо в крупных конопушках и реденькая, в три волосины, борода. Лишь кивнул издали, сказал «Бог в помощь!» – и дальше ходом, словно заказано ему подходить к чужаку.

Неуставные мысли

– Господи Боже наш, еже согреших во дни сем, словом, делом и помышлением, яко благ и человеколюбец, прости ми... – Петр стоит на коленях перед иконами, в белой ночной рубахе, Алексей не видит его лицо, только круглый, стриженный под горшок затылок, – ...мирен сон и безмятежен даруй ми... – широкие желтые подошвы ног вздрагивают, рука снует ото лба к плечам и обратно, – ...ангела Твоего хранителя поели, покрывающа и соблюдающа мя от всякого зла, яко Ты еси хранитель душам и телесем нашим, и Тебе славу воздаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь, – Петр многократно крестится, отбивает поклоны, стукаясь лбом о половицу. Наконец с кряхтением поднялся и задул лампаду.

Подойдя к столу, Петр перевесил на нижний крюк лампы-трехлинейку, привернул фитиль и с силой дунул сверху. Белея в темноте рубахой, тяжело прошагал к двери, но вдруг замер в черноте дверного проема безликим привидением, сказал укоризненно:

– Крест вон носишь, а в Господа не веруешь.

Алексей растерялся, ответил не совсем уверенно:

– Почему?.. Верую...

– А на иконы ни раз не перекрестился. Я ведь не слепой.

– Что на них походя-то креститься?

– Небось не переломился бы. Все беды наши, что забыли Христа-Спасителя. Это про тебя в Святом Писании говорится: «И тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать... И многие лжепророки восстанут и прельстят многих... Лишь до конца претерпевшие спасутся».

И, не дожидаясь ответа, закрыл дверь.

У Алексея от таких слов сразу сон пропал: только сейчас сообразил, что нужно было, хотя бы для вида, несколько раз перекреститься на иконостас. Но, поразмыслив, решил, что теперь уже и смысла нет усердствовать перед иконами.

Незаметно его мысли переключились на Петра. Непростой и к тому же противоречивый он человек: по-крестьянски прижимист, а почти новые сапоги и рубаху подарил, за столом для работника ничего не жалеет, а при одном упоминании о гособложении зубами скрежещет. Советскую власть походя клянет, а сам ведь воевал за нее... Не раз и не два ловил себя Алексей на мысли, что

жалеет Петра. И то: мужик толковый, дотошный, до всего своим умом дойти желающий, но вот не прозрел еще – все держится за свое единоличное хозяйство, видимо, частнособственнические инстинкты застят глаза, как бычий наглазник! Потому-то не возьмет никак в толк, что против государственной политики ему, с его кулацкими замашками, все одно не выстоять. Отец во время их последнего разговора по этому поводу очень образно сказал: «Сначала революция, а следом Гражданская война перетрясли деревню, словно лущеный кедровый орех. Мусор покрупнее в сите остался, его сразу в сторону отбросили – это враги явные. А вот мелочь, бус завсегда вместе с налитым орехом остается. Чтобы ее отсеять, ждут, когда напористый ветер подует. Надеялись, коллективизация и станет таким очищающим ветром, а она на поверку лихим вихрем оказалась. Ядреный-то орех по сторонам разметала, а мусор – в кучки, которые в центре оказались...»

«Нет, не разметала людей коллективизация, – мысленно поправил он отца, – а, как Гражданская война, опять разделила на два непримиримых фронта: на своих и чужих. Беда в том, что где чьи – с ходу-то не разглядишь, а досконально разобраться времени не дают, торопят. Потому, как на Руси веками заведено, «бьем и своих, чтобы только чужие пуще боялись». И с каждым днем это битье становится все безжалостней. Ведь в ту же Гражданскую оставались и нейтральные, и колеблющиеся – большинство из них потом на сторону Советской власти встали. Сейчас партия учит: «кто не с нами, тот против нас» – но ведь прав и отец «жизнь не всегда раскладывается по полочкам». Есть еще не разобравшиеся в большой политике, почему же всех их нужно относить непременно к врагам? Словно какой-то злонамеренный враг, истинный враг народа все время провоцирует людей на ненависть, на разрыв?...»

Перед глазами вдруг возник висевший в погранотрядовской казарме плакат: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту. Сталин». Насчет внешних врагов все было ясно: кто за границей – враги. Бывало, сутками не вылезал из седла, преследуя их. А по каким критериям оценивать внутренних врагов? Вот назначили пьяницу Горшкова председателем – и отнесло колеблющихся Огородниковых в сторону от Советской власти. Выходит, он и был истинным врагом? А теперь богословские мужики бандитов и представителей власти одинаково боятся! То есть законную Советскую власть и

бандитский беспредел в одну шеренгу ставят! Значит, и остается им только на самих себя надеяться?.. А может, обманывает его Петр, может, все же таит в душе темные замыслы, ведь не сдали же они оружие? И что-то же связывает Огородниковых с явно подозрительными Мефодием и Григорием? Шибко уж остерегается Мефодий чужих – вон как глазами Алексея сверлит! Да и остальные, похоже, скрывают что-то? Выходит, напрасно сочувствует он Петру, и все они тут одним миром мазаны?..

«Нет, – подумалось неожиданно Алексею, – не из-за скрытности недолюбливает он Тимофея, и даже не из-за ночного допроса, а из-за Татьяны... Эх, Таня-Танюша, засела в сердце острой занозой!»

Душно в избе. Он потихоньку приоткрыл створки окна: в щель пахнуло смоляным пряным запахом, показавшимся поначалу незнакомым. Алексей принял, потом вздохнул полной грудью насыщенный ночной прохладой воздух и сразу вспомнил, что так пахнет кедр. Промелькнула мимолетная мысль: «Через пару месяцев уже шишки вызреют, а ведь здесь кругом кедровники...» Сразу же вспомнилась давние походы с отцом за орехами, и тут же, без всякой связи, вклинилась в приятные воспоминания совсем уж крамольная мысль: «В такую ночь вдвоем хорошо гулять... Как там Таня?» И дальше мысли потекли уже только о ней: то пьянящие, то больно отзывающиеся в душе.

Снова и снова спрашивал себя Алексей, но не находил ответа: чем вот так, сразу, приворожила она его, как сумела за одну лишь мимолетную встречу утопить в своих глазах – зеленых омуты, почему с первого взгляда перехватило у него дыхание, будто затянулась на шее пшеничная коса-удавка?

«Как же это говорилось в тех запрещенных есенинских стихах, что читал в дозоре напарник? – Алексей попытался вспомнить. – Хороша была Танюша, краше не было в селе. Красной юбкой... Красной лентой?..» Нет, не запомнились слова, остался в памяти только почти зримый образ неведомой рязанской деревни, девушки-красавицы да еще то, что печально заканчивалось есенинское стихотворение... Честно признаться, не доводилось еще Алексею встречать девку краше Татьяны. Про такую, должно быть, писал Есенин свое стихотворение?!

Какая-то сонная птаха, пискнув спросонья, ворохнулась в ветвях рябины под окном. Алексей прислушался и понял, что непозволительные его мысли, возможно, вызваны переборами

гармони, доносившимися издалека. Разноголосый, но дружный хор слаженно вел песню, слов которой Алексей, как ни вслушивался, не мог разобрать.

Он до сих пор не смог осмотреть хутор, из-за работы днем и из-за непрекращающегося, похожего на арест, надзора вечером. По этой причине все внимание вынужден был сосредоточить на Огородниковых, на их окружении, хотя и помнил постоянно, что выше по ручью тоже люди живут. Вон как веселятся, поют и, похоже, совсем не опасаются вооруженных соседей. Правильно, чего им бояться своих хуторских, им опасаться надо его, Алексея! Вот приведет он наряд милиции, начнется запланированная операция, и тогда уж кого за оружие, кого за укрывательство – не только виноватым, но и невиновным срока присудят. Ну, а ему за это – поощрение по службе...

Вдруг гармошка зазвучала громче – должно быть, окно открыли. Вырвался на волю звонкий девичий голос:

Я на папеньку, на маменьку
Составлю протокол:
Приду поздно, приду рано –
Все ложусь на голый пол.

«Даже частушки и те про протоколы, – подумал Алексей, – раньше, помнится, на гулянках про ухажерство пели».

Музыка резко оборвалась – видимо, устал гармонист, наперебой и невнятно загалдели, какая-то девка, баба ли взвизгнула, послышался смех. И снова голоса стали едва слышны.

В наступившей тишине неожиданно возникло ощущение нереальности теперешней его жизни и пронзительное, прямо-таки звериное чувство одиночества. «Прав, тысячу раз прав отец, – снова и снова бередила совесть тягостная мысль, – милицеских полномочий хватает лишь на то, чтобы притеснять, ибо от бандитов еще можно защитить людей, а как защитить их от самих себя? Сразу и вопрос – и ответ, почему не нравится ему, Алексею, роль в этой операции. Которую практически он сам для себя и выбрал. До сих пор нет у него уверенности, что Огородниковы – принципиальные враги Советской власти, но посадят их непременно – за одно лишь ношение оружия. Причем по его же доносу или – как его там? – свидетельству. Само слово смысла не меняет... А то, что никто из хуторских не подходит к Петрову дому, еще ни о чем не говорит.

Народу на хуторе мало, и дом на отшибе – они тут друг от друга в доброй сотне метров... Может быть, тот же Тимофей сейчас там, среди поющих? Это он, милиционер Юдин, втерся в доверие и сидит один-одинешенек, дожидаясь своего иудиного часа... Нет, нельзя, однако, поддаваться таким мыслям! Он ведь послан специально, чтобы разобраться, и все теперь зависит единственно от его слова... Вот только что сказать завтра связному?..

– Дед Михей, ты спишь?!

Крик всколыхнул ночную тишину, и Алексей мгновенно насторожился. Молодой ломкий басок даже не пропел, а озорно прокричал:

Ночью улицей иду,
Где-то утки крикают.
Бабку дед Михей целует –
Ажно зубы чакают!

Алексей невольно улыбнулся, подумал: «Ну, достанется завтра парню от этого деда Михея...»

Встречи

Люди на хуторе живут не тихо даже, а словно потаенно: днем не встретишь ни души – никто не кажет носа на нижний конец хутора, только раз слышал Алексей детские голоса вверх по ручью. И ночью тишь в округе, лишь гавкнет порой вдали неуверенно собака, да ближе к рассвету затеют переключку проснувшиеся петухи.

Пошли уже пятые сутки, как Алексей на хуторе – сегодня до полудня должен отнести к скале записку для связного, а как туда проберешься, если по сей день сторожа глаз не спускают. На этот раз возле самого дома ладит он городьбу, поэтому никто не приставлен, но Петр нет-нет да и выйдет посмотреть – на месте ли?

Алексей поначалу и Татьяну было заподозрил в слежке – неоднократно замечал, что она наблюдает за ним, да и навстречу норовит попасться, когда надо и не надо. Но сегодня утром, проскользнув в сених мимо, так обожгла Татьяна взглядом, что он даже о дверной косяк лбом саданулся – вон, до сих пор еще шишка не прошла! Тут-то и промелькнула у него шальная мысль, что, может быть, свой собственный у нее интерес? И чем больше думал об этом, тем сильнее колотилось сердце, и то: Тимофей уже в годах, а она вон какая молодая да ладная. Даже обидно, что такая красавица

этакому медведю досталась! Как-то он поинтересовался у Петра, почему у них, Огородниковых, детей нет, на что тот ответил хмуро: «Нам с Тимохой пока Бог не дает. Должно, за грехи наши...».

Затесав длинный кол-подпорку, Алексей стал его наклонно забивать деревянной тяжелой колотушкой в податливую землю. Далеко разносятся удары – пусть знают хозяева, что на месте работник. Полюбовался на свою работу: свежешкуренные столбы выделялись в изгороди – стояли ровно, словно солдаты в шеренге. Еще бы: попривыкли за эти дни руки к топору, с удовольствием работается. Вот только забота с утра точит: как до скалы добежать, чтобы оставить донесение?

Все, последний кол остался – нужно к ручью идти, чтобы новых набить. Тогда уж можно попытаться!..

Прилетел красноголовый дятел, вспорхнул к вершине ближней сосны, зашуршал по коре коготками. Спустился немного, скосил на Алексея внимательный глаз, стукнул пару раз на пробу, словно спросил «Тут ли?» И зачастил утвердительно «Тут, тут, тут!»

А вот и Петр из-за дома вышел – из окна-то этот угол покоса не просматривается. Постоял в раздумьи, покурил и скрылся. Теперь раньше, чем через полчаса, не появится – Алексей его расписание хорошо изучил. Ну, кажется, пора?!

Поспешно опустил в выкопанную яму столб и, сдерживая шаги, с показной неторопливостью направился к ручью. Но как только кусты скрыли дом, прибавил шагу.

Татьяну увидел неожиданно, настолько внезапно, что еще продолжал идти с разгону. Без кофточки, в подоткнутой юбке, открывающей стройные ноги, стояла по колено в ручье и умывалась. На камнях синела кофточка, рядом стояли ичиги* и корзинка с первыми подберезовиками.

Алексея даже в жар бросило – еще подумает, что специально подглядывал. Хотел уйти незамеченным, но под ногой громко хрустнул сучок, и Татьяна резко выпрямилась.

Она не вскрикнула, не закрылась руками при виде Алексея – молча стояла и смотрела на него. Маленькие груди по-козьи торчали в стороны, толстая коса змеей свесилась между ними до самого пояса.

Хотел Алексей сказать что-нибудь шутовское, но так и не нашел нужных слов. Застыл истуканом и только ощущал, как

* Ичиги – охотничья обувь из мягкой кожи с длинными голенищами.

все гуще заливается краской. Наконец разом повернулся и пошел на негнущихся ногах назад к хутору, спиной чувствуя Татьянин вопросительный взгляд.

Во второй раз пойти к скале он рискнул только вечером. На гребне горы уже догорал в расплаве заката темный частокол пихт, тень быстро взбегала по противоположному склону ложбины и, словно съедаемые ею, меркли дневные краски леса. Дым из печных труб сизыми космами плыл вниз по логу, собирался возле воды, шекотал ноздри запахом смолы.

Хотя и не рассчитывал Алексей на встречу, связанной – черноволосый крепыш в рубаше навывпуск и в мятом картузе – не ушел, поджидал возле скалы.

– Извелся весь, – упрекнул он, – записки нет, вот и гадай: то ли жив, то ли нет. Поначалу думал сразу возвращаться, потом решил до утра подождать – мало ли что. Да, слышь, Алеха, километрах в трех отсюда я чуть было на ихний секрет не наскочил!

– Они там ежедневно до сумерек дежурят, – предупредил Алексей. – Ну, ладно, слушай, а то долго разговаривать недосуг – хватиться могут.

Рассказал, что знал. В общем-то ничего конкретного – одни догадки, предположения. Главное, что на хуторе, судя по всему, вовсе и не банда, а значит, ту банду нужно искать в другом месте. Только и дел милиции, что оружие конфисковать да Мефодия с Ворготым проверить – кто такие.

– Думаю, пяток милиционеров за глаза хватит, – заверил он связанного, потом поинтересовался: – К послезавтра успеете или день еще на сборы понадобится?

– А ты что, остаешься? Может, лучше со мной уйдешь?

– Если уйду – сразу догадаются, попрячут все, – пояснил Алексей.

– Ясно. Уже темнеет, так что я на рудник засветло не успею. Завтра в Минусинск, день на сборы, день на всякую волюнку,.. – прикидывал связанной. – Давай решим так: раз спешить не нужно, то после полудня на четвертый день поджидаем тебя здесь. Ежели все тихо, значит, секрет разоружили, а если стрельба поднимется – сам тут ориентируйся... – Он насторожился. – Слышишь, сорока чего-то зачикотала?! Ну, все, расходимся!

Алексей забрал у связанного наган и заторопился обратно. Забыл, что спешка никогда до добра не доводит, и чуть не налетел

на Мефодия с Воргатым, что верхами возвращались на хутор. К счастью, услышал стук копыт и успел упасть в зарослях малинника возле самой дороги. Не заметили, хотя и проехали в пяти шагах. Черт бы их побрал – что-то рано сегодня снялись с поста!

Возле дома опомнился – надо же наган спрятать. Завернул его в лист лопуха и сунул под рясный* куст папоротника, рядом с приметной березкой.

Татьяна

На следующий день сопровождающим с Алексеем пошел Григорий – Воргатый. Одно слово, что сторожил – как завалился под изгородью на старом овчинном полушубке, так сразу и захрапел. Алексей смотрел, смотрел да и решил оружие в дом перенести, чтобы было под рукой в случае чего.

Присев в гуще папоротников, нашел тяжелый сверток и торопливо затолкал наган под брючный ремень. Направился напрямик к дому – если что, можно сказать, что за гвоздями пошел.

В сенях осмотрелся, куда бы спрятать оружие. Может, в старые ичиги, что висят на стене? Тут заметил в углу перевернутый берестяной короб, обросший пылью, словно ворсом – так давно его не трогали. Только подсунул под короб наган, как уловил осторожные шаги позади. Повернулся ни жив ни мертв – Татьяна стоит в дверях. Видела или нет?

– Леша, ты что, боишься меня?

По тому, как тихо и ласково произнесла она эти слова и что Лешей назвала, решил он, что не видела.

– Никого я не боюсь, – сказал и даже удивился, какой у него силпый, чужой голос.

– Так уж и никого? Других-то, небось, тебе нужно бояться, – проговорила Татьяна тоже глухим, прерывистым голосом. – Тимофей всем наказывал за тобой приглядывать И мне, между прочим, тоже.

– Ну и как, приглядываешь?

– А мне Тимофей не указ, хотя я, может быть, поболее других вижу.

– И что же ты такое увидела? – Алексей насторожился.

* Рясный – обильный, в большом количестве (сиб.).

Татьяна понизила голос, видимо, вспомнив, что их голоса могут услышать в избе.

– Тимофей говорит, что, может, из банды ты...

– А сама-то как думаешь?

– Не знаю я, Леша, кто ты есть? Вот сейчас видела, как прятал что-то.

Алексей похолодел от этих слов и, поняв, что раскрыт, разозлился вдруг на Татьяну неизвестно за что.

– Выходит, ослушалась ты мужа? Что ж, беги, доложи, пока не поздно – он тебе в ноги поклонится!

Сам не знал, почему у него вырвались такие слова, но Татьяна даже отшатнулась. Наверное, послышалось ей недосказанные слова «бандитская жена». Губы у нее задрожали, как у несправедливо обиженного ребенка.

– Да что ты знаешь о нашей жизни! – голос ее срывался. – Что понимаешь?.. Да тут супротив Тимофея никто слова сказать не смеет: он только заявил тятке, что посватать меня хочет – тот сразу же и согласился. Сколько мы с мамой слез пролили, а все одно – повели меня в Тимофеев дом, как телку на поводу...

Сверкнула слеза на дрожащей реснице и покатилась вниз по девичьей щеке. Шагнула Татьяна к обомлевшему Алексею, обхватила руками за шею, уткнулась лицом в плечо. Словно два угля, обожгли через рубаху упругие груди, незнакомым жаром опалило Алексеево тело. Сам не заметил, как очутились руки на Татьянинных плечах, как стал целовать ее мягкие волосы, вдыхать их горьковатый ромашковый запах, в один миг ставший самым желанным и родным.

А Татьяна, не поднимая заплаканного лица, прерывисто зашептала:

– Уходи отсюда скорее... Боюсь я... Не знаю, из банды ты или нет, только уходи...

У Алексея от этих слов комок подкатил к горлу. Надо же – боится за него девка! Захотелось успокоить Татьяну, приласкать, что-нибудь хорошее сказать.

– Да я сам ту банду ищу, – вырвалось невольно, и, поняв, что нет смысла дальше скрываться, пояснил: – Из милиции я, потому и на хуторе вашем оказался.

И сразу почувствовал – как будто окаменела Татьяна. Вдруг резко отстранилась – и рванулась к двери. Хотел он удержаться

ее, попытаться все объяснить, но тут открылась дверь, и в сени выглянул Петр. Посмотрел подозрительно на Алексея.

– Чево ты тут?

– Брусок надо – топор поточить, – нашелся Алексей.

– Ну-ну...

Сощурившись, глянул против света на замершую Татьяну, буркнул:

– Проходи, што ли.

На покос Алексей возвращался в полной растерянности: скажет про него Татьяна или нет? Не должна бы, но вон ведь как отшатнулась, когда услышала про милицию – словно от нечистой силы. Да и что другое мог он ожидать – знал ведь наверняка, что пропадет Татьянин интерес, как только узнает, зачем он здесь... Может, нужно уходить, пока еще не поздно? А вдруг вовсе не это ее испугало, просто Петровы шаги услышала?..

Весь остаток дня Алексей места себе не находил. И одновременно с этим, словно наваждение какое, опять и опять чудился ромашковый запах Татьянинных волос, вспоминались горячие ласковые руки, упругие толчки ее сердца.

Вечером Петр разговаривал с ним как обычно – ничего не сказала, значит, Татьяна! Но все равно ночью не спалось. Долго ворочался на узкой лавке, лишь под утро забылся беспокойным сном.

Отрезвление

Алексей с Петром сидели за столом – завтракали, когда открылась дверь и вошла Татьяна. Вскинула глаза на Алексея, и сразу сладко заныло его сердце – будто во сто крат ближе стала она за последние сутки. А Татьяна, сразу уловив в Алексее перемену, так вся и засветилась.

В обед опять забежала, будто бы к Анне по делу: сначала в сенях легонько прижалась к нему плечом, потом еще и в избе улыбнулась одними глазами. Алексею и радостно, и одновременно жутковато: неужели никто не замечает, неужели не видит тот же Петр их переглядок – совсем ведь одурела девка!

Теперь за работой уже не столько о задании думал, сколько о ней, о Тане. И от дум этих вскоре будто трезветь начал. Конечно, любя, ох как любя, но ведь чужая жена. Хотя и не виновата она в своем замужестве, но попробуй объясни это партсобранию или

тому же Сойкину! Наверняка скажут: «Где твоя коммунистическая сознательность, кандидат в коммунисты Юдин? Из-за какой-то смазливой бабы ты и мировую революцию продашь, за которую миллионы пролетариев жизни свои отдали?...»

И до того явственно прозвучали эти произнесенные голосом Ивана Ильича слова, что Алексей чуть топором по пальцу не тяпнул – отхватил кончик ногтя вместе с кожей. А от пришедшей следом мысли даже в пот бросило; «Как пить дать, и в партию не примут, и из милиции турнут!» Нет, не имеет он права поддаваться своим чувствам! Но как же бешено стучит сердце, как перехватывает дыхание, едва подумает о ней, о Татьяне...

Изнуряющая духота, что всегда бывает перед дождем, стояла с самого утра – но лишь к концу дня верховой ветер вытащил из-за горы темную и лохматую, словно медвежья шкура, тучу. Только спустился Алексей с перекрываемой наново крыши амбара, как к нему подошла Татьяна и, оглянувшись – не видит ли кто – проговорила:

– Послезавтра уходят они все. За кордон уходят. Только я с Тимофеем не пойду – спрячусь... Давай вместе спрячемся! Давай спрячемся, Лешенька, а? Убьют ведь тебя!

Алексей от ее слов так и обмер. «Как уходят?! Тоже, разведчик называется – чуть не проворонил банду, пока любовь крутил!»

– Точно знаешь?!

– Сама слыхала, как Тимофей с Петром сговаривались. Завтра, мол, в баньке попаримся, а послезавтра на лошадях выедем пораньше...

«А наши только послезавтра к обеду подойдут, – лихорадочно соображал он. – Разминутся, упустим банду!»

– ...Еще решали, как потом от Мефодия и Воргатого откупиться, чтобы не делить какое-то золото. Нужны, мол, пока через Монголию не переберемся, да вдруг еще через границу придется пробиваться... Хоть бы уж уходили скорее!

– А сейчас-то они где? – спросил Алексей.

– Да кто где: Мефодий с Воргатым дорогу сторожат, а Огородниковы у деда Спиридона. Завтра-то все будут дома: надо собраться, помыться... – и вдруг перешла на шепот, словно кто мог подслушать. – А мы с тобой давай завтрашней ночью уйдем! Навряд ли они нас искать будут – из-за меня Тимофей задерживаться не станет.

– Давай лучше не сейчас, позднее обговорим. Ты сейчас иди, а то заметит кто, – Алексей торопился спровадить Татьяну, чтобы собраться с мыслями.

«Дурак, пенек березовый! – ругал он себя. – Прозевал банду – обвели вокруг пальца. А ведь все сходилась: и оружие, и золото. Хотя нет, про золото он только сейчас узнал, от Татьяны... Как же теперь задержать бандитов? Может, Татьяну на рудник за подмогой послать? Нет, хватятся ее, да и не пойдет. Ни за что не пойдет – другое у нее на уме. Значит, остается последняя надежда – наган. Ведь если дам им уйти – не будет мне прощения. Я во всем виноват, мне и расхлебывать!»

Опять Алексей ночь не спал: под шум дождя и так прикидывал, и этак. Наконец решил, что бандитов будет в бане брать, потому как оружие их в предбаннике останется. Это Мефодия с Воргатым, а дальше, с Огородниковыми, – как получится.

Проводины

Правду сказала Татьяна: утром Огородниковы стали укладываться в дорогу. Сквозь чуткую полудрему слушал Алексей, как ходит туда-сюда Петр, как хлопочет возле печи Анна. Потом на мгновение, кажется, смежил глаза, а когда открыл их – в окно уже било солнце и по избе плыл пирожный дух.

Ждали гостей. Первым появился дед Спиридон. Он постанывал, то и дело хватался за поясицу, однако же четверть самогону никому не доверил – сам принес под мышкой. Следом ввалился Тимофей с крынкой моченой брусники и огромным блюдом соленой капусты.

– Эко беремя наворотил, – проворчал недовольно старик, – как на Маланьину свадьбу.

– Чево ее, тятя, жалеть? – Тимофей поставил блюдо в центр стола. – Известно дело, капуста: на столе не пусто, и съедят – не жалко.

– Чево мать-то не захватили? – поинтересовался Петр, помогавший жене собирать на стол.

– Да расхворалась опять: ноги не владеют.

– А Танюха че?

– Не пошла. С тряпками возится – собирается. Бабы сборы – сам знаешь, – Тимофей снисходительно усмехнулся.

– Да не жалеяй ты ево, все клади! – прикрикнул Петр на жену, которая, нарезав на доске сала, по привычке хотела спрятать оставшийся кусок. – Кому после нас есть-то?..

В окно видел Алексей, как подъехали на лошадях Мефодий с Григорием, как, не спеша, стали их расседлывать.

– Мы тут ненадолго уезжаем погостить, – проговорил Тимофей, совсем близко склонившись к Алексею, и даже неожиданно руку ему на плечо положил, – дак ты похозяйствуй еще пару недель. А уж тятя при расчете не обидит, не сумлевайся.

Вошли Мефодий с Воргатым и, мимоходом перекрестившись на иконы, сели за стол. Петр по-хозяйски, прямо на противне, разрезал горячий курник*, налил в стаканы самогона.

– И штобы вечером ни капли, – предупредил Тимофей и взглянул на Мефодия. – Особливо тебя касается.

Тот промолчал, а Спиридон Анфианович встал, повернулся лицом к иконам.

– Очи всех на тя, Господи, уповают...

Разом поднялись остальные.

– ...И Ты даеши им пищу во благовремени, отверзаеши Ты щедрую руку Твою, и исполняеши всяко животное благоволения...

Крестясь вслед за дедом Спиридоном, Алексей испытывал странное чувство раздвоенности: на его месте стоит кто-то чужой, а сам он будто впервые со стороны видит и эту горницу, и все происходящее в ней. Но тот, настоящий Алексей Юдин, как бы напрочь лишен и плоти, и воли, оттого не может противиться этому, молящемуся, ставшему своим человеком за прощальным столом. Захотелось очутиться где-нибудь далеко-далеко и забыть все, как дурной сон.

Молча сели, стали чокаться стаканами. Отхлебнув глоток обжигающего горло самогона, Алексей поперхнулся, кое-как пристроил стакан на краю стола среди чашек и, закрыв ладонями запывавшее лицо, долго кашлял, утирая рукавами слезы.

– Э-э-э, парень, так в честной компании не поступают, – протянул Мефодий, скривив свои узкие губы. – Надо допить, нечего злобу на хозяев оставлять...

– Не приневоливай Леху, – заступился Петр, постукивая кулаком Алексею меж лопаток, – а то ишло поотрубают руки-ноги, а то и поважнее че. А ему жениться скоро.

* Курник – пирог с мясом и картошкой.

Все засмеялись.

– Это тебе лишь бы поскорей нализаться, – вставила свое слово Анна.

– Точно сформулировала главную идею, – Мефодий коротко хохотнул. – По мне хоть самогон, хоть пулемет, лишь бы с ног валил.

– Гы-гы-гы, – заржал Григорий, закатив маленькие глазки к потолку. – Скоро ханшин китайский пить будем, он, чай, не слабже нашего самогону.

– Ну, разговоры разговорами, а на сухую и пирог в горло не лезет, – сказал Мефодий и, не дожидаясь остальных, наполнил стакан до краев, поднял на уровень глаз, словно изучая содержимое на просвет. – Как говаривал мой отец, потомственный дворянин и полковник, «не для компанства, а ради приятства».

– Ты, как посмотрю, хоть за работой воробей, зато за обедом соловей, – поддел Петр.

Мефодий и эту подковырку стерпел, выпил молча, но потом все ж таки не удержался – пристально глянул на Петра, уничижительно хмыкнул.

– С обеду баню затопи, – не столько для того, чтобы напомнить Анне, а больше для предотвращения назревающей ссоры, приказал Тимофей, – а я ненадолго до старой заимки съезжу, там с прошлого году переметные суммы остались.

Алексей заметил, как переглянулись Мефодий с Воргатым, и понял, что в сказанном что-то не так. Он лишь для вида пригублял стакан и все прислушивался – не проговорятся ли еще о чем. Но дальше разговор потек хмельной, пустопорожний.

– А че, Петруха, споем, че ли? – встрепенулся начавший уже соловеть старый Спиридон. – Запевай свою заветную!

Петр не заставил себя долго упрашивать: дожевал кусок курника, прокашлялся и изготовился петь. Тимофей тоже распрямился, расправил могучие плечи и, оглаживая ладонью бороду, неодобрительно глянул на невозмутимо жующих Мефодия с Воргатым.

– Ой ты, Ва... миленький, Ваня, дружок,
Дружо-чек...

Остальные Огородниковы дружно подхватили:

– Только о чем ту-жишь,
0-ой, да о чем тужишь, Ваня, слезы льешь?..

У старого Спиридона в начале каждой фразы лицо наливалось кровью, на шее веревками вздувались вены, а к концу голос его совсем пропадал – видимо, не доставало сил дотянуть. Анна вскоре и вовсе смолкла, только вытирала слезы концом вышитого полотенца. Вели песню братовья:

– ...Да болит се-ердце,
0-ой, болит сердце ретиво,
Ре-тиво.
Да я не зна-а,..
Да я не знаю, ну почему...

Замолкли певцы, оборвав песню на полуслове, словно окончательно выбившись из сил.

Вроде бы и ни о чем песня, но брала за душу. Не доводилось Алексею прежде слышать ее, видимо, из других, далеких мест привезена Петром.

Петр же и нарушил первым молчание:

– Спели бы еще, да в животе тощо!

Захмелевший Спиридон Анфианович расчувствовался, стал по очереди обнимать сынов, роняя им на грудь пьяные слезы.

– Как же я без вас-то? Ведь на старость надежей были, а теперя некому будет и на могилке погорева-а-ать!

Сыновья неловко обнимали плачущего отца, осторожно похлопывали его по спине и виновато молчали.

– Нечего слезы лить, собирался бы и ты, дед, – произнес вдруг Мефодий раздраженно. – Все равно ведь не дадут жить по-человечески Советы, даже в этой чертовой глуши. Ныне закон один: либо всех грызи, либо живи в грязи...

– А ты не в свое дело поганый нос не суй! – взорвался Петр. – И без тебя тошно! Тявкаешь еще под руку!..

– Ты на меня не ори, коммуняка недоделанный! – окрысился Мефодий, и глаза у него налились кровью – видимо, крепко зацепили Петровы слова. – Если бы не повернул оглобли вспять, сам щеголял бы с партбилетом и казенным наганом. Небось, не пожалел бы и родного отца – семь шкур содрал бы, а?

– Ты меня энtimi бесами брось попрекать! – глаза у Петра недобро засветились. – Я, промежду прочим, в Красную Армию пошел за свободу да за землю воевать! А ты в белую – чтобы и дальше нашу кровушку пить!

– Во-о-о, полны штаны твоей свободы! Показать?!

– Мать вашу! – Тимофей выругался и даже не перекрестился привычно. – Поесть спокойно не дадут, прости, Господи.

– Ты и завоевал свою свободу, – не унимался Мефодий, – легавые и коммунисты нынче народом с наганом в руке командуют.

– Ты-то что великатишься, сволочь дворянская! Твоя свобода, что ли, лучше?! – Петр вгорячах вскочил, оторвав от лавки уцепившуюся за него жену.

– Заткнете вы глотки?! – Тимофей так двинул кулаком по столу, что стаканы подпрыгнули и опрокинулись. – Все мы теперь ровня, всех к одной стенке милищанеры поставят, коли чево...

– Цыть! – старый Спиридон мигом протрезвел. – Не одни, чай, за столом. Треплете языками своими, ровно корова боталом!

Только тут вспомнили об Алексее. Все еще разгоряченный, Петр резко развернулся к нему всем корпусом.

– А ты чево насупил, будто губой за угол задел? У тебя, свет-Алексей, работы, кажись, непочатый край? Так ступай отседова – знаешь, поди, какое дело первым дожидается? А энти поговорки не для нашего Егорки.

Едва Алексей вышел на улицу, как следом на крыльцо и Анна выскочила, зыркнула в его сторону. «Не зря меня выпроводили, – подумал он, – разговор-то, видно, не окончен».

Волчья хватка

Впервые работал Алексей совсем без присмотра, а что толку – все равно бежать некуда, никто не придет на помощь. И так всю ночь голова гудела от мыслей, до самого рассвета глядел невидящими глазами в темное окно. Все уже было думано-передумано, но лежал, словно в горячечном бреде и глядел бездумно, как растаскивал в рассветных сумерках ветер низкие тучи, как разрастались, причудливо соединяясь, голубые прогалы неба. А и задремал ненадолго, так сразу вскинулся, разбуженный мыслью: «Тут ли Огородниковы, не проспал ли их?»

Теперь, от выпитого самогона, должно быть, голову разламывала боль, и почему-то все тело горело. Надеясь хотя бы на время остудить этот жар, с разбегу ринулся Алексей в мокрые кусты. Будто сквозь освежающую купель, продрался под торопливое шлепанье тяжелых капель на поляну – и даже замер при виде неожиданно

возникшего чуда: солнечные лучи пронизывали густой лапник и там, куда они падали, вспыхивали гроздья вызревших до хрустальной спелости ягод росы.

Алексею так вдруг захотелось жить, что даже слезы навернулись – умом ведь понимал, хотя и пытался все время убедить себя в обратном, что шансы остаться в живых у него невелики. Где уж одному против четверых матерых бандитов?!

За этими невеселыми мыслями не заметил, как к двуглавой скале пришел. Хотя и знал, что некому тут быть, все ж таки обогнул кругом – и назад. И снова, словно заведенный, бездумно тюкал топором, затесывал колья, укреплял изгородь, которая никому скоро будет не нужна. Надумал было наган забрать, который под амбарную стреху перепрятал, но поборол искушение – рано еще. А сам все торопил время: скорей бы уж!

Забегала Татьяна, шепнула торопливо: «В полночь за Петровым домом ждать буду!» – и дальше, будто мимо шла, будто случайно с Алексеем встретилась. Даже ответа дожидаться не стала. Да и что бы он ответил: что не может уйти, пока задание не выполнит, что сам не знает, будет ли жив завтра? До того неловко чувствовал себя под Татьяниным вопрошающим взглядом, будто украл что. Нет, не дождалась бы Татьяна ответа!

И баня давно уж протопилась, а Тимофей все не возвращался. Хватились Мефодия с Григорием – тех тоже след простыл.

«Неужто обманули, неужто втроем уехали?» – с ужасом спрашивал себя раз за разом Алексей. Но Петр тоже нервничает... Выходит, и для него все оказалось полной неожиданностью?

Незадолго до захода солнца Петр стал седлать коня. Тут Алексей и вовсе растерялся: отпускать или нет? «Что-то идет не по плану, – решил он, – у Анны в глазах непроходящий испуг, да и Петр за день посерел весь и как-то сник». Так и не надумал Алексей, что делать, поэтому поступил, как в погранотряде учили: не знаешь, что делать – не предпринимай ничего.

Уехал Петр – и тоже как в воду канул. Анна допоздна спать не ложилась, слышно было, как ходит туда-сюда за перегородкой. А Алексею уже и мысли никакие в голову не лезут, до того муторно на душе. Не выдержал, вышел на улицу – послушать, что в округе делается.

А на хуторе тишина, даже собаки не перебрехиваются. Обошел Алексей дом, сел на плаху позади амбара, окруженного густой

крапивой, прислонился спиной к стене – тут и сморил его сон, сказались две бессонные ночи.

Приснилось Алексею, будто его оплакивают. Лежит он в красном гробу, а вокруг стоят мать с отцом, только почему-то молодые, пятилетняя сестренка, умершая в Гражданскую от тифа, и еще дядька Павел, расстрелянный в девятнадцатом колчаковцами. Склонились все они над гробом, так что головы почти закрывают небо, а падают их слезы на Алексееву грудь. Падают и прожигают тело до самого сердца, так что нет мочи терпеть. Но как он ни напрягается, не может ни отодвинуться, ни слово сказать. Внутри неподвижного Алексея носятся лишь мысли, которые лихорадочно ищут выход из мертвой оболочки. «Значит, я не совсем умер, раз могу думать, – радуется он и тут же ужасается: – Зачем же меня живого-то в гроб положили? И еще слезы эти горячие, словно угли! Но, значит, живой я, раз боль чувствую!» Хочет Алексей закричать и не может...

Дернулся – и очнулся от сонной одури. Прислушался: кто-то невдалеке плачет навзрыд. Открыл глаза: вокруг сумрачно, серо – едва-едва светать начало. Поднялся, вышел из-за амбара... и обмер – посреди двора, прямо на темной траве, покойник лежит. Кто же это, неужто Тимофей? Борода к небу задралась, рубаха на груди от запекшейся крови черна. Рядом Анна в плаче бьется на земле, подле Петр стоит с закаменевшим лицом. Ничего не сказал, только глянул угрюмо.

– Кто его? – ошарашенно спросил Алексей.

– Мефодий с Воргатым. Не догнал подлюг... – Петр судорожно сглотнул слюну. – Я уж подумал, што и ты заодно с ими.

Только теперь понял Алексей, почему переглядывались за столом Мефодий с Григорием: догадались они, что не за сумами едет Тимофей на заимку, а за спрятанным золотом. Подстерегли-таки его. И арестовывать теперь некого – один Петр остался, но не почувствовал Алексей облегчения от такого расклада, наоборот, тяжесть легла на сердце, будто и он тоже виновен в случившемся.

Невеселая в это утро была у него работа: дед Спиридон от горя опять слег, вот и пришлось им вдвоем с Петром гроб ладить. Да еще Татьяна мимо ходит, словно в воду опущенная, – глаз от земли не поднимает. Приходила, должно быть, за Алексеем ночью, да не нашла. А тут вон как все сложилось.

В полдень пошел Алексей к скале. Не скрываясь шел, потому как некого теперь опасаться. В условленном месте его уже поджидали десяток милиционеров и сам Сойкин.

Окинув взглядом усевшихся в кружок людей, Алексей заметил отца, у которого из-под милицейской фуражки выглядывал белый край бинта.

– Что с головой-то? – беспокоился Алексей.

– Стрельнула в него какая-то гадина, когда на лодке по Енисею плыл, – пояснил Сойкин.

– Пуляковина, – успокоил отец, – пуля лишь кожу вскользь зацепила.

– Удачно... – согласился Алексей и даже удивился собственному спокойствию. Подумал отрешенно, что сегодня его уже невозможно чем-нибудь удивить или взволновать.

Откровенно, ничего не утаивая, доложил он и про то, что золото ушло за кордон, и про свои ошибки и сомнения, и даже про заблуждения Петра. Под свою ответственность попросил дать ему похоронить брата.

– Ты свое дело сделал! – оборвал его Сойкин. – Плохо сделал – проворонил банду. А как дальше поступать, я без тебя знаю!

Потом все-таки не удержался, добавил:

– А в рапорте, Алексей Юдин, я все укажу – не сомневайся!

По команде начальника рассыпались милиционеры по-за домами, будто бы и в самом деле вооруженную банду окружали, и одновременно ворвались в дома к обеим Огородниковым.

У недужного деда Спиридона с перепугу и спина отпустила, а вот Петр, когда увидел во дворе вооруженных милиционеров, неожиданно схватился за топор. Только куда ему против шестерых – окружили разом, стукнули прикладом по затылку и, уже бесчувственному, связали руки.

Иудин час

Дознание Сойкин решил начать тут же, не откладывая. Чтобы не водить арестованных туда-сюда, повели Петра вместе с женой Анной в отцов дом.

Так и вошли: впереди Сойкин, за ним арестованный, следом два милиционера, а позади всех Алексей. Анну до поры на улице оставили, под охраной Прохора Юдина. Направились напрямик в

горницу, а там на столе гроб стоит. Сойкин растерялся: не вести же назад? Притворил поплотнее дверь – и вернулся на кухонную половину.

Сидевшую в углу сгорбленную Татьяну увидел Алексей через плечо милиционера – и ноги сразу приросли к половице, будто пудовыми стали. Поискал глазами деда Спиридона – не видно, должно быть, сидит запертый в бане. На печи за занавеской причитает больная старуха-мать: «Хос-поди-и, заступник, спаси и сохрани...»

– Вот что, Петр Огородников, – приступил к допросу Сойкин, – спрятанное оружие мы все равно отыщем, так что лучше сам укажи – на суде зачтется. А может, и золотишко не все увезли, что-то осталось, а?

При упоминании о золоте Петр напрягся, вскинул побелевшие от ярости глаза на Алексея, прохрипел:

– А еще... хлеб мой жрал... Эх, жалко, не придушил тебя Тимоха!

– Ты злобу-то свою подальше спрячь! Ты здесь никого не напугаешь! – прикрикнул Сойкин. – Еще раз спрашиваю: не осталось ли золото, вами награбленное у трудового народа?

Петр не ответил, лишь скосил глаза на стоящего рядом милиционера.

– Учти, – предупредил Сойкин, – начнешь играть в молчанку – всей твоей родне худо будет.

Оторвав взгляд от милиционера с наганом, Петр кивнул в сторону горницы:

– Там, на божнице схоронено.

Сойкин сдвинул назад расстегнутую кобуру и направился в горницу. Косясь на покойника, придвинул к божнице стоявшую возле стены скамью, взобрался на нее. Попытался заглянуть за тесно поставленные иконы, но безуспешно, тогда снял самую большую, в потемневшем от времени серебряном окладе. Поискал глазами, куда бы положить, и пристроил на скамье рядом с собой.

Все это время Алексей старался не смотреть на замершую, словно окаменевшую Татьяну. Неловко было ему, что устроили рядом с покойником допрос, что хозяйничает он, Алексей, здесь вместе с милиционерами. Татьяна же неотрывно смотрела в пол, словно происходящее ее вовсе не касается. Да и что ей оставалось, если даже пожилой дядька-милиционер, стоявший с винтовкой возле двери, глядел неодобрительно: бандитский дом – бандитская семья.

Сойкин меж тем безуспешно шарил рукой по широкой резной божнице. Переступая, сапогом столкнул икону, и она с грохотом упала на пол.

Алексей увидел, как при этом вздрогнула Татьяна, и, чтобы не стоять возле двери истуканом, пошел в горницу. Наклонился, чтобы поднять икону с пола, и не жить бы Алексею Юдину, если бы не Татьяна!

Силен был Петр Огородников – так двинул кулаком по скуле стоявшего рядом милиционера с наганом, что тот, даже не охнув, осел мешком на пол. Через миг наган очутился в Петровой руке, и, кинься он сразу в дверь, не остановил бы его неуклюжий дядька-милиционер с длинной винтовкой. А там – рядом лес, и ищи тогда Петра по всей ухоронливой саянской тайге! Но злоба оказалась сильнее – и первый выстрел метил в Алексея Юдина.

Непременно вошла бы пуля из милицейского нагана в Алексееву спину, если бы Татьяна не вскочила со скамьи, не встала между Алексеем и его смертью. А тогда уже выпалил милиционер из винтовки – попал Петру в плечо, да Сойкин подоспел, вывернул ему раненую руку, вырвал оружие.

Во всей этой сутолоке одна лишь Татьяна оставалась неподвижной. Только побелела вдруг, как полотно, покачнулась. Едва успел подхватить ее Алексей, и повисла Таня на руках, будто в обмороке. Но уже расплывалось по белой кофте алое пятно, и успела она только прошептать с последним выдохом что-то еле слышное...

...Все пять лет колымского лагеря снились Алексею эти бессловесно шевелящиеся губы и лишь в сорок втором, под Сталинградом, когда пронзил навывлет сердце шальной осколок, почудилось вдруг, что слышит он, наконец, звучание измучившего его слова. Но стремительно меркнувшее сознание не смогло удержать его смысла...

Сейчас же все в огородниковском доме шло своим чередом: Сойкин брезгливо вытирал платком с руки чужую кровь, очнувшийся милиционер, морщась, трогал челюсть, вбежавший отец замер в дверном проеме с наганом наизготовку.

«Что он так осуждающе смотрит? – не мог понять Алексей. – И почему именно на меня, будто я во всем этом виноват?»

А на затоптанном полу, воя по-звериному, катался связанный Петр Огородников.

– Разорву-у-у! Все из-за тебя, Леха, из-за тебя, сука!

ШАМАН-ДЕРЕВО

*Древние хакасы воинов хоронили
с оружием, а вот шаманский бубен –
язык шамана – вешали возле могилы
хозяина, для того, видимо, чтобы он
помнил, что остался на земле его род,
о котором нужно заботиться и на
том свете, как заботился на этом...*

Знамение

Наконец Антон собрал складное удилище, отвязал поводок с мушкой и, оттолкнув лодку, грузно на нее запрыгнул. Под литыми протекторами японских болотников продавленная крышка люка в очередной раз протестующе взвизгнула.

– Наверное, дождь будет, – заметил он, опуская подвесной мотор, – что-то душно стало...

Игорь молча кивнул – он и сам ощущал приближение дождя. Тело томилось, изнывало в липкой испарине, и дышать становилось все труднее, словно солнце выжигало кислород из зажатого между гор неподвижного воздуха.

И точно, едва успели они пройти поворот реки, как из-за ошестинившегося горелым сухостоем хребта показалась черная туча. Она стремительно заполняла полоску неба вверху, и так же быстро темнело, будто наступал уже вечер. Потом, безо всякого предупреждения, с того же оголенного пожаром хребта скатилась стена дождя.

Отчаянно матерясь – хотя слова из-за грохота мотора трудно было разобрать, но смысл их легко угадывался – Антон круто повернул лодку к берегу. Причалили под мрачноватой отвесной скалой, вплотную подступавшей к воде.

Днище «Казанки» еще скрежетало по галечнику, а Антон уже соскочил на узкую полоску бечевника*, торопливо разматал

* Бечевник – полоска песка или гальки между водой и берегом в межень.

привязную веревку и принялся закреплять конец ее между камней. Игорь тем временем лихорадочно, а потому безуспешно пытался справиться со скрученной палаткой. Пока путался в размочалившихся от долгого употребления растяжках, штормовка промокла насквозь, и дождевая струйка, вызывая неприятный озноб, от капюшона побежала между лопатками. Так и не расправив слежавшийся брезент, он просто натянул один из углов себе на голову. Подбежавший Антон рванул за противоположный край, разом накрыв и себя, и всю лодку. Поднырнув под брезент, он непостижимым образом тут же очутился рядом с Игорем. Прижался к нему мокрой спиной.

– Такой ливень ненадолго, – заверил он. – Странно только, что без грозы...

Словно опровергая его слова, сверху сухо треснуло, и раскатыстый удар грома буквально придавил их, пригнул к днищу.

– Во, бабахнуло! – громко и очумело прокричал, должно быть, оглушенный, Антон.

А сверху громыхало уже безостановочно, и каждый раз Антон кричал в ответ что-нибудь матерное, озорное. Восторг его передался Игорю – тоже захотелось кричать или петь, или даже выскочить из лодки и плясать под яростным дождем. В памяти всплыли строки из какого-то стихотворения:

Я жалкий лягушонок,
Трепещущая тварь,
Но, громом оглушенный,
Злорадствую – удары!*

Дождевые заряды наотмашь и дробно били по гулкому брезенту, тонко звенел дюралевый корпус лодки, огромной рассерженной змеей шипела река.

И тут очередная вспышка ослепила их даже через брезент. Игорь не услышал раската – тут же сверкнула молния, а следом наступила абсолютная, какая-то противоестественная тишина. Потом сверху что-то заскрипело, затрещало – и рухнуло, вдруг, прямо на них. Удар, правда, пришелся рядом с лодкой, потому что ее отшвырнуло, завалило набок – и внутрь хлынула вода.

Испугаться по-настоящему Игорь просто не успел: сперва барахтался в пеленающем брезенте, потом куда-то прыгал, бежал.

* Стихи Льва Мочалова.

Действиями руководил скорее не разум, а инстинкт самосохранения. Пришел в себя уже на бечевнике, налетев на Антона. Оглянулся на реку.

Упершись раскоряченными сучками в гальку, над «Казанкой» нависло толстое, в обхват, сухое дерево. Вершина его, отломившись при ударе, медленно уплывала, цепляясь за дно, вспенивая воду и поворачиваясь то одним, то другим желто-бурым ошкуренным боком.

– Пару бы метров в сторону – и нам ку-ку! – ошалело помотал головой Антон.

– Повезло-о-о... – согласился Игорь, судорожно переводя дыхание.

– Как говорят старухи, было знамение... или провидение... Как правильное? А, студент?

– Наверно, знамение. А ведь действительно, с той стороны упало, куда плывем...

– Ладно, не бери в голову! Судьбы и Бога нет, а, значит, и знамений не бывает... Ведь так должны были вас учить в институте? – пришедший уже в себя Антон хохотнул. – Ладно, как говорится, много шороху... Я, знаешь ли, везучий, так что держись крепче – со мной до самой смерти не пропадешь!

Игорь промолчал, и Антон, сбросав в нос лодки намокшую палатку, предложил:

– Гроза кончается, и мокрее мы уже не станем, так что поплыли дальше?

Двое в лодке

Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался – наклонная белесая стена ушла вслед за тучей. На следующем повороте реки снова засияло солнце, и ничто больше не напоминало о недавнем светопреставлении, лишь воздух оставался по-утреннему свежим и прозрачным.

– Глянь, начальник, до чего же шикарное местечко! – Антон показал рукой на большой камень, отбрасывающий водную струю чуть ли не на середину речки. – Плюнешь мне в глаза, если под ним с десяток хариусов не стоят!

«Опять...», – подумал с тоской Игорь и хотел было возразить, но Антон уже поворачивал «Казанку» к берегу.

– Сегодня все равно уж поработать не успеем, а к вечеру я тебя на метеостанцию в лучшем виде доставлю, – заверил Антон и расплылся в глуповатой улыбке.

Он будто упреждал этой своей обезоруживающей улыбкой все возражения, и Игорь опять ничего не сказал, хотя до конечного пункта их командировки оставалось совсем чуть-чуть. Промолчать-то промолчал, но подумал с неожиданной злостью: «Черт с ним! Может, наконец, натешится своей рыбалкой?..»

Непонятна и, откровенно говоря, неприятна Игорю была эта безудержная, прямо-таки хищническая страсть. Не раз уж замечал: когда снимает Антон рыбу с крючка, руки трясутся, а когда с размаху бьет ее о песок – кривит рот в злой усмешке. Случалось, в азарте по-медвежьи закусывал крупных хариусов позади головы...

«Было бы хоть в чем солить, а то ведь все равно пропадут, – мысленно упрекал он Антона. – Для ухи – много. Вон, сколько хариусов по днищу разбросано, да еще и крупный ленок...»

Антон, между тем, забросил в струю ниже камня мушку-обманку – и сразу же подсек крупную рыбу. «Значит, надолго», – подумал Игорь с тоской и, откинув в сторону хариусов, улегся прямо на слань*. Настроение, с утра неважное, испортилось окончательно. Еще бы: каких-то полсотни километров они плывут целый день, и еще неизвестно, когда доберутся...

От недавней прохлады вскоре не осталось и следа. Игорю лень было поднять руку и взглянуть на часы – не хотелось шевелиться. По солнцу он прикинул, что где-то около шести. Внутри крепло раздражение – теперь уже и на то, что пахнет бензином, правда, с этим ничего не поделаешь, и на то, что в желудке пусто, а продукты Антон забыл в машине, и даже на немилосердно палящее солнце... Будто и не Сибирь вовсе, а самый настоящий знойный юг!

От дюралевого борта вроде бы как чуть веяло холодком, но, скорее всего, это только казалось. Вот что точно не казалось, так это смесь запахов рыбы и бензина, от которой его поташнивало, причем давно. Тошнота преследовала с самого утра, если еще не с вечера, когда они с Антоном ночевали в кладовке у лесника. Там сильно пахло сушеной рыбой, и с тех пор ею как будто провоняло все вокруг: и лодка, и спальный мешок под головой, и вода в реке, и даже сам таежный воздух.

* Слань – деревянный решетчатый настил на дне лодки.

Виной тому было похмелье. Сколько себя Игорь помнил, он болел даже от стакана пива, вчера же Антон «купил» его легендарной медовухой. Заверял при этом, что всего лишь слабенькая бражка. А утром Игорь еле голову от подушки оторвал...

Мысли порой обрывались, сознание куда-то проваливалось, но нудный – на высокой ноте – звон не давал заснуть. Вялой рукой Игорь отогнал неподвижно висевшую возле лица полосатую муху, но звук не исчез – выходит, звенело в голове.

Невольно позавидовал Антону, выпившему вчера значительно больше: того, похоже, никакая медовуха не брала. Теперь вот превратил поездку в собственное развлечение, а ведь командировка всего-то намечалась на три дня. Два, считай, уже прошли. Игорь с тоской подумал, что придется оправдываться перед начальством...

Дальше мысли снова потекли медленно, как спокойная река, порой возвращаясь, словно подхваченные случайным водоворотом – разрушая и без того непрочную логическую цепочку...

В экспедиции он, Игорь, полгода, и так уж получилось, что сдружился не с коллегами-геодезистами, в основном тоже молодыми инженерами, а с рабочим – Антоном. Игорь не искал этой дружбы, тот сам с первой же встречи взял над ним опеку: то пригласил на подледный лов леща, потом буквально силой затащил к себе на чай... Короче, как подшучивали коллеги, – приваживал. И это притом, что не было между ними никакого внутреннего родства, скорее наоборот – они являют собой полную противоположность. Антон – мужик хозяйственный, минуты без дела не сидит, Игорь же по натуре лентяй, в душе, правда, сознающий это, но тем не менее неисправимый. А внешне они тем более разные: у крупного Антона мускулатура, как у завязтого культуриста, а худощавый Игорь, мысленно тоже видевший себя атлетом, купленные по приезду гантели так ни разу и не доставал из-под кровати. Правда, попытался было отпустить усы – такие же, как у Антона, но через месяц осознал их убожество и сбрил. К тому же Антон, хотя всего-то на год старше Игоря, что за рулем автомашины, что у румпеля* – ас. Игорь, правда, находил себе некоторое оправдание – он все-таки горожанин, а Антон вырос возле тайги. Но это утешало слабо и лишь притупляло ощущение профессиональной неполноценности. Самое удивительное, что у Антона в экспедиции вовсе не было друзей. Может, потому, что он

* Румпель – рычаг на руле для управления лодкой.

частенько возил на рыбалку экспедиционное начальство и даже с угрюмым, издерганным начальником топографической партии держался не по чину вольно, ставя себя выше, таким образом, над остальными рабочими?..

Странная всадница

Он не услышал, как подошел Антон – все-таки уснул.

– Гляди, студент, какой красавец!

Игорь поморщился – он не любил, когда Антон называл его так. Особенно теперь, когда полгода отработали вместе, ночевали у костров, взбирались на горные перевалы, проходили коварные пороги на енисейских притоках. Он открыл глаза и, пересиливая сонную вялость, поднялся.

Расплывшийся в довольной улыбке Антон небрежно бросил под сиденье тяжелого, полуметровой длины ленка, потом вытряхнул из брезентовой сумки с десятков крупных, черноспинных хариусов.

– Ведь чуть не сошел, крокодилище! Поводок оборвал, так что пришлось за ним в воду прыгать. Хорошо еще, возле самого берега, – оживленно рассказывал Антон, сталкивая лодку на течение. – Но пузо о дно поцарапал!

Игорь поднял ленка и, перегнувшись через борт, ополоснул его от песка. Тот был еще жив: вздрогнул от прикосновения воды, шевельнулся и судорожно задвигал жабрами.

Поглаживая мощную и стремительную, но сейчас обессиленную рыбу, Игорь на какое-то мгновение ощутил к ней острую жалость. Он едва не разжал пальцы, но тотчас представил реакцию Антона, его брань, злую, унижающую – и перевалил оживающего на глазах ленка в лодку. Выпрямившись, встретил насмешливый, все понимающий взгляд Антона...

Ленок еще несколько раз шевельнулся, потом по нему пробежала судорога, а следом – многоцветными радужными волнами – гамма быстро сменяющих друг друга красок. В который раз наблюдая агонию этих великолепных рыб, Игорь испытал почти физическую боль. Такое помнится из детства, когда стоишь над безвозвратно испорченной любимой игрушкой... Вот потускнеют розовые с крапинками бока, и пестро-радужная живая торпеда превратится в ущербную плоть, годную лишь для уха, для кастрюли. Но, будто укор, в эти последние мгновения рыбьей жизни свершается

непостижимое таинство смены окраски, сравнимые разве что с превращением красок рассвета на нижнем краешке неба. Каждый, наверное, наблюдал, как перед утренним появлением солнца происходит эта смена радужного многоцветья. Но стоит выглянуть из-за кромки горизонта крохотному кусочку золотистого диска – и уже не осталось ничего, кроме блеклого, словно бы застиранного полотна неба. Потом, правда, осветят горячие солнечные лучи тайгу, выявят все ее зеленые оттенки, но все равно не выжгут в душе неясное сожаление. Оттого людям, часто встречающимся в тайге рассветы, контрастные краски дня кажутся более скучными и невыразительными...

Взревел капризный мотор, и опять слева и справа от лодки начали сменять друг друга похожие и непохожие одна на другую, поросшие сплошным таежным лесом горы. Что Игорю неизменно нравилось в его работе, так это беспечно плыть в лодке, смотреть на причудливо возвышающиеся над вершинами деревьев скалы, на вырывающиеся из широких логов и узких ложков пенные ручьи.

Память выловила вдруг из закоулков памяти те первые, четырехмесячной давности, ощущения. Тогда, весной, он в первый раз плыл с Антоном по Енисею. Неясное волнение, ожидание за каждым поворотом увидеть чудо не оставляли его ни на секунду, не позволяли отвлечься даже на то, чтобы перекинуться фразой. Так и просидел, замерев, в носу лодки полдня, восторженно и чутко всматриваясь и вслушиваясь во все окружающее. Память впитывала новые ощущения впрок и навсегда. Весной склоны сопок были светло-зеленого цвета – только что распустилась первая листва. Будто нашедший необыкновенно нежную и прозрачную краску художник сперва в восторге сплошь покрыл ею все горы на своем полотне, а потом, опомнившись, дорисовал небрежными темно-зелеными мазками верхушки разлапистых кедров вперемежку с коническими зубцами пихт. И словно повисли они, невесомо паря в зеленой дымке. И так поворот за поворотом – везде одно и то же – словно серия эскизов, отличающихся только самому художнику известными деталями.

Игорю подумалось, что пора бы уже привыкнуть к енисейскому простору, к многообразию тайги, к буйству воды. Хотя как привыкнешь к сочетанию бесконечной глубины горных пейзажей и их абсолютной досягаемости? Ведь стоит причалить к берегу – и можно поласкать живую зелень рукой, а можно уйти туда, вглубь,

и навсегда затеряться в шелестящем, поющем, дурманно пахнущем мире...

Впереди, по левому берегу, он вдруг заметил всадника. Тот был одет в сильно выгоревший на солнце, когда-то, похоже, серого цвета плащ, из-под которого выглядывали кожаные сапоги. Голова всадника обмотана пестрой тряпкой, за спиной к седлу приторочен большой, но, видимо, легкий мешок. Рыжий, с коротким хвостом, конь осторожно и неспешно ступал через корневища и поваленные деревья.

Всадника то и дело закрывали кусты, и только когда лодка проплывала мимо, Игорь, к своему удивлению, разглядел, что это женщина, вернее, старуха.

– Смотри, старуха на лошади едет! – громко крикнул он Антону и тотчас ощутил, будто дробь мотора ввинтилась в мозг, и даже волна похмельной тошноты поднялась к самому горлу.

– Хара Хыс это – Черная девушка по-ихнему! – прокричал в ответ Антон, даже не взглянув на берег. – Не пяль на нее глаза, а то сглазит!

Игорь подумал, что Антон шутит, хотел было спросить, кто она такая, но даже сама мысль об еще одном крике отозвалась дурнотой.

Меж тем река круто повернула влево, и странная женщина пропала из виду. До следующего поворота Игорь продолжал смотреть назад, зачем-то мысленно торопя всадницу.

– Голову! – неожиданно заорал Антон. – Голову пригни, раззява!

Игорь недоуменно уставился на него – при чем здесь голова? Но напрягшийся и весь подобранный Антон впился неподвижным взглядом во что-то за Игоревой спиной, и ничего больше не существовало для него, кроме этой неведомой опасности, надвигающейся оттуда.

Игорь резко повернулся, в тот же миг скользкая упругая ветка больно стегнула его по лицу. Инстинктивно шарахнувшись, он потерял равновесие – и грохнулся прямо на ребристую слань. Над головой пронеслось что-то темное, потом лодка вынырнула, словно из тоннеля, из-под густой зелени нависающих деревьев.

Поднявшись, он потрогал щеку – от верхней губы до самого уха ощутимо вспухал рубец.

– Глаза целы?!

Голос Антона прозвучал, как показалось Игорю, насмешливо. Он даже разозлился: «Смешно ему! Сам-то, небось, пригнулся!»

– Я в первый раз тут вообще чуть не перевернулся! – будто оправдываясь, прокричал Антон. – Так вперед мотором и вынесло в Енисей. С перепугу румпель бросил – за борта уцепился! Так что ты еще молодцом...

Ниже тесных каменных щек открывался словно бы иной мир – с шумом, с белыми пенными хлопьями речка Абасуг вырывалась на простор и вольно разливалась вдоль песчаной косы. Только эти белые, будто пенопластовые, хлопья и напоминали о буйстве в кипящих порогах и в ошестинившихся ошкуренными вершинами древесных заламах.

Пока они на самых малых оборотах осторожно спускались вдоль мелководья по узкому фарватеру, Игорь не сводил глаз с серой крыши метеостанции, возвышающейся над подмытым паводками высоким берегом. Потом лодку подхватило стремительное течение Енисея, пришлось прижиматься к урезу – и метеостанцию закрыла кромка глинистого обрыва.

Метеостанция

Причалили рядом с длинными деревянными лодками, черными от гудрона. Подальше от воды был вытащен сильно помятый «Прогресс».

«Где же его так?» – удивился про себя Игорь.

– А Пашиной лодки нет. Рыбачит, должно быть? – отметил Антон.

Он по-хозяйски захлестнул веревку на одной из свай водомерного поста, свежеокрашенные белые столбики которого спускались от самого подножья обрыва к воде, затем осмотрел и зачем-то попинал «Прогресс». Только после этого стал подниматься на высокий берег по сколоченному из двух досок трапу.

«Как у себя дома, – подумал Игорь. – Хотя, он ведь здесь часто бывает. Потому и послали, что со здешним метеорологом лично знаком...»

Он хотел было захватить ящик с теодолитом, но Антон махнул с берега рукой, останавливая:

– Оставь, потом все вытащим!

Балансируя на узком, играющем трапе, Игорь гадал, как по нему носят лодочные моторы, как другие грузы перетаскивают?

– Водомерные сваи как на смотр выкрасили, а лестницу путевую сделать не могут... – проворчал он уже вслух, хотя и неизвестно для чьих ушей.

Тут из распахнутых, по-купчески обстоятельных, массивных ворот выбежали две белые, абсолютно одинаковые лайки и замерли, раздумывая, лаять или не лаять на чужаков. Видимо, признав, как по команде завилили хвостами, деловито обнюхали сначала Антона, затем идущего сзади Игоря и затрусили рядом.

При ближайшем рассмотрении ворота являли собой не просто необходимый элемент изгороди, а гимн деревянному зодчеству – настоящий шедевр домовой архитектуры. На самокованных фигурных навесах, они были набраны из плотно пригнанных лиственничных досок, да еще и с двускатной крышей. Но не это было главным: сказочными диковинами смотрелись сделанные из тонких ошкуренных поленьев макеты. На левом столбе ворот присела посеревшая уже от времени, оттого совсем похожая на настоящую, избушка на курьих ножках, на правом – ярко раскрашенный пряничный домик с золотым петушком на крыше. А над серединой ворот на коньке возвышалась ветряная мельница с почти как настоящими, застекленными окнами и красным, с белыми полосками, ветряком.

– Когда ветер дует, то в окошках свет горит, – пояснил остановившийся перед воротами Антон. – Там внутри велосипедная динамка и лампочки.

– И кто же это такое чудо сотворил?

– Сам Паша, когда еще ребяташки тут жили. У него зимой свободного времени уйма, вот и развлекался.

Пройдя через ворота, Игорь не удержался и оглянулся – захотелось еще раз прикоснуться к сказке и хотя бы на мгновение очутиться в мире детства с его ежеминутными восторгами и долго не проходящей светлой радостью...

Брусовой дом с пристроенным навесом казался огромным, будто казарма, а дальше простирался бескрайний – под стать самому дому – огород. Окидывая его взглядом, Игорь обратил внимание, что за изгородью, чуть возвышаясь над ней, движется голова – кто-то ехал на лошади. Приглядевшись, узнал ту самую старуху, что повстречалась им в тайге.

«Как же она одновременно с нами успела, да еще с другого берега речки?..» – изумился он. Хотел было спросить Антона, но тот торопливо, словно чего-то испугавшись, юркнул в сени. А странная всадница, даже не взглянув, проехала до угла изгороди и скрылась за деревьями.

От сваленных в углу мокрых сетей в сенях резко пахло рыбой и водорослями. Игорь задержал дыхание и, найдя обитую войлоком дверь, торопливо ее открыл. Его обдало пьянящим запахом свежее испеченного хлеба. Притупившееся чувство голода мгновенно проснулось, да так, что желудок отозвался тупой болью – еще бы, ведь с утра во рту маковой росинки не было. По огромному дому гулко разносился голос Антона:

– Здравствуй, тетя Маша – радость наша! Как вы тут без меня поживаете? Не одичали еще вконец?

Хозяйка, нестарая еще круглолицая и черноглазая женщина, радостно ахая, поворачивала Антона к свету, заглядывала в лицо. Потом принялась за Игоря, улыбаясь ему, вытирая заслезившиеся от радости глаза. Заторопилась собирать на стол ужин.

– Сам-то с рыбалки только приехал, – рассказывала она, – а тут Матолай пришел. Медведь корову у него задрал. Паша сети в сенях бросил, карабин взял – и с ним. Давненько уж уплыли. Скоро, поди, вернуться должны... – Минуту помолчала, о чем-то задумавшись, и спросила: – А вы все ГЭС свою строите?

И, заранее зная ответ, тут же заговорила о своем. Она налиwała в тарелки борщ, резала хлеб, а сама говорила, говорила без остановки. Скоро Игорю стало казаться, что слова ее, теплые и округло-гладкие, завораживая и успокаивая, сыплются безостановочно разноцветной стружкой, словно речные камешки. Речь Марии Васильевны была окающей, но не настолько явно, как у вологодских жителей, а помягче – точно так же говорила когда-то ярославская бабушка Игоря. Сразу улетучилось раздражение: стало тепло и уютно в этом, казалось бы, чужом, незнакомом доме – будто он, как когда-то в детстве, приехал на каникулы к бабушке в деревню.

Мария Васильевна поинтересовалась «городскими новостями», явно не зная, о чем и спросить, зато, начав рассказывать здешние, все такие важные, сразу оживилась, часто всплескивала руками, словно приглашая гостей в свидетели.

– Скоро мои Ванятка с Мишей из интерната приедут. Только больно короткие у них каникулы-то. А уж как я по ним соскучилась, как соскучилась, просто страсть!

И теперь обращаясь уже к Игорю, без какой-либо связи поинтересовалась:

– А Вы в отпуск или по работе?

– Мы по работе, – опередил с ответом Антон. – Метеостанцию вашу на новое место будем переносить. Вернее, площадку под нее намечать.

– Ну да, ну да, – горестно, словно услышав скорбную весть, Мария Васильевна закивала головой. – По рации-то передавали, что геодезиста пришлют. Это Вас, значит, Игорек?

Игорь кивнул. Запивая молоком душистый, еще теплый хлеб, он не столько участвовал в разговоре, сколько разглядывал обстановку комнаты. Тяжелый, рассчитанный на десяток человек стол, свежепобеленная русская печь с лежанкой, потемневший от времени, заставленный разнокалиберной посудой огромный буфет. По назначению – вроде бы кухня, а на стенах фотографии в деревянных рамках, барометр, рисунки на картонках, выполненные нетвердой детской рукой. И тут же явно профессиональная акварель.

– Это прошлым летом художники гостили, – заметив интерес гостя, пояснила хозяйка. – Обещали еще приехать, да что-то нет их... Зато вы вот приехали!

Начальника метеостанции ждали долго. После ужина перенесли все из лодки в дом, потом Игорь помогал Антону солить рыбу, после этого разбирали на улице мокрые сети.

Звук лодочного мотора донесся с реки, когда солнце уже скрылось за горой, напоследок окрасив ярким пурпуром стену напротив окна. К этому времени Игорь знал, что живут здесь метеорологи более двадцати лет, что у них девять детей – шестеро парней и три девчонки. Семеро уже окончили школу, и кто работает, кто учится дальше, лишь двое младших в интернате. Их-то и ждут со дня на день на каникулы.

Павел Семенович и Матолай

Павел Семенович от дверей глянул хмуро, но, увидев гостей, как будто маску снял – стер с лица усталость, как вытирают осевшую за день пыль.

Игорь с интересом разглядывал метеоролога. Был тот среднего роста и не то чтобы солидного, но какого-то основательного телосложения, подразумевающего привычку к дальним переходам и каждодневным лишениям. Круглое, с мягкими чертами лицо гладко выбрито – а Игорь уже привык, что таежники всегда бородаты. И глаза добрые, глубокие, как два синих озера, которые просто невозможно представить подернутыми рябью или замутненными ненастьем.

Следом как-то нерешительно протиснулся в приоткрытую дверь худощавый, невысокий хакас. На вид ему с одинаковой вероятностью можно было дать и сорок лет, и все шестьдесят – такие лица бывают обычно у людей, постоянно работающих на ветру и на морозе.

Метеоролог по-мужски крепко жал руки, потом радушно потрепал Игоря по плечу, как бы подтверждая, что в этом доме он – желанный гость. Зато его угрюмый спутник лишь молча кивнул и сразу присел на скамью, с самого краешка – будто на насесте примостился. Пока хозяйка собирала на стол, он так и сидел: скорбно поджав губы и устремив взгляд в одну точку. Но когда Антон жестом фокусника достал из рюкзака фляжку со спиртом, хакас все же придвинулся к столу, будто наконец решившись присоединиться к компании.

– Матолая много не наливать! – проговорила, как приказала Мария Васильевна.

– Да мы по чуть-чуть, – заговорщически подмигнув хакасу, Антон потряс полной фляжкой. – На четверых мужиков – здесь только усы обмочить.

– Я не буду, – Игорь отодвинул стакан, – завтра весь день под завязку придется работать.

– Работа не водка – и месяц простоит! – наседал Антон, поглядывая на метеоролога и явно рассчитывая на его поддержку.

Но тот промолчал.

– Не буду, – повторил Игорь. – У меня и со вчерашнего в голове шум.

– Ну, как хочешь! Нам больше достанется, – отступился, вроде бы даже как обидевшись, Антон. – На святой Руси всегда говорили: пьян да умен – два угодя в нем.

Игорь не нашелся, что ответить, только упрямо мотнул головой.

– Ну и ладно, – осклабился Антон. – Пусть нам будет хуже!

Он выпил спирт залпом, даже не поморщившись – вот, мол, как мы можем. Матолай припал к стакану с жадностью, но пил медленно и с отвращением, словно отраву глотал. Игорь обратил внимание, что Мария Васильевна смотрела на хакаса с явным сочувствием. Последним выпил Павел Семенович, который стакан держал долго и нерешительно, при этом поглядывая на жену и как бы извиняясь – мол, ничего здесь не поделаешь, а гостей уважить нужно.

Сразу завязался малосвязный и пока еще ни о чем конкретном, но все-таки общий разговор.

– Долго вы на своей «Казанке» сюда по Енисею поднимались? – поинтересовался метеоролог.

– Что я, на всю голову простуженный?! – по губам Антона скользнула снисходительная усмешка. – Мы на машине до Абасуга по тракту добрались, а лодку я уж поблизости заимствовал. Мне Гришка-лесник в прошлом крепко задолжал. И, как говорится, махнули часы на трусы.

Он дурашливо пропел:

У меня трусы в горошку, хороши да хороши,
Все девчата приставают: покажи да покажи...

Никто не засмеялся. Захмелевший Антон ухмыльнулся было, но, ощутив, что у окружающих не то настроение, обвел застолье сразу протрезвевшим взглядом.

– Гришка-лесник через эти пьянки и семью-то потерял, – сказала Мария Васильевна со вздохом.

– Да не поил я его! – тотчас стал оправдываться Антон. – А за амортизацию лодки полбочки бензина оставил...

– Надолго вы к нам? – сменил тему разговора метеоролог.

– Это уж... как начальник, – Антон покосился на Игоря. – Говорит, что на пару дней.

Общее внимание неожиданно переключилось на Игоря, и он, смутившись, спросил первое, что пришло в голову:

– А чей там «Прогресс» на берегу? Как будто под бомбежкой побывал...

– Прошлой осенью геологи оставили, – пояснил метеоролог. – Обследовали в верховьях обвалоопасные участки, которые потом могут в водохранилище обрушиться, да подзадержались – вот их и протасило с шугой по всем прижимам. Ума не приложу, как до нас-то сумели добраться, не опрокинулись нигде? Три дня у нас

на метеостанции жили – вертолет дожидались. Мотор лодочный забрали, а «смятку» эту дюралевую оставили.

– Матолай, ты, помнится, говорил, что лодка у тебя сильно старая? – оживился Антон. – Завтра вмятины у «Прогресса» выправим – и забирай!

– Этот катер нельзя брать, этот катер чужой, – глухо проговорил хакас после недолгого раздумья.

– Да ведь бросили его геологи! Так и будет валяться!

– Чужое не возьму – у нас в роду такого никогда не было.

– Так уж и не было? – Антон снисходительно усмехнулся. – Сам же рассказывал, как прежде лошадей воровали.

– Это у нас лошадей украли, – возразил Матолай. – Так это, считай, что и не воровство было, а так – удаль показывали.

– Ты Матолая не обижай, а то поссоримся. Могу даже побить, – то ли в шутку, то ли всерьез предупредил Павел Семенович, – ведь он мне как брат. Он мне жизнь спас.

– Да ладно, ничего... – Матолай махнул рукой. – Зато наши тех воров крепко проучили. Отец рассказывал, что те в юрте закрылись, так он сунул сверху жердь и давай ею внутри шуровать. Как они кинутся в разные стороны!..

Глаза Матолая весело заблестели, будто он сам участвовал в этом веселом приключении. Только теперь Игорь как следует разглядел хакаса: туго обтянутое смуглой кожей лицо, ровные, удивительно белые зубы и глаза – то колючие, настороженные, то вспыхивающие живыми искорками, но сразу прячущиеся в глубину. Одежда на нем была чисто таежная: старенькая, прожженная в нескольких местах штормовка, полинялая фланелевая рубашка, серые хлопчатобумажные брюки заправлены в запыленные кожаные сапоги. Под штормовкой на поясе в самодельных ножнах – узкий нож с костяной ручкой и потертый патронташ – ружье, по-видимому, оставил в сених.

– Павел Семенович, расскажите, как Вас Матолай спас! – попросил Игорь метеоролога.

– Да это года три уж прошло! Мы тогда на Енисее толщину льда замеряли. Как раз в устье Кедрового ручья. Вроде бы и не впервой, но, как говорится, на старуху тоже бывает проруха, – проглядел я запорошенную полынью. Ухнул так, что одна шапка сухой осталась. А мороз бы-ыл, – метеоролог передернул плечами, – тридцать

с хвостиком. Одежда, конечно, сразу колом встала, и самое-то страшное, что спички намокли. Матолай не курит, так он их, как на грех, вообще забыл. Что тут остается делать – только замерзаты!? Ну, Матолай снял одежду и мне отдал, а сам разорванной рубашкой обмотал ноги – и семь километров бегом по снегу. Представьте-ка: в одних кальсонах да в майке...

– Такой вот он, наш Матолай... – добавила Мария Васильевна, ласково погладив хакаса по плечу.

– Да чего там... – смущенно отозвался Матолай. – Паша бы так же поступил... Главное, что на голове шапка была.

Все засмеялись, но как-то смущенно. Видно было, что здесь не принято в глаза хвалить друг друга. Даже Антон посмотрел на Матолая с удивлением, словно в первый раз увидел – видимо, история эта была ему неизвестна.

– Разорил мужика медведь... – метеоролог тяжело вздохнул.

Все замолчали, испытывая какую-то вину. Антон снова плеснул в стаканы спирт.

– Не хочется вам, наверное, отсюда уезжать? – спросил Игорь, чтобы избавиться от неловкости.

– Да и сам не знаю, – метеоролог снова глубоко вздохнул. – Вроде бы все согласовали, на днях уже новый начальник метеостанции прибудет... Решить-то решили, но до сих пор не верится, а с другой стороны, пора уж – дети выросли, поразъехались, надо и нам поближе к ним перебираться.

– Кто знает, как там дальше-то будет? – поддержала мужа хозяйка. – Ездил я к сыну в Красноярск, хотела с месяц у них погостить – и не смогла. В выходные-то еще ничего – он с женой и внучата весь день дома, а в будние дни хоть волком вой, потому что не знаешь, чем и заняться. Говорю сыну: «Ты уж, Николай, меня извини, но поеду-ка я домой».

– Через две недели прикатил, – продолжил метеоролог с улыбкой, – а то все твердила: «Устрою, наконец, от тебя отпуск...»

– Зачем вам к кому-то ехать? – встрепенулся Антон. – Стройте свой дом. Лес прямо здесь заготовим – и плотом до ГЭС. Если хотите, то я сам все оформлю – у меня в лесничестве есть друзья, которые вместо бинокля в чехле два стакана носят.

Он захохотал над собственной шуткой и столкнул локтем пустой стакан. Брякнувшийся на пол стакан не разбился, а покатился куда-то в угол. Антон пошарил под столом и, не найдя, заверил:

– Найдем, когда там будем...

Идея насчет плота Антона, похоже, увлекла.

– А чего им этот лес жалеть, – то ли спрашивая, то ли убеждая себя, продолжил он. – Все равно ведь водохранилище все затопит.

– Во, во, – закивал головой метеоролог. – Плавал я по вашему водохранилищу. Специально пятьдесят километров туда, пятьдесят обратно бензин жег – интересно было на него взглянуть.

– Ну, и как? – заинтересовался Антон. – Впечатляет?

– Ага, впечатляет – из воды верхушки кедров торчат, желтые уже, а ветер от берега к берегу деревянные острова гоняет.

– Ничего, – успокоил Антон, – что-то, конечно, всплывет, а остальное заилит.

– А вы думали своими бестолковками, что вся рыба потравится? – взорвался вдруг Павел Семенович. – Ведь сколько древесины под воду уйдет – уму непостижимо! И она там не год будет гнить и даже не пять...

– Так ведь все до щепочки убрать невозможно, – стал оправдываться Игорь, будто в этом была и его вина, – водохранилище-то огромное, пока в одном краю вырубают – в другом уже снова подлесок вырастает. Зато сколько сразу электроэнергии прибавится!

– Не о подлеске и речь, а что до электроэнергии, так нам от нее ни жарко, ни холодно – все одно ЛЭП сюда не потянут. Как был мотодвижок, так и будем солярку жечь.

Игорь начал было говорить о техническом прогрессе, но метеоролог привел бесспорный, с его точки зрения, довод:

– Нужен ли такой прогресс, который все в пустыню превращает? И так уж скоро на Земле мест, пригодных для жизни, не останется. Все в пустыню превращаете, а чтобы наоборот – так либо денег нет, либо руки не доходят...

– У вас вон тоже руки не доходят лестницу на берег сделать, – выложил свой последний козырь Игорь.

– Да была там лестница! – Павел Семенович скривился, словно от зубной боли. – Какие-то туристы, ваши же горожане, ночью сплавлялись, так в костре ее спалили. Лень было, видишь ли, плавник поискать! А оставь здесь дом без присмотра, так и дом спалят!..

– Тебе-то что, все равно ведь уезжаешь? – разливая по стаканам остатки из фляжки, вмешался захмелевший Антон.

«Тоже мне, ровесника нашел», – вновь с неприязнью подумал Игорь, слух которого резануло обращение «тебе».

– Я-то уезжаю, но ведь сюда другие люди приедут, – неожиданно спокойным голосом возразил метеоролог. – Вот вы там в газетах пишете, что энергетическое чудо двадцатого века возводите, а мы здесь только то и видим, как природу поганите. Чему нам следует верить: газетам или собственным глазам?

Игорю от таких слов стало обидно, словно упрек и впрямь относился к нему.

– Это пока издержки производства, – пояснил он, – но со временем найдут другие виды энергии или хотя бы более рациональные методы.

– Это все умные разговоры, – не сдавался метеоролог. – Методы методами, но ведь не выполняется даже то элементарное, что было запланировано. Вон, в верховьях леспромхоз хлысты потолще вывозит, а остальное на потом оставляет. И ведь всем ясно, что потом – это никогда, но все глаза закрывают. Сейчас надо порядок наводить, пока не поздно!

Игорь взялся было спорить, доказывать, но вдруг осознал, что не может найти достаточно убедительных доводов – то, что там, на стройке, казалось мелочью, здесь как раз и было самым главным.

Заметив его растерянность, тактичный Павел Семенович сменил тему разговора – заговорил об охоте. И тут то ли от усталости, то ли от наступившей сытости, но Игоря подняла и понесла куда-то зыбкая убаюкивающая волна. Веки слипались, не подчиняясь уже никаким усилиям воли.

– Игорек, да ты уже спишь совсем? – хозяйка легонько потрясла его за плечо. – Сейчас я тебе постелю.

Она принесла из кладовки в соседнюю комнату две подушки, одеяло и, указав на широченную деревянную кровать, сказала:

– Вот здесь с Антоном и ложитесь.

Случайно услышанный разговор

Громкое тиканье настенных ходиков не давало заснуть, как он ни старался. И вставать было неудобно, ведь только что за столом клевал носом – а в мягкой, уютной постели возникло, как будто придя из детства, чувство заброшенности. Он гость и все равно чужой в этом доме – строили дом не для него, и уедет он, так ничего

здесь не изменится. Через год, а может, и раньше перестанут его вспоминать, потом и вовсе забудут: сперва имя, затем лицо, а после и сам факт его приезда...

В соседней комнате громко говорили об охоте, о медвежьих повадках, причем голос Антона заглушал все остальные.

«Тоже мне, крупный специалист нашелся, – подумал Игорь с усмешкой. – Наверяд ли с живым медведем встречался, а настоящим таежникам слова не дает вставить...»

Серебряная луна перечеркнула широкой полосой крашеную стену напротив окна, высветив все неровности и сучки. Игорю вспомнился бабушкин дом. В памяти он возникал большим и светлым, и Игоря каждый раз удивляло, почему, когда он приезжал в начале лета на каникулы, потолок казался низким, окна маленькими, а дальние от окон углы – сумрачными. Правда, через несколько дней дом раздвигался, светлел, растягивался в высоту – он словно бы приспособливался к новым жильцам, распрямляясь от зимней спячки...

От стены заметно пригревало – из деревянной переборки чуть выступал бок печи. Игорь протянул руку, и сухое тепло быстро распространилось до самого плеча, будто ладонь впитывала его из шершавого кирпича и отдавала крови.

...А в бабушкином доме тоже жила печь – именно жила, потому что за ней любовно ухаживали: открывали и закрывали заслонку, выметали каждый день золу еловым помелом на длинной ручке – и тогда в доме густо пахло хвоей... Печь любили наравне, пожалуй, с красно-пестрой коровой Зорькой, которая утром и вечером давала по полному ведру молока. Уходя доить, бабушка отрезала для Зорьки горбушку хлеба, посыпала ее солью, а потом приносила молоко и, словно священнодействуя, неторопливо разливала его по одинаковым глиняным крынкам. Печь тоже кормили – только звонкими березовыми поленьями, белыми, с кудрявыми завитками бересты на боках и с блестящими, словно лакированными, сучками. Дрова в дом заносили с вечера, а разжигание дров в печи – это великое таинство – происходило ранним утром, когда ребятня еще спала на сеновале или в прохладном и темном чулане, закутавшись в безразмерное лоскутное одеяло. Каждый раз Игорь ложился с твердым намерением проснуться рано-рано, но утренний сон так сладок... За завтраком бабушка доставала из горячей еще печи пшенную кашу в глиняном горшке, крынку топленого молока с

коричневой вкусной пенкой, на которую раз и навсегда детворой была установлена очередь, и румяные сочные ватрушки. А таинство так и осталось на долгие годы таинством...

Игорь услышал, как, скрипя половицами, хозяйка прошла в свою комнату. Потом кто-то вышел на улицу.

– Матолай, может, у кого из ваших шкурки с зимы остались? – довольно внятно донесся негромкий голос Антона.

Игорь прислушался.

– Нет, все сдали, однако, – язык у Матолая заплетался, поэтому слова звучали не вполне разборчиво. – Только у меня рысь осталась... Дочке ко дню рождения берегу... Скоро ей пошлю. Давно шкурку обещал...

– Слушай, Матолай, – голос Антона оживился, – ты ведь меня знаешь – я тебе друг... У меня еще спирт есть. Я тебе и денег дам – подарок дочке купишь. И спирта дам: хороший спирт, медицинский, крепче не бывает.

Игорь слышал, как Антон поднялся, уронив при этом с грохотом скамью, как прошел в угол и, постояв там, вернулся. В наступившей тишине слышно было даже, как забулькал разливаемый спирт. Звякнули стаканы, Антон крикнул, снова заговорил, но уже тише, почти шепотом.

«Так вот он зачем целую канистру спирта вез!..» – только сейчас понял Игорь.

Ночное происшествие

Среди ночи Игоря разбудили громкие голоса и шаги. Встревоженно говорила Мария Васильевна:

– А я сквозь сон слышу, вроде кричит кто-то? Да и давно уж! Может, Игоря разбудить?

– Я не сплю, – отозвался он, поднимаясь с постели.

Уже одетый, Павел Семенович при свете керосинового фонаря заряжал карабин. Игорь быстро надел рубашку и натянул кирзовые сапоги на босу ногу. Одеваясь, все время прислушивался. Действительно, со стороны метеоплощадки время от времени доносился приглушенный крик: «Помогите!.. Люди!..» И после недолгой паузы опять: «Лю-ю-ди!..»

Выскочили на улицу. С метеоплощадки слышались не то стоны, не то всхлипывания, а со стороны поселка – суматошный собачий лай. Мертвенно-белым светом заливала все вокруг огромная луна.

Павел Семенович, ориентируясь на звуки, уверенно направился к бетонному бассейну. Игорь еще вчера поинтересовался, для чего служит эта круглая, метра четыре в диаметре емкость – не купаться же? Оказалось, что в ней измеряется количество испарившейся за сутки воды. Сейчас над переброшенной через бассейн доской возвышалось что-то круглое, шевелящееся. Подойдя ближе, Игорь даже без фонаря разобрал, что это человеческая голова – голова Антона. Тот, увидев приближающихся людей, закричал:

– Мужики! Мужики! – потом всхлипнул. – А я уж думал, что так глупо погибать придется...

Павел Семенович вдруг фыркнул и, не удержавшись, расхохотался.

– Ну, ты даешь! Купаться надумал, что ли? Ну, даешь! Сколько же ты здесь, парень, сидишь?

– Вытаскивай скорей, а то сил уже не осталось! – уже не просил, а умолял их Антон. – Глубина тут – дна не достать, да еще и течение, того гляди, оторвет!

Метеоролог в новом приступе смеха перегнулся пополам, потом подошел к Антону.

– Гребь к берегу, а то вцепился так, что вдвоем не оторвем.

«Про какое течение Антон городит? – думал Игорь. – Совсем пьяный, что ли?»

А тот, барахтаясь, и бестолково колотя руками по воде, ухватился за бетонный борт и... поднялся. Глубина была едва ему по грудь.

Тут и до Игоря дошел весь комизм происходящего. Они с метеорологом хохотали, а мокрый Антон ошалело смотрел то на них, то на бассейн. Наконец, видимо, сообразив, пробормотал:

– Это все старая ведьма, это она, Хара Хыс, завела.

– Пить меньше надо, – буркнул Игорь. – И не шариться ночью черт-те где.

На крыльце метеоролог остановился и, прислушиваясь к разноголосому собачьему лаю, проговорил: – Зверя, что ли, собаки гоняют?

Подошедший Антон достал из-за пазухи какой-то сверток и, стряхивая с него воду, пробормотал:

– Нет, все-таки это она, шаманка проклятая...

Лежа в постели, Игорь слушал, как вполголоса ругался в темноте Антон, стягивая мокрую одежду, как за стеной смеялась Мария Васильевна, видимо, над рассказом мужа – и незаметно уснул.

Мария Васильевна

Утром Антон неожиданно предложил:

– Хочешь копченой медвежатины домой увезти?

– Неплохо бы, конечно... А откуда? – поинтересовался Игорь, наливая в умывальник воду.

– Ты, главное, сегодня поработай с Матолаем, а мы с Пашей поплывем медведя сторожить. Матолай ведь все равно на метеостанции рабочим числится.

– Мне, в общем-то, все равно, – растерялся от такого предложения Игорь. – Если Матолай не будет возражать...

– Ну, это я беру на себя, – Антон расплылся в довольной улыбке.

Похоже, он не испытывал ни малейшего смущения за ночное происшествие.

– А за мной не пропадет. Как говорится, доброе дело не останется безнаказанным.

Мария Васильевна в разговоре не участвовала, хотя и поглядывала в их сторону, и лишь после того, как Антон вышел, попросила:

– Возьми ты Матолая – пусть проветрится, а то ему теперь, после вчерашнего, не остановиться. Он, пока трезвый, – работник, а как выпьет хоть чуть-чуть, то на все ему наплевать. Уж я с ним сколько раз говорила, и жена его пьяного колотила – ничего не помогает. Как придут гости с водкой, так и напьется. Если бы не шаманка, давно бы уж, наверное, спился.

– Шаманка? – переспросил Игорь, подумав, что ослышался.

– Да, хакасы Хара Хыс так называют.

– Так она что, действительно... настоящая?

– Уж какая она там, настоящая или нет, не знаю, но болезни травami и наговорами лечит – это точно. Вроде наших русских знахарок. Пять лет тому назад Ваню моего вылечила – у него, у сердешного, такой жар был, что задыхался. А дело было в феврале, по реке всю дорогу перемело, да и рация, как на грех, отказала – вертолет не вызовешь. Вот Паша и привел Хара Хыс. Она по-своему пошептала-пошептала, отваром какой-то травки напоила – и к утру жар как рукой сняло.

– Это просто отвар помог, – сказал уверенно Игорь.

– Может, и отвар... Только ведь она по-разному лечит: кого травami, а из кого и злых духов изгоняет. Верят еще в них старики по

старой памяти. Когда мы сюда только приехали, жив был еще и отец ее, Икен – так вот он настоящим шаманом был. Помню, соберутся все взрослые в доме больного, а он почитай всю ночь в бубен бьет да кричит что-то. Мне самой, бывало, жутковато станет – ночью-то хорошо слышно... – Мария Васильевна даже зябко поежилась. – Вроде бы и все лечение, что на духов покричит, а смотришь, через день-два больной безо всяких лекарств поднимается.

У Игоря не было оснований не верить Марии Васильевне, но в сознании все же как-то не укладывалось: конец двадцатого века и... живая шаманка. Транзисторный приемник, вон, на столе поет, метеоролог по праздникам для всего поселка современные фильмы крутит, вертолетом товары доставляют... Шутит, наверное, хозяйка?

Мария Васильевна принесла из сеней банку прохладного молока, поставила на стол блюдо еще теплых – когда только успела напечь – пирогов.

– Что-то мой с Антоном больно долго собираются... – она посмотрела в окно и продолжила прерванный разговор:

– Матолай как-то рассказывал, что его в детстве шаман от простуды лечил. Холодной водой обрызгал, а потом как начал веткой боярки стегать, а она колю-ю-чая, так Матолай мигом про болезнь забыл, из дома босиком на мороз выскочил...

Речь Марии Васильевны, как и вчера, текла плавно, завораживая, заставляя сидеть и слушать, в то же время сама хозяйка ни минуты не сидела на месте, все время что-нибудь делала.

«Все-таки скучно ей здесь, – подумал Игорь. – Наверное, с мужем лет на десять вперед все переговорили?».

– А Вы не жалеете, что столько лет в этой глуши прожили? – задал Игорь со вчерашнего вечера интересовавший его вопрос. – Давно ведь могли замену попросить и в город уехать. Все-таки у обоих высшее образование – давно бы уже работали где-нибудь в управлении.

– Да разве может высшее образование или высокая должность человеку счастья добавить? – ответила вопросом на вопрос Мария Васильевна. – Я так думаю: главное в жизни, чтобы твоя работа людям была очень нужна. Если не нам, так кому-то другому все равно пришлось бы здесь работать... А для женщин что самое важное, как думаешь?

Игорь пожал плечами.

– Дом и семья, – сказала Мария Васильевна уверенно. – А на мужа и детей мне грех жаловаться – дай Бог каждой матери таких детей! Иногда вот думаю: ведь это я их такими воспитала – и даже гордость в душе поднимается. А в доме у нас все было, что для нормальной жизни нужно, так что я себя и свою семью ни в чем обделенными не считаю...

За завтраком Антон с Павлом Семеновичем так оживленно обсуждали предстоящую охоту, что Игорю даже завидно стало – он и сам был бы не прочь присоединиться, но слишком много времени уже потеряно.

Потом появился Матолай. Он вошел как-то бочком и молча присел на табурет, предварительно поставив его к двери. По сравнению со вчерашним, он посерел и будто съезжился.

«Однако рабочий из него сегодня...» – с тоской подумал Игорь.

Таг ээзи, страж Алтын суга

Место для новой метеостанции Павел Семенович указал на карте еще вечером – давно его присмотрел. Игорю оставалось лишь отметить на склоне горы границы будущей метеоплощадки, чтобы после затопления водохранилища она очутилась возле самой воды. Тракторную дорогу до нее от старой площадки они тоже приблизительно наметили. Теперь нужно было всего лишь выдержать уклон, чтобы трактор не опрокинулся на крутяке.

За прошедшие полгода Игорь успел по-настоящему полюбить изыскательские работы, при кажущемся однообразии подразумевающие широчайший простор для творчества. Каждый раз словно шахматную комбинацию решал: как выполнить задание с наименьшим количеством съемочных точек, как завершить привязку красивой комбинацией. И если даже с утра бывало неважное настроение, то потом, во время работы, оно неизменно поднималось.

Вот и сейчас, радуясь солнечному дню, Игорь установил теодолит над колышком, навел трубу на рейку, записал отсчет – а в душе уже крепло предчувствие, что сегодня должно случиться что-то необыкновенное.

Закрепляя трассу будущей тракторной дороги, они прошли вверх по течению Абасуга с километр, но подходящего выхода

на склон горы не находили. Слева все так же, вплотную друг к другу, тянулись скальные обрывы, а справа сквозь зеленую стену густой черемухи проблескивала речка. Узловатые оголенные корни деревьев оплели камни, вцепились мёртвой хваткой, и даже ветви переплелись, чтобы сообща противостоять воде. Аккуратно посыпанная дробленым камнем дорога, будто специально кем-то проложенная вдоль подножья скал, повторяла все изгибы речки. Игорь поначалу и принял эту узкую каменистую полосу за дорогу, лишь потом сообразил, что и архитектором, и строителем была все та же вода – бурная весенняя вода.

Наконец, за очередной скалой, покрытой беловатыми – словно от разбрызганного известкового раствора – пятнами, Игорь увидел взбегающую наверх не то дорожку, не то выбитую маральими и косульими копытами звериную тропу. Поворот кое-как вписывался – и они, уже поверх скал, повели трассу назад.

Работником Матолай оказался толковым – все-таки научился кое-чему на метеостанции. Он быстро вник в суть дела, за работой даже несколько оживился, но все равно на Игоря посматривал настороженно, а на вопросы отвечал односложно и явно неохотно.

Когда отметили колышками углы будущей метеоплощадки, солнце уже начало клониться к закату. Притупившееся было чувство голода снова дало о себе знать, и Игорь в который раз пожалел, что постеснялся взять с собой предлагаемые Марией Васильевной пирожки.

«Ничего не попишешь, съемку площадки завтра с утра сделаю», – решил он и стал укладывать теодолит в ящик. Матолай, сложив рейку, стоял рядом и молча наблюдал.

– Кушать, наверное, хотите? – спросил Игорь.

– Да не помешало бы маленько, – Матолай в первый раз за день улыбнулся.

– А как поселок ваш называется? – спросил Игорь, восприняв улыбку, как наконец-то возникшее расположение.

Действительно, на карте показаны были дома возле метеостанции, но названия селения почему-то не было.

– Поселок-то? Алтын суг.

Даже Игоревых слабых познаний в хакасском языке было достаточно, чтобы понять.

– Почему «Золотая речка»? – удивился он. – Ведь в устье Абасуга, то есть Медвежьей речки?

– Не знаю, так предки назвали.

– А это правда, что Хара Хыс – шаманка? – задал Игорь со вчерашнего дня волнующий его вопрос, обрадовавшись, что Матолай наконец-то разговорился. – Антон вот говорил, что она и сглазить может?

Матолай метнул настороженный взгляд и тут же отвел глаза, ничего не ответив.

– И Мария Васильевна говорит... – продолжил Игорь, но Матолай его прервал:

– Мне домой можно идти?

– Можно, – разрешил Игорь, несколько даже обидевшись. – Сейчас вместе пойдем.

Матолай взял рейку, треногу и неторопливо зашагал вниз по склону. А Игорь замешкался, любуясь открывающейся отсюда, сверху, картиной: в зеркальную гладь Енисея тонкой струйкой расплавленного металла стекал Абасуг. Как будто увеличенное через зажатую между гор воздушную линзу, огромное солнце отражалось по всему займищу, даже в самых крохотных лужицах.

«Так вот откуда взялось название Золотая речка», – понял он и, надев на плечи лямки ящика, двинулся вслед за Матолаем.

Внизу, под самыми ногами, окруженная зеленью леса, четким цветным аэроснимком впечатана была метеостанция: светло-серый квадрат крыши, расчерченный грядками на прямоугольники огород, посредине мачта антенны с расходящимися веером растяжками. Приткнувшиеся к енисейскому берегу разноцветные будки с метеоприборами напоминали ряд ульев. Дальше, в сторону косы, похожей на высунутый розовый язык, разбегались маленькие серые домики. В расположении их не прослеживалось никакой системы – будто кубики, небрежно брошенные ребенком. Пятачки огородов, окруженные неровными заборами, лишь подчеркивали эту хаотичность.

Затерянный поселок... Затерянные люди. Зеленая тайга и покрытые синеватой дымкой горы сужали горизонт, но Игорь знал, что за ближними горами синеют другие – и так до бесконечности. До ближайшего поселка нужно целый день плыть на моторке по Енисею или много суток пробираться непролазными, местами, может быть, даже нехожеными дебрями. Это когда привыкнешь к сибирскому простору, то кажется, что сутки пути – совсем недалеко. По здешним меркам, и полтысячи километров до ближайшего города – почти рядом.

Он догнал нетерпеливо оглядывавшегося Матолая и пошел рядом. Тот насуплено глядел под ноги, не замечая, казалось, присутствия Игоря – похоже, просто не желал продолжать разговор. При каждом шаге из травы дружно вылетали разнокалиберные кузнечики и веером рассыпались по склону. В прокаленном солнцем и нагретыми скалами воздухе висели запахи полыни, спелых ягод и еще каких-то приятно пахнущих цветов.

То и дело нагибаясь, чтобы сорвать выглядывающие из-под глянцевого листьев ягоды дикой клубники, Игорь все думал над тем, почему же так резко Матолай оборвал разговор? И вспомнилось, как вчера за столом метеоролог поверг Матолая в немалое смущение рассказом о своем спасении. Сейчас, незаметно поглядывая на хакаса, Игорь искал на его лице печать героизма или хотя бы душевной силы. Искал и не находил – какая уж тут сила, если перед рюмкой устоять не может? Просто-напросто чувство взаимопомощи, кодекс товарищества у него в крови, и если даже не с молоком матери впитаны, то потом были воспитаны тайгой. Именно в этом главный закон таежной жизни, и кто не сумел принять его, тот, сломленный постоянными неудачами и отвергнутый немногочисленными друзьями, должен был сдаться – просто вынужден был перебраться в город. Конечно, человеку в одиночку везде тяжело, но в тайге он пропадет наверняка... Интересно, а как бы поступил в подобном случае Антон?..

Занятый своими мыслями, Игорь не смотрел по сторонам, автоматически отмечая лишь повороты тропы. Начался спуск к Абасугу – и тут слева, примерно в полукилометре, он различил нечто необычное на вершине бугра. словно бы ножом срезанную вершину затеняла старая развесистая береза, возле которой возвышался серый каменный столб.

– Матолай, что там такое?

Тот проследил за направлением руки и ответил коротко:

– Таг ээзи, хозяин горы.

Игорь явственно ощутил, как екнуло внутри сердце и спросил:

– А кто этот камень поставил?

– Этого никто не знает, – ответил Матолай неохотно, но все-таки ответил, соблюдая им самим установленные рамки общения.

Игорь хотел было расспросить о камне подробнее, но Матолай, как бы заканчивая разговор, ускорил шаги.

«Ну да ничего, я завтра один схожу, – решил Игорь, – поближе рассмотрю».

А тропинка нырнула в тень горы, и сразу повеяло вечерней прохладой, будто здесь уже проходила граница между дневным горячим и остывающим вечерним, охлажденным рекой воздухом. Подле ручья даже запахи разделились: со скал – из владений жаркого дня – наносило пьяно дурманящим запахом багульника, а от воды – будто вещая приближающуюся прохладу – плыл нежный, хотя и слабый, аромат незабудок.

Держась в двух шагах позади Матолая, Игорь взвешивал – не слишком ли он будет надоедлив, но все-таки не удержался и задал очередной вопрос:

– В поселке много людей живет?

– Теперь совсем мало осталось, – Матолай на ходу сокрушенно вздохнул, – все разъехались, одни старики доживают. – И он начал загибать пальцы, – Азах, Каскар, старая Хара Хыс, еще старый Азах, Пайсан, Пазарах, еще моя жена Валентина и я, да еще на метеостанции Мария с мужем.

– А чем же здесь люди занимаются?

– Живут... – явно не понял вопроса Матолай.

– Я имею в виду, какой работой заняты?

– Летом рыбу ловим, зимой маленько соболюем, маленько охотимся...

Тропинка в очередной раз повернула – и они вышли к забору метеостанции. Матолай облегченно перевел дыхание и сразу же попрощался.

Шаманка Хара Хыс

Охотники еще не возвратились. Мария Васильевна, усадив Игоря ужинать, выговаривала:

– Что же вы обедать-то не пришли? Да еще и работали до самого поздна.

– В командировках на время не смотрят. Профсоюз далеко, так что работаем, пока не надоест, – отшутился Игорь и тут же поинтересовался: – А что, Матолай всегда такой неразговорчивый?

– Нет, он, вообще-то, поговорить любитель, только, наверное, стесняется из-за вчерашнего...

– Из-за вчерашнего? – не понял Игорь. – Из-за выпивки, что ли?

– Не только... – хозяйка смешалась. – Не хотела я рассказывать, ну да ты не Антон... Тут ведь вчера прямо концерт был. Матолай ночью весь поселок на ноги поднял!

– Так это на него собаки ночью лаяли?

– Не знаю. Может быть... Он ведь что учудил: горшок глиняный на голову надел. Говорит, что Валентину хотел посмешить. Ну и насмешил: надеть-то надел, а снять никак не может. Вдвоем с женой тянут – тоже не получается. А тут он еще, с перепугу что ли, задыхаться начал. Давай головой о стену биться. Да, видно, горшок попался крепкий... – в этом месте от едва сдерживаемого смеха на глазах у Марии Васильевны навернулись слезы. – Короче, упал он на пол и заревел по-медвежьи, а Валентина побежала по дворам за помощью. Кончилось тем... – тут она не выдержала и, в изнеможении привалившись к дверному косяку, расхохоталась: – Ой, не могу!.. Кончилось тем, что Валентина вдвоем с Хара Хыс горшок оттягивали, а Пайсан по нему поленом бил, пока не расколол...

Теперь Игорь понял, почему так настороженно смотрел на него Матолай, и тоже расхохотался. Мария Васильевна смеялась долго и заразительно и, уже почти успокоившись, взглянув на Игоря, снова закатывалась: – Поленом-то... Звону было!.. Ха-ха-ха...

Тут же вспомнив вчерашнюю историю с Антоном, Игорь спросил:

– Вы верите, что это купание Антону Хара Хыс подстроила?

– Вино, конечно же, во всем виновато, но Антона Хара Хыс не любит – это точно. Матолай как-то сказал, что, не будь Антон Пашиным другом, давно бы на него шаманка порчу навела.

– Но ведь это все ерунда, насчет порчи?!

– Вот и Антон усмехается... – она укоризненно покачала головой. – Не знаю, не знаю... Она ведь на какую собаку посмотрит – на ту будто столбняк нападает, и лошади, даже самые дикие, смиреннее кошки становятся и в руки ей даются. Как-то в развешанные для просушки сети медвежонок попался, так она его прямо на глазах у медведицы высвободила, и та даже не рыкнула. Про нее еще много всякого рассказывают, только кто ж его знает, где правда, а где вымысел?.. Ну да ладно, пойду я – корову надо доить.

Хозяйка ушла, а Игорь уселся возле окна, из которого виден был поселок, вернее, крыши домов. В котором-то из них живет шаманка Хара Хыс... Конечно, в основном шаманы, должно быть, обманщики, но, с другой стороны, если верить газетам, то на Тибете малограмотные знахари голыми руками хирургические операции делают. Просто встречается в некоторых людях что-то

необъяснимое. В нем, в Игоре, нет, а вот в Хара Хыс проявилось. Почему? – Попробуй, объясни!

Захотелось вдруг осмотреть поселок. Поколебавшись, Игорь прихватил с собой фотоаппарат. Вблизи дома показались совсем ветхими и будто бы недостроенными. Он не сразу сообразил, что это впечатление создавалось отсутствием таких привычных в русских селах наличников на окнах. Самым крайним стоял дом побольше, с наглухо закрытыми ставнями и огромным амбарным замком на двери. К двери был прибит кусок фанеры от посылочного ящика, и пляшущие кривые буквы с трудом соединялись на ней в надпись: «Магазин торгует светлое время». Так и не решив, чего же больше в данной фразе – непритязательности или лаконизма, Игорь повернул назад.

Высоко, в почти фиолетовом вечернем небе невидимый самолет из иного, нездешнего мира чертил прямую белую линию. От Енисея тянул ветерок, почему-то принося запах свежескошенной травы, а совсем рядом, в крапиве, словно заведенный, скрипел коростель. И этот запах, и тягучий крик коростеля вдруг напомнили Игорю детство. Его, коренного горожанина, три года подряд отправляли на каникулы к бабушке в деревню... Сейчас вокруг сибирская тайга, та деревня находится за тысячи километров, в Ярославской области, но что-то их объединяло?.. Тогда тоже в крапиве за домом каждый вечер бессонно кричал коростель, луна отбрасывала на отливающую серебром траву непроницаемо-черные, словно в театре теней, силуэты березы и свисающих с нее качелей. Он обычно до поздней ночи сидел на этих старых качелях – просто сидел и слушал окружающие звуки, ощущая себя частицей ласковой, умиротворенной ночи. Почему-то представлялось, что он один-одинешенек в целой Вселенной. И тогда хотелось плакать, но не от одиночества, а от невыразимой нежности, от восторга перед ночными запахами, перед каждой серебряной травинкой, даже перед призывно мерцающей звездой. И еще хотелось влюбиться в кого-нибудь, хотя бы в длинноногую и занозистую соседку Тоньку. Потому и помнятся те ощущения много лет, что потом, с возрастом, такой восторг рождался в душе все реже...

Неожиданно откуда-то вывернулся огромный лохматый пес, обнажил желтые клыки, но, вместо того чтобы залаять, вдруг припал к земле. Игорь близко увидел его красноватые зрачки, дрожащую в неслышном рычании губу и понял, что пес сейчас

кинется. Похолодев от сознания своей беззащитности, он застыл, но голова продолжала работать расчетливо-четко – и глаза уже нашли продолговатый камень-голыш возле ног. Быстро нагнувшись, он схватил спасительный камень, но бросить в напружинившуюся собаку не успел.

– Оортах пар!* – резко прозвучал голос за спиной.

Пес мгновенно обмяк, отступил и, виновато поджав хвост, скрылся в щели между забором и поленницей дров. Игорь обернулся.

– Зачем камнем бросать? Собака не виновата – чужого видит.

Смуглое, почти без морщин лицо стоявшей в раскрытой двери старухи отражало живой ум и скрытую силу – такие лица видишь чаще всего на иконах. Из-под платка, повязанного на цыганский манер, спадали на плечи черные волосы. Поверх выцветшего, когда-то темно-зеленого платья свисала нитка ярко-красных коралловых бус.

Все это Игорь успел рассмотреть за какое-то мгновение – очень уж колоритно выглядела старая женщина. Та тоже его рассматривала, и когда взгляды их встретились – Игорь явственно ощутил укол пронизательных, с красноватыми зрачками, глаз.

– Ты, верно, с Антоном приехал? – спросила она.

– Да. С Антоном. На метеостанцию... – с трудом подбирая слова и как бы вспоминая их смысл, выговорил Игорь.

Ничего больше не сказав, старуха скрылась в доме, а он еще несколько долгих минут пытался сбросить оцепенение. Ноги будто приросли к земле, и он с невероятным трудом смог двинуться дальше.

И только тогда осенило: «Да ведь это была шаманка! Ну, конечно же – больше некому! И про Антона спрашивала... Тяжелый, однако же, у нее взгляд».

Корни людские

Поздно вечером они с хозяйкой, словно совершая обязательный для этого дома ритуал, неторопливо и обстоятельно пили чай с топленным молоком. Недавняя встреча не выходила у Игоря из головы, поэтому разговор он вскоре перевел на Хара Хыс:

– Мария Васильевна, почему все-таки Хара Хыс стали считать шаманкой, она что, училась у кого-нибудь этому?

* Пошла прочь! (хак.).

– Да я толком и не знаю. Может, у отца – он ведь настоящим шаманом был. Мы сюда как приехали, он в тот год умер. На горе похоронили, где ихний каменный идол стоит. Тут как-то археологи приезжали, так говорили, что изваяния эти три тысячи лет стоят, и никто толком не знает, зачем их ставили... Кладбище, вообще-то, дальше по речке, но Икен перед смертью сам указал, где его хоронить. Там, рядом с могилой, бубен больше года на березе висел.

– У Хара Хыс тоже бубен есть? – не удержался Игорь.

– Нет, по их обычаю, женщине вроде как бубен не положен, так что она одними лишь заклинаниями лечит.

– А семья у нее есть?

– Нет, – Мария Васильевна вздохнула. – Муж в войну погиб. У него бронь была, как у лучшего промысловика, так он добровольцем пошел. Старики рассказывают, что с тридцати шагов без промаха в подброшенную монету попадал... Сын еще у нее был, но тот утонул, когда ребятишек спасал. Из армии на побывку приехал, а ребятишки, как на грех, через Енисей за черемшой* поплыли... В то время здесь мно-ого ребятишек было! Как уж они лодку умудрились опрокинуть – не знаю, но Ортамай – так сына Хара Хыс звали – с берега увидел. Поплыл он на долбленке – лодка такая из одного бревна – стал их из воды вытаскивать и в долбленку складывать. Матолаев сынишка совсем махонький был – лет шести, так он уж и под водой скрылся. Ортамай нырнул за ним и, пока на лодке к нему подгрребали, парнишку над водой держал. А как Мишу у него из рук взяли, так и скрылся – то ли силы оставили, то ли судорогой свело...

– Нашли его? – спросил зачем-то Игорь.

– Она его через два дня сама и нашла – километрах в десяти ниже. А тут вскоре и отец ее, Икен, умер. Вот после того и стала Хара Хыс вместо него шаманкой... Постой-ка, я тебе сейчас кое-что покажу!

Мария Васильевна достала из верхнего ящика комода толстый альбом в потертой плюшевой обложке. Большинство фотографий в нем не были даже наклеены, а просто вложены между страниц. Она долго искала нужную и, найдя, протянула ее Игорю.

Группа людей была сфотографирована возле метеобудок. В центре совсем еще молодые Павел Семенович и Мария Васильевна, возле них двое детей, и двое на руках. По краям четверо бородатых мужчин в штормовках и черноволосая женщина в длинном платье.

* Черемша – дикорастущий, так называемый медвежий лук.

– Это мы с детьми, это лесостроители, – водила Мария Васильевна пальцем. – А это узнаешь кто?

– Никогда эту женщину не видел...

– Так это же Хара Хыс, только помоложе.

Они еще долго перебирали любительские, в основном уже пожелтевшие и выцветшие, снимки, потом разговор снова вернулся к шаманке.

– Два года назад, как узнали, что устье Абасуга водохранилище затопит, те, что помоложе, уехали... – Хозяйка аккуратно сложила фотографии и убрала альбом на место. – Матолай – самый молодой среди оставшихся, а ведь и ему уже пятьдесят восемь.

– Мне показалось, что он моложе.

– Ну, старому Азаху скоро уже сто лет исполнится. У того праправнуки взрослые... У хакасов здешнего рода раз в три года бывает родовой праздник, на который отовсюду родственники съезжаются. Иногда мно-ого народу собирается, все на гору идут, березу украшают, костер жгут – в общем, предков своих поминают...

Мария Васильевна взглянула на часы и стала убирать со стола.

– А Вы бывали на их празднике? – заинтересовался Игорь.

– Нет. Неудобно как-то, да и не приглашали меня туда. Про все эти дела мне Матолай иногда рассказывает. Он ведь, как выпьет, разгово-о-орчивый становится. Только начну ругать, мол, не надо пить, так он, зная мое любопытство, тут же начинает рассказывать что-нибудь занятное. Ты не смотри, что у него образования мало... Как-то раз я посмеялась, мол, давно ракеты в космос летают, а вы все еще в шаманов да в духов верите, другие в Бога так не верят, а ведь вы, тем более, все крещеные. Так знаешь, что он мне ответил? – Мария Васильевна хитро улыбнулась. – Вы, говорит, тоже в домах фотографии предков на стены вешаете, по умершим поминки справляете – души их поминаете. Только и всего, что в обрядах разница. Ведь если мы предков забудем, то и нас дети наши быстро позабудут. Попы с Богом разговаривают, прощение верящим выпрашивают, а шаманы у него ничего не просят – они с духами предков общаются. Настоящий шаман даже из страны предков знаки живым подает! Если не веришь, сходи на гору и нашу березу послушай – услышишь, как под землей бубен говорит. Это знак нам, что дух Икена-шамана и там обо всем нашем роде беспокоится...

– Слушали? – Игорь даже замер в ожидании ответа.

– Слушала. Ухо к березе приложила – а там... бубен бьет. Я тогда сильно перепугалась. Сейчас думаю, может, показалось, а сходить еще раз боюсь. Сама не знаю чего, но боюсь... – Мария Васильевна обеспокоено посмотрела в окно. – Не приплывут сегодня – темно уж. Наверное, всю ночь будут караулить медведя. Он ведь с весны вторую корову задирает.

Хозяйка пошла управляться со скотиной, а Игорь лег спать. Долго еще ворочался с боку на бок – мысли все время крутились возле одного и того же: люди здесь живут как бы вне времени. Даже то, что на лодках мощные моторы, а в магазине вполне современные товары, здесь воспринимается, как нечто искусственно введенное. Вот сам он – истинное дитя двадцатого века: колесит по стране, живет то в общежитии, то в палатке... А эти старики точно так же, как сейчас, могли бы жить и сто лет назад, и двести. Конечно, время для рождения не выбирают, но сто лет назад у них не было бы сегодняшней проблемы, созданной в том числе и Игорем. Так уж получилось, что за технический прогресс приходится расплачиваться именно им... Хотя, как знать, какова цена его собственной расплаты? Ведь настоящего дома, в котором он родился и сказал первое слово, в котором до этого вырос кто-то из родителей, а потом, чтобы не нарушился главный жизненный цикл, должны родиться его дети – вот такого родового гнезда у него нет. Он ни к чему и ни к кому по-настоящему не привязан. А эти старики потому и не уезжают, что нашли смысл жизни на затерянном в тайге Абасуге, какой-то высший ее смысл. И он не в карьере, не в приобретении престижного квартирного хлама, не в поисках влиятельных друзей... Ну, метеорологи – это понятно: во-первых, работа у них такая, во-вторых, если уж совсем станет невмочь, то в любой момент можно попросить замену... Но и их тоже что-то удерживает здесь, даже теперь?..

– Мария Васильевна! – позвал он.

– Да! – отозвалась с кухни хозяйка.

– Вы здесь столько лет прожили – наверное, нелегко было решиться уезжать?

– Куда там. Поначалу, когда сообщили, что будут метеостанцию на новое место переносить, мы вроде бы настроились уезжать, а теперь с каждым днем все сильнее сердце щемит – привыкли здесь, к земле приросли.

Другого ответа Игорь и не ожидал. Они вот и за двадцать пять лет успели накрепко прирасти, а каково старикам, которые прожили

здесь всю жизнь? И другой жизни они не знают – не представляют себя без этих гор, без займища, без того же Абасуга, который их поит и кормит. А уезжать все равно придется, поскольку затопит водохранилище займище. Один только каменный идол и останется посреди тайги...

Мысли неожиданно перенеслись в прошлое. К ним в город приезжал погостить дед, но пробыл недолго – через неделю засобирался назад, мол, хозяйство ждет. И уже перед самым отъездом завел разговор, что колхоз предложил им перейти в новый дом, а этот разберут на дрова. И дом новый больше, и участок при нем лучше, но вот не могут они с бабкой решиться – ведь и старый еще вполне крепок. Игорю трудно было представить, как это: их старый, знакомый до каждой трещинки дом разберут, распилят и сожгут? Он даже в запальчивости заявил, что бросить дом, в котором вырос, это напоминает предательство. Дед промолчал, но так они и не переехали...

Шаман-дерево

Охотники не приплыли и утром. Игорь был в растерянности: Антона нет – работать не с кем.

– Я к Матолаю схожу, он еще день с тобой поработает, – словно извиняясь, сказала хозяйка. – Уж сегодня-то обязательно должны приплыть – завтра утром Паше в лесничество. Сейчас по рации передали, что новый метеоролог прибудет.

И опять впереди идет Матолай, шурша своим брезентовым плащом. Ночью прошел дождь, и тайга перенасыщена влагой, которую щедро отдают и ветви деревьев, и трава, и как будто даже камни. Вверх по склону горы уползают сгустки тумана, обволакивают вершины высоких деревьев, словно пытаются зацепиться за них. Игорь представил, что это вовсе не туман, а медузообразные инопланетные существа, внутри вязко-влажные, снаружи покрытые более плотной оболочкой – прохладной, а может быть, уже чуть теплой, потому что солнце наверняка успело нагреть их. Именно солнце вдохнуло в них жизнь, а до этого они лежали обессиленные, промозгло-холодные, распластавшись на мокрой траве.

Он вдруг поймал себя на несолидном, прямо-таки мальчишеском желании – догнать только что оторвавшееся от дороги облачко и

окупнуться в него. «Придурком покажешься Матолаю, – назидательно убеждал внутренний голос. – Да и разве догонишь его – вон какой склон крутой!» А облачко уже ползет по верхушкам деревьев, и за ним, словно привязанная невидимыми нитями, тянется еще не сформировавшаяся меньшая братия, напоминающая клочья ваты. Игорь все-таки попытался ухватить такой клочок рукой и покосился на Матолая – не видит ли? Клочок тумана ускользнул, как живой – и стремительно взмыл вверх, будто и в самом деле испугался.

Во время работы он снова попытался заговорить с Матолаем – узнать о каменном изваянии, о березе, о шамане Икене. Ведь рассказывал же он все это Марии Васильевне. Но тот на вопросы отвечал коротко, а то и вовсе: «Не знаю». То ли не хотел касаться этой темы, то ли вообще не было у него желания разговаривать.

Наконец взят последний пикет, записан в журнал последний отчет по рейке. Игорь взглянул на солнце – стоит еще высоко. Часам в горах доверять нельзя, потому что солнце ныряет за вершину стремительно и всегда неожиданно. Вчерашний разговор о березе весь день не выходил у Игоря из головы, но разузнать что-либо у Матолая он уже отчаялся. Поэтому, когда тот стал спускаться к Абасугу, Игорь приотстал. Дождавшись, когда спутник скроется за скалой, Игорь пошел напрямик к березе.

Каменный идол – как назвала его Мария Васильевна – вблизи впечатлял размерами: он был раза в полтора выше человеческого роста. То ли бурый камень, из которого он был высечен, плохо поддавался обработке, то ли древний ваятель не ставил перед собой цели отразить мелкие детали, но одежда и руки были намечены весьма условно. Орнамент, выбитый по всей поверхности камня, загладился от времени и местами утратил четкость. Несмотря на предельную стилизацию, каменное лицо поражало какой-то завершенностью характера: широкий приплюснутый нос, прижатые уши и вместе с тем задумчивые, словно смотрящие внутрь, глаза, рот с чуть наметившейся торжествующей улыбкой. Лицо показалось знакомым, и Игорь вдруг обнаружил, что оно напоминает лицо старухи Хара Хыс. Хотя что же тут удивительного – ведь это ее предок!

Рядом чернело кострище. Судя по всему, костер разводили на этом месте много раз – почва выгорела, и образовалось углубление. Игорь попытался представить празднество: высокий костер, вокруг люди в старинных одеждах. Воображение дорисовывало

детали, потому что везде видны были следы прошлых посещений: выгоревшие на солнце разноцветные ленточки на ветвях березы, забытые алюминиевая ложка и посошок с замысловатой резьбой, прислоненный к камню... Но ведь Игорь пришел сюда не за тем! С каждой минутой рос в нем неясный страх, и так же быстро таяла решимость, но он знал твердо, что не уйдет отсюда до тех пор, пока не услышит ЭТО.

Наконец, приложив ухо к шершавому и теплому стволу березы, он стал напряженно вслушиваться. Непроизвольно прижимался, видимо, все сильнее и сильнее, потому что вдруг заломило в виске, потом боль перешла в напряженную шею. Нет, он ничего, совсем ничего не слышал!

Одним глазом Игорь следил за трепетавшими от слабого ветерка ленточками на ветке, давно потерявшими от солнца и дождя свой первоначальный цвет – его ухо улавливало даже этот трепет. Временами, казалось, пробивался неясный шум, исходящий неизвестно откуда: это мог быть и поток крови в виске, и шум выдыхаемого им воздуха...

Нет, так ничего не получится! Он обхватил толстый ствол двумя руками и закрыл глаза. И тогда откуда-то из-под ног, словно поднимаясь по стволу, зазвучали глухие мерные удары: бум-м-м... бум-м-м... бу-бум-м-м... Они звучали все уверенней, все громче, ритм их то нарастал, то снова замедлялся – и вскоре Игорю начало казаться, что стоит разжать руки, стоит отпустить березу, как ноги помимо воли пойдут по кругу, подчиняясь изнуряющему душу и тело шаманскому танцу...

В какой-то прострации, мало что замечая вокруг, вышел он к метеостанции. Утративший ощущение реальности мозг пытался свести все к чему-то понятному, объяснимому или хотя бы имеющему аналоги. Может, это сок движется под корой? Но ведь сейчас не весна, да и ритм не должен меняться... Наверное, он слышал удары собственного сердца, и от волнения учащался пульс? Ну, конечно же! Но почему тогда возникало чувство опьянения, вернее, даже не опьянения, а восторга от великого понимания мира? Ведь было же понимание – он ощущал слияние даже с самой маленькой составляющей мира: с трепещущим возле глаз листком, с ветром, с воздухом, с запахом цветов?.. Или он с самого начала настроил себя, и это было самое обыкновенное самовнушение?..

От этой мысли сразу стало легче и даже вспомнилось, как мать всегда говорила, что он легко поддается внушению: стоит подумать о простуде – и сразу же поднимается температура... Все, оказывается, так просто объясняется!..

Посреди двора метеостанции висела на шесте огромная медвежья шкура, на которую рычали через забор ошестинившиеся собаки. В сенях на клеенке разложены были большие куски медвежьего мяса.

Довольный Антон шагнул навстречу Игорю и огорошил прямо в дверях:

– Слушай, давай не поедим завтра! Пока мясо завялится, пока то да се... А послезавтра утречком пораньше отчалим! Закон лошади знаешь?

– Какой лошади? – не понял Игорь.

– Домой лошадь всегда бежит быстрее! – Антон рассмеялся над собственной шуткой. – А начальству скажешь, что за два дня не управились, например, дождь помешал.

– Ладно, – неожиданно легко согласился Игорь. – Послезавтра, так послезавтра.

– Ну, как девки иногда говорят, уговорил-таки, дьявол красноречивый! – Антон радостно и с явным облегчением хохотнул.

В душе Игоря, конечно, шевельнулся червячок сомнения, что нужно бы ехать, что там тоже ждет срочная работа, но на сей раз угрызения совести действовали слабо – даже не внутренний, а чей-то незнакомый, непривычно уверенный голос убеждал, что ничего страшного не произойдет, если они задержатся еще на день. Игорь уже оправился от недавнего потрясения и, как после долгой разлуки, рад был видеть и довольного собой Антона, и гостеприимных хозяев, и даже этих рычащих за забором собак, чующих страшный запах врага и его крови в своем доме.

Ссора

За ужином Антон привычным жестом фокусника извлек из рюкзака фляжку со спиртом – под медвежатику. Все, кроме Марии Васильевны, выпили, даже Игорь отпил глоток теплой после разбавления смеси.

Говорили о космической метеорологии, когда в дверь кто-то постучал. Игорь подумал, что это пришел Матолай, но в проеме

дверей появилась Хара Хыс. Она сухо поздоровалась, и по ее решительному выражению лица и по плотно сжатым губам Игорь понял, что шаманка чем-то недовольна. Он подумал было, что это связано с его посещением горы, но Хара Хыс обратилась к хозяйке:

– Я, Мария, к тебе пришла. Нехорошо твои гости поступают – у Матолая рысь забрали. Он дочери хотел послать, а деньги ему зачем? Отдать надо шкурку.

В комнате воцарилось неловкое молчание. Хозяйка, ни на кого не глядя, терла и терла полотенцем тарелку, а Павел Семенович, смущенно покашливая, старательно шарил по карманам в поисках какой-то, видимо, несуществующей, вещи. Игорь тоже почувствовал, как запылало лицо, ведь Хара Хыс так и сказала – «гости», уравнивая таким образом его с дельцом-Антоном... До сих пор он даже не задумывался, что действия Антона могут бросить на него тень, а тут сразу подумал о специально привезенной канистре спирта – и стыд, поначалу вызвавший лишь краску на лице, заполнил его, казалось, до кончиков волос. В наступившей тишине один лишь Антон продолжал жевать, будто не замечая общего смущения.

«Что же хозяева-то так растерялись? – поразился Игорь. – Даже глаза опустили, словно и не Антон вовсе виноват, а они?»

А тот, прожевав наконец, сказал, ни к кому не обращаясь:

– У нас все честно: он продал – я купил. И еще переплатил: кроме денег два литра спирта пообещал дать. Так что лично ко мне Матолай претензий не имеет, а никому другому до этого и дела нет. Каждый пусть думает за себя, одному лишь Богу положено думать за всех!

До сего момента взгляд шаманки был устремлен мимо присутствующих, а тут она подняла глаза на говорившего Антона. Тот попытался выдержать ее взгляд, что-то еще сказать, но поперхнулся на полуслове и закашлялся. Стал вытирать выступившие слезы тыльной стороной ладони.

Хара Хыс сказала коротко, словно ударила:

– Плохой ты человек. Огыр!*

После ее ухода Антон кое-как откашлялся и, обведя всех слезящимися глазами, буркнул:

– Ерунда, все нормально! Просто старуха меня не любит.

– Ничего не нормально! – возмутился Игорь. – Верни Матолая рысь, тогда действительно все нормально будет.

* Вор! (хак.).

– Ну вот, еще ты меня учить! – огрызнулся тот. – Самому бы подвернулось, тоже, небось, не упустил бы?

– Так что, не отдашь?.. – спросил Игорь, чувствуя, как внутри закипает скопившаяся за три дня злость.

– Иди ты... – Антон, не уточняя, оборвал себя на полуслове. – Тебя-то, студент, я вообще в упор не вижу!

Такое отношение со стороны подчиненного, которого он к тому же, несмотря ни на что, считал другом, окончательно вывело Игоря из себя. Чувствуя, что с языка готовы сорваться тоже злые, несовместимые с этим чудесным домом слова, он вышел в сени и захлопнул за собой дверь.

В темноте наступил на сложенные возле стены сети и вспомнил, как Антон в день приезда прятал под ними канистру. Пятилитровая капроновая канистра оказалась на месте, и спирту в ней было еще больше половины. Игорь взял ее и вышел во двор, потом дальше – за ворота. Стыд за себя и за Антона словно гнал его от дома. Только за поворотом остановился посреди дороги, думая, как поступить.

«Да, права, до обидного права Хара Хыс: что хорошего принесли сюда они с Антоном? Конечно, их работа, их ГЭС нужны, но нужны где-то там, далеко, а не этим людям, не их поселку. Они вломились в здешнюю жизнь со своими чуждыми привычками и принципами, уверенные, что так и нужно. Еще бы, ведь они свои в доску парни, к тому же гости, приятные во всех отношениях... – Игорь невольно усмехнулся. – Какими же никчемными они должны казаться этим старикам, они – люди со строительства! Тут ведь не город, в котором легко затеряться в толпе, здесь они с Антоном все время на виду. И как, должно быть, стыдно за них той же Марии Васильевне: один спаивает безвольного Матолая, другой разгуливает по поселку с фотоаппаратом, как праздный бездельник.

Прозрачная булькающая струя ударила в дорогу, подняла фонтанчики пыли – запахло больницей.

«А ведь мы мимолетны для них, – понял вдруг Игорь и поразился этому открытию. – Мимолетны уже потому, что они не ощущают наших корней.словно кусты перекаати-поля, мы пронесемса мимо – и все! В представлении этих стариков человек может подняться во весь рост, только зацепившись за землю. Подняться, чтобы расти дальше... Понять человеческую душу – это увидеть корни, связывающие его с землей. С первого же поверхностного взгляда можно разглядеть только внешнюю оболочку. Так и им, приезжим,

никогда не разглядеть здешних людей до конца, не понять их шаман-дерева. Здесь-то оно, наверное, привычно, как сама тайга, как Енисей?..»

Он плотно закрутил рубчатую пробку, постоял немного, чтобы успокоиться, и пошел в дом. На крыльце лицом к лицу столкнулся с Антоном. Тот бросил цепкий взгляд на канистру и протянул руку.

– Дай-ка сюда чужую вещь.

– Забирай. Все равно она пустая, – спокойно произнес Игорь и даже удивился пришедшему спокойствию.

– Ну, это ты... – Антон даже задохнулся от злости и, переведя дыхание, медленно, почти по слогам проговорил: – Как миленький скажешь, куда перелил.

Уперев в Игоря тяжелый, неподвижный взгляд, он механически сжимал и разжимал пальцы будто бы затекшей правой руки. Игорь же глядел на эту беспокойную, угрожающую руку и не испытывал страха, хотя и понимал, что здесь, без свидетелей, Антон способен ударить – такой ненавистью веяло от всей его фигуры. Но сейчас Игорь чувствовал, что он гораздо сильнее Антона, сильнее своей правотой. И тот не ударил, а медленно, словно бы нехотя, опустил руку, и лицо его при этом исказила кривая клоунская улыбка. За полгода их знакомства Игорь впервые увидел Антона таким: пугающая своей бессмысленностью гримаса и холодные неподвижные глаза, целящие в переносицу, словно два ружейных ствола. Они словно бы жили отдельной жизнью или принадлежали разным людям: глаза готовы были выстрелить своим уничтожающим зарядом, а на лице уже лежала печать угодливости. И тогда Игорь сказал резко, будто ударил фразой по искаженному лицу:

– Я твою валюту на дорогу вылил. Можешь сходить понюхать!

Бросив пустую канистру под ноги, Антон придвинулся вплотную и зло прошептал, словно прошипел:

– Тебе что, начальник, больше всех надо? Что ты не в свои дела лезешь? Или, может, позавидовал, так я могу и в долю взять.

– Не поймешь ты... – Игорь шагнул мимо Антона в сени. – Дай пройти! Мне с тобой разговаривать противно.

– Нет, ты постой! – Антон ухватил Игоря за рукав рубашки так, что где-то на плече затрещали нитки. – Ты учти, здесь ведь тайга вокруг, а я мужик злопамятный. Можешь и до экспедиции не доехать...

«Потому-то его и не любят, – промелькнула у Игоря мысль, – что у Антона нет истинного лица. Отсюда эти клоунские улыбки и ужимки. Как же я раньше-то этого не замечал?..»

– Не надо меня на испуг брать, я тебе не девочка, – Игорь отбросил Антонову руку и прошел в дверь.

Ужин заканчивали в молчании. Павел Семенович, правда, попытался было возобновить разговор, но никто его не поддержал: Игорь с Антоном не то что разговаривать – в сторону друг друга старались не смотреть. Чтобы отвлечь враждующие стороны, метеоролог установил в большой комнате кинопроектор, и вскоре по белому с желтоватой заплатой экрану помчался пес Барбос, позади которого шагали хохочущие Трус, Балбес и Бывалый. Однако веселей не стало: Антон обиженно сопел, а Мария Васильевна вскоре ушла, сославшись на головную боль.

Из трех высоких стоп алюминиевых кинобанок Павел Семенович выбирал кинокомедии. После «Пса Барбоса» смотрели «Берегись автомобиля!», а третью, далеко за полночь, так и не досмотрели. Глядя на экран, Игорь думал о другом – он представлял, как съезжалась на каникулы разновозрастная ребятня, как гудел от веселых детских голосов большой дом, становившийся в такие дни даже тесным, как Мария Васильевна, раскрасневшаяся от жара печи и радостного возбуждения, пекла пироги, а Павел Семенович, серьезный и по-отцовски важный, показывал каждый вечер по несколько кинофильмов кряду, повторно прокручивая наиболее смешные места. Теперь, скоро уже, и двое младших окончат школу – и будут жить своей, отдельной от родителей, жизнью. А этот крепкий дом перевезут на новое место, и будет он жить радостями и печальми другой семьи. Для новых людей история дома начнется с их приезда, а дом долго будет жить памятью, очень медленно и с трудом отвыкая от старых привычек и постепенно приобретая новые. Дома умирают не от старости, а оставшись без людей...

Вадим

Утром за новым метеорологом собрался Антон, заявив, что такого крупного специалиста по коптильным работам, каковым является Павел Семенович, нельзя заменить никем. На Игоря он по-прежнему не смотрел, и если нужно было что-нибудь сказать, то передавал через метеоролога.

«Актер! – дивился Игорь. – Еще незаслуженно обиженного из себя строит».

Сам он даже рад был, что Антона не будет целый день, потому что после вчерашней ссоры не знал, как с ним говорить, как вообще себя вести. Понимал только, что прежние их взаимоотношения никогда больше не вернуться.

После обеда он, как мог, помогал Павлу Семеновичу. Метеоролог вдохновенно колдовал возле коптильни: по каким-то своим, одному ему известным приметам регулировал силу огня – чтобы сильно не разгорался, но чтобы и жару хватало. Игорь же резал на узкие полосы подсоленное мясо, развешивал его на ветерке под навесом, чтобы подвялилось, рубил сырую ольху на дрова, а больше наблюдал. На текущую воду, на горящий огонь и на то, как работают другие, можно смотреть бесконечно...

Потом пришел Матолай, забрал часть сырого мяса – угостить стариков. Игорь обратил внимание, что медвежья шкура с шести исчезла, и пожалел, что толком ее так и не рассмотрел.

– Матолай еще утром унес ее выделывать, – пояснил метеоролог, потом попросил: – Надо бы еще ольховых дров заготовить – всю ночь подкладывать придется.

Вечером Антон привез Вадима – так звали нового метеоролога. Игорю он сразу понравился: среднего роста, подвижный, над улыбчивым ртом – светлая щеточка усов. На правах будущего хозяина метеостанции Вадим уже через полчаса стал вникать во все хозяйственные и профессиональные хитрости. Игоря несколько даже задело, что тот так быстро завоевал всеобщее расположение, в том числе и Матолая. Встречаются же на свете такие коммуникабельные люди!

И снова, как будто бы в праздник, стол был заставлен пирогами и разносолами.

– Ну, за мое вступление в обязанности! – Вадим поднял стопку с коньяком, привезенным для такого случая. – Маленько обживусь, потом жену с дочкой привезу. Супруга у меня тоже метеоролог.

– Вези, – одобрил Павел Семенович. – Моя тут чуть ли не всю жизнь прожила – и ничего, не жалуется. Главное, что климат здесь для детей здоровый и питание самое что ни на есть натуральное, без химии.

– Как только Абасуг замерзнет, трактор по льду брусовой дом притащит и новое оборудование. А до весны я все отсюда

потихоньку наверх перевезу, – рассуждал Вадим. – Как тут у вас с транспортом?

– Транспорт самый надежный, – Павел Семенович рассмеялся. – Безотказный «ка-пэ-тэ-четыре», зовут Карькой.

Потом опять смотрели кинофильмы, и Игорь убедился, что приезд любого человека воспринимается в этом доме как праздник.

Деяния наши

Он потерялся. Куда ни глянь – всюду мрачная дикая тайга, обомшелые камни, скрюченные, словно сведенные судорогами какого-то своего, древесного ревматизма, черные коряги. Самое странное, что он не представлял, куда идет – и почему-то даже не помнил, как сюда попал. Что он делает в этом страшном месте?

Идти было тяжело: ноги увязали во мху, и вытаскивать их каждый раз приходилось с невероятным трудом. Он уже выбился из сил – и неизвестно, сколько часов идет вот так... Неожиданно сквозь редкий кустарник Игорь разглядел тонкую женскую фигуру – какая-то женщина шла в ту же сторону, что и он. Игорь рванулся было вслед, хотел побежать, но мох не пустил. Хотел закричать, но для этого требовалось сделать большое усилие, а он от усталости не мог даже собрать воедино остатки изнуренной воли. Так и брел следом – расстояние между ними не сокращалось, но и не увеличивалось.

«Вон как она легко идет – совсем не проваливается, – устало думал Игорь. – И не оглянулась даже ни разу».

Вдруг ему почудилось в женщине что-то знакомое. Да это же Марина! Это ее фигура, ее походка. Но как же так, ведь Марина в Москве! Никак она не может оказаться здесь, в тайге? Тогда, в аэропорту, она твердо заявила, что писать не будет, что между ними все кончено. А может, она ищет его?

Игорь снова попытался закричать, позвать Марину, но язык не слушался. А она уходит все дальше...

– Ма-ри-и-ин... – получился не то шепот, не то просто выдох.

Но она услышала – остановилась. На Игоря смотрели большие, с коричневыми зрачками, незнакомые глаза. Какая же это Марина?! У этой девушки и волосы черные, как воронье крыло, а у Марины были светлые – пшеничные. Необычное, совершенно незнакомое и строгое лицо... Хакаска!

– Не узнаешь? – спросила девушка, и ее смуглое азиатское лицо ожило, озарилось внутренним светом.

– Не узнаешь? – переспросила девушка. – А ты на бусы мои посмотри.

Только тут Игорь увидел на ее груди красные коралловые бусы – и узнал шаманку Хара Хыс. Только она была совсем молодая. Но даже эта ее молодость теперь уже не удивила Игоря.

И опять она шла впереди, а Игорь старался не отставать, теряя последние силы, потому что ноги вновь и вновь приходилось выдирать из цепкого плена.

– Куда ты меня ведешь? – спросил он и удивился, что слова на этот раз дались легко.

– Полюбуйтесь на свое водохранилище, – ответила шаманка, не оборачиваясь.

– А что, разве затопление уже началось? – удивился Игорь, но тут же запоздало сообразил, что на метеостанцию они с Антоном приехали летом, а сейчас холодно и голо... Наверное, уже осень или, может быть, даже весна?

Путь им преградила желтая, какая-то ржавая вода.

«Болото», – решил он.

Голые деревья, отступая от берега, все глубже уходили в неподвижную, мертвую ржавчину. До самого горизонта частокол сухих и черных, словно обугленных вершин. Жутко и тоскливо, будто он очутился на чужой планете, стало Игорю от этого пейзажа.

– Вот что Вы с Антоном из реки сделали, – произнесла шаманка.

– Но ведь мы геодезисты и за уборку леса не отвечаем, – стал оправдываться он, чувствуя всю неубедительность этого довода.

– До того, кто за это отвечает, мне не достать – далеко, – проговорила Хара Хыс, и от ее зловещего голоса у Игоря мурашки поползли по спине. – А вот ты здесь...

Тут он спиной ощутил, что сзади кто-то есть. Резко обернулся – в нескольких шагах припала к земле изготовившаяся для прыжка собака. Шерсть на ее загривке стояла дыбом, холодные зелёные глаза смотрели, не мигая.

«Это не собака, – Игорь в ужасе отпрянул. – Волк!»

Зверь напряжился и обнажил страшные клыки. Игорь лихорадочно стал искать взглядом хоть какое-нибудь оружие. Случайно взглянул на шаманку – Хара Хыс улыбалась, и улыбка была точь-в-точь такая, как у каменного изваяния. И в это мгновение

Игорь осознал, что символизировали каменные истуканы: они напоминали людям о скоротечности жизни и о том, что всегда нужно думать о последнем дне, о том, что останется после тебя – ржавая вода или людская добрая память?

Кто-то дернул сзади за одежду – это волк, подкравшись, вцепился в энцефалитку и пытается уронить его в грязную жижу. Какие, однако, у него пустые, страшные глаза! А сил уже почти не осталось: вот-вот он упадет – и тогда конец...

– Держи топор!

«Чей это голос? Так ведь это же Антон! Откуда он взялся, да еще и с огромным топором в руках?»

Игорь сжал в руке гладкое теплое топориче, хотел замахнуться... Но где же волк? А где шаманка? Вот она, стоит и уже не улыбается, и вообще что-то в ней изменилось... Да ведь она снова старуха! И смотрит на него строго, осуждающе. Что-то говорит, но смысл не сразу доходит до Игоря.

– Посмотри. Посмотри-ка теперь на свою руку.

Что она такое говорит? Глянул Игорь – а рука у него в крови, и топориче тоже в крови. Откуда кровь, ведь он не ударил волка, а только замахнулся?

– Ты у друга своего спроси, – говорит шаманка, словно прочитав его мысли.

– Так это Антонова кровь?

– Нет, у Антона кровь черная, а это чужая кровь на его руках. Он знает, чья!

Тут Антон вдруг кинулся к Игорю, вырвал из его рук топор, замахнулся на шаманку... А на ее месте уже каменное изваяние стоит. Бьет по нему Антон топором, рубит со всего плеча, но только искры летят, и крошится топор – все меньше и меньше становится. И не сталь уже о камень звенит, а бубен бьет. Все громче, громче...

Он открыл глаза. Сердце стучало гулко и часто, кровь толчками пульсировала в висках. Игорь не сразу сообразил, где находится, а когда понял – даже дух перевёл: «Приснитесь же такое!»

Еще одна загадка Хара Хыс

Утром, как ни в чем не бывало, подошел Антон:

– Хватит злиться, начальник, – отдал я рысь по личной просьбе Марии Васильевны, – он усмехнулся. – Достали вы меня. Эх, тяжело жить на свете негритенку Пете!

– Я не злопамятный, – ответил Игорь, несколько растерявшись от столь неожиданной перемены. – Но нам ведь уже плыть пора. Ты готов?

– Да, понимаешь... – Антон замялся, – мотор что-то забарахлил – надо бы перебрать. Если и поплывем, то не раньше, чем после обеда.

Игорь сразу понял, что Антон «темнит», поэтому спросил напрямик:

– А если честно?

– Честное скорпионское! – Антон засмеялся, потом сказал доверительно:

– Понимаешь, Паша мне медвежью шкуру подарил, а Матолай еще не успел выделать. Говорит, что только к вечеру будет готова. Да ты не переживай, не возьмут тебя за пушистый хвост – еще засветло в лесничестве будем! Мы с Пашей уже и по рации запросили – Гриша ужин приготовит. Так что, самое позднее, к двум часам ночи на базе экспедиции будем. Успеем отоспаться – и утречком на работу. А я в долгу не останусь – ты же меня знаешь!?

«Вот ведь тип, – подумал Игорь с неприязнью, хотя и без прежней злости, – нигде своей выгоды не упустит».

Обида на Антона отошла куда-то на второй план и сейчас казалась давнишней, пережитой.

– Только учти, что это последняя отсрочка. А Матолая поторопи – отчалим не позднее трех часов. И так уже нас на базе потеряли!

– Ну, всесоюзный розыск объявляют не раньше, чем через две недели, – Антон хохотнул. – Это я доподлинно знаю!

На душе у Игоря было все же муторно, ведь прошли все сроки их возвращения – теперь не так-то просто будет оправдаться. Может, связаться с экспедицией по рации через цепочку метеостанций? Но какой смысл, если утром на месте будем? Раньше нужно было, а теперь: семь бед – один ответ! Но одновременно с этим пробивалась какая-то беспричинная радость оттого, что отъезд снова откладывается. Как в детстве, уезжая в конце лета от бабушки, он знал наверняка, что вернется в деревню еще раз, поэтому можно оставить незавершенными мальчишеские дела, так и сейчас он твердо знал, что никогда больше сюда не приедет и ничего нельзя оставлять на потом, ведь и поселок, и займище скоро окажутся на дне моря. И еще с самого пробуждения в нем жило предчувствие, что именно сегодня должно наконец-то произойти с ним необыкновенное.

У каждого человека, вероятно, возникает иногда подобное чувство ожидания – предвидение, что ли? В институте, читая Фрейда, Игорь поразился неожиданно пришедшей в голову мысли: судьба каждого человека предопределена. Нет, не Богом, просто решение как жизненной, так и любой логической задачи всегда подразумевает единственный, самый рациональный путь – то есть в идеале решение однозначно, но люди почему-то не всегда приходят к нему и в одинаковых обстоятельствах поступают по-разному. Значит, человеческие поступки не столько зависят от обстоятельств, сколько от внутренней сущности. Или просто искушений. Ну, с сущностью более или менее ясно, а единственный способ избавиться от искушения – это поддаться ему. Поступки изначально заложены в человеческом характере и, цепляясь один за другой, словно звенья железной цепи, определяют весь жизненный путь от начала до конца. Сейчас Игорь точно знал, что сделает дальше...

Во дворе Павел Семенович учил Вадима запрягать Карьку:

– Да он смирный, только одного с телегой не отпускай – обязательно залезет в какой-нибудь коряжник. Замучаешься потом вытаскивать. Схожу, Матолая позову – он тебе поможет решетки собрать...

– Не надо Матолая, – сказал Игорь. – Я с Вадимом съезжу, все равно поплывем только после обеда.

Вадим неожиданному помощнику, вернее, собеседнику, несказанно обрадовался. Восседа на телеге, он важно потряхивал вожжами, словно до сего дня всю жизнь занимался извозом. Управление Карькой не мешало беседе – тот, похоже, и сам знал дорогу.

– Я свое первое общение с лошастью до смерти не забуду, – неторопливо рассказывал Вадим. – В пионерлагере тогда отдыхал, после шестого класса. Рядом совхоз – вот и познакомился я с совхозным пареньком Костей. Он, конечно, по сравнению со мной, малявкой был, но какое это имело значение, если он каждый вечер мимо на лошади проезжал и привязывал ее на опушке. Я его специально возле дыры в заборе поджидал – очень уж хотелось прокатиться. Лошадь – это мечта любого горожанина... – Вадим мечтательно улыбнулся. – В конце концов я своего добился – пару раз прокатиться он мне позволил. Ну, и, конечно же, возомнил я себя классным наездником! Вознамерился даже вокруг лагеря галопом проскакать, чтобы все ребята увидели. На третий

день это и случилось... И «тпрукал» я, и «нукал» – не хочет моя лошадь галопом, еле-еле плетется... Но-о, шевели ногами! – Вадим замахнулся на потянувшегося за березовым листком Карьку. – Тут Костя возьми да и огрей ее кнутом! Как она взвилась, как понеслась, не знаю уж каким аллюром! А в сотне метров низенькая такая изгородь – в две жерди. Вот я и вознамерился через нее махнуть, как через барьер. Но лошаденка-то моя перед самой изгородью возьми и встань, как вкопанная, а я кувырк через голову – и прямо в колодец. Оказывается, он этими жердями был специально огорожен... Но-о, лентяй! – Вадим стегнул вожжами остановившегося Карьку. – Заорал я в колодце от страха: вода холоднющая, стены скользкие, небо высоко вверх. До тех пор орал, пока Костина голова не показалась. Он сообразил, что делать – снял уздечку и мне опустил. Только уздечка коротковата оказалась, да и я тяжелее Кости был. Короче, стянул я его тоже в этот колодец. Тут уж он заорал благим матом, а я его начал успокаивать. А что успокаивать, если обоим ясно, что хана!? Но, на наше счастье, всю эту эпопею с опушки пастух видел: он на своем длинном кнуте нас и вытащил, а потом еще отстегал концом кнута в назидание, – Вадим оглянулся на Игоря и усмехнулся. – Сегодня второй раз в жизни с лошадью дело имею, а уже предчувствие нехорошее – спина что-то зачесалась.

Они проехали вдоль речки с полкилометра, когда впереди, из-за поворота, показался всадник. После некоторых колебаний, по платку на голове, Игорь узнал Хара Хыс. Вадим натянул вожжи, пытаясь на узкой дороге прижать Карьку к скале, но тот заржал, рванулся к ручью – и лишь уткнувшись мордой в густое переплетение черемух, вынужден был остановиться.

Игоря поразило, что конь дрожал частой дрожью и испуганно косил глазом на шаманку. Когда Хара Хыс проезжала мимо, он обратил внимание на торчащие из притороченной позади седла сумки головки каких-то цветов – должно быть, ездила травы собирать? И снова красноватые, словно таящие в себе отблеск вечерней зари, глаза ощутимо укололи Игоря в лицо. После того как шаманка проехала, он с усилием превозмог уже знакомое оцепенение и успокаивающе похлопал дрожавшего Карьку по крупу. Оглянулся – сквозь ветви виднелся удаляющийся пестрый платок.

Едва они тронулись дальше, как впереди, из-за того же поворота показалась еще одна всадница. Теперь Игорь сразу ее узнал – и

не поверил глазам. Но конь снова задрожал и, словно страшась смотреть на шаманку, уткнулся мордой в кусты, а Игорь, боясь еще одного укола красноватых глаз, все равно ждал его, чтобы убедиться в реальности происходящего. Не дождался – Хара Хыс проехала, не поднимая глаз, только едва заметная улыбка скользнула по ее губам.

– Тут, похоже, даже старухи пешком не ходят – все на лошадях, – проговорил Вадим, когда шаманка скрылась из виду.

Игорь покосился: что он, не видит, что старуха одна и та же? И где же она их объехала? По реке невозможно – там течение такое, что не только лошадь, машину снесет, а глубина начинается сразу же от деревьев. И мокрая бы была... Да, в конце концов, они бы ее увидели сквозь ветки! Может, где поверху скал? Но по этому склону впору с веревкой лазать, а не верхом ездить. Он в прошлый раз не заметил тут ни единой тропки... Времени-то ведь прошло всего ничего... Да и зачем ей это нужно? Мистика какая-то, просто фантастика! Не зря она улыбалась – мол, поломайте теперь свои головы, напрягите ученые мозги... А может, гипноз? Интересно, поддаются лошади гипнозу или нет?..

Конец таёжной сказки

Пока рыли ямы, пока забутовывали камнями крестовины столбов – незаметно наступил полдень. Нужно было поторапливаться. К счастью, сборка готовых решеток и закрепление их на столбах времени заняли немного.

Во время работы Игорь все думал об Антоне. Странная какая-то у них получалась дружба, неискренняя... А если Антон все это продуманно делал: сначала уговорил выпить медовухи, ведь после этого что скажешь – пили-то вместе, теперь вот копченой медвежатиной соблазнил – вроде как в поделщики взял? Неужто во всем меркантильный расчет, желание подстраховаться – мол, не я один, а и у начальника тоже рыльце в пушку?.. От такого предположения Игоря даже в жар бросило. Нет, это, скорее всего, говорит обида, желание себя оправдать: вовремя не настоял на своем, потом не захотел портить с Антоном отношения... Значит, сам и виноват во всем, а Антон просто волею случая стал виновником его, Игоревых, неудач? А если все-таки не невольно? Ведь недаром

эта мысль уже не впервые приходит в голову? И прежде замечал он в Антоне дух стяжательства, расчетливость в выборе знакомств – значит, и с его стороны в их дружбе был некий потребительский интерес. Еще бы: берет на рыбалку, отличает от всех остальных... Получается, что он, Игорь, тоже самый ординарный прилипала? Конечно, он никогда не причислял себя к непримиримым борцам за справедливость, но ведь и не плыл по течению?! А потом, выходит, расслабился окончательно? Так ведь можно куда угодно заплыть, хотя бы за тем же Антоном, который явно из породы лоцманов... Нет, все-таки он, Игорь, не прав – с Антоном дружат и хорошие, добрые люди. Взять хотя бы тех же Марию Васильевну с мужем. Не объяснишь же их отношение к Антону просто меркантильными интересами?.. У него еще будет время во всем разобраться. А сейчас, видимо, разбредила ему сердце эта береза, зримо связывающая всех здесь живущих с прошлым и, кто знает, может быть, даже и с будущим? Потому смутила душу, что у него никогда не было и, должно быть, никогда не будет подобного шаманского дерева?..

– Ну вот, – проговорил Вадим, бросая в телегу лопаты, – теперь поставлю приборы и можно контрольные замеры делать. Ходить сюда, правда, далековато...

Когда начался спуск к Абасугу, Игорь, стараясь не выказать свой особенный интерес, указал рукой в сторону бугра и предложил:

– Поехали туда – что-то покажу!

Ни слова не говоря, Вадим повернул Карьку.

Как и Игорь в свое время, он обошел вокруг каменного изваяния, погладил его руками и восхищенно протянул:

– Старина-а-а... Наверное, ни один музей не отказался бы?

И тогда Игорь решился:

– Знаешь, у меня тут есть одно сомнение... Обхвати, пожалуйста, березу руками и послушай.

Вадим пожал плечами, видимо, подозревая розыгрыш, но к березе подошел. Игорь со все нарастающим волнением следил, как он поднял руки, как сомкнул их за стволом, как, еще раз вопросительно взглянув на Игоря, приложил к коре ухо. С минуту лицо Вадима ничего не выражало, а потом... Потом как-то разом обмякло, и он восторженно прошептал:

– Здо-о-рово... Барабан... Нет, бубен! Там-м... та-там... та-там-м...

Замерев, он простоял возле березы несколько минут, и Игорь хотел уже окликнуть его, но тот оторвался наконец от дерева и

сделал несколько шагов с закрытыми глазами. Шагов неуверенных, будто нащупывал какую-то тропку там, в темноте. Или это было началом непредсказуемого и магического шаманского танца?.. Но Вадим остановился и открыл глаза.

– Здо-о-рово... – еще раз прошептал он.

– Как ты думаешь, что это? – почему-то тоже шепотом спросил Игорь.

Вадим пожал плечами.

– Ну-у, мало ли... Может, ручеек, а может, карстовая полость – капли падают, а эхо отдается в корнях.

Сказал он это убежденно, и Игорь на какой-то миг поверил, только... Опять возникло перед глазами лицо Вадима, когда тот шел от березы. Было в нем в тот момент что-то от каменного идола: те же закрытые, смотрящие внутрь глаза, та же, чуть тронувшая губы, торжествующая улыбка...

Они спустились к ручью, когда со стороны Енисея послышался нарастающий рокот вертолета. Большая красно-белая стрекоза вынырнула из-за горы, зависла над вершинами деревьев и медленно опустилась в районе метеостанции.

– Не иначе, начальство пожаловало? – Вадим оживился и стал погонять Карьку. Но тот, сделав два-три ускоренных шага, возвращался к привычному размеренному ритму. Поэтому они опоздали – едва выехали к изгороди, как снова зарокотал двигатель, и вертолет стал набирать высоту.

Расстроенная и как будто разом постаревшая Мария Васильевна встретила их у ворот.

– Ой, ребята, несчастье-то какое!

– Что случилось, Мария Васильевна? – спросил Игорь, ощутив, как екнуло сердце.

– Ведь Антона в больницу увезли! Голова у него пробита и ребра сломаны – плохой совсем. Врач сказал, что если бы Хара Хыс кровь не остановила – уж и вертолет бы не понадобился.

– Что здесь произошло? – спросил Игорь севшим до хрипоты голосом.

Вадим, с бледным напряженным лицом, стоял рядом, держа под уздцы Карьку.

– Да Антон мотор лодочный перебирал, потом решил опробовать. Матолая в лодку посадил... Только вошли в зажим, а сверху, откуда ни возьмись, сухая лесина и, как нарочно – прямо в

лодку! Матолай, тот утонул, а Антон вот... Да еще выпивши были оба.

Игорь застыл оглушенный: смысл сказанного медленно доходил до сознания, наполняя мозг неимоверной, гнетущей тяжестью.

– Мне, наверное... нужно здесь остаться? – с трудом соединяя слова в связную фразу, выговорил он.

– А зачем теперь оставаться? – Мария Васильевна тяжело вздохнула. – Матолая-то все равно не оживить.

– Нашли его? – спросил Вадим, судорожно сглотнув слюну.

– На косу их обоих и вынесло. Азах видел, как их бревном-то стукнуло, как лодка опрокинулась – но что он мог поделать? А тебе, Игорь, наверное, срочно ехать надо – еще в своем управлении объясняться придется. Там забот хватит, а тут и так уже все ясно... Паша тебя сейчас в лодке к машине доставит. Ты машину-то водить умеешь?

– Умею... Я сейчас, соберусь только, – он растерянно топтался на месте, не зная, с чего начать сборы.

– Ты особенно не убивайся, – проговорила тихо Мария Васильевна, – тут большой твоей вины нет.

От того, каким голосом это было произнесено, Игорю стало еще тяжелее. Так и сказала, «большой вины», – значит, и она была, уверена, что причастен Игорь ко всему, что произошло: к аварии, к смерти Матолая. Несколько дней тому назад Игорь воспринял бы подобные слова всего лишь как упрек, теперь же они прозвучали как суровое обвинение. Что-то изменилось в нем за эти несколько дней, потому что совесть стала вдруг не стражем спокойного сиюминутного благополучия, а бескомпромиссным судьей.

Невидящими глазами он смотрел на вращающиеся крылья игрушечной мельницы – белые на красном полоски при вращении свивались в бесконечную спираль. И чудилось, что эта спираль затягивает, увлекает внутрь, как речной водоворот... Сказка, в которой они с Антоном с самого начала оказались лишними, закончилась трагически – и это их вина, что у нее такой несчастливый конец. А ведь каким хорошим было начало...

Игорю на мгновение показалось, что либо с помощью шаманки Хара Хыс, либо с помощью чудесной березы все еще можно вернуть назад, и захотелось, чтобы это произошло как можно быстрее – чтобы волшебная сказочная мельница перенесла его в прошлое, в котором еще ничего-ничего не произошло.

Уходя, оглянись

Вадима он повстречал через два года – зашел по своим делам в здание гидрометеослужбы строительства и неожиданно столкнулся с ним в коридоре. За два прошедших года тот как будто даже возмужал, во всяком случае раздался в плечах. Лицо коричневое, обветренное, но под совершенно выпцветшими усами светилась та же самая, знакомая мягкая улыбка.

– Какими судьбами в наших краях? – поинтересовался Игорь.

– Да вот, мое оборудование вашим метеорологам адресовали, – он снисходительно улыбнулся. – Привыкли железнодорожники, что все сюда, на ГЭС, отправляют. Сейчас получу свое хозяйство на железнодорожном складе и домой, на Абасуг поеду.

– Как вы там живете?

– Нормально. Поначалу, где-то через полгода, половина моя захандрила было: мол, пропади все пропадом, а я в город хочу! Но потом ничего, попривыкла.

– А дочурка как?

– Катеринка в этом году уже в школу пойдет. Жалко, конечно, в интернат отдавать, но что поделаешь? Да, ты ведь не знаешь – у меня же парень растет! Ходить уже начал!..

– Ну, поздравляю! Время летит... Мне порою кажется, что та поездка давным-давно была и как будто в другой жизни.

– Слышал я, что ты потом поднимал скандал насчёт леса в водохранилище? – спросил Вадим.

– Ну, скандал, – это слишком громко сказано! Да и не я один... А что, и до вас эхо докатилось?

– Не только эхо, но даже комиссия приезжала. Начали даже вырубать, но слишком поздно спохватились – так и ушел лес под воду. Как говорится: пока умный раздевался – дурак речку переплыл.

– А соседи как? Остался кто-нибудь?

– Азах той же зимой умер, потом, весной, – Каскар. Мы уже и на новую метеостанцию перебрались, а старики все оттягивали переезд, только в начале лета, когда водохранилище к Абасугу стало подбираться, наконец собрались. Хара Хыс и не болела вроде бы, а тут говорит: «Подождите еще один день – я завтра умру». И точно – ночью умерла. Я думаю, что если бы не отъезд, то она бы еще пожила.

– Наверное. Слишком многое у нее было связано с поселком, со стариками, а тут будто всю прошлую жизнь разом зачеркнули, – согласился Игорь. – Жизнь потеряла смысл.

Потом спросил:

– Скучно вам теперь, поди, одним?

– Да там гостей-то хватает: зимой охотники заходят, а летом от туристов-байдарочников отбоя нет. В этом году у хакасов, по обычаю, родовой праздник должен быть, так, может, кто и приедет, как раньше бывало. Ведь идола-то их родового не затопило, и береза жива.

Стали прощаться, и тут Вадим, видимо, вспомнив что-то важное, задержал Игореву руку в своей.

– Мне Мария Васильевна про бубен тоже рассказала... – он замялся и перевел дыхание. – Хара Хыс рядом с отцом похоронили... Короче, я ту березу недавно опять слушал, и представь, – он пристально, словно спрашивая о чем-то важном, посмотрел Игорю в глаза. – Там теперь два бубна бьют....

ПРИЗРАК ЕДИНСТВЕННОЙ

«**В**от и осень. Да какая уж осень – считай, что зима подступила. Приезжал Роман в экспедицию теплым майским днем, а улетать через два-три дня не пришлось бы с первым снегом – вон как небо помутнело. Тогда до экспедиционной базы добирался, помнится, радостно – хотелось с каждым встречным-поперечным поговорить, а сейчас нет желания даже вступать в традиционную шутовскую пикировку с шофером Толиком. Может, оттого, что по дому сильно стосковался?.. Не потому ли и геофизик Игнатич сидит мрачнее обычного – тоже ведь давненько из Питера?.. А вон уже и леспромхозовский поселок показался! Значит, осталось пути до базы экспедиции часа на три-четыре – последние километры, последние денечки этой долгой командировки...»

Роман блаженно улыбнулся и смачно, до хруста в суставах, потянулся, в тесноте кабины задев руками и шофера, и дремлющего геофизика. Толик понимающе подмигнул, а Игнатич вздрогнул во сне и очумело вытаращил глаза.

– Подъем! – весело крикнул Толик и пропел: – Слезайте, граждане, приехали, конец – Охотный ряд...

В поселке он безошибочно подрулил к леспромхозовскому магазину с неприметной, полинялой вывеской.

– Не мешало бы взять пару пузырей за благополучное окончание вашей командировки, – он вытащил из старого замасленного кошелька смятые деньги и, пересчитав их, скомандовал, словно начальник:

– Ну что, скидывайтесь, мужики, а то у меня даже на одну не хватает! Как говаривал в подобных случаях знакомый бич – ныне покойный, – «мои финансы поют романсы».

Денег у всех оставалось не густо, но геофизик Владимир Игнатич, а следом и Роман полезли в карманы. Толик, насвистывая какой-то бодрый мотивчик, ушел в магазин – и Роман, потоптавшись на подножке, спрыгнул на грязную дорогу, чтобы размять затекшие ноги. В будке ехать одному было скучно, поэтому он, как смог, пристроился в кабине между сиденьями. Что и говорить – место было не из удобных.

Толик возвратился быстро и в еще более веселом расположении духа.

– Продавщица говорит, что лесовозы вдоль берега ходят, – поделился он новостью. – Дорога не ахти, зато на двадцать верст короче. Рискнем, мужики?!

Открыв дверцу машины, он принял позу оперного певца и дурашливо пропел:

– Где даже танк не проползет –
Там мой «газон» всегда промчится!..
И нече-го-о-о с ним не случится!

Проехали с полкилометра, и Толик свернул в узкий проулок, ведущий к реке. Лихо объезжая глубокие колдобины, яростно крутя туда-сюда баранку, он не переставал болтать ни на секунду в неиссякающем радостном оживлении:

– А продавщица здесь, я вам скажу, – просто пончик с медовым подливом. Так бы и съел всю целиком! Тем более что и она явно не против.

Роман уже полгода бился над неразрешимым вопросом: чем этот «метр с шапкой» женщин берет? Шофер мал ростом, вертляв, говорлив – короче, из тех, кто до самой старости так и остается «Толиком», но, несмотря на это, женщин любил покрупнее, пообъемнее, а уж глазами провожал всех без исключения. Причем шея у него поворачивалась на все сто восемьдесят градусов, и он еще долго смотрел им вслед, так что автомобиль на какое-то время остался внешне неуправляемым. Первое время Роман одергивал беспечного водителя, опасаясь столкновения со встречными машинами, но в конце концов обвыкся и смирился... Поговаривали, что в свое время Толик даже окончил техникум, однако из-за возможностей, предоставляемых машиной для общения с прекрасным полом, предпочел остаться простым шофером.

– Люблю я красивых девок, – продолжал разглагольствовать Толик, – с ними меньше всего мороки – не нужно долго обхаживать. Знают, что все равно потом замуж возьмут. Вообще-то, и страшненькие тоже податливые, потому как замуж не особо надеются выйти. Для этих лучше синица в руках, чем журавель в небе. Больше всего мороки со средними, которые ни то, ни се, потому как те только на женитьбу рассчитывают и боятся свой шанс упустить. Вот, мол, я какая: кроме тебя, мой дорогой, ни с кем не спала – тебя дождалась...

– Ну и трепло же ты, – не выдержал Игнатъич. – Сам твердишь, что женщин любишь, а всех их грязью мараешь. Твоим бы поганым языком да яд пить.

– Для вас же с Романом стараюсь, развлекаю, чтобы не уснули, – вроде бы даже как обиделся Толик. – Сидите какие-то кислые! Из-за вас и я уже носом стал клевать. Вот врежусь в какую-нибудь коряжину при полном молчании – вам приятней будет?.. Не нравится, сами бы что-нибудь веселенькое сбацали. Ну, хотя бы ты, Игнатъич, про прекрасную страну Танзанию. Можно сказать, хрустальную мечту в моей серой и безрадостной таежной жизни...

Игнатъич вообще-то неразговорчив, при этом еще и ужасно занудлив, но, недавно вернувшись из годичной командировки в Африку, в мыслях все еще оставался там и при случае рассказывал о своей африканской жизни.

– Ну что там для тебя интересного? – начал он. – Негритянки, не в пример твоей продавщице, – стройные, длинноногие. Но есть один изъян: сядут две-три в машину – сразу стекла надо опускать, потому как арома-а-т!..

– Не моются, что ли? – живо заинтересовался Толик.

– Да нет, моются, конечно, но все равно слишком уж непривычно для нас, европейцев, пахнут. А вот на ихних мужиков это очень возбуждающе действует...

«Тоже мне, европеец нашелся», – подумал Роман и усмехнулся про себя, потому как длинный, невероятно худой, одетый в коротковатые брюки и куцую замызганную телогрейку, за которую Игнатъич носил прозвище «Фуфайка», геофизик мало походил на лощеных и упитанных европейцев. Хотя... здесь, на Дальнем Востоке, это слово носит, пожалуй, совсем иной смысл? Как-то Роман разговорился с попутчицей, которая несколько раз употребила фразу «Когда мы жили на Западе...» – оказалось, что «Запад» – это Костромская область.

Вообще-то, Роман почти не прислушивался к разговору, потому что в мыслях был то дома с родителями, то в изыскательском отделе института «Гидропроект», то со Светланой на театральной премьере...

Да, закончилась самая первая, самая трудная командировка, и теперь он с полным правом может называться уже не молодым специалистом и даже не просто инженером-геодезистом, а – изыскателем. Слово-то какое звучное! И то: за этот полевой сезон прошел, как говорится, огни и воды, покормил гнуса и

клещей, научился пить неразведенный спирт, курить махорку и материться, при необходимости, не хуже иного бича. Настоящий бич, или «бывший интеллигентный человек», как расшифровывают заграничный сленг в экспедициях, – это мужчина неопределенного возраста и без определенного рода занятий, прописки и официального статуса, связавший свою судьбу, благосостояние и остаток жизни с изыскательской экспедицией. Чего-чего, а крепких выражений у них можно поднабраться.

– ...протягиваю руку, хватаюсь за лиану – и вдруг вижу, что «лиана» на меня пристально этак смотрит и угрожающе шипит. Змея! Как я ее успел отшвырнуть – до сих пор не пойму. А ведь у нас с собой никакого противоядия... Ну, африканцы-рабочие ее тут же изловили, ободрали и зажарили на костре. Оказалось, между прочим, – местный деликатес...

– Она потому тебя, Игнатьич, укусить не успела, что твоего взгляда не выдержала и впала в столбняк.

Толик жизнерадостно заржал. Роман тоже, не удержавшись, расхохотался – это был меткий выпад, ибо глаза у геофизика были действительно как у мороженого окуня: круглые и словно неживые.

А дорога между тем становилась все хуже. Несколько раз они буксовали, при этом Толик подгонял машину отчаянной руганью, будто она была лошадью и понимала язык, а Роман с Игнатьичем снова и снова бросали под колеса сучья и обломки бревен, в изобилии наваленные вдоль колеи, толкали ревуший, плюющийся комьями грязи ГАЗ-66.

– Оказывается, самая короткая дорога – это знакомая дорога, – который раз, явно извиняясь, повторял Толик. – Говорили мне, олуху, об этом знающие люди, но только умные предпочитают учиться на чужих ошибках, а мы, дураки, – вечно на своих.

– А еще умные люди говорят, что путный шофер всегда колесные цепи с собой возит, – мстительно добавлял Игнатьич, – ведь лесовозы-то наверняка с ними идут.

– Ну что ж, можете пинать меня ногами, макать мордой в лужу, но дома ночевать вам все равно не придется, – заключил в конце концов Толик. – Тут, кстати, недалеко до пасеки осталось – рядом с трассой, на берегу. Я в прошлом году к пасечнику заезжал: мужик вроде ничего. Да у нас с собой еще и пара бутыльцов – я ведь как чувствовал... Так что и накормят, и медовухой, надеюсь, угостят. А водку потом в авансовый отчет включим! Был у нас такой

чудик-инженер: пишет в отчете «Сто рублей – дорожные расходы, пятьдесят – за квартиру, двести пятьдесят – на ознакомление с местным населением...»

Но над шуткой никто не засмеялся, даже сам Толик – все устали. К тому же пошел мелкий, по-осеннему нудный дождь, и резко похолодало. До пасеки они добрались уже в сумерках.

– Да-а, это, конечно, не май месяц, – передернул плечами выскочивший первым из машины Толик. – Погода шепчет: «Займи да выпей!» Так что забирайте, мужики, свои хохаряшки, и айда на постой проситься. Да, только про катера и лодки ни слова! Хозяин из бывших капитанов, штой-то они там утопили – и пришлось ему долго в ледяную воду нырять. Короче, достать достал, но заработал хронический бронхит, и списали его вчистую, даже спасибо на прощание не сказав. Так что еще раз предупреждаю: не сыпьте ему соль на рану – сильно скандальный делается!

Они прошли во двор через почерневшие от непогоды тесовые ворота. Большая лохматая собака рвалась на цепи и яростно лаяла, но из дома никто не выходил.

– Может, никого нет? – заключил Игнатич. – Ты же здесь все знаешь – веди.

– Ек-макарек! Это мне напоминает анекдот про хохлов, – возмутился Толик. – Один сидит во дворе и вареники ест, а мимо идет сосед и спрашивает: – Вареники ешь? – Ем! – А мене угостишь? – Так заходи. – Та у тебя ж собака злая, порвет. – А то ж!

В это время дверь дома скрипнула, и на крыльцо вышла женщина в брезентовой штормовке с накинутым на голову капюшоном.

– Вы к отцу? – спросила она, и Роман с непонятной радостью отметил, что женщина молода.

– Мы из экспедиции, – затараторил шофер, – в дороге вот задержались... Так что дайте попить, а то в животе до того подвело, что переночевать негде.

– Заходите, – пригласила она. – Папа на реке сети проверяет, но скоро уж подойти должен.

Они сняли верхнюю, уже намокшую одежду в сенях, стащили грязные сапоги и гуськом прошли в дом.

После улицы освещенная керосиновой лампой комната показалась Роману мрачной. То ли из-за тусклого света, то ли из-за маленьких окон, или потому, что значительную часть пространства занимала русская печь с пристроенным деревянным голбцем.

Девушка – необычайно красивая, как про себя отметил Роман – растапливала печь, отдирая от большого полена полосы бересты.

– Позвольте это сделать мне, мадмуазель, как истому жентельмену, – осклабился женский угодник Толик и тут же, без приглашения, подсел к ней.

Девушка молча отдала спички и поднялась. Была она среднего роста, стройная, русые волосы собраны в толстую косу – даже Игнатьич восторженно уставился на эту замечательную и редкую в наше время женскую принадлежность. Большие глаза девушки, темные в тусклом свете керосиновой лампы, некоторое время были обращены на Толика, но когда она подняла их на Романа – он ощутил словно бы толчок и даже слегка отшатнулся, будто от пробежавшего между ними электрического разряда.

– С газом быстрее управляться, но с печкой как-то веселее, – будто извиняясь, проговорила девушка мягко, чуть нараспев. – Теперь новая забота начнется – каждый день нужно будет топить. И стемнело вот сегодня рано. Можно бы движок запустить, да бензина мало – не подвезли еще.

– Нам и сей люстры предостаточно, – заверил Толик, кивнув на керосиновую лампу, – не на посиделки, чай, приехали. Лучше скажи, девица-красавица, как тебя звать-величать?

– Ольгой, – ответила та и улыбнулась.

– А нельзя ли нам, Оля, что-нибудь на ужин сварганить? – попросил Игнатьич. – С утра ничего горячего не ели. Все, что нужно: тушенка, хлеб, сахар, чай – у нас есть. Вот картошечки бы!

– Да есть у меня и уха, и картошка жареная. Сейчас печь разгорится – я мигом разогрею, а пока садитесь – отдыхайте!

Роман поймал ее мимолетный взгляд и неожиданно покраснел, застеснявшись своих мятых, заляпанных дорожной грязью брюк, прожженной на плече энцефалитки и двухдневной небритости.

В этот момент широко распахнулась входная дверь.

– Кто тут к нам пожаловал? – спросил с порога хозяин и, поставив на пол ведро, высыпал в него из мешка рыбу. – Похоже, экспедиция, потому как этого балабола я хорошо помню?

Он протянул руку сначала довольному Толику, потом Игнатьичу и Роману, представился:

– Фома Зубакин. Только это не прозвище, а законная фамилия.

Был он довольно высокого роста – под стать Игнатьичу, – так же худ и черен лицом, но заметно было, что смуглость эта не от загара, а от нездоровья.

– Олька, ты пожарь нам рыбки! А гостей прошу за стол! Пока суть да дело – я вас молодой медовухой угощу. Только что поспела!

– Мы тоже не с пустыми руками, – обрадовался Толик, доставая бутылки. – На ваше угощение выставляем магазинную.

– Ну, эта пусть на любителя, – сказал хозяин, глянув на водку. – И кому вдруг моей мало покажется.

Он вышел в сенцы и вскоре вернулся с большим ковшом желтоватой, приятно пахнущей медом браги. Аккуратно разлил ее по стаканам.

– Ну, первый тост, как водится, за добрых гостей. Сейчас, конечно, сезон – то одни, то другие заглянут, а вот как зима придет, то хоть волком вой. Порой не выдержу: на лыжи – и в поселок, чтобы, значит, просто на людей посмотреть. Хоть и без малого двадцать километров до леспромхоза. Но попутку-то на волоке можно и день прождать, а если дорогу переметет – то и неделю. Только вертолетом к нам можно долететь... Так, помнится, в какой-то песне поется?

Закусывали сладковатую медовуху кто соленым огурцом, кто холодной ухой, пока не разогрелась долгожданная картошка.

– Я-то ладно – старый, даже не столько старый, сколько хворый, – продолжал хозяин, – только на меде да тайге и держусь, а вот Ольке каково? Прежде мы в леспромхозе жили, а на пасеку я только летом приезжал. Потом, когда жена Клавдия умерла, а Олька учиться в город поступила, – я сюда насовсем перебрался. Но тут, по весне, так скрутило, что думал – кранты! Олька и сессию в техникуме не успела сдать – приехала со мной отваживаться. А в начале сентября, как собралась назад в город, по почте письмо пришло: отчислена, мол, за неуспеваемость. Так-то вот: не посмотрели даже, что не ради забавы уехала.

– Эх-хе-хе, – протянул Толик. – Тяжко жить на свете негритенку Пете...

– Можно попытаться восстановиться, – сказал Роман.

– Так она теперь обиделась – не хочет! – Фома оглянулся на дочь. – Вон, слушай, что умные люди говорят. А то гордая, видишь ли! На гордых всю жизнь воду возят.

Потом подоспела жареная рыба, и с медовухи все-таки переключились на привычную водку.

– Смотри, практикант, – предупредил Толик, – мы-то здесь люди привычные, а тебя как бы не свалило.

– Да я трезвый, – Роман почему-то смутился и невпопад добавил: – Вода не утоляет жажды – я как-то пил ее однажды.

– Сам придумал? – заинтересовался Толик.

– Фирдоуси. Был такой древний восточный поэт.

– Ничего, толково для древнего! Но он медовухи не знал. Как деды говаривали: голова ходым – а зад сыдым. Вроде бы трезвый, а захочешь встать – так в голову шибанет, что можешь и с ног скovyрнуться.

Роман, слушая Толикову болтовню, незаметно поглядывал на хозяйскую дочь. Была в ее лице какая-то необычная азиатская красота. Не та степная, скуластая, а картинная, персиянская, что ли: прямой вытянутый нос, продолговатое правильное лицо со смуглой кожей, высокие брови, маленький рот с припухлыми губами... А глаза!.. Он старался встретиться с Ольгой взглядом – ибо и во второй раз возник между ними тот же необъяснимый электрический разряд. И жутковато было, и влекло – испытать в третий раз, еще и еще...

Ольга сидела с книгой возле свечи в соседней комнате, изредка поглядывая на них через приоткрытую дверь. Делала вид, что внимательно читает, но Роман видел, что на самом деле она все время прислушивается к застольному разговору. Сам он тоже в беседе почти не участвовал, незаметно поглядывая в притягательный дверной проем.

– ...Мой жизненный принцип: если красть, то миллион, а любить – так королеву! – откровенничал заметно захмелевший Толик. – Я – ничего, что ростом не вышел – своего никогда не упущу и любому мордовороту спуску не дам. Не одному рога обломал...

– А еще большему числу наставил, – завершил Толикову тираду геофизик.

Все рассмеялись, потом разом засобирались спать.

– Я по-стариковски, пристроюсь на теплой печке, – категорически заявил Игнатьич. – Надо кости погреть, а то с вашей сибирской непогодой недолго и скопытиться – климат далеко не африканский.

– Мне, похоже, там тоже местечко найдется, – прикинул Толик. – Ну, а тебе, практикант, как самому молодому, придется спать на полу. Неплохо бы, конечно, бабу под бок: большую, теплую и чтоб не приставала. – Толик заржал. – Но тогда бы я свое место тебе по-дружески уступил, а сам согласился бы даже на сеновал!

– Опоздал ты, мелкорослый сексуальный гигант, для сеновалов уже не сезон, – подкусил Игнатьич. – Теперь до следующей весны дома с женой спать будешь!.. А тебе, Роман, могу свою фуфайку дать на подстилку.

– Во, расщедрился на выходной фрак? – не остался в долгу Толик. – Бери, практикант, – тараканы стороной обходить будут! А тебе, Игнатъич, пора бы знать, что для сеновалов всегда сезон. Хотя в твоём возрасте согласие женщины шокирует так же, как ее отказ...

Отплатив таким образом геофизику, Толик стал карабкаться на печь.

– Чего там фуфайку, – возразил хозяин, – вон в сених тулуп иманий висит – на нем хоть на снегу спать можно. И одеяло лишнее найдется. Вот только вдоль печи из-под двери дует – не утепляет еще... Дак хоть прямо тут, возле двери в Олькиной комнате ложись. Ты как, не возражаешь? – обратился он к дочери. – Не наступишь ночью?

– А мне-то что! Я уже сплю, – живо отозвалась та, и Роману почудилось, что голос Ольги дрогнул.

Нашлось не только одеяло, но и подушка, и даже простыня. Он застелил постель, задул керосиновую лампу и стал раздеваться. Возникло ощущение, что в темноте Ольга смотрит на него, поэтому Роман одежду скинул торопливо и поспешно юркнул под одеяло.

Сон никак не приходил. Какой уж тут сон, если слышно было, как ровно дышит Ольга, а привыкшие к темноте глаза, казалось, выделяли ее силуэт на фоне побеленной стены. Да еще из соседней комнаты через зияющий дверной проем доносился тройной дружный храп, отнюдь не располагающий к засыпанию. Обострившийся до предела слух улавливает даже, как бессонно позвякивает цепью собака на улице...

Он долго мучился, ворочаясь с боку на бок, и, наверное, все-таки задремал, потому что склоненный над ним женский силуэт увидел неожиданно. И в тот же миг Ольга нырнула к нему под одеяло...

Будто кипятком обдало, когда она прижалась жарким телом, а следом прокатилась такая волна дрожи, что бешено застучали зубы. Он стиснул их, изо всех сил сопротивляясь накатывающимся волнам, и не оставалось больше сил на то, чтобы обнять, поцеловать, даже просто пошевелиться.

Через какое-то время осознал, что Ольгина рука успокаивающе гладит его плечо и щеку, потом ощутил аромат ее волос – они пахли как будто свежим березовым веником и слегка полынью – и наконец почувствовал на губах привкус ее кожи... Его губы уже жадно искали то мочку уха, то локон волос, то часто пульсирующую жилку на ее шее.

Он целовал, целовал – хотелось покрыть поцелуями все ее тело, чтобы не оставалось ни одного неизведанного места. От этих прикосновений Ольга вздрагивала, прижималась еще сильнее, ловила его губы своими – горячими и сухими...

– Не торопись... – шептала она едва слышно, и Роман откидывался навзничь, чтобы передохнуть, а потом начать все сначала.

Сколько это продолжалось, он не знал – полностью утратилось восприятие времени. Ольга отвечала поцелуями на его поцелуи, объятиями на объятия, но довольно властно пресекала более активные действия – жарко шептала на ухо: «Не надо... Потом...»

Однако объятия ее становились все крепче, отчаянней, и она твердила уже почти не переставая: «Не надо... Не надо... Закричу...»

И тут Роман не выдержал и, чувствуя, что еще немного – и либо он потеряет сознание, либо у него остановится сердце, сдавленно попросил: «Уходи. Я тебя прошу...»

Ольга как будто послушалась – поднялась, но тут же склонилась к самому его уху и зашептала: «Возьми тулуп. Пошли... Только тихо...»

И он слепо пошел за ней на негнущихся ногах, ничего не соображая и все время натываясь вытянутой рукой то на косяки, то на ее спину. В сених Ольга поймала его подрагивающие пальцы и потянула куда-то в сторону. Потом он нащупал лестницу, ведущую на чердак пристройки...

На сеновале густо пахло свежим сеном и, наверное, было холодно. Он об этом просто подумал, потому что холода не ощущал – тело как будто полностью потеряло чувствительность. Нет, однако, не все – лицо и особенно губы горели негасимым жаром. Но все остальное словно закаменело.

Ольга в темноте разгребла шуршащее сено руками, потом забрала у него тулуп и снова зашуршала сеном, видимо, расстилая его.

В чердачный проем заглядывала звезда – и Роман почему-то вдруг удивился ей, одной единственной на всем видимом участке неба. словно бы магический знак оттуда, пристальный взгляд вечности на укрытую темнотой Землю...

– Ну иди же... – услышал он шепот и, сделав два шага, наступил на лохматый край тулупа. Медленно, будто на раскаленные угли, опустился на колени... и тотчас почувствовал, как гибкие руки обвили его шею. И тогда всю кожу опалило жаром, а частая неумная дрожь снова растеклась по оживающему телу...

Когда пришел в себя, свершившееся помнилось смутно: прерывистое дыхание, поцелуи, бессвязные слова, стоны. «Так вот почему она говорила, что закричит...» – всплыло над сумбуром мыслей. И это открытие вдруг родило такой всплеск беспредельной благодарности, что даже комок к горлу подкатился. Благодарности и нежности. Вот только произошедшее представлялось уже настолько необычным и нереальным, что хотелось тут же все повторить сначала. И еще одна смутная мысль призрачно скользнула, словно промелькнула старая выцветшая фотография – воспоминание о Светлане. Но, едва наметившись, неподвижные и бесстрастные очертания ее тут же растворились, исчезли...

Осторожно, испытывая одновременно нетерпеливое любопытство и сковывающий страх, Роман протянул руку и коснулся голого Ольгиного плеча – и опять словно электрический разряд пронзил его, как бы оглушив на время. Успел, однако, отметить, что и Ольга вздрогнула. А потом опять шквал чувств – и полный провал в памяти...

От прикосновений к груди горячей ласковой руки щекотно где-то внутри, прямо в сердце. И уже совсем не стыдно своей колючей щетины, своей полной обнаженности. Какое это, оказывается, счастье – лежать, раскинувшись, на податливой шерсти иманьего тулупа, засыпанного мелкими колющимися травинками, посреди бескрайнего, пропахшего летним разнотравьем сеновала и слушать дыхание любимого человека! Слышать стук ее сердца...

Роман повернул голову и уткнулся в горячее, прямо-таки обжигающее губы ухо. Такое пьянящее, такое волнующее... Потом встретились их губы, и его рука будто сама по себе, не подчиняясь, не слушаясь возможных запретов сознания, заскользила по всем линиям Ольгиного тела.

Какая невыразимая нежность в душе! Да для этой женщины он готов... Жутко даже подумать, на что он готов!

Роман целовал губы, грудь, плечи, живот, даже упругие волосики там, где прежде и в мыслях постыдился бы коснуться губами. И мысли такие же бесстыдные, как и поцелуи: «Что бы такое еще сделать, чтобы она поняла, как я ее люблю?.. Чтобы ей было хорошо со мной... Нет ничего на свете, чего бы я не смог сейчас совершить для этой женщины!..»

Их уже не двое, а одно-единое целое... Нет – он один, обретший наконец свою космическую целостность. И она – вторая половинка

его, которую душа ищет, может быть, тысячи лет, чтобы соединиться! Искала... Неужели свершилось великое чудо, и он нашел? Или уже любил ее в какой-нибудь прежней жизни? Не оттуда ли это ненасытное, но как будто знакомое желание слиться телом и душой, это пьянящее бесстыдство их нескончаемой любовной игры?..

И снова шепот – то ли близкий, то ли издалека, из прошлого:

– Хороший мой, желанный мой, сколько же я тебя ждала...

И его шепот – как вернувшееся эхо:

– Хорошая моя, наконец-то я тебя нашел...

И снова:

– Милый мой, родной мой... Я люблю тебя...

– Чудо мое, я так тебя люблю... Увезу с собой. Насовсем...

Возьму отпуск – и прилечу...

И опять слились их тела, слились души, и неведомая энергия питает их, давая новые силы.

Роман совсем не чувствовал утомления: просто забывался на короткий миг, проваливался в небытие, в бездну, в иное измерение. Но именно там, в небытие, он яснее осознавал, что эту незнакомую живительную энергию рождает их близость, поэтому бессознательно сильнее прижимался к Ольге. И она, должно быть, испытывала то же самое, потому что через несколько минут Роман приходил в себя оттого, что почти задышался от взаимных крепких объятий.

Они откидывались на тулуп и остывали на ночном холоде, впрочем, не чувствуя его. Потом их руки снова тянулись навстречу друг другу, а встретившись, уже не могли разъединиться. С каждым разом они как будто все больше и глубже узнавали друг друга, все откровенней и безотчетней отдавались страсти. В любви тоже проходят школу, и в ней никогда не бывает излишка.

Давно не существовало ни этого сеновала, ни храпящих где-то по соседству товарищей, ни вчерашней тряской и утомительной дороги, ни даже родного Питера и совсем еще недавно такой желанной родительской квартиры. Были только они с Ольгой – вдвоем на всем белом свете... Да еще бесконечно далекая любопытная звезда. Роман поискал глазами чердачный проем: вот она – все так же сияет в гордом одиночестве!

Вдруг в стороне мигнула еще одна звездочка и, разгораясь, устремилась прямо к одинокой. На какое-то мгновение они почти слились, образовав яркую двойную звезду, но искусственный спутник помчался дальше своим путем и вскоре исчез.

– Надо идти, – прошелестел как будто издалека тихий голос, – скоро рассвет...

– Сейча-а-с... – доносится знакомый, но как будто бы вовсе не его голос...

А дальше опять провал в сознании...

– Ох и силен же молодой специалист спать!

«Это голос Игнатьича, а значит, я в доме», – очень замедленно соображает Роман сквозь сон.

– Во всем медовуха виновата, – звучит следом до противного бодрый голос Толика. – На всех по-разному действует: вчера вроде бы трезвый сидел, а под утро дошло. Я сам спал, как убитый. Предупреждал ведь – куда с нами, старыми волкашами, тягаться! В общем, вроде живой, но не жилец! – Толик вдруг заржал. – Смотрите-ка: я его поднимаю, а отпускаю – мимо тулупа не падает! Соображает, практикант! Значит, жить будет. А пить со временем научится!..

Толик хохотал, но от своего не отступался и в конце концов поднял-таки Романа на ноги. Умывшись холодной водой, тот стал даже немного соображать, а когда в дверях столкнулся с Ольгой – окончательно очнулся.

Неужели эта потрясающе красивая Ольга – его девушка? И сейчас она хороша в своем новом платье, надетом явно для него, Романа, но какой же прекрасной была она грешно обнаженная!.. Так и стоит перед глазами, и даже громоздкий тулуп, висящий сейчас на стене – не то, что тонкое платье – не смог бы скрыть ее чудесное тело, такое совершенное, такое желанное. А ведь никто в этом доме не подозревает, что она вся, вся без остатка принадлежала и принадлежит ему, Роману. Неужели это не сон?.. Нет, все правда, все было! Правда уже потому, что так неудержимо тянет к ней, ясно помнятся ночные объятия, и так хочется снова целовать эти губы, так хочется шептать глупые ласковые слова... Мелькнула озорная, шальная мысль: «Вот бы сказать всем, что она фактически его жена. Не поверили бы! Ни за что бы не поверили!..»

Но это в мыслях. А на самом деле он чувствовал себя довольно скованно: старался даже не глядеть в сторону Ольги – чтобы не заметили чего-нибудь Толик с Игнатьичем или подозрительно, как ему казалось, посматривающий хозяин. А может, ему просто кажется, что подозрительно – что можно разглядеть в горящих лихорадочным огнем глазах Фомы Зубакина?

И потом, сидя за столом и замечая, что Ольга ищет его взгляд, почему-то стыдился ее глаз, хотя и не мог бы объяснить причину. Отчего теперь все видится не так, как воспринималось ночью, на темном сеновале? Она же сама хотела этого, сама позвала его... И от него, Романа, ничего не требуется прямо сейчас, немедленно... Ведь не женятся так, сразу?..

От такой раздвоенности снова почувствовал себя измотанным и усталым, даже пристыженным – будто вина какая на нем. Поэтому, прощаясь на улице возле машины, не решился, не смог напоследок сказать что-нибудь ободряющее или хотя бы протянуть Ольге руку. Тем более на глазах у всех.

– Экспедиционных я всегда уважал и уважаю, – заверил напоследок Фома, – так что, если чего надо – заезжайте. Всегда приму.

Ольга же молча и отрешенно стояла на крыльце, все еще ожидая чего-то. И даже рукой не махнула на прощание.

В тепле кабины Роману так захотелось спать, что прямо бы выпал из машины – и остался лежать неподвижно посреди дороги. Но, пристроившись между Толиком и Игнатьичем на кожухе мотора, он спиной и головой вынужден был постоянно упираться в ребристую заднюю стенку кабины. А на ухабах швыряло так, что того и гляди разобьешь затылок. Какой уж тут сон – требовалось все время быть начеку. Так что волей-неволей приходилось слушать Толикову бодрую трепотню.

– А дочка-то у Фомы хороша! Но и строга. Уж на что я к девкам сразу подход нахожу, а тут полный облом. Конечно, если бы на пару деньков остаться, я бы ее уломал...

Глаза Романа на ровных участках дороги слипаются, сознание меркнет – поэтому голос сидящего рядом Игнатьича звучит как бы издалека:

– Против этой девки ты в поджилках слаб!

– Да все они одинаковы! И эта ничем не лучше: при отце – недотрога, а сама, небось, в этой глухомани без мужика звереет – природа-то своего требует. Заметили, как она весь вечер на меня косилась?

– Ну, это ты, положим, врешь! – обрезал Игнатьич. – Уж если на то пошло, то и не на тебя вовсе, а на Романа. Да и то вполглаза. Нужны вы ей такие одичалые, немые да небритые! Этой девке стоит только глазом моргнуть – не такие мужики на коленках приползут. Уж, во всяком случае, не тебе, трепачу, чета!

«А ведь действительно приползут...» – подумал Роман, и его сознание обожгла эта мысль. И следом явственно, будто наяву, снова услышал короткий Ольгин вскрик, прерывистый жаркий шепот...

Явь и короткие минуты сна перемешивались самым причудливым образом. И то: таким измотанным он чувствовал себя, наверное, впервые в жизни. Иногда грезилось, что он все еще там, на сеновале, – и даже очнувшись, сидя с закрытыми глазами, продолжал ощущать обжигающее тепло Ольгиного тела, чувствовал прикосновения ее пьянящих губ, дурманящий запах полос. Мысли, как и ощущения, тоже раздваивались – то убеждал себя: «Такая любовь встречается раз в жизни, а могла бы обойти мимо... Зачем я оставил Ольгу в этой глухомани?.. Надо было сразу забрать с собой в Питер... Ну и что ж: попрошу на работе отпуск на неделю – и сделаю все без суматохи. Медлить тоже нельзя, а то ведь действительно приползут и уведут...». А следом молнией полыхнула затаенная, но прорывающаяся из глубины души ревность: «Она же вон какая – опытная! Значит, не со мной первым! Значит, на моем месте вчера мог оказаться и другой! Стерва, просто очень красивая стерва!..» Сомнения, сомнения – что может изматывать сильнее сомнений?..

От мрачных мыслей наваливалась жуткая усталость – мысли сразу становились вялыми, замирающими, уводящими в омут дремоты. Но уже через несколько минут, очнувшись на ухабе, не мог сразу сообразить, то ли во сне, то ли наяву обвивали его шею горячие руки, обжигали огнем маленькие девичьи груди... Бесконечная дорога, бесконечные мысли.

– Эй, практикант, – Толик довольно чувствительно толкает локтем в бок. – Оставь адресок, а то уедешь – и с концом. Как буду в славном граде Питере, может, в гости загляну.

– Оставляй, Роман, не бойся, – Игнатич рассмеялся. – Он у всех адреса просит, но на моей памяти дальше районного центра никуда не выезжал. Да и здешние бабы его ни за что не выпустят, как лучшего производителя. Побоятся, что надорвется – в городе женщин слишком много!

– Смейся, смейся, – Толик, разом ошетилившись, делает ответный выпад: – Старость приходит к мужику, когда встречные женщины рожают не надежду, а воспоминания. Небось, Игнатич, негрityнку-то так и не попробовал?

– А, правда, Толик, ты сам-то как женился: по любви или по принуждению? – спросил Роман.

– Да как говорит жена, случайно, – Толик фыркает. – Споткнулся о ее кровать.

– А потом, значит, больше не спотыкался – ехидничает уязвленный геофизик.

– И потом спотыкался, но она была первой... И навсегда осталась символом моей девственной непорочности, ибо все последующие бабы оказались повторением пройденного. Моя роковая слабость состоит в том, что я жутко сентиментален...

– Но ведь бывают таки-и-е женщины!.. – возразил Роман.

– Все они одинаковы! – отрезал Толик. – Кто-то из дореволюционных писателей сказал, что, когда он понял, что между графиней и ее служанкой нет никакой разницы, то навсегда предпочел служанок. Я с ним полностью солидарен и, кроме того, придерживаюсь еще одного принципа: холостому плохо везде, а женатому – только дома.

– Фило-о-соф... хренов, – геофизик фыркнул.

– Вот так всегда: откроешь перед кем-нибудь душу, а в нее тут же норовят плюнуть...

Роман уже не слушал: смотрел невидящим взглядом на дорогу, а в мозгу вертелась спасительная мысль: «Приеду домой, а там видно будет...» Несмотря на принятое решение, настроение не улучшилось, а продолжало оставаться таким же мутным и безрадостным, как окончательно испортившаяся погода. Кто, какой оракул подскажет: потерял он, Роман, нечто невозполнимое или от обычного наваждения бежит?..

Дорога, обезображенная неровными колеями в перемолотой машинами грязи, уводила в непроглядную серую мглу. Справа и слева нависали одинаково безликие, бесформенные горы, у подножья которых угадывался столь же однообразный голый лес. Все это: и горы, и лес, и дорога – виделись мутными и неясными. Реальным оставался только морозящий дождь, который выбивал многочисленные оспины на лужах, прилипал к кабинетным стеклам, обволакивал душу прилипчивой, цепкой тоской...

...А через два года Роман женился на студентке-практикантке. Все в его жизни складывалось вроде бы удачно, тем не менее с годами сеновал и Ольгу вспоминал все чаще, при этом думал: «А с ней бы все было не так... Как-нибудь иначе, лучше!»

ТУМАН

Наконец свободен

Красно-белая стрекоза задрожала, словно живое насекомое, напрягшееся для взлета, оторвалась — и зависла, покачиваясь, над самой землей: проверяя упругость воздуха, а заодно и прочность крыльев-лопастей. Потом медленно, словно бы с опаской, стала подниматься по восходящей и, лишь достигнув поворота реки, взяла нужный курс. Издалека став похожей на грузного, напившегося крови комара, быстро начала уменьшаться — пока не нырнула в зубчатую полосу дальнего леса. Остался только шум — рокот двигателя, который временами усиливался и нарастал, отчего казалось, что вертолет возвращается. Но, накатываясь, словно прибой, рокот раз за разом становился слабее, пока не растворился в других звуках.

Улетел! Теперь можно прыгать, плясать, кататься по земле, можно хохотать, плакать, выть по-волчьи, можно биться головой — никто не увидит и не остановит. Один, наконец-то он один! Ничего никому не должен, ничем не обязан. Хотя... Осталось еще перенести все в избушку: на траве в кучу свалены рюкзак, спальный мешок, ящики с приборами, мешки с продуктами, доски. Но можно ведь считать, что наведение порядка — это и не обязанность вовсе, а неискоренимый условный рефлекс, оставшийся от прошлой жизни. Кто-то из друзей, помнится, говорил, что ничегонеделанье — это талант, присущий немногим. Ну что ж, теперь у него будет возможность проверить! Пока же нужно, пожалуй, чем-то заняться — чтобы не вернулась оставленная там, в большом мире, тоска, не навалились тут же безысходность и отчаянье, чтобы следом не сдавил голову железный обруч, который раз за разом обжимает все сильнее и все беспощадней врезается острыми краями в душу и в память...

Так, рюкзак на спину, ящик с тушенкой под мышку... Тяжело! Ну и хорошо, что тяжело! Куда же положить?.. Вот, в угол — к железной печке. А печурка-то сбоку совсем прогорела — долго не

протянет... Теперь спальный мешок. В этой клеенке что – кажется, масло? Масло и спальник пока на нары. Какой-то придурок щепал лучину на растопку прямо от нар – руки бы ему оторвать!.. Эти два ящика тоже к печке. Свет через оконце, как через дупло, почти не проникает внутрь – вечером, должно быть, ни черта не видать?!.. Так, что там еще осталось? В двух бумажных мешках, помнится, всякая мелочевка. Ладно, потом разберусь, разложу по местам. Теперь, кажется, все?.. Да, нужно еще принести воды и дров...

И тут старательно удерживаемые в заточении мысли все-таки прорвали защиту, хлынули, растеклись горячеей волной в измученном мозгу, вновь пробуждая погруженные в кратковременное забытие клетки. Боже, опять! Надо что-то делать, надо как-то сохранить установившееся было хрупкое равновесие!

На глаза попался топор, прислоненный прежним хозяином к печи. Схватив его, Игорь выскочил из избушки, затравленно огляделся: метрах в ста возвышалась над лесом вершина сухой лиственницы. Как раз то, что требуется!..

Вблизи сушина оказалась чуть ли не в обхват толщиной. Плевать, зато дров хватит надолго! Он со всей силы рубанул топором, потом еще и еще. Затвердевшее дерево звенело от ударов, щепка откалывалась неохотно. Не дорубив даже до середины, он сбил ладони – водяные мозоли прорвались и саднили. Пусть будет еще хуже, пусть!.. Отлетевшая щепка ударила по губе – из глаз брызнули слезы. Отняв от мгновенно опухшего места пальцы, увидел на них кровь. Пусть будет больно, пусть будет кровь! Остервенело бил по гудящему, словно телеграфный столб, дереву и уже не хотел разбираться: пот бежит по лицу, кровь или слезы.

Наконец лиственница затрещала, пошла! Коротко ухнув, ударилась о землю и разломилась на несколько частей. Без должной радости, как-то отрешенно подумал, что рубать на чурки почти не придется. И в тот же миг опущенные руки налились такой тяжестью, что стали неподъемными – потом тяжесть перетекла в ноги и, заполнив тело, уже снаружи навалилась на плечи усталостью. Игорю вдруг стало прямо-таки до слез жаль себя. Еще бы: на полсотни километров в округе он один одинешенек – лишь мертвое болото и река. И от этой прямо-таки бабьей жалости захотелось заплакать, причем плакать красиво – чтобы редкие слезы падали на землю, сжигали траву, проходили сквозь камень... Мелькнувшую было мысль, что он сам этого хотел, сам добивался

одиночества, Игорь тут же прогнал: эти слезы ни о чем-либо и не для кого-либо – эти слезы потому, что ему так хочется...

Однако же вместо слез изнутри поднялся колющий непроглатываемый комок, который все увеличивался, твердел, пока не начал распирать горло. Игорь еще пытался бороться с ним несколько долгих секунд, потом, обессиленный, опустил на траву и, чувствуя, что вот-вот задохнется, изо всех сил сдавил пальцами горло. Внутри захрустело, и то твердое, раздражающее двинулось вверх, раздвигая хрящи, выворачивая челюсти...

– Аа-г-аа... Хаг-аа...

Он ожидал, что завоет по-волчьи протяжно, но вместо этого выдал прерывистый, будто предсмертный, хрип. И обрадовался, что никто, ни один человек на Земле не видит и не слышит его.

Придя в избушку, раскатал на нарах спальный мешок, забрался в него и почти мгновенно уснул.

Пробудился же – словно очнулся от глубокого наркоза, всю ночь обволакивавшего неподвластную сну боль, следы которой и теперь еще гнездились в закоулках сознания. И тело оставалось беспомощно распластанным, безвольным. Но с удивительной ясностью и отчетливостью помнился путаный сон. Это было как бы даже и не сновидение, а воспоминание о позавчерашнем дне, только пронизанное какой-то мистикой, фантастическим образом преломленное...

* * *

Приснилось, будто бы сидит он в Сашкином кабинете, на втором этаже гидрометеобюро, держит в одной руке гигантских размеров психрометр, в другой – бешено вращающуюся гидрологическую вертушку и стоически вспоминает, как ими пользоваться. Учили же когда-то в институте, да вот забыл!

– Что в Москве у родителей не остался? – спрашивает между тем Сашка. – Плохо приняли?

– Приняли-то нормально, да просто отвык я уже от города – на улице толкучка, в транспорте давка... И, знаешь, среди этих киосков и ларьков вдруг ощутил себя нищим. Казалось бы, неплохо зарабатывал, но там такие цены!.. И ведь покупают! Откуда у людей столько денег?

– Ты меня спрашиваешь? – Сашка смеется. – У них бы и допытывался. Только большинство сегодняшних набобов про источник доходов не сознаются и под пыткой.

– Во, во! Каждый выход из квартиры для меня и был пыткой. Выдержал неделю – и рванул опять на природу.

– Надумал, значит, спрятаться от всех? – ехидно усмехнувшись, итожит Сашка.

Игорю обидна эта усмешка, но он почему-то пугается именно двусмысленности вопроса.

– Вовсе я не прячусь, просто надоело отдыхать! Хоть какую-нибудь временную работенку, но желательно подальше. И чтобы народу поменьше! Сам понимаешь – таежная привычка...

– А не забросить ли мне тебя на водомерный пост? – Сашка в явном сомнении. – Это где-то на пару недель... Только вот напарника тебе пока нет.

– Я могу и без напарника! – радуется предложению Игорь. – Чай не новичок – сезонами из тайги не вылезал. Ты же меня знаешь!

– Нет, в одиночку инструкция запрещает, – Сашка еще пытается защититься техникой безопасности.

– Ты что, стал во мне сомневаться? – усиливает нажим Игорь.

– Ладно, – наконец сдается Сашка. – Рискну под личную ответственность. Но патроны оставь!

Он по-хозяйски вытряхивает Игорев рюкзак, берет тяжелый патронташ и запирает его в зеленый и огромный, словно мотоциклетный гараж, сейф.

– Как же... Хоть парочку оставь! – умоляет Игорь, заранее убежденный, что там, куда его отправляют, без ружья опасно.

– Ну, уж нет, – Сашка категоричен, – это ведь и так единственное мое условие. Еще начнешь отстреливаться, тогда тебе определенно капут, а так все-таки есть маленький шанс.

– Какой шанс? От кого отстреливаться? – Игорь холодеет, причем во сне чувство страха многократно усилено, так что тело пронизывает ледянящий холод.

– От кого, от кого? – передразнивает Сашка, раздраженный Игоревой непонятливостью. – От хамарысков! Ведь к ним, голубчикам, и полетишь!..

Что-то, какой-то толчок разбудил Игоря на этом, на самом фантастичном месте. Первой мыслью было: «Приснится же такая

чушь!» Но еще через мгновение усмехнулся и, возвращая себя в реальность избушки, прошептал:

– Только хамарысков мне до полного счастья не хватает.

* * *

Открыл глаза. Невольно бросил взгляд на стену – висит ли на гвозде двустволка? В избушке полумрак, хотя светящиеся стрелки «Командирских» показывают без четверти семь. Непогода? Однако ухо не улавливает шума дождевых капель. Туман, должно быть?..

Пора подниматься, ведь нужно ещё отыскать водомерный пост, а в восемь ноль-ноль измерить уровень воды! Хотя какая, собственно, разница – сейчас он это сделает или через час. Кто тут сможет проверить? И что может измениться за час?.. Вот уж когда начнется паводок – тогда другое дело! Но когда он начнется – один Бог знает. Может, через день, может, через неделю... Пока же у него уйма свободного времени: можно дрыхнуть сутки напролет, можно лить горькие слезы по поводу не сложившейся личной жизни... А вот что точно нужно делать, так это не спеша и методично – благо никто не отвлекает – вытравливать из памяти прошлое. Там, на «большой земле», все, кому не лень, лезли в душу, сочувствовали. Или просто делали сочувствующий вид?.. Надоело уже каждому встречному-поперечному объяснять, что не нуждается он ни в чьей жалости! Однако стоп!.. О прошлом пока лучше не вспоминать. На это еще будет время, очень-очень много времени.

Игорь решительно выбрался из спального мешка. Бр-р-р! Ну и холодина! Приблизил лицо к грязному стеклу оконца – снаружи вплотную молоко тумана. Шагнул к печке: избушка – пять шагов вдоль, три поперек, на полу древесная труха, колючий мусор. Поеживаясь, намотал влажные, не просохшие за ночь портянки, натянул кирзачи. Прогоняя озноб из тела, помахал руками, опасаясь зацепить что-нибудь в тесноте. Нет, надо обязательно затопить печку!

Собранными на полу щепками набил ржавую печурку. Она тут же весело загудела, щедро одаривая теплом. Вскипятил чай и на завтрак просто разогрел банку тушенки, которая, по опыту, через несколько дней приедается до тошноты. Все, теперь можно идти на водомерный пост!

Туман, кажется, не собирался редеть, и Игорь легко убедил себя, что искать сейчас сваи водомерного поста – занятие абсолютно

бесперспективное. Он решил прибратся в избушке: протер газетой оконное стекло, подмел пол, распределил все по местам. С некоторым удивлением отметил, что, вопреки ожиданиям, пока и здесь не удастся избавиться от все тех же назойливых мыслей. Чем старательнее гнал их от себя, тем прилипчивей становились думы...

Всю жизнь, до самого последнего времени, он считал себя человеком удачливым, даже везучим – и вдруг, неожиданно, как вылетают на всем скаку из седла, он выпал из жизни. Выпал сразу: из семьи, из дома, из работы... Мчался год за годом от цели до цели: сильный, ловкий, уверенный в себе, в друзьях, в карьере – и вдруг грохнулся со всего маху на землю. Вскочил, думал сгоряча, что ничего страшного – но в голове звон, ноги ватные, и самое главное, что потерял направление движения. Оказывается, полностью положившись на свое везенье, давным-давно не смотрел по сторонам, не оглядывался назад. А тут еще выяснилось, что быть сильным в фаворе и в неудаче – совсем не одно и то же. Оказывается, утратил иммунитет к несчастьям – и заслонила все неизведанная доселе боль, словно шоры надела, словно пламенем опалила душу и мысли... А теперь он уже и не представляет своей жизни без этой боли! Не удалось победить – день за днем собственноручно выращивает ее, даже лелеет... А вот для чего? То ли как последнюю нить, связывающую с прошлым, или же как новую самоцель? Да плевать ему, пожалуй, на прошлое – так что именно как цель! Плохо сейчас, а хочется, чтобы стало еще хуже, еще больней... А для этого нужно снова и снова растравлять рану, с головой окунаться во возвращённую жалость. Она стала как бы источником, восстанавливающим силы... Но теперь уж точно – финиш! Теперь хуже некуда: без людей, без настоящего дела – одни лишь мысли-мучители. Месяц назад они словно вырвались из-под власти – и с тех пор не дают ни минуты передышки; а если и смолкают ненадолго, то лишь затем, чтобы отыскать невыболевший участок памяти – и вонзиться в него с удвоенной силой. На что он рассчитывал, стремясь сюда: утопить память в этих болотах, в этой сонной речушке, или без свидетелей утопиться самому?..

Туман рассеялся лишь к полудню. Игорь обул болотные сапоги и отправился искать водомерный пост. Мысленно он воссоздал карту, вспомнил условный значок метрах в трехстах ниже избушки, Значит, нужно идти вниз по течению. Если только возможны острова посреди суши – болотные кочки большую часть года

все ж таки являлись сушей, – то избушка располагалась как бы на острове. Сейчас болото представляло из себя этакую зыбкую полутвердь, из которой там и сям торчали голые краснокорые лиственницы. Каким-то чудом речушка не растеряла себя, пробираясь среди кочек, и, встретив невесть отчего образовавшуюся возвышенность, охватила ее петлей – образовала полуостров. Пока в предпаводковую пору можно еще выбраться отсюда на коренной берег, но вот разольет речка свои воды – станет холм на излучине самым настоящим островом.

Сверху же, с вертолета, холм, помнится, выглядел неким оазисом в пустыне – похожим то ли на зеленую среди бурого каплю, то ли на сочный березовый лист с сидящей на нем мухой-избушкой. Заплаткой нежно зеленел квадрат вертолетной площадки, от которой сбегал к речке кудрявый кустарник – деревья свели, должно быть, на сруб метеопоста и на дрова.

Снизу, от воды, Игорь не разглядел ничего нового. Озирая будто бы замершую гладь реки, подумал с тоской, что на рыбалку вряд ли придется рассчитывать и что спиннинг взял напрасно. Отпадало едва ли не единственное запланированное развлечение!..

Пост отыскал без труда: железные сваи со следами красной краски выбегали из прибрежного кустарника и цепочкой уходили в воду. Игорь подергал их для порядка – одна шаталась. Значит, нужно идти в избушку за кувалдой – заколачивать новый штырь.

Несколько запасных штырей-свай Игорь нашел за избушкой – и порадовался запасливости своего предшественника. Звук удара кувалды по штырю стремительно рванулся в вышину: «Та-ах-та!». Но тотчас, будто испугавшись простора, вернулся назад и зазвучал коротко, неуверенно: «Та-ах. Та-ах. Та-ах».

Баня

Подъем воды начался только на шестые сутки. До этого Игорь попросту маялся без дела: всего-то и требовалось, что три раза в сутки забрести в болотных сапогах в нефтяно-черную воду – и сделать замер все над одной и той же свай. Отсчеты он уже выучил наизусть: вся разница состояла в том, что утренний уровень на три сантиметра был ниже вечернего. Игорь навел относительный порядок внутри избушки, подновил, как мог, прохудившуюся крышу и, проверив сохранность провианта, определил для каждого мешка и ящика определенное место. Ощущение новизны окружающей

обстановки быстро притупилось, и все остальные чувства стала очень скоро вытеснять скука.

С началом паводка замеры полагалось делать чаще и к тому же три раза в день определять расход воды. Для этой цели над речкой был сооружен хилый мосток на сваях из железных труб, выглядевший достаточно нелепо – ибо обрывался, так и не достигнув противоположного берега. Игорю он представлялся как сказочно-мифический мост в никуда, в другое измерение. Шагни с него – и...

Определение расхода – все-таки занятие довольно скучное: посиживай, свесив ноги, опускай на разную глубину вертушку да засекай по секундомеру промежутки от звонка до звонка. Куда интересней было отпускать поплавков-крестовину по течению и, за отсутствием напарника, бежать берегом наперегонки с ним. Со стороны – если бы вдруг появился случайный наблюдатель – этот кросс с секундомером в руке напоминал «пионерские веселые старты», оставшиеся в памяти со школьной поры, или, что более точно, развлечения ненормального. Сходство усугублялось наидичайшими воплями, которыми Игорь подогревал себя на дистанции.

Но на все про все – даже при самой неторопливой работе – уходило часа четыре, а потом приходилось ломать голову, куда потратить оставшееся время. Вспышки испепеляющей ненависти к жене больше, правда, не повторялись, и он почти успокоился, решив, что наконец-то излечился. Но тут, как на грех, подошла суббота – традиционно банный день.

Какой-то мастер «от скуки на все руки» прилепил к глухой стене избушки неказистую, с плоской крышей, низенькую баню. Пристроил, должно быть, относительно недавно – бревна нового сруба не успели потемнеть и сравняться по цвету с избушкой. Без окошка, с невообразимо низкой дверью, обитой кусками разношерстного войлока, она напоминала скорее собачью конуру – чтобы пролезть в дверь, приходилось сгибаться пополам. Да и внутри баня не баловала комфортом: налево – железная «буржуйка» с наваленными поверху камнями, направо – узкая деревянная лежанка под самым потолком. На лежанке оставлена керосиновая лампа с треснувшим стеклом и тронутое ржавчиной ведро... В общем, довольно убогая, но вполне оборудованная парная банька, призванная скрашивать жизнь залетных гидрологов.

В субботу после обеда Игорь принес воды и связал березовый веник. Примериваясь к лежанке, пришел к выводу, что мастер был повыше ростом, ему же, чтобы взобраться, придется каждый раз подпрыгивать, рискуя боднуть головой потолок. После ремонта крыши остался кусок доски подходящей длины, и он решил смастерить приступок. Пусть и о нем, об Игоре, останется здесь памятка!

Отпилив две берёзовые чурки, он стал прибивать к ним первозданно белеющую доску... и тут, будто обухом по затылку ударило, – горячей волной в лицо хлынула кровь, от затылка к переносице просверлила мозг острая боль. Сразу он даже и не сообразил, что произошло: ухватился обеими руками за стойку, распрямился и... последний месяц жизни стремительно прокрутился назад. Он будто бы заново очутился возле тещиной бани, заново перенесся в тот самый день...

* * *

Поняв, что безнадежно опаздывает, Игорь даже шаги замедлил. Что толку торопиться – пока дойдет до дома, потом до автобусной остановки... Подумал, что Ленка наверняка сейчас психует, но тут же себя успокоил – ничего, попсихует, да такая же и останется. Свернул за промтоварный магазин и сразу же увидел жену: скособоченную тяжелой сумкой, лицо красное, злое.

Не останавливаясь, словно не заметив его, Ленка проковыляла мимо. Игорь догнал, хотел отобрать сумку, но жена вырвала ее, проговорила со злостью:

– Опять, скажешь, забыл? А я, дура, его жду, жду...

– Ничего я не забыл, просто чуток задержался, – стал оправдываться Игорь. – Только успокойся – успеваем ведь...

Ленка ничего не ответила, поставила сумку и пошла, не оглядываясь. И лишь на автобусной остановке не удержалась, укорила:

– Для тебя дружки дороже жены. Ну и оставался бы с ними – я бы и одна уехала!

– А для тебя твоя деревня дороже дома, – не остался в долгу он. – Чуть не каждые выходные туда повадилась...

Они ехали на юбилей – на тещино пятидесятилетие. В автобусе Ленка молчала, уткнувшись носом в пыльное стекло, обиженно сопела. Игорь тоже молчал: не хочет разговаривать, и не надо...

Гостей собралось немного: все какие-то старики и старухи – дальние родственники, которых Игорь даже по именам толком не знал. Из молодежи были только Ленкин двоюродный брат Алексей с беременной женой Светланой да его друг Толик – крепкий кучерявый механизатор, к тому же бывший Ленкин одноклассник. Вечером молодежь отделилась от стариков: взяли несколько бутылок вина, закуску – и перебрались на летнюю кухню.

Алексей с Толиком тут же заговорили о тракторах, о посевной, о бригадном подряде. Алексеева жена в основном поддакивала мужу, Ленка тоже что-то вставляла – все-таки своя, бывшая деревенская. Она даже пересела поближе к кудрявому Толику. Игорь поначалу тоже пытался участвовать в разговоре, но как-то все попадал не в такт и в конце концов замолчал, только подливал вина в стаканы. Захмелевшие Алексей с Толиком уже матерно ругали какого-то Ваську, «запоровшего» тракторный двигатель, потом, без всякой связи, совхозного директора, не желавшего выплачивать, приработок. Ленка похохатывала над плоскими Толиковыми шуточками, а то и вообще, как казалось Игорю, безо всякого повода. «Будто что-то понимает, горожанка хренова», – злился он.

Света, Алексеева жена, вскоре смолкла, подперла щеку ладонью и мирно задремала. Алексей, часто прикладывавшийся к стакану, окончательно утратил ясность мыслей, лишь Ленка с Толиком продолжали трепаться, как ни в чем не бывало. Перебрав всех, с кем вместе учились, стали вспоминать, кто на ком женился. В конце концов Игорь не выдержал, позвал жену:

– Пошли спать, а то уже поздно.

– Ну, посиди еще, – попросила Ленка. – Завтра отоспимся.

– До свидания. Всем спокойной ночи, – и, не дожидаясь ответа, Игорь поднялся.

Ленка догнала его возле лестницы на сеновал. В темноте полезли наверх по шаткой приставной лестнице, на ощупь расстелили приготовленные простыню и одеяло.

Игорь лежал, отодвинувшись от жены и стараясь подавить неприязнь к кудрявому Толику, а заодно и к жене. Думал со злостью: «Разоткровенничались, будто меня и нет рядом! Парочка: у одного ни капли юмора, у другой столько же ума...»

Он провалился в сон, но, как показалось, тотчас же проснулся от неясной, пришедшей во сне тревоги. С минуту настороженно прислушивался к тишине, потом расслабился, потянулся, раскинул руки... и вздрогнул – рядом было пусто.

Куда же Ленка могла подеваться? Подождал несколько минут – непонятная тревога не улетучилась, наоборот, усилилась. Не выдержав ожидания, поднялся и, нащупывая во тьме ступеньки, спустился вниз. Коснувшись босыми ногами земли, замер: тишина, лишь мерно дышит в загоне корова. Может, Ленка в дом ушла? Вытянул руки, ориентируясь в темноте... И тут услышал какое-то шевеление в бане. Вот она где!

В предбаннике нашарил ручку, хотел было уже потянуть на себя, как вдруг услышал приглушенный дверью торопливый шепот жены и следом стон. Этот ее сладостный стон он узнал бы из тысячи! И тотчас, опередив сознание, ослепила вспышка неукротимой ярости: как она предпочла ему этого тупого тракториста? Но сознание уже возвращалось, неся с собой пустоту, вакуум, в котором не за что было зацепиться. В бесконечном вакууме беспомощно трепыхалась и не могла вырваться одна единственная мысль: «Как она могла?.. Как она могла?..»

Он словно окаменел: не мог даже пальцем пошевелить, не то что сдвинуться с места или что-либо сказать. Но и слушать эти частые стоны жены было свыше сил. Собрав остатки воли, отпрянул от проклятой двери и, опираясь на шершавую стену, пошатываясь, пошел сам не зная куда.

Бездумно, будто во сне, взобрался на сеновал и упал на одеяло. Его трясло, в груди и в мозгу разрасталось что-то жгучее, колющее тысячами острых игл. Вот эти уколы слились воедино, и вдруг боль разом схлынула, унося с собой все страдания...

Чувство времени утратилось – он не знал, сколько лежит вот так: минуту, десять, час? А может, он уже умер? Да, лучшее для него – это умереть! Тело незаметно замрет и не будет больше ощущать ничего: жги, режь, рви – оно бесстрастно. Потом отомрут чувства, мысли и, наконец, последним – слух... Нет, он еще жив, потому что слух обострился до неимоверности: он слышит, как рядом, будто возле самого уха, пережевывает жвачку корова, как за оградой привередливо устраивается на ветке птица, как бессонно ходит по соседскому двору собака и за много километров натужно и безнадежно буксует машина. Чудилось даже, что доносится голос жены. Тогда он сжал в комок жалкие остатки себя живого, так что струйка крови, питающая мозг, стала казаться сокрушительным шумящим потоком, заглушающим все остальное... И в самой глубине мозга, где-то на дне сознания проскользнуло чувство

злорадной радости, что голова наконец не выдержит этого ада и разлетится на части...

Вдруг он услышал скрип открываемой двери, быстрый и невнятный шепот, мужской и женский, потом осторожные шаги вверх по ступенькам. Чуждая, беспредельно враждебная ему тяжесть опустилась рядом, продавив сено. И тогда волна испепеляющей ненависти возвратила его к жизни – неизвестно откуда, из каких глубин вырвавшись, ударила со всей силой по лежащему рядом ненавистному телу. Каждая клетка его кожи, каждый нерв излучали эту ненависть.

– Ты что дрожишь? Замерз? – спросила настороженно жена.

– Уходи! Я знаю, где ты была, – чужим, мертвым голосом проговорил Игорь.

Он не мог видеть, но почувствовал, как Ленка замерла, как застыла в воздухе её протянутая рука. Несколько мгновений она так и лежала – с нелепо поднятой рукой, потом молча поднялась, отыскиала платье и, ни слова не сказав, ушла.

А он остался лежать, не шевелясь, ничего не чувствуя и не ощущая – как в обмороке. На рассвете оделся и, никому ничего не сказав, уехал первым автобусом.

* * *

Даже сейчас захотелось схватить топор и рубить, рубить – крушить все вокруг. Нет, чувства не притупились: ненависть, от которой он уже устал, оказывается, не ослабела. Говорят, что время лечит все – значит, ему нужно еще много, очень много времени...

В баню он больше ни разу не заходил – мылся в реке.

Блажь

Дерево сухо треснуло, подалось и начало медленно клониться. Игорь отступил на шаг, вытер рукавом пот со лба и глянул вверх. В этот миг темный зверек метнулся из не приметного дупла по стволу. Белка! Как же она?..

Двуглавая вершина тем временем все стремительней чертила свою траекторию, и зверек помчался вниз. «Не успеешь! – мысленно торопил он белку. – Прыгай, ну прыгай же!»

Словно услышав, та прыгнула с ускользающей опоры, распласталась в воздухе. Уцелела! Но тут одна из вершин настигла

планирующего зверька, отбросила вниз. Взметнулись ошметки коры, мелкие сучки... Все!

Он отыскал белку в траве, положил на ладонь – внешне не заметно никаких повреждений, но черные выпуклые глаза упрямо затягивались веками. «От судьбы не уйдешь, – думал он с горечью, – надеешься, что от смерти бежишь, а на самом деле – ей навстречу. Так и я: стремился сюда за спасением, и, похоже, напрасно... А ведь чем-то схожи они с белкой, может, тем, что не в силах что-либо изменить? Рабы обстоятельств. Но ведь он-то пока еще жив, пока еще борется! А с кем борется – с самим собой? Занятно: сам с собой борется, сам себя жалеет...»

Нет, на этот раз с жалостью что-то не получалось – периодически приходила лишь усталость, безмерная усталость, граничащая с полным безразличием. Он устал жалеть белок, людей, себя...

Поздним вечером, лежа в сумраке на спальном мешке – впервые он не стал даже раздеваться – Игорь еще раз попробовал вызвать спасительную жалость к себе и вдруг – тоже впервые – ощутил себя неправым. Это было новое чувство. Он стал перебирать в памяти недавние события, пытаюсь отыскать истоки пока еще неясной вины. И тут, непонятно почему, вспомнился случайный разговор в поезде. Он тогда очумело метался, как эта застигнутая врасплох белка: сначала домой в Москву – к родителям, потом в ярославскую деревню, оставшуюся с детства таким миром счастья и покоя...

* * *

В вагоне электрички было не по-весеннему сумрачно, неуютно, между двойными стеклами грязь, а дальше – серая дождевая хмарь, неотступно следующая рядом с поездом по полям и перелескам. Оторвав глаза от книги, он тогда подумал, что с некоторых пор дождь стал восприниматься им лишь как плохая погода, а вот в детстве, помнится, он был прозрачным и легким – по утрам или веселым, булькающим в лужах – полуденным, а то и шальным грозовым – обычно налетавшим под вечер. Но каким бы он ни был, неизменно вызывал радость...

– Дядя, а что ты читаешь?

Девчушка лет пяти, большеглазая, с синими бантами в тоненьких косичках-хвостиках внимательно смотрела на Игоря.

– Да вот книгу: толстую-претолстую и умную-преумную.

– А картинки в ней есть?

– Нет, картинок, к сожалению, нет.

– Даша, отстань от человека, – устало проговорила пожилая женщина, сидящая неподалеку.

Малышка капризно скривила губы, но отошла. Со скучающим видом двинулась дальше по вагонному проходу. Не найдя ничего интересного, – вагон был почти пуст – снова оценивающе оглядела Игоря и села рядом с женщиной.

Он перелистнул очередную страницу, но книга уже изрядно наскучила, поэтому стал прислушиваться к поучениям женщины по поводу того, «как должны вести себя послушные девочки на людях». Точно так же когда-то наказывала им с братом бабушка Евгения: «Взрослых почитайте, не берите пример с Сомовской вольницы – хулиганистые братья Сомовы жили на другом краю деревни, – чтобы не корили потом меня за вас люди. Вы-то осенью уедете, а мне каждый день соседям в глаза смотреть...» Она была строгой, но справедливой – ярославская бабушка, и они с младшим братом, болезненно самолюбивые, а потому порой беспричинно драчливые – дети городского двора – беспрекословно слушались ее. Укоризненного бабушкиного взгляда было достаточно там, где родители умирляли страсти окриком, а то и взбучкой...

– Пушо-о-чек мой, холо-о-сенький мой, наму-у-чился ты, бедняжка, с нами... – нараспев затянула девчушка.

В голосе ее так явственно прозвучали жалостливые старушечьи интонации, что он, забывшись, даже улыбнулся. Внутри словно оттаяло что-то. Игорь захлопнул книгу и подсел к случайным попутчикам.

Женщина на его «Здравствуйте!» повернула широкоскулое загорелое лицо и ответила непривычно, как говорят только в сельской глубинке: «Здоровы будьте!». Девчушка же, перестав гладить ивовую корзину с плетеной крышкой – деревенские умельцы делают такие не на продажу, а лишь родственникам да еще, может быть, хорошим соседям – уставилась удивленными своими синими васильками и словно отбарабанила:

– Здрав-стуй-те!

– Что у тебя там, в корзинке? – поинтересовался Игорь.

– Это котик мой любименький, мой горемычненький.

– Да вот, кота с собой везем, – будто извиняясь, смущенно пояснила женщина.

Электричка остановилась возле бетонной платформы, к которой со всех сторон подступал нахолодившийся под дождем лес, и в вагон с визгом ворвались двое мальчуганов дошкольного возраста. Следом вошли две молодые женщины с букетиками фиалок, с одинаковыми пестрыми зонтами и с большими сумками. «Дачники», – определил Игорь.

Синеглазая собеседница разом потеряла к нему интерес и устремила в другой конец вагона.

– А Вы тоже на дачу? – спросил Игорь просто так, чтобы завязать разговор.

– Нет, я к себе в деревню, – тихо проговорила женщина.

– А это внучка?

– Внучка. Попрыгунья...

Она улыбнулась, но улыбка получилась вымученной, усталой.

– В гостях, наверное, были? – спросил Игорь и тут же подумал, не слишком ли назойлив. Но впервые за последние дни захотелось поговорить – просто ни о чем, ведь дорожный разговор ни к чему не обязывает.

– Можно сказать, что в гостях, – она помолчала, собираясь, видимо, с мыслями. – У дочери была. Да разве это гощенье, сердце только рвать? И что им, молодым, не живется? Сходятся – расходятся...

Старушечьим жестом она вытерла уголки бесцветных губ, скорбно поджала их. Игорь подумал, что разговор закончен, но женщина продолжила с нескрываемой обидой в голосе:

– Внучку на лето не привозят, будто бы за тыщу верст живут. У родной дочери, видите ли, времени нету – вот я сама и поехала. А у них дым коромыслом – развод затеяли. Зятя Николая нет – выгнала его дочка, одна хозяйничает. Внучка не кормлена, пол не мыт, полон стол грязной посуды. Хоть посуду-то, говорю, могла бы сполоснуть? Так она взяла и сгребла все в помойное ведро. Ничего, кричит, этому паразиту не оставлю: все продам или сожгу, а сама к тебе в деревню уеду. И квартиру подожгу! Чем же, спрашиваю, квартера да посуда виноваты? Да и Николай у тебя мужик хозяйственный, спокойный и в рот лишнего не берет. А она мне: «В рот не берет?! Да уж лучше бы он пил запоем, чем по бабам таскаться! Его два дня назад люди с Танькой-учителькой в ресторане видели!» Мало ли что, говорю, злые языки наболтают. Тут она в слезы: мол, Николай и сам не отпирается. Были, говорит,

а захотим – еще пойдем. Ну что ей на это ответишь? Не похоже на зятя, да ведь чужая душа – потемки...

Электричка вновь остановилась, и женщина привстала, чтобы прочитать название станции.

– ...А тут и Николай с дружками пожаловал – не то чтобы сильно, но выпимши. Катька со злости стульями гремит, одежду в чемоданы швыряет. Попробовала я их помирить: вызвала зятя на кухню, спрашиваю, как у них все получилось? А он мне: «Я, мама, устал с ней жить, ведь она меня ко всякой бабе, что помоложе, ревнует. Чуть что – скандал. Я с бывшей одноклассницей встретился, ну, в кафе пошли – так Катька за это тарелкой в меня швырнула. Сама посуды, разве можно так жить?» Вот и получается, что хоть и родная она мне дочь, но что я зятю присоветую? Катьке же говорить – как об стенку горох! Теперешние бабы хоть и кичатся равноправием, хоть и ставят себя выше мужиков, но потому и хулиганье, потому и алкоголики множатся, что нету над детьми мужской руки. А два хозяина в доме – это еще хуже, чем ни одного!

Она смутилась, что говорит слишком громко, обвела вагон взглядом и продолжила чуть ли не шепотом:

– Вот так и моя Катька: заносится, командует Николаем, а не поймет своей бестолковой головой, что командовать – большого ума не надо, вот семью сохранить – тут действительно весь бабий ум нужен...

Она замолчала, устремив немигающие глаза сквозь Игоря, погруженная в невеселые свои мысли. Его же последние слова женщины резанули прямо по сердцу: правда это, истинная правда – Ленку тоже теща одна воспитывала, поэтому так и случилось. Да и он характер не показал, надо было с первого дня ее укоротить... Это что ж, выходит, он сам виноват?..

– А я тоже в деревню еду, – сказал первое, что пришло в голову, только бы перебить тягостные мысли. – Там дед с бабушкой когда-то жили.

– Умерли, что ли? – попутчица будто очнулась.

– Давно. Всю жизнь там прожили, а умерли в городе – как на чужбине. Я из-за этого до сих пор чувствую какую-то непонятную вину.

– Человек предполагает, а Бог располагает, – она вздохнула, перекрестилась и продолжила свое повествование:

– Слава Богу, что хоть у старшей дочери все хорошо. Зовет к себе жить, но уж больно климат там, в Сибири, тяжелый. А младшая вот и рядом, но с ней жить не хочу – в деревне спокойнее...

Игорю невольно подумалось о ярославской деревне, куда он ехал: а ведь действительно – в деревне спокойней. Может, взять да и остаться там, жениться на какой-нибудь деревенской девчонке и устроиться механизатором? А что, водительские права у него есть... Или заняться фермерством: жить на своей земле своим трудом, чувствовать себя хозяином...

Однако было в этих мечтаниях что-то настолько трудно-представимое, что он невольно даже улыбнулся.

– А Вы-то женаты? – неожиданно заинтересовалась женщина.

Игорь замялся и, сам не зная зачем, сказал:

– Да... Женат.

– Хорошо с женой живете?

– Всяко бывает, все-таки два разных человека... – проговорил неуверенно.

– А вот прежде говорили, что муж да жена – одна сатана. А Вы – «два разных человека». Вон у тех молодых хорошие мужья, как думаете?

– Не знаю, – Игорь посмотрел в сторону дачниц, – нормальные, наверное.

– А я точно скажу: тощие они, как гребенки, а за хорошим мужиком и жена всегда справная.

– Ну, это не показатель, – Игорь усмехнулся, сразу почему-то представив жену. – Сейчас специально на диете сидят, чтобы фигуру улучшить.

– Пусть так, – согласилась женщина, – а что же они тогда с детьми да с тяжелыми сумками по электричкам таскаются? Где их мужики-то?..

Она глянула в окно и сразу засуетилась:

– Ой, нам выходить скоро! Вы уж извиняйте.

В глазах ее на какой-то миг промелькнула глубоко запрятанная боль. Узнав и поняв эту боль, Игорь попытался успокоить:

– Может, еще помирится дочка...

– Может, и помирятся опять, да что толку-то – ведь в третий раз уж развод затеяли. Словно в игру какую играют – кто победит. Вроде не муж и жена, а два врага заклятых. И ведь было бы из-за чего с ума сходить, а то... блажь.

Она подхватила корзинку, клеенчатую сумку, окликнула внучку и заторопилась к выходу. В окно Игорь видел, как на остановке они вышли и неторопливо – старая да малая – зашагали к спуску с платформы. Станция называлась «Соть», к ней вплотную подступали полусохшие, какие-то неухоженные деревья, и нудный дождь сеял на дочиста отмытый асфальт, на безнадежно поникшие ветви деревьев, срывался с них холодными каплями...

– Блажь... – повторил Игорь вслух. – Бабья блажь.

* * *

– Да, из-за Ленкиной блажи, – вслух произнес он, глядя в невидимый, зачерненный вечерними сумерками потолок избушки. – Одним махом все сломала, будто и не было прожитых вместе трех лет.

И опять в который раз спросил себя, а была ли в самом деле между ними любовь? Поначалу-то с его стороны не было ничего – это точно, но ведь потом он привязался к Ленке, скучал, когда она уезжала к матери... Нет, с самого начала было все-таки что-то, недаром соседка – пожилая одинокая женщина – часто заходила к ним в гости, чтобы «отдохнуть душой», как она сама говорила. Ведь взаимопонимание двух людей приходит не сразу, не вдруг? И только-только начала крепнуть их привязанность, как Ленка его предала!.. Паскуда!

От вспыхнувшей ненависти холодом обдало виски, и он испугался надвигающегося очередного приступа отчаянья. Сдавив голову руками, уткнулся лицом в подушку: «Не нужно, не нужно думать об этом!.. Забыть, забыть... Все в прошлом, все...»

Миражи

И вот идет он от станции по разбитой и, кажется, знакомой до каждой выбоины дороге, а в ушах неумолчно звучит бабушкин голос – будто песня бегущей из горсти струйки пшеничных зерен: «Помню, тебя маленького бык бодал. Хорошо хоть, что под изгородь закатил – не смог рогом дотянуться. Как принесли тебя, перепуганного – дед за вилы: «Запорю-ю!» Я ему: «Саша, Саша!» Да куда там, Саша убежал. А вскорости и его несут. Я в крик, думала, что неживой уж. А он, как только глаза открыл, первым делом: «Ну, я ему зада-ал!»»

Даже теперь, через столько лет, вспомнив эту историю, Игорь улыбнулся. Посмеивался и дед – потому, наверное, что бабушкины рассказы напоминали ему о деревне, в которой прожили они всю жизнь...

От опушки дорога ведет напрямик через сжатое хлебное поле, потом ныряет в неглубокий овражек и снова – наперерез частым строчкам желтой, словно бы впитавшей солнечный свет, стерни. За полем – деревянный мосток через речушку с грозным названием Руша. Сейчас воды в ней самая малость – курица перебредет, а прежде, помнится, почти каждую весну мутный бушующий поток сносил мост, и до самой межени Рушу переходили по двум раскачивающимся бревнам, скрепленным скобами и именуемым по-старинному «лавами». Из того времени нет-нет да и всплывут в памяти совсем уже непонятные теперь слова: падог – так бабушка называла палку, падеро – самое бранное ее слово. Откуда пришли они в бабушкину речь, никогда уже ему не узнать...

Свесившись через перила и глядя в пробирающуюся среди камней воду, он вспомнил друга Пашку, с которым ставили здесь самодельные, плетеные из ивовых прутьев верши. Проверяли по очереди: день – Пашка, день – Игорь с младшим братом Федором. Подъязков, плотву и прочую попавшуюся мелочь делили всегда поровну – и причитавшуюся половину заносили Пашкиной матери. Однажды увязался с ними двоюродный брат Колян, тоже приехавший из города на каникулы, парень жуликоватый и откровенно нахальный – шпана, как окрестила его бабушка, так он их с братом поднял на смех: «Пашка один, а вас двое, да еще я помогал – так что ему и четверти за глаза хватит». Игорь не стал объяснять, что в Пашкиной семье еще шестеро мал мала меньше и отец-пьяница бросил их несколько лет назад, – разделил по-старому. Бабушка, помнится, тоже пыталась подкармливать Пашку, но он был парнем гордым – подачек не принимал, хотя в их многодетном доме калачи – и те пекли из ржаной муки.

Вон она, Пашкина деревня, высовывается справа из-за деревьев серыми крышами, но не к кому теперь зайти в гости: из армии Пашка вернулся с простреленным легким, часто болел, с женой разошелся и где-то через год сгорел от водки...

Сразу за мостом развилка – в Дмитриевку нужно налево. Глинистая, не просохшая еще после недавнего дождя дорога полого и неспешно взбирается на бугор, гребень которого так же

неторопливо опускается, открывая горизонт. В предыдущий свой приезд – это было четыре года назад, после злополучной встречи с Мариной – Игорь уже видел, что деревня доживает свой век: жилыми оставались только пять домов, а в них одни старики. И тогда на этом же самом некрутом подъеме разом ослабели ноги, как случилось перед парашютным прыжком, когда земля, до встречи с которой всего-то несколько минут, кажется настолько далекой – насколько и желанной. Ведь там, впереди, далекая и незабываемая земля его детства, пусть крохотная, пусть еще больше поредевшая домами, но знакомая до каждого деревца, до каждого бугорка...

В воспоминаниях этот участок пути от деревни Ченцово до Дмитриевки всегда казался длинным-предлинным: сразу от затянутой тальником реки – поле клевера, потом малинник, разросшийся на месте развалившейся городьбы коровьего выгона, и опять поля до самой деревни, вплотную подступающие с обеих сторон к пыльной дороге. Да, путь почему-то помнился длинным, хотя в его жизни были и действительно большие расстояния – через всю страну, и по-настоящему широкие реки – когда противоположный берег видится узкой полоской, и дремучие таежные леса... Вот потому сейчас, наверное, и обмелела речка Руша, потому и укоротилась дорога от станции, что вырос он сам; ведь и тогда существовал бескрайний внешний мир, но существовал как бы сам по себе, для того лишь, чтобы заключить в себе обитаемый островок его детства...

К дедову дому он подошел не улицей, а со стороны огорода. Остановился: где-то на краю деревни перекликалось коровье стадо... Показалось, что сруб за эти четыре года еще больше врос в землю, крыша же в поредевшей чешуе дранки прогнулась, словно спина старой кобылы. Зато крапива набрала такую буйную силу, что поднялась чуть ли не вровень с крышей, и путь до крыльца пришлось прорубать палкой.

Обитая порыжелым, изъеденным молью войлоком дверь оказалась на месте, даже палочку кто-то воткнул в пробой, словно хозяева ушли ненадолго да так и забыли вернуться. Но внутри дом уже не походил на человеческое жилье: покосившиеся оконные переплеты без стекол наглухо затянуты снаружи сухим крапивным будылем, и застывший, даже не предвечерний, а словно бы оставшийся с ночи, сумрак. Какая-то неведомая – Игорю подумалось «нечистая» – сила обрушила пол посреди дома, так что уходящие

вниз доски образовали жуткую воронку. Той же сокрушительной силой был разнесен угол русской печи, и разлетевшиеся кирпичи веером раскатились по пыльным доскам.

Будто холодным ветром из множества щелей обдало его – захотелось наружу, на дневной свет. Казалось, из-за печи или из какой-нибудь щели между половиц вот-вот выглянет старый лохматый домовый и завоет страшным голосом от жуткой тоски, от злобы на людей за то, что оставили этот дом умирать медленно и мучительно.

Он поспешно перешагнул высокий порог, плотно затворил дверь и даже палочку сунул в пробой – как было. И только после этого решился присесть на последнюю сохранившуюся, совсем уже вросшую в землю ступеньку. От самого крыльца ничего не осталось, но Игорь помнил, что было оно четырехступенчатым, с узкими резными перильцами, с двумя фигурными столбиками, поддерживающими крышу. Вспомнился и дедов кураж... Выпив водочки, тот любил попеть, да не просто, а чтобы слышала вся деревня. Бабушке такой громогласный концерт вскоре надоедал, и она недовольно говорила: «Уж если тебе неймется, то горло драть иди на улицу!» Дед чувствовал себя оскорбленным, удалялся на крыльцо и уж там голосил всю – из принципа. Петь мог до глубокой ночи и нередко засыпал прямо на ступеньках. Летом-то бабушка до конца выдерживала характер, но в остальные времена года в одной рубаше на улице холодно, поэтому она быстро сдавалась и приводила его, продрогшего и трясущегося, допевать дома. Так-таки и не смогла она перебороть это дедово чудачество.

Игорь поднялся и, обогнув крапивные дебри, вышел в улицу. Когда-то рядом с вон той березой, что как раз между домами, была скамья: две вкопанные чурки и доска сверху. В одну из августовских ночей, как раз накануне его возвращения после каникул в Москву, черноглазая соседка Тонька учила его здесь целоваться. Ей нравилось, приблизив вплотную лицо, щекотать ресницами Игореву щеку. Это были последние каникулы – потом десятый класс, институт, армия... Но навсегда запомнились мерцающие в бездонных и манящих Тонькиных глазах звезды. Хотя, может, память о звездах появилась позднее, из повторяющихся одинаковых снов?.. Так и просидели они тогда на скамейке до самого рассвета; от прикосновения горячих губ Игорь терял волю, руки плохо слушались, какая-то жилка часто-часто пульсировала за ухом, рождая дрожь во всем теле...

А вот и пруд, в котором они с братом ловили дырявой корзиной карасей. Пруд тоже обмелел и сплошь затянулся зеленой ряской.

Игорь вдруг заметил, что из дома напротив кто-то, подслеповато щурясь, смотрит на него. Ну, конечно же, – это тетка Ньюша! Он узнал ее, несмотря на густую паутину морщин и кирпичного цвета маску загара. Как же она сдала, прежде красивая доярка Ньюша! Игорь не забыл еще, как угощала она его кислыми яблоками из своего сада, а то и немудрящими сельмаговскими конфетами, мимоходом выведывая о весельчаке и гулёне дяде Мише – родном дядьке Игоря. Простоватую Ньюшину дипломатию он раскусил сразу, но не подавал виду. Как же давно это было!..

Подошел к окну.

– Здравствуйте, тетя Ньюша!

– Это Александра Михайлыча внук, што ли?

– Он самый.

– Я и то смотрю – походка быковская. Царство ему небесное, – она перекрестилась, – и тетке Евгении тоже...

– Ну, раз по походке узнают, поди, не шибко изменился, – он усмехнулся и поинтересовался: – А где дочки-то Ваши?

– Одна теперь живу: замуж повыходили, слава Богу, да с мужьями поуезжали.

Девоч Ньюшиных замуж не брали долго. И собой были видные, и здоровьем не обижены, но был один серьезный изъян – неизвестно от кого были девки. Замуж Ньюша ни разу не выходила, а дочек трое, и все друг на дружку не похожи: старшая – высокая, с тяжелой русой косой, средняя – черная, словно цыганка, а младшая, словно бы в насмешку, – огненно-рыжая, да еще и в конопушках. Деревня и безгрешного-то порой осудит да по косточкам разберет, а тут такое... Вот и оберегали матери своих сыновей от Ньюшиных «незаконных». Младшая от такой славы уж и из деревни уехала, но в городе ей тоже не повезло – вернулась через год без мужа, но брюхатая. Бедная Ньюша от горя и стыда две недели из дома не выходила, повеситься хотела... А вот, поди ж ты, всех замуж поразобрали – иные времена, иные нравы.

– Вы одна, что ли, в деревне остались? – спросил он. – Дома-то, как посмотрю, все заколочены.

– Не, еще Санька Чистяков живет с женой и пацаном. Через два дома отсюда.

– Что это они отшельничают? От мирской суеты решили уединиться?

– А он механизатором, а Ольга зоотехником. У них энтот, как там ево в газетах пишут?.. В общем, семейный подряд! Ферму-то в деревне оставили, вот и оне при ей.

– Зайти к нему, что ли? Небось, не забыл еще?

– Да он спит, поди! – Нюша замахала руками. – У них недавно только стихло: жену опять гонял. Скучно здесь жить-то, – добавила она, словно оправдывая Саньку, – вот он с утра и в загуле. Слышь, коровы мычат непоеные?

Игорь вновь прислушался к разноголосому коровьему мычанию, которое недавно принял за переключку возвращающегося с пастбища стада. В непрекращающемся этом надрывном зове только теперь расслышал он мольбу.

– Что же, и напоить их некому?

– А што теперь – ведрами воду носить? Санька седня спяну мотор-то на автопоилке спалил... Ну да не помрут до утра, а там он проспится.

От этих безразличным голосом произнесенных слов ему стало не по себе, словно опять потянуло холодом из невидимых щелей разрушенного дома. Но от этого холода не закутаешься, не выскочишь, как из разоренного дома, на дневной свет – просто это уже не та деревня, не та добрая, справедливая деревня его детства. Поначалу ей удавалось обманывать Игоря, вернее, это ему удалось себя обмануть, убедить, что детство может повториться, что можно возвратиться в тот сказочный мир и заново пережить давние ощущения...

– Да ты зайди в дом, я хоть чаем напою, – пригласила Нюша.

– Спасибо, на станцию нужно возвращаться.

– А то оставайся – переночуй. Куда пойдешь на ночь глядя?

– Завтра на работу надо, – зачем-то соврал он. – Может, засветло успею дойти?

Но засветло он не успел. К станции подходил чуть ли не на ощупь. Еще хорошо, что по лугу тропка смутно белела среди темной травы, да в одном из окон вокзала, словно маяк, горела лампочка. В туфлях жулькала вода, а грязные штанины в звенящей тишине, усиливающей звуки, гремели при каждом шаге, словно жестяные.

В ночной темноте оставалось только полагаться на память: уткнувшись в высокий тын, медленно двинулся вдоль него, пока не вышел к насыпи. Спотыкаясь о шпалы, добрел до мертвенно-тихой громады вокзала. Долго ощупывал стену, пока не нашел входную дверь

Тусклая лампочка еле освещала крохотный зал ожидания, треть которого занимал деревянный диван с прорезными буквами «МПС» на спинке, напротив его – деревянная рамка с железнодорожным расписанием. В полутьме он напряженно, с трудом угадывал цифры – выходило, что ближайший поезд пройдет только утром. Первой мыслью было попроситься на ночлег к железнодорожникам – не откажут, поди? Вот только как объяснить незнакомым людям столь позднее появление? К тому же брюки по колено в грязи...

Поразмыслив, он решил, что переночевать можно и на диване. Свернул куртку – под голову, долго распутывал затянувшиеся мокрые шнуры, чтобы сбросить набухшие, скользкие от грязи туфли. Оставляя мокрыми носками следы на крашеном полу, дошел до выключателя и погасил свет. Никого, пожалуй, больше до утра не будет?

Диван был, мягко говоря, жестковат. Нависая из черноты бесформенной тушей, призрачно светился огромный титан. Расправив складки куртки под щекой, он блаженно вытянул ноги и закрыл глаза. Несмотря на полнейшее отсутствие комфорта, впервые за последние дни ощутил покой – будто оборвался еще один натянутый до предела изболевшийся нерв...

* * *

Здесь, на острове, прошлая жизнь стала вспоминаться чуть ли не сказкой. Постоянно всплывали в памяти лица друзей, какие-то малозначительные эпизоды, приобретшие вдруг особую значимость. Лишь о бывшей жене старался не думать – и это уже получалось. Чаще всего вспоминалось детство, видимо, потому, что оно дальше всего было удалено в ту сказочную жизнь...

Вода третий день шла на убыль и уже почти вернулась к норме. Не иначе, как завтра уровень установится, – и тогда через день-два нужно ждать вертолет. Тем более что там, ниже по речке, есть еще один водомерный пост – и у них рация. Игорь даже начал понемногу упаковывать лишние вещи.

В течение дня не раз замирал и прислушивался – вдруг прилетят пораньше? Но вокруг стояла странная и гнетущая, какая-то противоестественная тишина: не зашелестит листвою ветерок, не взбуйхнет присмирившая вода, даже птицы с дерева на дерево перелетают неслышно, будто страшась лишний раз себя

обнаружить. Игорь и сам впадал в какое-то оцепенение: лежал на нарах и абсолютно ни о чем не думал – просто ждал, выключившись из ритма времени. Скоро, теперь уже совсем скоро он будет с людьми – увидит друга Саньку Сизова, потом родителей, старых друзей. Да что там друзей – просто милых симпатичных девушек! Он ошибся – этот остров, это одиночество не для него. Здесь все не так, как представлялось, и себя он, оказывается, совсем не знал...

Остывая ночью, избушка потрескивала, поскрипывала, пощелкивала – и от каждого звука Игорь вздрагивал, вырываясь из объятий чуткой дремоты. Боязнь темноты пришла как будто из детства: стоило закрыть глаза, и тут же начинало чудиться, что выползает из угла, приближается какая-то бесформенная зловещая масса. При свете лампы он, наверное, чувствовал бы себя спокойней, но приходилось экономить керосин – осталось чуть-чуть. Полагаясь больше на слух, настороженно держал в поле зрения призрачно белеющий прямоугольник оконца – не мелькнет ли какая тень.

Измученный многочасовым ночным бдением, уснул только на рассвете. А днем случайно попало на глаза зеркало, глянул в него мимоходом и даже отшатнулся: глаза красные, щеки запали, на скулах и на шее неровная пегая щетина – ни дать ни взять, экспедиционный бич-пропойца.

И опять эта тишина вокруг: она обволакивала коконом отчужденности и в то же время с самого утра начала ритмично постукивать в ушах – даже не в ушах, а в самом мозгу. Игорь, как ни пытался, не мог освободиться от этого размеренного, изматывающего стука и, чтобы нарушить хотя бы его ритмичность, сам начинал шуметь: передвигал что-нибудь в избушке, перекладывал посуду на полке или разговаривал сам с собой. Порой начинал повторять любое пришедшее на язык слово или короткую, абсолютно бессмысленную фразу. Мысленно убеждал себя, что беседовать с пустотой – смешно и тем не менее с любопытством вслушивался в незнакомый, будто бы чужой голос. Чаше же пел вполголоса все песни подряд, какие только знал. Попытался было запеть и вне избушки, но сразу осекся: среди всепоглощающей тишины пение казалось кошунственным и чуть ли не запретным действием.

И весь этот день мысли его были только о вертолете, поэтому гудение залетевшей в избушку осы Игорь принял за гул мотора. Выскочил наружу, прислушался – тишина, вернулся в избушку –

гудит. Гудит громко, монотонно, будто бы прямо над головой, над крышей. Кинулся опять за порог. Что за наваждение?

Когда разобрался в чем дело, в ярости прихлопнул осу. И даже испугался – откуда в нем это ожесточение? Но ожидание становилось прямо-таки невыносимым. Знал бы молитвы, помолился бы Богу, чтобы никакая помеха не смогла больше задерживать вертолет...

На сей раз уснул он неожиданно быстро и сразу же увидел сон. Приснился дождь: крупные редкие капли бежали вперегонки по дороге, тупо ударяли в пыль, вздымали высокие фонтанчики. Игорь находился где-то рядом, но ни одна капля так и не упала на него. Во рту было сухо, страстное желание ощутить прикосновение живительной влаги росло... Очнувшись ото сна, он продолжал явственно слышать торопливые шлепки капель о землю, настолько громкие, что поднялся и распахнул дверь избушки... Дождя не было и в помине – мерцало крупными звездами небо, пьянила запахами теплая и тихая ночь...

Нашествие тумана

На острове он осмотрел чуть ли не каждый куст и пенек, но, кроме заржавленного ножа с наборной берестяной ручкой, ничего не нашел. Целый день потратил на то, чтобы очистить лезвие от ржавчины: сначала о камень, затем о подошву сапога. Хозяйственные работы, как он их ни растягивал, могли занять лишь малую толику свободного времени, рыба же то ли вовсе в реке не водилась, то ли в самом деле был мертвый сезон бесклевья.

Транзисторный радиоприемник он с самого начала включал редко – лишь для того, чтобы прослушать новости; однако, как ни экономил питание, прием день ото дня становился все хуже. Наконец догадался взглянуть на дату изготовления батареек, которые заменил перед самым отлетом – так и есть: годичной давности! К середине второй недели «ВЭФ» вообще замолчал – оборвалась единственная связь с внешним миром. Тогда Игорь отнесся к этому довольно-таки спокойно, ведь до конца уединения, по его подсчетам, оставалось всего несколько дней, теперь же, вконец измученный ожиданием вертолета, вспомнил вдруг рекомендацию какого-то технического журнала, что разрядившиеся батарейки всего-навсего требуется подогреть.

Вытащив элементы из гнезд, поставил их в ряд на неостывшую еще после приготовления обеда печку. Через несколько минут пощупал – теплые. Вставил их в приемник, включил – динамик негромко щелкнул. Есть! Покрутил ручку настройки: сначала на длинных волнах, потом на средних – ничего, лишь слабое потрескивание; переключил на короткие – треск усилился. Медленно, очень медленно вращая ручку, прослушивал диапазон за диапазоном – все безрезультатно, даже надоедливой, обычно все заглушающей морзянки не слышно. Словно весь мир вымер, а может, дело вовсе и не в питании, просто что-то в схеме перегорело?..

И тут пробился наконец какой-то чересчур обыденный, совсем не дикторский голос – должно быть, работала местная коротковолновая радиостанция:

– ...К южной окраине города приближается белое облако. Приказываю принять все меры противохимической защиты, готовность номер один пожарным и санитарным командам, – речь звучала бесстрастно, как будто даже обреченно, – отряды спасателей обя...

Сообщение оборвалось на полуслове – ушла волна. Игорь покрутил туда-сюда ручку настройки – опять один лишь треск. Снова он методично обшарил все диапазоны, но даже помехи становились все тише и тише – батарейки сели окончательно.

«Что же это было? – думал он. – Похоже на оповещение штаба гражданской обороны? Говорили про окраину города... Какой тут город поблизости?..»

Он попытался воссоздать в памяти карту местности, но, кроме обширного сине-зеленого пятна, обозначающего болото, да еще возвышенности на севере, которая прежде просматривалась в голубой дымке над кромкою леса, больше никаких подробностей не мог вспомнить. Конечно, эта радиоволна могла придти откуда угодно...

До самой ночи мысли о неведомом облаке не давали покоя. Не то, чтобы он испугался войны, хотя полностью не мог исключить и ее – нет, в войну он все-таки не верил! Но ставила в тупик абсурдность сообщения: такие учения вроде бы давно уж не проводятся?.. Если только шефы-военные не развлекают школьников «Зарницей»?!

Вспомнился вдруг рассказ Веруси Горшковой, что устроилась к нему в партию года два назад. Эта ядреная деревенская деваха оказалась настолько простодушной, что Игорь при приеме ее

на работу даже засомневался – не глупая ли? Покорила она его, помнится, тем, что на вопрос «Как обстоит дело с семьей?» ответила: «Ну, что Вам сказать? Корова еще не отелилась...» Точно так же, ничуть не смущаясь и не боясь вызвать насмешки, она рассказала и этот случай, который в пересказе Игоря пользовался неизменным успехом у его друзей.

«Я в седьмом классе училась, а брат Леха в тот вечер в клуб ушел – его уже на танцы отпускали, потому как он на два года старше. По радио передача какая-то шла и вдруг оборвалась, и сразу голос: говорят, что всем надо идти в школу на сборный пункт и что с собой брать. Мать в крик, мол, где же мы Леньку-то отыщем? Продукты собирает, одежду в узел связывает, а сама плачет-заливается – ну, и я следом. Тут передача опять обрывается, и тот же голос говорит: «Всем немедленно в укрытие – к деревне приближается белое газовое облако». Ну, все – война! Давай мы скорей окна одеялами да половиками завешивать, а сами ревмя ревом – помирать не хочется. Тут стук в дверь – соседка с маленькой дочкой прибежала. У нее муж тоже куда-то уехал. Теперь уже давай вчетвером голосить. Наревелись досыта и полезли в подпол прятаться – может, хоть туда газы не доберутся? Еду с собой взяли, воду, керосиновую лампу зажгли. Соседка с мамкой, пока сидели, во всех грехах друг другу покаялись. А где-то в час ночи открывается крышка подпола, и Леха заглядывает: «Чего это вы там сидите, и окна все занавешены?» Тут мы все опять в рев, теперь уж от радости – а брат со смеху аж по полу катается... Мы-то еще ничего – в час ночи вылезли, а было много и таких, что в погребе или в скирде сена всю ночь просидели! Что тревога-то учебная, послушали...»

Тогда Игорь хохотал до слез, а сейчас почувствовал себя в шкуре тех одураченных сельчан: кто знает, что это за белое облако? Тут не придет в час ночи брат Ленька и не расскажет – объяснение может прибыть только с вертолетом.

Спал он опять беспокойно, а когда утром распахнул дверь избушки, то будто в какую стену уткнулся – вплотную подступал непроницаемый туман. Он был таким невероятно белым и таким противоестественно густым, что напоминал скорее кисель. Игорь по инерции шагнул через порог, и ему почудилось, что стена физически противится проникновению в нее, выталкивает, прилипая к коже влажными студенистыми присосками. Он содрогнулся от неожиданного отвращения, торопливо отступил

назад и захлопнул дверь. Но туман уже успел проникнуть внутрь, принес в избушку непривычный горьковатый запах. То, что туман может иметь запах, показалось Игорю очень странным.

Он затопил печь – охапка дров была припасена с вечера – и приготовил дежурное, порядком уже осточертевшее блюдо «макароны по-флотски». Поразмыслив, решил, что вертолет в такой туман не прилетит, поэтому стоит сходить на водомерный пост и сделать очередной замер. Вообще-то, необходимости в этом не было, так как последние дни уровень не менялся, но ведь затем он здесь и находится...

Надев штормовку, распахнул дверь и решительно нырнул в белую неизвестность. И сразу же ощутил внутри и вокруг себя... нет, не страх, а маленький липкий страшок. В самом деле чего тут, на необитаемом островке, бояться? Но страшок подгонял, нашептывал: «Сейчас протянется к тебе из пелены, обхватит, спеленает...» Страшок заставлял озираться, напряженно ожидать чего-то. Вместе с тем Игорь понимал, что должен был решиться, что сидение внутри избушки измучает его еще больше – именно поэтому он переборол желание тотчас вернуться, опустил руки, готовые к защите, замедлил шаги, хотя непреодолимо хотелось побеждать.

Начальное направление он вскоре потерял, а с ним и уверенность, что идет правильно. Лишь ощутив под ногой зыбкость насыщенного влагой песка, понял, что вышел к реке. Как слепой, ощупывая землю впереди дюралевой наметкой, двинулся вдоль кромки воды. Он прошел мимо свай и, окончательно убедившись в этом, повернул назад – но опять прошел мимо. После четвертой попытки понял, что поиски бессмысленны и мероприятие с самого начала было обречено на провал.

Сделав от воды несколько шагов в сторону, уперся в кусты – подумал, что вроде бы и нет такого места, где они растут так близко к воде. Остановился, гадая, куда же пойти: направо или налево? Двинулся налево, но, пройдя шагов двести, так и не обнаружил ни тропы, ни даже вырубки. Тогда решил, раз избушка расположена на вершине бугра, подниматься все время вверх по склону.

Непросохшие от ночной росы трава и кусты отбрасывали при малейшем прикосновении целый ливень крупных капель. Он поднял отвороты болотных сапог, но штормовка спереди все равно вскоре намокла – от нее брюки, а потом и в сапогах захлюпала вода.

Угадывать подъем оказалось вовсе не простым делом: продравшись сквозь кусты, Игорь неожиданно оказался снова у воды. Река служила каким-никаким ориентиром – и он взял направление перпендикулярно ей. Несколько раз за избушку принимал кустарник, раз за разом все больше разочаровываясь, а проплутав еще с полчаса, начал откровенно паниковать – и даже под ноги перестал смотреть. Вот тут-то он и споткнулся о корень – и, падая, ободрал щеку. Исцарапанный и мокрый до нитки вышел наконец на вырубку. Слава Богу – избушка где-то рядом!

Чтобы не заблудиться еще раз, начал ходить кругами, пока слева не надвинулось что-то серое и огромное. Игорь двинулся к проступающей сквозь туман громаде и, лишь подойдя вплотную, убедился, что перед ним избушка. Радоваться уже не было сил.

За день туман так и не рассеялся, наоборот, к вечеру стал как будто еще гуще. Ничего не изменилось и на следующее утро. Непонятный страх, ожидание чего-то жуткого и неотвратимого все больше завладевали Игорем, перерастая в самую настоящую болезнь, приступы которой неожиданно сжимали спазмом желудок, делали непослушными руки и ноги.

Поначалу он часто распахивал дверь, чтобы выглянуть наружу, потом реже и реже, потому что каждый раз приходилось преодолевать все возрастающий страх перед тем, как взяться за дверную ручку – казалось, что за дверью происходит что-то невероятное и необъяснимое. Внутренне замерев, медленно-медленно надавливал на дверь, и по мере того, как она начинала подаваться, леденящий душу ужас поглощал все остальные чувства. Когда возникала наконец узкая щель и за ней все та же непроницаемая стена тумана, сердце Игоря обрывалось вниз, и горячая волна ударяла в виски. Если бы вместо белой пелены открылось что-то другое, он умер бы, наверное, от разрыва сердца. Потом уже задавал себе вопрос, чего он так боится там увидеть: неземной пейзаж, космическую глубину, зияющую бездну? Перед глазами неоднократно возникало видение: островок медленно плывет в тумане к краю гигантского водопада, низвергающего вниз белые струи. А может, это предчувствие, может быть, в самом деле приближается жуткая Космическая дыра, поглотившая уже весь мир и готовая теперь поглотить этот последний островок жизни? И предвестником ее приближения, ее дальней границей является туман...

Лежа на нарах и часами наблюдая за работой паука, который кропотливо ткал под оконцем свою паутину – от косяка к деревянной полке, – Игорь вдруг обратил внимание, что сеть получилась разноячеистой, асимметричной. Тут же отозвалась в памяти заметка не то из технического журнала, не то из пособия по гражданской обороне, что нарушение координации у пауков – признак наличия в воздухе нервно-паралитического газа. Может, это просто-напросто ненормальный, свихнувшийся паук? А, может, и он, Игорь, тоже свихнулся, только не знает об этом?..

Неожиданная эта мысль повергла его в ужас. Ну, нет – сумасшедшие не подозревают о своей болезни, пока им об этом не скажут! А тут и сказать некому... Но раз он рассуждает о своем сумасшествии, значит?.. Существуют же какие-то тесты, чтобы себя проверить? Хотя, навряд ли. Вот если бы было какое-либо животное, собака, например...

Коля Блатной

Туман создал и неожиданные проблемы, в первую очередь с водой. Ведро ее, как Игорь ни экономил, хватило лишь на двое суток. Нужно было идти к реке, но он никак не мог решиться: кроме страха перед туманом, в нем теперь жила боязнь заблудиться. К реке выйти не так уж и сложно, но как возвратиться назад, как найти с практически закрытыми глазами крохотную избушку?

Эта задача казалась не менее трудной, чем попадание ниткой в игольное ушко, да еще в абсолютной темноте. Тем не менее возникшая жажда вынуждала незамедлительно искать решение. Идея родилась неожиданно: он когда-то читал, что во время пурги полярники ходят из дома в дом, держась за натянутую проволоку. Проволоки в избушке, конечно же, не оказалось, зато была полная катушка рыболовной лески. Один конец лески он привязал к гвоздю в стене, второй – к забитому возле воды колу, и с тех пор «нить Ариадны» стала исправно выполнять свою путеводную функцию.

Запас дров тоже вскоре иссяк, но тут уж Игорь уверенно отправился в окрестности избушки, прикрепив к поясу спиннинговую катушку. Оставшийся кусок лески оказался, правда, коротковат, а сушняк поблизости давно был вырублен, так что пришлось довольствоваться валежником и нижними сучьями лиственниц.

Каждый раз за пределами избушки он буквально изнывал от страха и почти утрачивал волю, однако, раз конец света все не наступал – нужно было как-то жить. Кто знает, может быть, страшное белое облако – это всего лишь безобидный туман?

Игорь уже почти поверил в это, когда, в очередной выход, над головой пронеслась стремительная тень. От неожиданности он метнулся в сторону, так что взвизгнула трещотка на катушке, споткнулся обо что-то и полетел вниз головой. Дальше – ошеломляющий удар, огненные брызги в глазах...

Он не мог сказать, сколько пролежал без сознания, но когда очнулся и ощупал землю вокруг, то уяснил, что лежит возле толстого пня. Поднялся, собрал разлетевшиеся сучки и, держась за леску, пошел к избушке. В голове и между позвонками в шее – непроходящая тупая боль, зато страх совершенно улетучился, будто его не было и в помине. Еще бы, ведь он только что чуть не погиб, а терять ему здесь, кроме жизни, абсолютно нечего. Да и вообще, к чему все эти страхи, ведь такая жизнь уже мало что стоит...

Без каких-либо изменений и происшествий прошли, вернее, протянулись, еще два дня. Возвратившись с очередной партией дров, Игорь обнаружил, что дверь избушки приоткрыта. Что за черт! Он ясно помнил, что закрывал – уходя, он всегда плотно затворял дверь.

Осторожно опустив вязанку, вытащил на всякий случай из-за голенища сапога нож и стал подкрадываться, выставив его перед собой. Тело буквально сотрясала нервная дрожь, зубы не стучали лишь потому, что он судорожно их сжал.

Медленно просунул голову в щель... и вздрогнул – за столом, спиной к нему, кто-то сидел. В тот же миг он узнал сидевшего – и резко отпрянул: острые оттопыренные уши, длинная жилистая шея и закрученный, словно зализанный коровой, вихор на затылке – несомненно, это был Коля по прозвищу Блатной.

– Что, начальник, испугался? – донесся изнутри его хрипловатый насмешливый голос. – Не хочешь гостя принимать?

Какие угодно, но не такие слова ожидал услышать от него Игорь. Подумал, что вот сейчас, не выдержав взятого тона, Блатной рванет ворот рубахи и закричит: «Падла! Дешевка! Кишки выпущу!» Но тот выжидающе молчал.

Совершенно ошарашенный, Игорь распахнул дверь и шагнул в избушку. Блатной резко повернулся, в полумраке хищно блеснули его железные зубы.

– В рот мне семь камней! Ты на кого с пером кидаешься, уж не на меня ли?

Игорь торопливо затолкал нож за голенище и, все еще не веря собственным глазам, присел на краешек нар. Он был невыразимо рад даже такому, совсем, казалось бы, нежеланному, гостю. Ведь это человек, живой человек!

– Как ты здесь очутился? – наконец решился он спросить.

– Ну, серому таежному волку все тропочки ведомы, – начал Блатной развязно. – Я тут кантовался одно время, а вокруг по болоту легавые с овчарками шастали. Теперь нужда опять привела, а фатера, оказывается, занята. Не ожидал меня, наверное, больше встретить, а, начальник? Знать судьба твоя такая: к тебе она сегодня задницей повернулась, а ко мне передницей! Мы ведь, помнится, так и не поквитались? Я каждый денечек, все четыре года помнил, а ты, поди-ка, забыл?..

Игорь тоже не забыл...

* * *

«Вихрь» нутжно закашлялся, выплевывая сизые клубы дыма, и, поперхнувшись, в который уже раз замолк. Игорь несколько раз дернул тросик стартера и от злости и от бессилия выматерился. Настроение и без того было отвратительным, а тут еще этот мотор...

С базы он уплыл, вдрызг переругавшись с начальством. То, что деньги для бригады не получил, еще ничего – не больно-то они в тайге и нужны, хуже то, что зарплата оказалась значительно меньше ожидаемой. Попробуй теперь объясни парням, что смета давно съедена другими отрядами, а они, оказывается, работали за голый тариф и «за того парня». Когда он формировал эту свою аварийную бригаду, то сулили, помнится, золотые горы. Но не только по этой причине мало радовала предстоящая встреча: бригада на сей раз подобралась, как говорится, оторви да брось. Все как один – и Блатной, и Шкаф, и Хандроз. Про себя Игорь с самого начала называл их только по прозвищам, хотя обращался неизменно по именам: Николай, Саня, Юрий. Именно по этой причине и его, несмотря на незначительную разницу в возрасте, называли Игорем Владимировичем, за исключением Блатного, которому, учитывая его особое положение в бригаде, позволялось держаться запанибрата.

При устройстве на работу Блатной со Шкафом предъявили справки, выданные при освобождении, но выбирать не приходилось – в середине лета на временную работу можно было найти либо вчерашних школьников, либо таких вот, только что отпущенных с зоны. Игорь всегда считал, что быть нянькою при малолетних пацанах все-таки хуже.

Как удалось выяснить, Шкаф сидел за драку, Блатной мотал «червонец» за убийство, поэтому Игорь обрадовался появлению Хандроза, шофера по специальности. Во всяком случае тот должен был считать себя обязанным Игорю, закрывшему последнюю запись в его трудовой книжке. Сам Хандроз рассказал, что устроился на легковушку в церковь, причем священник обещал хорошую зарплату, поставив только два условия: не воровать и не материться. Две недели Юрий продержался, но тут священник, дав денег, отправил за покупками. И тут, «на бабий грех» – по выражению Хандроза, – встретился ему старый кореш. Деньги они, конечно, пропили, а когда утром явился на работу, то получил трудовую книжку с записью «Сему червю нет места на земной коре. Отец Василий». Вроде бы и не тридцать третья статья, но в отделах кадров, куда Хандроз обращался, вдоволь насмеявшись, в работе тем не менее категорически отказывали. С отчаянья он и пришел в экспедицию, на другой же день принеся Игорю разочарование, ибо пил все, что течет и горит...

Встречающих его рабочих Игорь увидел издалека и, едва причалив к берегу, понял, что они пьяны. Шкаф стоял набычась, старательно удерживая в вертикальном положении свое грузное тело, Хандроз, правда, сидел, подпирая спиной березу, но к лицу его была намертво приклеена пьяная блаженная улыбка, один Блатной внешне выглядел трезвым, но и его выдавал лихорадочный блеск глаз.

«Где же они выпивку-то взяли, неужто у туристов? Так вроде бы не попадался никто навстречу?..» – терзался в догадках Игорь, одновременно прикидывая, как повести себя дальше. До сих пор, вот уже почти месяц, у него не возникало особых проблем в отношениях с бригадой – это была первая. Блатной пользовался непререкаемым авторитетом, и все приказания Игорь отдавал через него, одновременно убивая двух зайцев: и Николая таким образом выделял, и не приходилось самому вступать в пререкания. А каким образом тот воздействовал на остальных, Игорь не выяснял –

главное, что работа шла. Но вот стоило ему на два дня отлучиться, как Блатной отпустил вожжи...

– Хороши, ничего не скажешь, – констатировал Игорь, вытаскивая из лодки рюкзак с хлебом.

Шкаф хотел что-то сказать, сложил губы куриной гузкой, но Игорь уже прошагал мимо в направлении зимовья.

– Ну, ты, чмонистый калий, поднимайся, что ли, – прозвучал позади недовольный голос Блатного, обращенный к Хандрозу.

Войдя первым в зимовье, Игорь выложил на стол буханки, быстро стянул сапоги, лег на спальный мешок и закрыл глаза – разговаривать с пьяными рабочими ему не хотелось.

Однако те были иного мнения – едва ввалившись в избушку, Шкаф выдавил:

– Ты нам... денежки... привез?

– Не привез, – процедил Игорь – При расчете все получите.

– Нехорошо... маленьких... обманывать, – кое-как выговорил Шкаф и, сделав вираж по крутой дуге, совершил посадку на нарах.

Следом Блатной втащил бездыханного Хандроза и, как мешок, бросил его шуплое тело на матрас. Бессмысленно хлопавший глазами Шкаф тотчас завалился рядом.

– Чем порадуешь, начальник? – поинтересовался Блатной.

– Ничем. Денег нет на счету экспедиции.

– Облом, значит? Пока или совсем?..

– Пока... – неуверенно сказал Игорь.

Лежа с закрытыми глазами, Игорь слушал, как Николай растапливал печурку, как стал над ней колдовать, постукивая железной кружкой – готовил чифир.

– Начальник, супчик подогреть? – подал через некоторое время голос Николай. – Суп из семи круп: две покрошены, а остальные так брошены.

– Не надо, – отозвался Игорь и, не удержавшись, добавил: – А то вам на закуску не хватит!

Блатной смолчал, хотя всяких приколов и присказок в его языке было хоть отбавляй, правда, все больше вперемежку с матом. В «культурном» же общении матерки он, как сейчас, заменял нейтральными, зачастую случайными, словами, отчего фразы становились двусмысленными и еще более смешными. Поначалу Игорь относил это к элементарному чудачеству, пока Блатной не избил жестоко Хандроза. На попытку Игоря учинить

разбирательство тот, впервые с момента их знакомства, резко отрезал: «Не встречай, начальник! Он, падла, мою феню стал перенимать». Игорь промолчал, уяснив, что здесь не чужачество, а, так сказать, сохранение лица.

Выпив чифир, Блатной ушел на улицу, а Игорь, полежав еще немного, поднялся и, взяв полевую сумку, сел к столу. Он решил, что к утру все утрясется, все пойдет по старому, поэтому нужно обработать полевой журнал. Поискал глазами нож, чтобы заточить карандаш, и обнаружил его на подоконнике рядом с пучком какой-то травы. Понюхал – трава пахла коноплей. Зачем она тут? И сразу все прояснилось: рабочие не напились, а обкурились – вон ее сколько вокруг такой отравы растет! Вопрос: как долго теперь эта оргия будет продолжаться?

Блатной вернулся через полчаса – глаза его явно пополнились свежим нерастраченным блеском.

– Держи, начальник, выпей – тебе оставили, – он протянул Игорю кружку с мутной жидкостью.

– Что это?

– Любимый напиток блатных и нищих – бражка. Но уж звиняйте – остальное хмыри выжрали...

«Та-ак, значит, сахара тоже не осталось? Опять за продуктами придется ехать, опять два дня ничегонеделания, конопля...», – подумал Игорь с яростью и вдруг сорвался: – Пошел ты!..

Он вырвал из рук Блатного кружку и, распахнув дверь, выплеснул ее содержимое за порог. Тот ничего на это не сказал, только желваки на его скулах задвигались, да взгляд стал сумрачным и неожиданно трезвым. Игорь же снова принялся за журнал, но сосредоточиться уж не мог. Он невольно прислушивался, как снует на улицу и обратно разъяренный Блатной. Вот шаги замерли сзади – Игорь резко обернулся: Блатной стоял в двух шагах, в его тяжелом взгляде сквозила ненависть и какая-то тупая решимость.

– Брезгуешь, начальник? Не высоко ли себя ставишь, бля?..

– Отстань! – огрызнулся Игорь. – Не мешай работать, раз шары залил.

Блатной засопел, сжал кулаки, но отошел. И снова стал слоняться туда-сюда, словно зверь в клетке. Игорь чувствовал, что выяснение отношений на этом не закончилось, поэтому резко развернулся всем телом, едва ощутил на своем плече руку.

– Не хочешь разговаривать, за шестерку удержишь, бля?

Колины пальцы больно сдавили плечо, и Игорь с усилием оторвал от энцефалитки его цепкую руку, но Блатной снова ухватился, теперь уже за ворот. И тогда Игорь ударил его под ребра – коротко, со всей силы, как когда-то в армии бил на тренировках по манекену.

Блатной переломился пополам и медленно, как бы нехотя, опустился на колени перед Игорем. В глазах его горели огоньки бешенства, на губах появилась кривая, не предвещающая ничего хорошего улыбка. Именно эта улыбка пугала больше всего, и, когда Блатной попытался подняться, Игорь ударил еще раз, теперь уже в подбородок. Колина голова дернулась, и он мешком осел на пол, но губы продолжали шевелиться, и Игорь расслышал свистящий шепот:

– Убью... Падла...

Он не сомневался, что если Блатной поднимется – убьет, поэтому вскочил и, навалившись всей тяжестью тела, прижал шею Блатного к ребру скамейки. Тот попытался вырваться, но Игорь, уцепившись за доску, продолжал давить, сам все больше зверея. Колино лицо побагровело, глаза вылезли из орбит. Игорь вдруг представил его мертвым и испугался, теперь уже не Блатного, а самого себя. Он ослабил нажим, но, прежде чем убрать руку, припугнул:

– Сейчас вот нажму – и отскочит твоя головенка. Этого добиваешься?

– Пусти. Не буду... – сдался Блатной.

Игорь разжал затекшие пальцы и отступил на шаг. Постоял, глядя на поверженного Блатного, потом развернулся и вышел наружу – его трясло.

Когда Игорь вернулся в зимовье, сидящий над своей закопченной кружкой Блатной даже головы не повернул в его сторону. До самого вечера он молчал и, лишь когда Игорь разделся и залез в спальный мешок, проходя мимо, процедил:

– Бля буду, ночью тебя зарежу!

– Сунься только – голову проломлю! – пообещал Игорь.

Какой уж после такой беседы сон? Когда Блатной в очередной раз вышел наружу, Игорь дотянулся до полевой сумки и достал складной нож. В спальном мешке раскрыл его, думая с решимостью: «Убью гада, если подойдет».

Так и лежал, напрягшись, чутко прислушиваясь к любому шевелению на нарах, сжимая в руке нож. И все-таки заснул...

Когда открыл глаза, было уже утро: хороводом кружились пылинки в солнечном луче, тянущемся из отверстия от сучка. Живой! И тут же душа радостно завопила: «Живо-о-ой!» Значит, и во сне не оставляло его ощущение опасности.

Каждая клеточка тела восторженно кружилась вместе с вихрем этих светящихся пылинок. Приподнявшись на нарах, он сразу увидел Блатного, сидящего напротив, возле печки. Тот, будто только и ждал его пробуждения, вскинул глава и заискивающе, как показалось Игорю, спросил:

– Чаек будешь пить, начальник? Я купеческий заварил.

«Не нарежет! Он струсил! Я оказался сильнее!» – ликовал Игорь. Этот восторг пьянил его весь день, заглушив мелькнувшую было мысль: «Что-то здесь не так. Не должен Блатной так легко отступить, не мог не выполнить свою страшную угрозу».

А вечером пришел катер, привезли ему замену и телеграмму из Москвы: «Мать в больнице. Срочно прилетай. Отец».

* * *

– Я тогда, гадам буду, думал, что настучишь в своей конторе... – продолжил Блатной. – Что смолчал-то? Перед начальством надо было понт держать? Мол, все у тебя в бригаде путем...

– Я собственные проблемы предпочитаю сам решать! – Игорь на какой-то миг испытал вдруг почти такую же злость, как и тогда. – Да и ты был не первый такой. Лучше слушать рев ишака, чем шипение змеи...

– Ишак – это, значит, я?.. – Блатной оскалился в улыбке, и снова в сумраке блеснули его железные зубы. – Ну, спаси-и-боч-ки!..

– Пословица такая, – уточнил Игорь.

– А признайся честно, начальник, наклап тогда в штаны, а? – Блатной испытующе смотрел ему в глаза.

– Приятного было, конечно, мало, но я не испугался.

– А сейчас?

– И сейчас тоже.

– Ну, тогда угощай гостя, коли не шутишь!

Блатной потер ладони, будто бы собираясь выпить, так что Игорь невольно глянул на его карманы – не торчит ли горлышко.

– Нет, начальник, нечего на сей раз с тобой выпить. Помнишь, как бражку вылил? И ведь не дрогнула рука...

– Скажи честно, – решился Игорь, – почему тогда ночью ты меня все-таки не кончил? Испугался еще раз сесть?

– Не-е-т, – Блатной скривился, будто раскусил кислую ягоду, – меня этим не напугаешь, просто ты оказался таким же барахлом, как и другие: не хуже и не лучше. Так что с твоей смертью мир бы не изменился... Но этот разговор не для трезвых голов. Принеси-ка мне лучше водички, а то в ведре один песок.

– В реке такая... – стал оправдываться Игорь.

– Ну,.. хоть похолоднее будет.

Игорь взял ведро и, пропуская между пальцами леску, стал спускаться к реке. Шел и гадал, сбылась ли «хрустальная» мечта Блатного – жениться на главбухе? То ли было что-то завораживающее Николая в самом слове «главбух», то ли перед его глазами стоял конкретный образ, но разговор этот возникал тогда, в зимовье, не раз.

Когда возвращался с водой, возле самой избушки вдруг осенило: «А ведь он меня специально выпроводил! И ружье заряженное на стене – войду, а он в упор!»

Он представил, как это произойдет: вспышка в лицо, следом отбрасывающий назад рывок, будто удар гигантского молота – и бешено разогнавшаяся сила вырвет часть тела вместе с сердцем. Потом внутри наступит пустота, во всем теле ни звука... Но это только на миг, а следом плоть завопит от нестерпимой боли, фонтанчиками брызнет кровь, и всесокрушающий ураган смерти с грохотом пронесется по всем закоулкам сознания, прежде чем вырвется через отверстие наружу...

Или это будет не так? Узкое, с двумя кровостоками лезвие, проткнув кожу, легко пронзит мышцы и, так и не растратив силу удара, войдет до самого упора. И никакой боли, только жжение, будто сталь раскалилась от сопротивления живой материи. Потом подступят слабость, тошнота, с которыми нет смысла бороться, потому что борьба только все ускорит, приблизит конец. Просто он будет лежать на пороге избушки и медленно уплывать в иной мир, довольно долго, пока тело остывает, а мозг засыпает, отгородившись от боли, отключившись от ужаса жизни...

От таких мыслей тело и в самом деле стало невесомым, движения вялыми, но какая-то притягивающая сила продолжала влечь его к двери. Из глубины сознания, как большая ленивая рыба со дна омута, всплыла мысль о том, что еще можно спрятаться,

можно скрыться в тумане, чтобы переждать до прибытия вертолета, но, попав в слой безволия, мысль потеряла опору и так же, медлительной рыбой, опустилась на глубину.

Будто приговоренный, он открыл дверь и вошел в избушку... Там почему-то никого не оказалось. Игорь понимал, что спрятаться здесь Блатному невозможно, но тем не менее заглянул под нары, потом на стену – на месте ли ружье? Все оказалось на своих местах, кроме Блатного. Куда же он подевался? Вышел? Так ведь он же заблудится! Игорь вспомнил, как плутал первый раз, разыскивая водпост, и ужаснулся. Сорвав со стены двустволку, выскочил наружу.

– Ко-о-ля! Никола-а-й!

Прислушался – тишина. Подняв стволы кверху, надавил на спуск. Выстрел бухнул коротко и глухо. Подождав немного, выпалил из второго ствола. Повертел головой, напряженно прислушиваясь – безрезультатно. Простояв так довольно долго, вернулся в зимовье, чтобы перезарядить ружье. Прекрасно понимая, что искать в таком тумане бесполезно, надеялся, что Николай сам найдет дорогу – пришел же он на остров каким-то образом.

Промаявшись с полчаса, все-таки не выдержал – вышел из зимовья и потратил еще два заряда. Все было напрасно – Блатной ушел «по-английски», не простившись.

Ночью Игорь почти не спал – прислушивался к шорохам, к мышинной возне, а наутро даже засомневался: да полно, был ли здесь Коля Блатной? Слишком фантастическим выглядело теперь его посещение – пришел ниоткуда, исчез неизвестно куда. И еще об одном Игорь запоздало жалел: почему не спросил его насчет тумана? Да и Блатной, как ни странно, не завел об этом разговор...

Женщина в белом

На красные искрящиеся угли, как и на звездное небо, можно смотреть бесконечно. Открыв печную дверцу, Игорь часами наблюдал неистовые переливы огня, мерцание догорающих углей. Будто миллионы и миллиарды крохотных светил, сбивались частицы огня в сгустки галактик, за ближайшими скоплениями угадывались следующие, за ними еще и еще. Вместе они сливались в гигантские Млечные Пути, которые изгибались, пульсировали, жили. Подчиненные строгому, неподвластному человеческому

пониманию ритму, ежесекундно сгорали, гасли мириады звезд, и тут же им на смену вспыхивали новые светила, иногда огненный смерч – космический катаклизм – взмывал ярчайшей спиралью, мчался куда-то, раскручиваясь в новую гипергалактику – и тотчас пропадал, оставив после себя лишь голубоватые сполохи. Все это повторялось бесчисленное количество раз, так и не приоткрывая завесу тайны Вселенной, не обещая разгадку... Именно Вселенной, потому что, глядя на этот воистину космический хаос, Игорь испытывал необъяснимый восторг, что он охватывает взором все мироздание и что именно он явился невольным творцом его...

Из-за тумана сумерки наступали рано, и он либо сидел перед печкой, либо лежал поверх спального мешка прямо в одежде, глядя на мечущиеся по потолку и стенам отсветы огня. Гудящая, шелкающая печь казалась живым существом, она приносила утраченную за день уверенность, и, кроме того, лежа, он охватывал взглядом все пространство избушки – никто не мог оказаться у него за спиной, защищенной прочной и надежной стеной. Этот КТО-ТО материализовался день ото дня и буквально ходил по пятам. Порой Игорь просто цепенел от ужаса, явственно ощутив сзади ЕГО присутствие или поймав краем зрения ЕГО движущуюся тень. Да, прежде незримый, ТОТ уже стал приобретать размытые формы, а излучаемый ИМ страх все неодолимее вдавливал голову в плечи, порой даже останавливал сердце. Постоянно находясь в состоянии предельной настороженности, Игорь теперь даже умывался с открытыми глазами, потому что и в плеске воды, и в скрипе половиц под собственными шагами ему слышались посторонние шорохи, голоса. Нередко с мыльной пеной на лице он подкрадывался к двери и долго прислушивался, больше всего боясь, что этот КТО-ТО застанет его врасплох...

Во время многочасовых бдений возле печки он вспоминал чаще всего прошлую жизнь, которая представлялась то сказочно яркой, то беспросветно нудной и бессмысленной. Незначительные, казалось бы, события бессистемно, на первый взгляд, выхватывались памятью и нанизывались, нанизывались – как бусинки на единую нить, вызывая порой сожаление, что ничего уже нельзя исправить, иногда же жгучий стыд... Почему он прежде об этом не задумывался? – Не оставалось времени: работа, семья, обязанности?.. Нет, для раздумий, оказывается, необходимо

одиночество и отсутствие даже перспективы какого-нибудь дела, занятия. Отшельники знали, что делали, уходя из суматошного мира в пещеры... Вот и здесь: весь мир в нескольких кубических метрах пространства, центром которого является печка. Да еще призрачно выступают из угла два поставленных друг на друга ящика, прикрытые добела выцветшей палаточной тканью...

Если долго смотреть на это белесое пятно, то начинает казаться, что оно вытягивается в высоту и даже колеблется, но стоит следом всмотреться пристальней, как ящики тотчас возвращаются на место и приобретают обычный облик...

Он, должно быть, задремал, потому что именно в тот миг, когда поднял глаза, в освещенное печкой пространство вошла одетая в белое женщина. Почувствовав взгляд Игоря, она замерла, словно бы в нерешительности, потом шагнула к нему.

Теперь печь освещала ее сзади, и сквозь тонкую ткань прорисовались контуры тела, а льняные волосы осветились ровным серебристым светом, образуя круглый нимб вокруг затененного лица.

«Богородица!» – мелькнула у Игоря невероятная догадка, но тут женщина чуть повернула голову – и нимб исчез. Очертился профиль красивого, как будто знакомого лица. Женщина, между тем, наклонилась и стала молча смотреть на Игоря, будто изучая его лицо – а он до того растерялся, что продолжал лежать, не шевелясь. Несколько минут он изумленно тарачился, пока не сообразил, что молчание слишком затягивается.

– Что, вертолет прилетел? – спросил первое, что пришло на ум, и тут же понял абсурдность вопроса – вертолет бы он наверняка услышал и, кроме того, давным-давно уже стемнело.

– Нет, не вертолет, – спокойно проговорила женщина как будто бы тоже знакомым голосом, – просто здесь тропинка есть через болото, про которую мало кто знает – меня проводили.

Она отодвинулась, выпрямилась, и черты ее вдруг четко обозначились, будто проявились на фотографии. Игорь даже обомлел: таких красивых женщин да еще так близко он давно не видел. Правда, он всегда терялся перед ними и поэтому неосознанно, а может, и сознательно, избегал. Вот и сейчас, в неприглядной обстановке избушки, он испытал прямо-таки унижение: она в роскошном белом платье, он – в засаленной энцефалитке и в порванных, зашитых через край брюках.

– Кто Вы? – спросил он растерянно, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

– Что, не узнаешь? – женщина не то усмехнулась, не то улыбнулась – в полумраке невозможно было разобрать. – А ведь когда-то клялся в вечной любви. Вспомни: лето, берег реки, мы вдвоем загораем...

* * *

Это было их место. Внизу, под обрывом, медленным водоворотом кружила вода, сбивая на середину омута случайный мусор. Оттуда чуть веяло прохладой, хотя, скорее всего, это только казалось, потому что прокаленный солнцем воздух был изнуряюще неподвижен. Подстелив рубашки, они лежали на колючей, засохшей от летнего зноя траве и слушали, как в кустах затейливо пересвистываются какие-то птицы. Над головами, чуть ли не задевая за волосы, с треском проносились большие блестящие стрекозы.

– Прямо как вертолеты, – сравнил он.

– Разве можно сравнивать, ведь они живые! – живо возразила Таня и, отогнув край панамы, посмотрела вверх – Гляди, какие они грациозные.

Он не стал спорить и устремил взгляд на кружащуюся воду.

– Я завтра уже уезжаю, – тихо сказала она. – А совсем домой не хочется...

– Я тоже через неделю уеду, – Игорь солидарно вздохнул.

– Хорошее было лето, правда?

– Хорошее. Я его, наверное, никогда не забуду.

– А меня ты будешь вспоминать? – спросила Таня.

– Конечно, буду! Я к тебе знаешь, как отношусь...

– Как? – спросила она кокетливо.

– Только ты не смейся, – попросил Игорь, – но если бы тебе вдруг пришлось умирать, то лучше бы я умер вместо тебя.

– Это ты сейчас говоришь, потому что до смерти далеко, а вот когда станешь стареньким, то наверняка передумаешь – все старики боятся умирать.

– Не передумаю, – упрямо сказал он.

– Мне кажется, что я буду жить столько, пока самой не надоест... – Таня вдруг засмеялась тому, что по руке ее, суетливо

шевелила усиками, бесстрашно поползла пестрая бабочка. – А мне никогда не надоеет.

– И через сто лет?

– Даже через двести, – убежденно сказала она. – Ведь это только кажется, что время течет всегда одинаково. Вспомни: некоторые дни тянутся долго-долго, а потом целый год может промелькнуть как один день.

– Ну, за год все равно столько всякого произойдет, что в один день никак не втиснешь, – возразил Игорь. – Правда... забывается потом многое.

– Вот именно. Мы с тобой сколько знакомы? – спросила она, осторожно накрывая бабочку ладонью.

– Почти месяц, – подсчитал Игорь, – я в пятницу приехал, а сегодня вторник.

– А мне кажется, что мы знакомы давным-давно, – сказала она и выпустила бабочку на волю.

– Да, – согласился Игорь, – как будто целый год.

– Помнишь, как мы встретились на этом месте в первый раз? – и она засмеялась.

– Конечно. Сейчас смешно вспоминать, но ведь я поначалу подумал, что ты просто чокнутая. Это когда ты из кустов рычала.

– А я подумала, что ты испугаешься и убежишь. А ты палку схватил. Интересно, что бы ты сделал этой палкой медведю?

– Тут медведи не водятся, пора бы знать.

– Ну и что, а вдруг?.. – она снова засмеялась. – И ты на него с палкой!

– Ничего тут нет смешного, – Игорь даже немного обиделся.

– Ну, не обижайся. Ты же смелый – не струсил, хотя и не знал, кто там в кустах. Ты мне тогда сразу понравился.

– А раньше тебе кто-нибудь нравился? – спросил он немного ревниво.

– Конечно, – ответила она, – много раз.

– Разве так может быть, чтобы нравился-нравился один, а потом вдруг сразу другой?

– Может, – Таня, похоже, дразнила его. – До тебя мне нравился один летчик из нашего дома.

– И теперь он тебе уже ни капельки не нравится? – спросил Игорь, пряча глаза.

– Нравится еще немножко, но он уехал – поступил в космонавты.

– А мне до этого никто так сильно не нравился, – признался он.

– Просто я старше тебя, – сказала Таня, сделав вид, что не поняла его признания.

– Подумаешь, всего-то на полгода!

– Для девушки это очень много, все равно что на пять лет.

Игоря задели ее слова, но все равно ему очень хотелось сейчас поцеловать Таню – просто прикоснуться губами к ее коже, только он не представлял, как это можно сделать, чтобы не выглядело глупо.

Они замолчали. Лежали на спине и смотрели на медленно плывущие в вышине облака.

– Жаль, что я никогда не была в Москве, – сказала вдруг она. – Там, должно быть, интересно жить.

– А ты приезжай в зимние каникулы! Зимой, конечно, совсем не то, но мы ходим в Третьяковку, в театр эстрады...

– Хотелось бы, – она мечтательно вздохнула. – Только далеко очень ехать.

– Тогда ты напиши мне письмо, – решил Игорь.

– Ладно, – легко согласилась она, – только ты напиши первым. Я тебе дам свой адрес.

– Как только приеду в Москву – сразу же напишу, только ты обязательно ответь...

Потом они говорили о Москве. Игорь увлекся и стал фантазировать, как они будут гулять по улице Горького, по Красной площади, рассказывал о своих друзьях...

Зато утром, провожая Таню на станцию, он всю дорогу молчал. Не то чтобы нечего было сказать – до полуночи, наверное, он не спал, подыскивая нужные слова – но теперь эти слова казались ему надуманными и неубедительными. И Таня тоже молчала, и от этого казалась совсем чужой, будто мысли ее уже не здесь, а дома – в ее городе Любиме.

Он не написал ни через неделю, ни через месяц, а потом было просто стыдно за длительное молчание. Но бумажка с адресом несколько лет хранилась в одной из книг.

* * *

– Ты Таня? – спросил Игорь, испытав опять тот же, давнишний, стыд.

– Ну вот, – женщина рассмеялась. – Я же говорила, что не

узнаешь. Оказывается, не мне одной ты объяснялся в любви на берегу реки? Тогда, может быть, Москву вспомнишь и нашу последнюю встречу у метро «Новослободская»? И то, как ты потом сбежал.

Игорь тотчас узнал ее и даже удивился, как этого не случилось раньше – этот смех по поводу и без, любовь к световым эффектам, словесный натиск и даже все те же накрученные возле висков «завлекалочка»... Она ведь совсем не изменилась! Хотя, нет – стала еще красивее.

– Марина?!..

Марина

Вопросами «А где в Москве можно купить? А как туда доехать?» назойливая тетка-попутчица в конце концов его допекла – такая не то что за двое суток, а за час кого угодно изведет. Игорь взял свою сумку и, хотя до Москвы оставалось ехать еще более получаса, вышел в тамбур. Хотелось побыть одному.

Стремительно проносились мимо по-весеннему прозрачные березки, с отчаянной решимостью кидались под вагон донельзя разбитые проселочные дороги, по-совиному испуганно ухали решетчатые пасти мостов... Казалось, подчиненный нетерпению Игоря, поезд разгонялся все быстрее и быстрее. Стучали колеса, поскрипывали двери, пощелкивали, похрустывали, будто суставы, металлические оси и сцепления – но проникающий в тамбур со всех сторон шум не мешал думать, вернее, не мешал мыслям течь в одном направлении: о предстоящей встрече, о Лиде. Еще бы: осталось каких-нибудь два часа, и он увереннее, чем в самых смелых мечтах, позвонит в желанную квартиру с номером 52, обнимет за плечи хозяйку, поцелует, разлохматит ей прическу. Можно будет даже целовать ее на глазах у всех – все теперь можно, все дозволено!.. А ведь они бы еще долго, наверное, мучили друг друга, если бы не письма. Это письма, наконец, поставили точку в их довольно странных отношениях. Надежда умирает последней, поэтому он, уехав, продолжал вести осаду – теперь уже при помощи полных признаний и отчаянья посланий. И понял, что победил, когда пришла в Сибирь, в экспедицию, не очередная отповедь, а ответное признание. Игорь наизусть заучил это читанное-перечитанное десятки раз письмо.

«Сегодня опять воскресенье. Я вышла из метро на нашей станции – на «Пушкинской». У перехода торговали первой сиренью, а перед этим промчался ливень, и на мокром асфальте – россыпь овальных лепестков, будто оставшиеся капли розового дождя. Представь себе: волшебный, невидимый дождь, оставивший лишь следы... Я пожалела, что ты этого не видишь, а без тебя чудо оставалось каким-то неполным. И вдруг почувствовала, что ты тут, рядом. Даже оглянулась, потому что в последнее время, проходя мимо какой-нибудь стеклянной витрины, вдруг замечаю твое лицо. Вздрогну, замру – нет, не ты, просто кто-то похожий. Это как наваждение! Спрашиваю себя: почему так? Почему хочется услышать твой голос? Почему хочется вновь ощутить твои ладони? И признаюсь себе, что с самого твоего отъезда думаю о тебе, только боялась в этом признаться, потому что удерживала разницу в нашем возрасте. Она и сейчас меня тревожит, но все равно – будь, что будет! Может быть, весна виновата, но я чувствую, что не могу без тебя и всегда буду ждать тебя...»

В тот же день он выпросил двухнедельный отпуск и, не дожидаясь летной погоды, вскочил в первый же московский поезд. Вскочил без билета, и проводница в конце концов нашла ему место в одном из купе.

«Ли-да! Ли-да!...» Это выстукивают колеса или сердце? Нет же, это взмахи крыльев: Ли – воздух свободно проходит сквозь перья, прессуется под ними, да – толчок, рывок вверх. Ли-да, Ли-да, Ли-да... Ну и пусть ты старше – я всегда буду тебя любить! Это будет наш волшебный день, это будет наша волшебная ночь! Боже Всемилостивый, я поверю в тебя, я помолюсь тебе, только сделай так!..

Взвизгнула открываемая дверь – кто-то вышел в тамбур, поставил вплотную к Игоревым ногам чемодан, шумно перевел дыхание. Следом еще кто-то. Перестук колес все реже – поезд сбавляет скорость, рельсы перекрещиваются, сбегаются, разбегаются, мелькают стрелки, выплывает бетонная платформа... Все – вокзал!

Следом за проводницей Игорь шагнул на пустой еще перрон, закинул за плечо сумку. Вагон в самом конце поезда, поэтому наперерез выплескиваются людские потоки из всех дверей. Игорь огибает запрудившие асфальт раздутые сумки и чемоданы, протискивается между их владельцами, повторяет как заведенный:

«Извините! Разрешите! Извините!..» У эскалатора метро затор: людская масса медленно втягивается между перилами ограждения и стекает вниз. Нетерпеливо переступающие ноги, толчками продвигающиеся чемоданы, бесцеремонные толчки в спину... И вот наконец из-под отполированной подошвами зубчатки выплывает черная лента транспортера. Электropоезд набирает скорость – тяжелая сумка тянет Игоря назад, потом резкое торможение – и сумка ощутимо толкает вперед. Одна станция, вторая... Наконец-то «Новослободская» – сердце у Игоря екает. И снова он лавирует среди невыносимо медленно идущих людей. Быстрее, быстрее! По движущимся ступенькам бегом вверх... И вдруг какой-то нервный спад – действительно, что, в конце концов, могут изменить десять минут, полчаса, даже час? Все равно сегодня он увидится с Лидой! От этой неожиданной мысли тотчас возникает противоположное желание – оттянуть встречу, чтобы еще чуть-чуть поволноваться, чтобы еще потомило радостное ожидание.

Выйдя из вестибюля метро, он окунается в запахи нагретого асфальта и выхлопных газов. Как же они отличаются от привычных, таких переменчивых ароматов тайги, но именно в этом специфическом городском запахе почудился вдруг едва ощутимый, полузабытый привкус дома. Здесь, конечно же, здесь его дом!

На остановке столпилось много народу, значит, троллейбуса давно не было. Игорь поставил сумку на асфальт, наклонился, чтобы застегнуть разошедшуюся молнию... И в этот момент кто-то хлопнул его по плечу. Повернув голову, он глянул снизу вверх...

Маринка! Он узнал ее с первого взгляда, хотя не виделись они почти три года: те же смеющиеся зеленые глаза в синих обводях косметики, та же ярко-сиреневая помада и невообразимая стрижка с неизменными висюльками-завлекалочками.

– Приве-е-ет, – растянула она короткое слово, одаривая при этом самой очаровательной своей улыбкой. – Какие люди... Сколько лет...

– Привет! Да ты, как новый рубль, – оценил Игорь. – Одни стареют, другие почему-то хорошеют... – И, вспомнив их давнишний ритуал встреч, добавил: – В общем, не женщина, а «будьте-нате». Мужики, поди-ка, шеи себе сворачивают?

Странно, но он и в самом деле обрадовался встрече и теперь оглядывал Марину с некоторой даже ревностью. Отметил про себя, что одета она престижно и даже шикарно: импортная

кожаная куртка, дорогие серьги, сверхмодная сумочка. Короткая обтягивающая юбка подчеркивает Маринину гордость – стройные ноги, которые она всегда оголяла до едва позволительной крайности. В общем, этакая финансово-обеспеченная секс-модель.

– Что-то отхватил? – спросила она, кивая на Игореву сумку.

– Нет, из дальних странствий возвращаюсь.

– Не женился еще?

Бессистемность Марининых вопросов всегда сбивала его, ставила в тупик.

– Нет еще... – он замялся. – Вернее, не успел еще.

– Ясненько...

Как она расценила его слова, Игорь так и не уловил: то ли понял, что он до сих пор не женат, то ли, что вот-вот женится?

– А ты замужем? – спросил почему-то настороженно.

– Естес-с-но. Секешь, как супруг одевает?

Она крутнулась на каблуках, словно манекенщица на сцене, демонстрирующая себя. В этом Марина тоже нисколько не изменилась, и вела она себя так, словно не прошло трех лет и не было полного разрыва их отношений.

Подошел троллейбус. Игорь дернулся было вслед за толпой, но остановился, решив дожидаться следующего – неудобно прощаться, толком даже не поговорив.

– А может, в гости ко мне пойдем? – предложила Марина. – Я теперь тут, рядом с метро, живу. Квартирку посмотришь...

– Боюсь, муж такую красивую приревнует, – попробовал отшутиться Игорь.

– Не приревнует, он у меня в этом плане слишком самоуверенный.

– Лучше как-нибудь в другой раз.

– И когда же это я тебя в другой раз поймаю? Лет этак через пять-десять? – ехидно спросила Марина и решительно подхватила его под руку.

Действительно, жила она всего через квартал. Отперев квартиру и подталкивая замаявшегося Игоря в прихожую, весело рассмеялась:

– Да иди, не бойся – муж к родителям на дачу уехал.

Из гигантского зеркала, закованного в черную лепную раму, двинулись навстречу их отражения: Марина привычным движением поправила прическу и стрельнула глазами в сторону смущенного Игоря. Провела его в комнату, все четыре стены которой занимали

книжные стеллажи, а единственной мебелью являлись широченная тахта и вплотную придвинутый к ней низенький, заваленный журналами столик.

– Ты посиди минутку, я сейчас...

Журналы были технические, к тому же на иностранных языках, поэтому Игорь подошел к стеллажу и стал читать названия на корешках книг. Он уже ругал себя за то, что легко сдался, и теперь выдумывал повод, чтобы поскорее уйти.

Марина появилась с подносом, на котором стояла початая бутылка коньяка, рядом две рюмки и плитка шоколада. Она небрежно сбросила со столика на пол журналы и водрузила на него поднос.

– Выпьем за встречу, все-таки сколько не виделись.

– По рюмочке можно, только у меня со временем не очень, – начал оправдываться Игорь. – Да и устал: двое суток в поезде...

– Бедненький...

Она провела ладонью по Игоревым волосам, и неожиданно у него, как когда-то прежде, сладко заныло сердце.

– За то, что было между нами настоящее... – предложила Марина. – Знаешь, мне сейчас кажется, что я тебя все-таки любила.

– Я тебя тогда тоже, наверное, любил.

– Значит, за наше общее светлое чувство? – она как-то облегченно рассмеялась, выпила, не отрываясь, коньяк и тут же наполнила пустую рюмку.

– Ты единственный, о ком я сожалею. И знаешь, ты очень изменился...

– Загорел, – пошутил Игорь.

– Не только. Ты стал мужиком.

– Да, таким кондовым-кондовым, а прежде был вшивым интеллигентом...

– Я серьезно. Под мужиком я подразумеваю мужчину.

– А кто же еще? Твой муж тоже мужик.

– Он – штаны! А к тебе хочется прижаться и ни о чем не думать.

– Интересное деление... А как насчет женщин?

– Все бабы – юбки. Поэтому их всегда и тянет к настоящим мужикам.

– Ну вот, начались пьяные признания, типа «Вася, ты меня уважаешь?..» – Игорь попытался перевести разговор в шутливое русло.

– Нет, правда, родила бы тебе пару детишек: девочку и мальчика. И жила бы спокойно и счастливо, как за каменной стеной. Глупая тогда была...

– Со мной бы спокойно не получилось, – растерявшись от столь откровенного признания, Игорь говорил не то, и сам понимал это. – Я же без конца в командировках, живу в Сибири...

– Так это же еще лучше! – Марина сдавленно хохотнула. – Идеальный муж – это капитан дальнего плавания...

– К тому же глухонемой, – закончил Игорь известную шутку.

Он смотрел на Марину и думал, что со времени так резко оборвавшегося их романа она стала интересней. Прежде в ней присутствовало что-то от накрашенной куклы – этаким возрастной стандарт, что ли? А теперь появился шарм. Скорее всего, причиной тому приобретенная уверенность, некие прочно усвоенные правила игры – то есть то, что называется женской тайной. И эта призывная новизна будоражила, влекла.

– Слушай, а я тебе все еще нравлюсь? – словно прочитав его мысли, спросила Марина.

То, что вопрос был задан вот так, в лоб, окончательно смутило Игоря, и он сбивчиво пробормотал:

– Да... ты шикарно смотришься.

Они чокнулись рюмками, Игорь судорожно отхлебнул коньяк, закашлялся. Сидящая рядом на тахте Марина развернулась к нему, отчего пола цветастого халата соскользнула, обнажив загорелые ноги. И поймав Игорев взгляд, Марина вдруг медленно-медленно подняла руки и положила ему на плечи. Губы ее показались Игорю незнакомыми и оттого по-новому волнующими. Он ощутил, как Марина дрожит частой ознобной дрожью, и эта дрожь словно бы передалась – перешла к нему...

Нет, это оказалось совсем не то, совсем не так, как прежде. Стесняясь почему-то своей наготы, чувствуя себя словно бы распятым на этой просторной тахте в окружении чужих книг, Игорь попытался призвать хоть что-то из забытого прежнего. Но мысли настойчиво переключались то на обжигающе горячее Маринино бедро, то на давящую тяжесть ее безвольной руки, то на раздражающее дыхание, щекочущее кожу в ямке над ключицей... Так ничего и не пришло, остались раздражение и опустошенность. Что делает он тут, зачем все это?..

Наконец память выловила-таки в своих лабиринтах и извлекла

видение: комнату студенческого общежития. Первый этаж, пустая кровать у противоположной стены – Маринина соседка уехала на выходные домой. На кровать впережку брошена их одежда. За окном проносятся спешащие в парк трамваи, а на противоположной стороне улицы ритмично, как метроном, мигает неоновая реклама. Голубой свет, врываясь через квадрат окна, волной пробегает по потолку, по их голым телам и тут же всасывается улицей назад. Там, за окном, свет каждый раз устремляется в какую-то черную дыру, прихватывая заодно и мягкое сияние уличных фонарей. И тогда в непроницаемой черноте перестают существовать и комната, и кровать, и даже Марина. Не потому ли раз за разом они во тьме произвольно прижимаются друг к другу, соединяют дыхания, соединяются телами? Но, испугав их, пульсирующая черная дыра каждый раз все возвращает обратно – каждую деталь окружающей обстановки. А чередование ярких вспышек и черных провалов напоминает бег кадров киноленты: щелк – запрокинутое Марино лицо, словно искаженные в ведьминской усмешке, полураскрытые губы и бесстыдно обрисованные контрастным светом маленькие груди, щелк – гладкий, с впадиной, живот, овал бедра, нависшая тонкая рука... Уже в темноте рука мягко опускается на Игоревы губы, скользит по груди... Щелк – близко-близко черные мерцающие зрачки, четко обрисованный нос, блеск зубов в щелке припухших губ...

Какими же короткими казались Игорю те редкие ночи! Сейчас все было не так. Ему вдруг стало тоскливо оттого, что по-глупому очутился здесь, в чужой квартире, с этой чужой ему и ненужной женщиной. Сняв с груди вялую Маринину руку, он сел, дотянулся до своей рубашки, накинул ее и стал застегивать пуговицы.

– Ты далеко собрался? – спросила томно Марина и сзади обняла его за шею.

Игорь молча расцепил ее руки и продолжал одеваться. Обиженная его молчанием, Марина спросила с вызовом:

– Так куда ты?

Игоровы пальцы застыли на верхней пуговице – действительно, куда?

– Домой! – почти выкрикнул он.

Торопливо оделся и, подгоняемый теперь уже скорее презрительным, чем недоуменным Мариным молчанием, выскочил на лестничную площадку.

На остановке стояла «тройка». Он кинулся было к троллейбусу, но тут же замер оглушенный – как он смеет ехать к ней, к Лиде? Как он может?..

Превозмогая страшную усталость, в какой-то прострации стоял он на пустой остановке, тупо смотрел на номер «47» подходящего, своего, троллейбуса, а в мозгу билась одна единственная мысль: «Я еду домой! Я еду домой! Домой...»

Стоп, что он скажет родителям, ведь телеграммой сообщал, что приедет завтра? Придется врать... Скажу, что отпуск не дали, что в Москве проездом и завтра самолет...

* * *

– Ну, узнал наконец! Я всегда говорила, что мужика больше чем на неделю одного нельзя оставлять – дичает. Ты бы хоть побрился, оделся, что ли, все-таки дама в гостях.

– Да, да, я сейчас.

Игорь вскочил, развязал рюкзак, стал искать в нем чистую рубашку. Мятая – ну да ничего! А вот и брюки! Даже спиной он ощущал присутствие Марины, ее взгляд жег затылок. Черт возьми, как она хороша! Воображение уже услужливо дорисовывало дальнейший ход событий... А что, ведь она сама пришла!? Пришла именно к нему, пришла, как когда-то, и уж наверняка не пойдет назад на ночь глядя... О том, как Марина сумела попасть на остров, Игорь старался не думать, ибо оставалось в этом что-то необъяснимое. Все, конечно же, прояснится, но пусть не сейчас! Все объяснения потом, а пока вот она, рядом – смотрит в упор, и от этого откровенного взгляда хочется сделаться маленьким-маленьким, чтобы уместиться в ее глазах...

Отыскивая под нарами запропастившиеся туфли, Игорь тем не менее старался в тесноте не задеть Марину – невероятное появление её, оказывается, породило и боязнь. Но, выпрямившись, очутился неожиданно лицом к лицу с ней: ворох одежды в одной руке, туфли в другой – и мерцающие в сумраке, отнимающие волю Маринины глаза... И тут же в душе ожило давнее, как оказалось, не забытое до сих пор желание близости – близости их тел, близости душ. Ведь когда-то он целовал ее, гладил ее волосы, грудь, вспыхивал, обуреваемый страстью – и она отвечала тем же, сама загораясь от его прикосновений, горя неистово и опустошая его. Всегда, и даже в тот последний раз...

– Поцелуй меня, – попросил Игорь, весь замерев в ожидании ответа.

– Поцелую, только сперва скажи, к кому ты тогда сбежал? Обидно все-таки...

– А ни к кому... – Игорь несколько смутился. – Ехал-то, конечно, к другой, но после нашей с тобой встречи сбежал и от нее. Если быть точным – просто не доехал.

– Это я виновата?

– Нет, скорее я. Сначала не мог появиться предателем, а потом не знал, как все объяснить. Похоже, что в отношениях с женщинами у меня никогда не хватало решительности?

– Бедненький... Давай, я тебя поцелую, только закрой глаза.

Он с готовностью зажмурился. И время внутри и вокруг замерло, только какой-то посторонний метроном продолжал отсчет неизвестно чего: может быть, расхода нервной энергии или даже скорости мчащейся в пространстве Земли? Наконец что-то теплое, едва ощутимое, словно дыхание, скользнуло по губам.

Он открыл глаза – рядом никого не было. Не веря глазам, поджег от углей лучину и осветил все углы избушки, потом распахнул дверь и закричал в темноту:

– Марина, где ты?! Вернись! Мари-и-на!

Трясущимися руками зажег лампу и, держа ее над головой, обошел избушку вокруг. Никого, только серая бревенчатая стена слева и мутно-белая справа, за которой должна была быть, но вовсе не угадывалась чернота ночи. Все еще не веря в такой исход, Игорь вернулся и долго стоял посреди избушки, глядя на дверь – вдруг Марина передумает, вдруг вернется? Хотя чего уж там, в глубине-то души он не верил в это. Каким образом она сумела перейти болото? Да была ли вообще? Не было никого – просто игра воображения. Похоже, что у него понемногу едет крыша...

От такого предположения Игорю стало страшно до дрожи. Впервые он испугался не тумана, не одиночества, а болезни, которая, незаметно прокравшись в него, будет теперь неумолимо разрастаться, проникать тонкими ядовитыми щупальцами во все органы, высасывать кровь и пожирать мозг. В конце концов болезнь убьет его, а потом будет разрушать останки и, когда уже ничего не останется, умрет и сама.

Поддавая нервную дрожь, он с головой накрылся одеялом и замер, вслушиваясь в себя, пытаясь уловить отголоски уже начавшейся разрушительной работы...

Утром проснулся с больной головой. Керосин выгорел дотла, продуктов тоже оставалось от силы дня на три-четыре – это при самом экономном расходовании. Говорят, что без пищи человек может протянуть месяц, а что потом?.. Ну и пусть!

Явление пропащей жены

Думы о болезни подавили все остальные. Теперь, что бы он ни делал, исподволь постоянно скреблась, словно живое существо, тоска. Но не та, что посещала его изредка в благополучные времена – эта тоска принесла ощущение затравленности, безысходности, родила странное чувство, будто он когда-то уже пережил похожее. Весь день Игорь мучительно вспоминал, пока не застучали в висках назойливые молоточки. И вдруг, когда уже перестал терзать память, перед глазами возникла кошка в телефонной будке.

Это было лет пять назад. Он заскочил позвонить и увидел кошку среди окурков, смятых сигаретных пачек и обгоревших спичек. Непонятно, спала она или просто лежала, но даже не шевельнулась, не поджала вытянутые лапы. Целый день над ее головой звонили, кричали в трубку, курили, толкали, должно быть, ногами – кошка ко всему оставалась безучастной, у нее даже не возникло желания найти место поспокойней. Ей было все равно: дома нет, никто не ждет – идти некуда...

Тогда Игорь неожиданно пережил страх одиночества, явившийся неизвестно откуда – должно быть, из будущего. И на миг ощутил предчувствие собственной обреченности, а вот теперь оно его настигло. Всей судьбой ему было предопределено оказаться здесь, на этом острове. Может быть, произошла мировая катастрофа, и он – в наказание – должен умереть последним, в полном неведении? Так страшнее... Но за что, за какие прегрешения: прошлые или настоящие?..

Хотя он продолжал еще что-то делать, но скорее по инерции и как бы даже не по своей воле. Тот, чужой, по-хозяйски расположился внутри и диктовал, а он, Игорь, полностью зависимый от пристроившейся там же, рядом, болезни, не смел противиться. Боялся, как бы тот не применил меры принуждения – не ускорил, например, распространение ядовитых всепроникающих шупальцев...

Оказалось, он потерял счет дням. Когда обратил внимание, что календарь на часах показывает одно и то же число, то поначалу воспринял это как трагедию. Поразмыслив же, решил, что ничего особенно страшного не произошло – не собирается же он жить здесь годы, как Робинзон Крузо? Одно из двух: либо вертолет за ним все-таки прилетит, либо он умрет раньше. Теперь уже скоро...

Наяву о смерти Игорь думал вполне спокойно, но во сне... Его измучили повторяющиеся сновидения. Несколько раз снилось, что он то ли на железнодорожном вокзале, то ли в аэропорту – и никак не может отыскать билет, который вроде бы у него был. В десятый раз обшаривает карманы, а время уходит. И тогда начинает мучить страх, что он останется здесь навсегда и умрет. Причем там, в сновидениях, страх многократно сильнее – он терзает душу, разрывает когтями сердце...

А еще его будил чей-то голос, будил иногда по несколько раз за ночь. Очнувшись ото сна, Игорь еще слышал отзвук этого голоса – в ушах звучало окончание его имени. Кто-то настойчиво окликал его по имени.

Но самым тяжелым испытанием оказались видения собственной смерти. Как уж там, во сне, все это странно получалось, но он умирал у себя на глазах, отрешенно и даже с каким-то садистским интересом созерцая собственное умирание. Сначала утрачивался контроль над телом, над движениями, потом над речью – он не мог выговорить знакомое слово, а то еще мучительно и долго вспоминал название какого-нибудь предмета. Потом начинали сбиваться, путаться мысли. И каждый раз сон заканчивался тем, что он видел себя лежащим на полу: то ли в большой незнакомой квартире, то ли в общежитии, потому что вокруг ходили чужие люди, не замечая его, порой просто перешагивая. Игорь просыпался со слезами на глазах и долго не мог понять, где он теперь находится.

Как-то пришла дикая мысль, что здесь, в избушке, уже вовсе другой человек, а он, Игорь, умер там, во сне. Он поставил перед собой зеркало и долго изучал свое лицо, заросшее, изможденное – стараясь запомнить все детали, чтобы затем отмечать изменения.

Сон повторялся, и пришла уверенность, что именно так все и случится. В его сознание внедрилась боязнь смерти во сне, боязнь, что в один из дней он ляжет спать и не проснется, – и никому не нужный его труп останется лежать на этом пустом острове. Он и сейчас уже никому не нужен! И не только кошка была знаменiem

конца его жизни... Точно, он уже видел это: летний день, Москва, на тротуаре возле самой стены облицованного черным мрамором дома сидит нахохлившийся голубь. Он отвернулся от мира улицы и созерцает, как по полированному камню скользят неясные отражения – скользят, как тени из прошлого. Жизнь еще теплится в голубе, и он, должно быть, пытается удержать ее на какие-то мгновения: втянув голову, подобрав ноги и крылья, сжавшись... И желая только одного – чтобы его не трогали...

Почему вдруг вспомнился именно этот эпизод? Действительно ли это были знамения? Чего – его несовместимости с миром? Тогда и возникающие в избушке призраки являются отражением проходящей мимо жизни? Правда, выглядят они что-то уж чересчур реально, хотя и рождены воображением... Это может означать только одно – болезнь зашла уже далеко. Он даже знает, кто появится следующим – конечно же, она, его пропащая жена.

Игорю почти удалось убедить себя, что он простил Ленку. Конечно, они не смогли бы дальше жить вместе, но он не держит больше на нее зла. Интересно, а она на него? Хотя при чем здесь это – разве не она одна во всем виновата?.. Почему же тогда он ждет Ленку и одновременно мучительно боится, что опять сорвется, что вместо тихого ублаживания памяти снова вернутся вспышки ненависти?..

Жена возникла неожиданным образом – то есть таким, что Игорь и предположить не мог. Он как раз лежал и бездумно смотрел на красный, раскалившийся бок печки, когда краем глаза заметил тень на противоположном конце стола. Присмотрелся: это было похоже на сгусток более плотного воздуха, напоминающий формой верхнюю часть туловища человека. Игорь пристально смотрел – тень не исчезала. Подавив некоторый страх, поднялся с нар и подошел вплотную. При ближайшем рассмотрении тень тоже не пропадала, однако как бы теряла форму. Простояв довольно долго, Игорь решил и провел перед собой рукой – и ощутил довольно сильное покалывание в ладонь. Более того, возникло ощущение, что ладонь куда-то провалилась. Испугавшись, он отдернул руку и больше экспериментов не проводил. Просто лег и стал ждать.

Контур человека формировался очень медленно, и это походило на проявление фотографии. Поначалу он оставался неподвижным, но по мере уплотнения стал вроде бы колыхаться и двигаться. Момент окончательного проявления Игорь, в буквальном смысле

слова, проморгал, хотя до этого смотрел неотрывно – но тут заслезились глаза, и он стал их вытирать ладонью. Когда отнял руку от лица – перед ним уже сидела Ленка.

– Ну, здравствуй, – сказала жена, и в ее голосе Игорю слышался вызов.

Он с неудовольствием подумал, что именно таким и предполагал начало разговора, поэтому ответил без всякой радости, с сарказмом:

– Здравствуй, коли не шутишь.

– Не ожидал, наверное, меня увидеть?

– Не могу этого объяснить, но как раз тебя и ждал.

– Чтобы объясниться? – живо поинтересовалась жена.

– А в чем объясняться, если и так все ясно? Или ты сумела выдумать достаточно правдоподобное оправдание?

– Я и не собираюсь оправдываться, ведь это ты меня бросил!

– Я?! – Игорь просто онемел от столь абсурдного заявления.

– Удивлен? А я могу это доказать.

– Что ж, попробуйся...

– Ты все время жил только для себя: постоянно носился то с художниками, то с археологами, то с какими-то ненормальными поэтами. Тешил свое самолюбие в компании интеллектуалов, а на меня времени уже не оставалось.

– Неправда! Я же приглашал тебя, но ты каждый раз отказывалась.

– Приглашал... Несколько раз, когда мы только что поженились. А потом и приглашать перестал.

– После того, как сама отказалась наотрез.

– Конечно. Ибо прекрасно понимала, что буду там лишней, что буду стеснять тебя. Ты ведь и приглашал-то неискренне, надеясь, что я откажусь. Ты уже заранее стеснялся меня.

– Ничуть. Правда, после свадьбы кто-то из моих друзей ляпнул, будто ты для меня простовата, но я так не считал.

– Считал. Ты постоянно меня унижал, хотя сам этого, может быть, даже не замечал.

– Вот ты мне и отомстила?

– Считай, что так. Только не обольщайся, что это было целью и что все делалось назло тебе или ради тебя, и что мир существует единственно для тебя...

– Оказывается, ты умнее, чем я думал.

– Не лги – ты об этом никогда и не задумывался, просто с первого дня решил, что я дура – и все!

– Что же ты, умная, не понимаешь, что такое, как там, в бане, не забывают и не прощают?

– Да что ты заикнулся на этой бане? Была ведь и другая! Вспомни, когда мы поженились...

* * *

Игорь вслед за женой шагнул с мороза в дом – и словно в ледяную воду нырнул. А Ленка, даже не поздоровавшись, прямо с порога выпалила:

– Мама, знакомься – мой муж!

Уже по тому, как нерешительно открывала Ленка дверь, а теперь по ее напрягшемуся голосу Игорь понял, что встречи с матерью она все ж таки побаивалась, пусть и хорохорилась всю дорогу. Он замешкался в дверном проеме, через Ленкину голову разглядывая загорелую худошавую женщину, очень похожую на жену – вернее, поправил он себя мысленно, это Ленка имела большое сходство с ней, с тещей.

Улыбка, возникшая было на тещином лице, застыла и сменилась судорожной гримасой, будто у нее разом заболели все зубы.

«Ну, сейчас начнется разборка!» – подумал он с тоской.

– Какой муж?.. Чей муж?.. – переспросила теща, ошарашенно глядя на дочь.

– Мой... Игорем звать... – Ленка растерянно посмотрела на него, словно требуя подтверждения ее слов.

– Позавчера расписались... – как можно уверенней произнес Игорь, отметив, что и сам говорит каким-то противоестественным басом.

– Та-а-к... Дождались... – протянула теща, сжав ручку стоявшей на плите сковороды, словно примериваясь, в кого ее запустить: в дочь или в Игоря.

– Что ж так быстро-то? Может, уже и ребенка ждете?

– Ну что ты, мама! – почти выкрикнула Ленка, и ее щека и шея – все, что мог видеть Игорь сзади – налилось яркой краской.

– Они расписались... – теща всплеснула свободной рукой. – Ну и как, по-вашему, радоваться я должна или плакать?

– А что теперь толку ругаться?! – сказала, словно отрезала, Ленка и, подойдя к столу, села на табурет. – Давай ужинать будем.

Второго свободного стула на кухне не оказалось, да Игоря и не

пригласили пройти в дом, поэтому он продолжал торчать столбом в дверном проеме, только дверь за собой притворил. Пройти в дом – выглядело бы в теперешней ситуации нахальством, выйти на улицу – попросту отдать Ленку на съедение.

– Ишь, как говорить научилась! Городская стала? – теща в сердцах двинула сковороду по плите так, что кругляк сырой картофелины вылетел и, подпрыгивая на крашеном полу, подкатился к Игоревым ногам. – Отпустила тебя на свою голову...

Обычно Игорь легко осваивался в любой компании, но в тещином доме почему-то не мог освободиться от скованности: не знал, куда сесть, о чем говорить. Несколько раз ловил на себе пристальный тещин взгляд, и взгляд этот казался ему недобрый, во всяком случае – недоброжелательным. Из этого заключил, что теще не понравился. «Ну, да нам с ней не жить!» – подумал неприязненно.

Потом лепили и варили пельмени, пили привезенное по такому случаю шампанское – но и за столом царило напряженное молчание. Ощущая себя главным виновником семейного конфликта, Игорь только было собрался перевести часть тещиногo гнева на себя, но тут она не то чтобы примирительно, но уже спокойнее спросила Ленку:

– Что ж ты ничего не сообщила? Можно подумать, за тыщу верст живешь.

– Да понимаешь, мама, у Игоря на работе квартира освободилась в ведомственном доме, ну ему начальник и сказал, что, если свидетельство о браке будет, то квартира достанется ему. Мы в поссовет, а там без испытательного срока – ни в какую. Полдня уговаривали, а когда пришли – экспедиционные уже стол собирают...

– Как же вы без свадьбы-то?

– Почему без свадьбы? Вечером и отметили в новой квартире: мне девчонки проигрыватель подарили, а Игорю друзья – фотоаппарат и резиновую лодку.

– Раньше на свадьбах подушки дарили, одеяла – а теперь лодки! Что же вы – в лодке спать будете?

– Почему именно в лодке? – Игорь, которого задел тещин тон, решил все-таки сказать свое слово. – Мне со склада кровать выдали. И стулья, и стол, и подушки, и одеяло... В общем, все, что необходимо.

– Знаю я эти общежитские подушки – кто на них только не спал, – теща махнула рукой, словно от комара отмахиваясь.

– Ну что ты, мама, нормальные подушки, – обиделась и Ленка.
– А потом свои купим. Игорь инженером в экспедиции, зарплата приличная, так что быстро обзаведемся.

– Все у вас быстро! Квартиру быстро, замуж быстро, детей быстро! Я с твоим отцом до свадьбы два года встречалась, а ты от матери не успела уехать – и на тебе...

– Что ты сравниваешь, теперь времена другие, – Ленка упрямо сжала губы.

– Не времена другие, а ума у вас нет! – взорвалась опять теща.
– Платья себе выходного до сих пор не купила – в каком из дому уехала, в том и ходишь.

– Заработаем!

– Зарабо-о-таете, – передразнила теща. – Дети пойдут, так заработаете! Сама себя по рукам и ногам связываешь. Куда ты торопишься: замужем-то неизвестно какого больше, сладкого или горького...

Потом они с Ленкой улеглись на широкой деревянной кровати под толстым атласным одеялом, а теща за стеной все ходила, все гремела посудой и ворчала, ворчала. «Ну и ведьма мне в тещи досталась, – думал Игорь, – завтра же уедем, и ноги моей больше здесь не будет...»

Но утром Ленка повела его знакомить с подругами, вернее, показывать им. В чужих домах Игорь чувствовал себя запросто: слушал музыку, болтал о пустяках, пил домашнее вино. В общем, когда они к вечеру вернулись, рейсовые автобусы в поселок строителей уже ушли, а теща ходила по дому чернее тучи: скорбно поджав губы и натянутая, словно струна.

Они с Ленкой помалкивали, понимая, что стоит сказать неосторожное слово – теща накинется на них с новой силой. Вот тут-то Ленка и предложила истопить баню. Игорь этому предложению по-настоящему обрадовался – наконец-то нашлось дело и для него. Он натаскал воды из колодца, принес охапку дров и взялся затоплять печи. Их было две: маленькую железную, с котлом наверху, он раскопегарил без проблем, зато пока разбирался в устройстве кирпичной с каменкой – напустил полную баню дыму. Когда Ленка зашла его проводить, подсвеченный через маленькое окошко лучами заходящего солнца дым уже сгустился на потолке и оттуда белесыми струйками тянулся к проему двери.

Пригнувшись, они целовались и каждый раз вытирали слезы. Но здесь все-таки было укромное место, а то утром теща попросту застала их врасплох. Застала и, не обращая внимания, не извинившись, прошагала через комнату к комоду и обратно.

Потом они опять сидели с Ленкой за столом и перелистывали старые журналы. Где-то через час теща ушла доить корову, а когда вернулась с ведром парного молока, сказала:

– Можете идти – я в бане помыла. Веник захватите – Ленка покажет, где висят.

Веники рядами висели под крышей бани и пахли чуть горьковато, словно летним зноем. Игорь отвязал крайний и протянул вниз жене. Когда спустился по приставной лестнице, Ленка была уже в бане. Выждав столько времени, сколько, по его расчетам, нужно на то, чтобы раздеться, Игорь дернул ручку, однако дверь оказалась запертой изнутри. Когда он вернулся в дом, теща удивленно спросила:

– Забыли что-нибудь?

– Нет, ничего не забыли.

– А что же не паришься?

– Там Лена моется.

– Не пустила, что ли? – догадалась теща, и в глазах ее впервые за два дня вспыхнули веселые искорки.

Она достала из комода полотенце, свернула его и протянула Игорю.

– На, отнеси ей – пусть возьмет.

Игорь полотенце взял, но у дверей замялся.

– Иди, иди, – словно подтолкнула теща, и в голосе ее, теперь уже явственно, Игорь расслышал усмешку.

Он пересек двор и постучался в дверь бани.

– Кто там? – спросила Ленка...

– Мать полотенце попросила передать.

– Повесь там... на гвоздь.

Он оставил полотенце в предбаннике и, постояв на морозе – умирив бешеный стук сердца, – пошел в дом.

Теща взглянула на него с откровенной усмешкой, и во взгляде этом Игорь прочитал что-то вроде «Эх ты, валенок...»

– Пошли, – сказала она решительно.

Игорю ничего другого не оставалось, как идти следом. В предбаннике теща сняла полотенце с гвоздя и повесила ему на плечо. Постучала в дверь.

– Ленка, открой! Мне нужно мыло взять.

Внутри, в бане, заплескалась вода, потом звякнул откинутый крючок, и в распахнувшуюся дверь вырвался горячий воздух с клубами пара. Теща бесцеремонно втолкнула Игоря в баню – Ленка взвизгнула и попыталась вытолкнуть его назад, но дверь была уже заперта снаружи.

А потом они ужинали. Теща достала из холодильника бутылку водки и, подкладывая Игорю на тарелку соленые грибы, вдруг сказала примирительно, даже ласково:

– Завтра две подушки и одеяло увезете – негоже под казенными спать... – и, усмехнувшись чему-то, добавила:

– А Ленку не поважай! Она девка хоть и ничего, но с гонором...

* * *

– Помню я ту первую баню, – признался Игорь, – но и слова Клавдии Михайловны помню, что гонору у тебя всегда было много.

– Этот гонор иначе человеческой гордостью называется, – возразила жена. – Это, можно сказать, мое сморщенное достоинство. Думаешь, мне развод легче дался? Да я две недели спать не могла – твои вещи в пустой квартире разглядывала, как на кладбище. Поначалу чуть что – плачу, а потом и слезы кончились, одна горечь осталась. На улицу не хочу, есть не хочу, на работе отпуск взяла – вообще жить не хотелось. Когда через две недели другое платье надела – соседка сразу сказала: «Ну, слава Богу, ожила!».

– Узнаю женщин, – согласился Игорь, – если стала думать о тряпках, значит, будет жить.

– Ты напрасно ехидничаешь – это действительно чисто женское. Вот ты сейчас небритый, но это еще ни о чем не говорит – и прежде мог по три дня не бриться, а уж если женщина перестает за собой следить – значит, скоро умрет.

– Можешь обвинять меня в чем угодно, но на твое женское я не посягал – тряпок сколько хотела, столько и покупала. Я денег не считал.

– Да, но ты месяц мог не замечать, что у меня новое платье. Даже представить себе не можешь, как это обидно! Я потому и ребенка не хотела, что нужна тебе была только как баба. У тебя ведь этих баб и до меня было... А мне-то хотелось быть единственной, любимой.

– Разве я к тебе плохо относился?

– Конечно, клевал коршун курицу – целовал каждое перышко.

– Со дня свадьбы я тебе ни разу не изменил.

– Может быть... Но и не замечал меня, ни разу ласково, по-доброму не поговорил – все мимоходом. Дела, скажешь? Если бы захотел, то дела бы твои подождали. Просто себя на голову умней считал!

– Я же не виноват, что наши интересы не совпадали. О чем бы мы говорили?

– Можно было и ни о чем конкретном. Помнишь, я тебе рассказывала про водителя троллейбуса? Ну, когда я в Красноярске училась?

– Что-то не припоминаю.

– А ты многого не припоминаешь... Я из общаги до курсов троллейбусом ездила, на одном и том же до кольца. Водители на нем через день менялись. Один злой, кричит: «Куда вы прете, не последний рейс!» И дверями хлоп – прямо по людям. Одной женщине руку защемило, весь троллейбус кричал, чтобы остановил, а он так и ехал до следующей остановки. А то вообще мимо остановки проскочит. Пассажиры возмущаются, а он в ответ, мол, никто на кнопку не нажал... А сменщик у него молодой. Троллейбус на кольце стоит с открытыми дверями, все садятся не выпавшиеся, раздраженные, кому на ногу случайно наступишь – огрызаются. А этот молодой водитель на свое место садится и первым делом: «Доброе утро, товарищи пассажиры!» И сразу тишина – все улыбаются. Проезжаем мимо церкви, он говорит: «Кому с утра требуется отпущение грехов, могу остановить» или: «Улица Пушкина, она же «Парфюмерия», она же «Комиссионка». А тут как-то холода наступили – минус тридцать семь, стекла в инее, все промерзло, пассажиры зубами стучат, так что ничем уже их вроде не примешь. Но он садится и весело так говорит: «Крепитесь, товарищи, сейчас передали, что к нам идет теплый циклон». Так, поверишь, весь троллейбус расхохотался!

– По-твоему, и я должен был сказочки рассказывать?

– Почему бы и нет?.. Сам же цитировал Златоуста: «Оставь молитву ради женщины». Или ты женщин видел только в других? Мне теперь кажется, ты так скоропалительно женился, чтобы сделать себе хуже, а обо мне даже не подумал. Вот и сейчас: тобой сотворенное зло приписываешь мне – ты ведь всегда собственное зло приписывал кому-нибудь.

– Ну, знаешь ли! Ты первая, кто меня в этом обвиняет. Мои друзья всегда...

– Твои друзья?! – перебила жена. – Ты всегда подстраивался под них, а под меня не считал нужным, поэтому одна я и видела тебя настоящим и оценивала так, как заслуживаешь!

– Неправда, я ни к кому не подстраивался – мне и самому было что сказать.

– Ты словно индикатор или камертон – не хочешь быть ниже того уровня, на каком видишься со стороны. Поэтому одинаково боишься не оправдать ожиданий и близкого друга, и случайного собеседника. В глубине души сам это признаешь, поэтому и тянешься всегда к умным, интересным людям. А без них ты никто – пустышка, вот именно таким ты и был со мной!

– Хочешь побольнее укусь? Можно подумать, ты что-то из себя представляешь особенное?

– Можно подумать. Вспомни, например, как приходила к нам соседка «просто посидеть». От собственной семьи уходила, чтобы, как она сама говорила, отмякнуть душой. Думаешь, у нее дел других не было, как только в уголке посидеть, слова иногда не сказав, или, считаешь, твою унылую физиономию созерцать приходила? Посидит молча полчаса, а уйдет повеселевшая – ей и нужна-то была всего-навсего капелька тепла. Это единственное, что один человек может дать другому, не тратясь, а в определенные моменты жизни именно это тепло дороже любых денег...

– Хочешь сказать, что семейное тепло – это была твоя заслуга?

– Не стану кирпич в вату заворачивать – единственно моя заслуга. Это на мне держался наш дом, это я с тобой нянчилась, это я прощала тебе самое для женщины ужасное – невнимание! Но ведь я тоже человек, мне ведь тоже хотя бы капелька ласки нужна...

– Красиво говоришь. Хочешь свалить с больной головы на здоровую?

– Хочу, чтобы ты наконец понял! Но в собственной вине признаются только сильные, а ты не из таких... Ты слабый, а слабым женщины в конце концов всегда рано или поздно изменяют.

– Только не надо теперь меня во всем обвинять! – Игорь в конце концов разозлился. – Если для тебя это так важно, то считай, что я против тебя обиды больше не держу.

– Ах, ты меня прощаешь?! Что, на шею тебе броситься? Зато я тебя не прощаю! И не прошу!

От возмущения у Игоря даже слезы навернулись. Он вытер их рукавом, а когда отнял руку от лица, в избушке уже никого не было....

Лохматый призрак

Утром, сделав ревизию оставшихся продуктов, Игорь определил себе срок жизни – месяц. Осталось всего ничего: две маленькие луковицы, пять картофелин, граммов двести перловки и банка тушенки. К этому еще три галеты и со стакан крошек, что остались в мешке после сухарей. Сахар кончился три дня тому назад, а чай еще раньше, зато остались две килограммовые пачки соли. Так что соли ему определенно должно хватить до конца!

Игорь как раз решал дилемму – чуть отрешенно, словно и не его это касалось, – то ли еще несколько дней пожить впроголодь, а потом уж начать великий пост, то ли напоследок наесться раз досыта, когда до слуха его донеслись непонятные звуки. От неожиданности он вздрогнул, и тут же закаменел – снаружи доносился прерывистый скрежет, тотчас сменившийся завываниями. Воображение услужливо нарисовало облик то ли лешего, то ли упыря – мороз пробежал по коже, и Игорь весь превратился в слух. Что еще можно представить, если дверь царапают длинные когти, причем не просто царапают, а на шаривают дверную ручку? А воображение уже подкинуло еще более ужасную картину: дверь открывается и...

Он сорвал со стены заряженное ружье и бесчувственным деревянным пальцем сдвинул предохранитель. Двустволка как будто придала сил – во всяком случае вернулась способность анализировать и оценивать ситуацию. «Почему же эта нечисть не спешит открывать дверь? – спрашивал он себя. – Ведь стоит только несильно потянуть за ручку. Может, этот призрак бесплотный? Нет же, вон как скребется...» Держа дверь под прицелом, он простоял довольно долго: странное царапанье и скулеж то прекращались, то возобновлялись с удвоенной энергией. Игорь не только успокоился, но даже почувствовал что-то, похожее на любопытство: кто же там в конце концов? Устав от ожидания, он подкрался на цыпочках, выставил перед собой стволы и с силой пнул дверь. Послышался чей-то визг, и Игорь чуть не выпалил в стену тумана.

Никого. Отступив на шаг, он стал размышлять: слуховая галлюцинация или все же кто-то был? Может, зверь какой? И тут

что-то длинное, как ему показалось, метнулось мимо ног в избушку. От неожиданности Игорь шарахнулся в сторону, стукнулся виском о дверной косяк, так что на миг потемнело в глазах. Когда повернулся, то посреди избушки сидел... – нет, не волк, как ему сразу подумалось – сидела собака. И спокойно, прямо-таки по-свойски на него смотрела.

– Песик... – произнес растерянно Игорь, опуская ружье, – ты тоже призрак или настоящий?

Собака поднялась, завиляла хвостом и, подойдя, ткнулась в Игоря носом. Он провел рукой по густой, слетка влажной шерсти и ощутил ладонью живое тепло, потом поднес ладонь к носу – без всякого сомнения, рука пахла настоящей, стопроцентной псиной. А тут еще собака изловчилась и лизнула его влажным шершавым языком.

Игорь затворил дверь, поставил ружье на предохранитель и повесил назад на стену. Мысли роились в мозгу, но он почему-то не мог до конца осознать происходящее. Окончательно в живую сущность собаки поверил после того, как та вздумала отряхнуться – и окатила его мелким бисером брызг. Видимо, недавно из воды? В лайке чувствовалась порода: маленькие острые уши, закрученный кренделем хвост, рыжий окрас, сильные лапы...

Игорь похлопал по ноге, подзывая гостью. Собака подошла, положила голову ему на колени и подняла умные, все понимающие глаза. От этого почти человеческого взгляда и от полного доверия к нему Игорь ощутил невыразимую признательность.

– Покормить-то тебя, бедолагу, нечем, – извинился он, но тут же, не удержавшись, достал последнюю банку тушенки. Открыл ее, содержимое вытряхнул на тарелку, а тарелку поставил на пол.

Собака ела с жадностью, даже старательно вылизала тарелку и капли на полу. Потом потянулась и, свернувшись калачиком, улеглась возле нар.

Чтобы не беспокоить нежданную гостью, Игорь даже ходить по избушке старался поменьше. Снова начали терзать сомнения насчет ее реальности – откуда бы ей здесь взяться? Однако столь долговременное ее присутствие тоже выходило за рамки понимания. Если все, кто к нему приходили, были призраками, значит, и собака бесплотна. Ни к Блатному, ни к Марине, а тем более к жене Игорь не прикасался... Тогда откуда же у него появилась уверенность, что они нематериальны? Только из-за

того, что слишком невероятным казалось их появление здесь? Но возникновение собаки столь же фантастично, и, тем не менее, она теплая и лохматая, пахнет натуральной псиной и в конце-то концов съела его тушенку... Теперь первого же, кто здесь еще появится, нужно непременно хватать за руку. Хотя чего там хватать, ведь сумасшедшие, должно быть, абсолютно убеждены в реальности чертей и прочей нечисти?..

А к вечеру вдруг начало расти беспокойство – ожидание очередного гостя. Игорь не мог объяснить, на чем основывалась его уверенность, но то и дело посматривал на дверь. Вообще-то, что тут удивительного, ведь появление жены он тоже предугадал... И сейчас должен был прийти некто, необходимый ему. Вот только кто? Игорь перебрал в памяти всех своих друзей и знакомых, каждый раз спрашивая себя – не этого ли он больше всех хочет видеть? Однако никого конкретно выбрать не смог.

Все произошло именно так, как он и ожидал: дверь широко распахнулась, и на пороге возник улыбающийся... Пашка. Дочерна загорелый, одет, как никогда на памяти Игоря не одевался: в джинсы и кремовую рубашку с короткими рукавами. В этот момент Игорю даже показалось, что в тумане позади Пашки на мгновение проглянуло солнце.

– Здорово, старик! – произнес Пашка жизнерадостно.

– Здравствуй, Паша, – слабым эхом отозвался в избушке голос Игоря, потому что он напряженно вспоминал какую-то слишком быстро промелькнувшую, имевшую к другу отношение, догадку.

Игорь узнавал и не узнавал Пашку, ведь последний раз они виделись много лет назад, когда тот уходил в армию. С тех пор, конечно, возмужал, раздался в плечах, и в чертах лица появилось что-то новое, чужое. Именно это незнакомое выражение лица и сбивало Игоря, не давало сосредоточиться.

– Не ожидал, наверное, меня больше увидеть? – спросил Пашка, неожиданно и сразу посерьезнев. При этом он испытующе смотрел на Игоря.

– Нет, почему же? Именно тебя и ждал, – ответил Игорь, сам сразу же в это поверив.

– Ты уж извини, что задержался, но к тебе сюда так трудно добраться...

– Эту тропинку, оказывается, знают все, кроме меня, – невесело пошутил Игорь, и в этот миг та неясная догадка вернулась, словно огнем опалила мозг.

– Пстой! Ты же умер?!

– Ну и что? – спокойно проговорил Пашка и прошел к столу. – Смерть тела – это еще не конец, ведь душа человека живет много дольше. Изредка, когда очень нужно, я могу появляться здесь, в человеческом мире.

– Ты сказал «очень нужно»... Я правильно понял?

– Да. Ты серьезно болен, и я пришел, чтобы помочь. В конце концов, я там несу за тебя ответственность как самый близкий друг...

– А я думал, что там... – Игорь замылся, – что вам, ушедшим, мы уже безразличны.

– В общем-то, так, потому что мы перешли на иной, более высокий уровень бытия, но с людьми, которые нам дороги, сохраняется эмоциональная связь. Так что я там всегда знаю, хорошо тебе или плохо.

Игорь ему не верил. Во-первых, друг детства, деревенский парень не может говорить таким языком, во-вторых, он давно умер, значит, это кто-то другой, выдающий себя за Пашку. Но зачем ему это нужно?..

– Значит, я тебе дорог? Но я же тебя предал в детстве, или ты забыл? – спросил Игорь в надежде, что тот попадется на его уловку.

– Я помню. Но предательство ты искупил в тот же день, пройдя несравнимо большее испытание. Ведь недаром до сих пор все помнишь...

Предательство

Смолк наконец в зарослях крапивы и последний, самый надоедливый, коростель, скрипевший, словно заведенный, беспрерывно и монотонно. Теперь только Игорев шепот да Лидкино приглушенное хихиканье нарушали ночную тишину.

Они сидели на шишковатой березовой чурке, которую приволокли от поленницы, а Наташа – на маленькой скамеечке с торчащей сбоку ручкой, которую берет с собой на ферму. Скамеечка совсем низенькая, платье у Наташи короткое, поэтому луна предательски освещает ее ноги выше колен. Оттого, что лицо ее в тени, Игорю кажется, что Наташа внимательно смотрит на него, поэтому он старательно отводит свой взгляд в сторону. Шепотом отвечает на дурацкие Лидкины вопросы и ловит себя на том,

что глаза вновь и вновь находят эти белые, словно у мраморных скульптур в музее, ноги. Каждый раз горячая волна приливает к щекам, почему-то пересыхает в горле, и он сбивается.

– В зимние каникулы в Ленинград ездили... ходили там в музеи... в оперетту...

– Расскажи! – Лидка умоляюще заглядывает Игорю в лицо, и в ее глазах при этом вспыхивают белые лунные огоньки. – Интересная была оперетта?

Лидкин интерес Игорю понятен – спектакли она слышала только по радио, потому что телевизоров в деревне нет, но разговаривать с ней ему уже надоело. С пятого на десятое и то больше для Наташи он пересказывает свои впечатления.

Почему так: Лидка вроде бы Наташина сестра, а совсем не похожа? И лицо, и шея, и руки в крупных веснушках, да и сама какая-то широкая, коренастая, словно мальчишка. А вот Наташа другая... Если честно, то Игорь только из-за Наташи согласился сторожить ихние яблоки – и пусть Лидка думает, что это она уговорила...

– Тсс-с... – шипит вдруг Наташа и поднимает вверх руку. Игорь напрягает слух, но, кроме сдавленного Лидкиного дыхания, не слышит ничего. Они специально спрятались за кустами крыжовника, откуда видно только звездное небо да еще самый верх неровной городьбы – чтобы засаду не заметили с дороги.

Вот донеслось негромкое потрескивание – кто-то раздвигал сухой тын, и у Игоря от волнения сразу вспотели ладони. Не зря, значит, поджидали воров – Лидка днем завершила его, что если не этой, так следующей ночью обязательно придут, потому что уже два года подряд, как раз в это время, пакостит кто-то из пацанов, обтрясают яблоки.

Игорь вытянул шею и медленно привстал... Вот он вор – мальчишечья фигура отделилась от серой изгороди и двинулась поперек картофельных рядов. Передвигался вор как-то странно: поднимет ногу и замрет, словно журавль, потом медленно опустит, поднимет другую – и снова застынет в нелепой позе. А в изгородь уже еще одна голова просунулась.

– Ага-а-а, попались! – не выдерживает Наташа и шагает из-за крыжовника навстречу пацанам.

Тут же Лидка с визгом понеслась по картошке, словно с силой пущенный шар, да и Игоря как будто ветром каким подхватило.

Тот, что лез в дыру, юркнул назад, а стоявший посреди ботвы остолбенел – растерялся, должно быть, Лидка была уже в нескольких шагах, когда он крутнулся на месте и бросился к спасительному лазу.

«Опоздал, не успеет!» – прикинул рванувшийся наперерез Игорь. И тут только разглядел, что перед ним... Пашка.

А тот ринулся вдруг прямо на изгородь и с разгона ткнулся в нее головой. С треском разлетелись пересохшие прутья тына, и Пашка рыбкой вылетел наружу. Игорь внутренне замер от восхищения и нырнул следом в образовавшуюся дыру.

Ох и удирали же эти двое! Игорю до того было смешно, что в правом боку закололо – пришлось замедлить бег. Когда пацаны скрылись за углом изгороди, он оглянулся – Лидка безнадежно отстала. Забежав за угол, он остановился, сунул в рот два пальца и засвистел вдогонку.

Тех двоих словно подстегнули – голые пятки наперебой зашлепали по уводящей от деревни, покрытой толстым слоем пыли дороге. Закадычный приятель Пашка бежал впереди, второго же, маленького и светловолосого, Игорь так и не узнал. Появилась запыхавшаяся Лидка.

– Видел, кто это были?

– Да разве разберешь?.. Темно ведь, – соврал он.

Когда Игорь с Лидкой вернулись, Наташа тщательно заделывала дыры, раздвигая прутья тына.

– Теперь несколько дней можно спать спокойно, – она удовлетворенно рассмеялась. – Будут знать...

Потом Игорь с Лидкой наперебой описывали погоню, пока все вволю не нахохотались.

– Ладно, спать пора, – сказала Наташа, – а то мне на дойку рано вставать.

Лидка отмахнулась:

– Ты иди, а мы еще посидим.

– Я тебе посижу! Быстро домой, пока по шее не схлопотала!

– Сама не схлопочи! – огрызнулась Лидка.

– Ах, ты, дрянь такая! – разозлилась Наташа. – Вот придет мама – я ей все расскажу.

И она, не оглядываясь, пошла к дому. Насупившаяся Лидка нехотя поплелась следом.

Игорю, если честно признаться, спать ни капельки не хотелось; если бы Наташа осталась – он готов сидеть хоть до утра...

Снилось Игорю что-то очень хорошее, потому что и проснувшись, он продолжал улыбаться. Вроде бы: поросшая ромашками поляна, а он собирает среди белых цветов медвяно пахнущие ягоды земляники и угощает ими Наташу. На голове ее венок из тех же крупных ромашек, и Игорь, склоняясь к сидящей Наташе, ощущает пьянящий запах то ли цветов, то ли ее волос. Он близко-близко видит коричневые ласковые глаза и хочет, чтобы Наташа брала ягоды с его ладони непременно губами. Она же со смехом отталкивает руку и говорит: «Игорь, ты еще маленький. А когда вырастешь, то я уже буду старая...»

Открыл Игорь глаза – и сразу к окну. Где там Пашка, заждался, наверное? И тут про ночную погоню вспомнил. Так и есть – пуста лавочка. Бабушка не позволила его будить, поэтому Игорю и прежде случалось проспать, но Пашка всегда терпеливо дожидался под окном. А сегодня дружка нет – обиделся, значит!

Игорь вздохнул, налил из крынки молока, отломил кусок от теплой еще ватрушки, которую бабушка называла почему-то «преснушкой», и неспешно позавтракал. Вышел на крыльцо – и тотчас услышал негромкий свист.

Пашка сидел на перевернутом ведре, спрятавшись между высокими поленницами дров.

– Чё долго спишь? Сговаривались ведь вчера.

– А я подумал, что ты не пришел, – стал оправдываться Игорь.

– Ладно, идем, чё ли? – Пашка поднялся – Ведро только прихвати и вилку.

Игорь пулей влетел в дом, достал из ящика стола вилку, подхватил приготовленный с вечера подойник.

– Сгодится! – одобрил Пашка, проверив остроту стальных зубьев. Потом взвесил вилку на ладони, покаябал ногтем выпуклую вязь букв и спросил:

– Старинная, чё ли?

– Бабушка говорила, что от ее приданого осталась.

– Пойдет, – еще раз одобрил Пашка, – лучше, чем моя.

Игорь, которому было стыдно за лихое ночное преследование, гадал, узнал ли его дружок вчера в темноте или нет? И то: вроде бы предал он их давнишнюю дружбу за эти Наташины яблоки? Одно

только вызывало недоумение: зачем понадобилась пацанам эта совсем еще зеленая кислятина?

Пашка молча шагал впереди, поскрипывая при каждом шаге ржавым своим ведром. Игорь шел сзади, потому что тропинка узкая – для одного, а по обеим сторонам ее густая и высокая, склонившая уже усатые свои колосья, рожь. Прорезая ржаное поле, тропка выводила прямо к мелкой, редко где доходящей Игорю до подбородка речушке Руше.

Речка встретила их сонным покоем, вода была до того теплой, что сиди в ней хоть весь день – не озябнешь.

– Седня вверх, в сторону Кинтанова, пойдем, – предложил Пашка, – а то вниз уж сколь раз ходили.

Игорь согласен. Его обязанность – по берегу с ведрами идти, пока дружок под камнями и корягами шарит. Правда, иногда помогать нужно – закрывать ладонями выходы из-под камня. Нашупает Игорь ход, закроет, а у самого мурашки по коже – вдруг цапнет кто-то неведомый, сидящий в норе. Это Пашка ничего не боится: засунет руку под камень по самое плечо и долго там шарит, потом либо бросит коротко и разочарованно: «Пусто!» – либо глаза у него смешно округляются, и он сдавленно хрипит: «Е-е-сть...» Не больно-то поговоришь, когда в зубах зажата вилка, которую он таскает специально для налимов. Всю остальную рыбу даже Игорь запросто берет за жабры, но налима голой рукой не удержать – выскальзывает, словно намыленный.

Жарко. Игорь нет-нет да и зайдет в речку, где поглубже, окунется прямо в одежду. А то колет на перекате вилкой всякую мелочь. Большие камни он обходит – оставляет Пашке, поднимает лишь плоские, обросшие зелеными водорослями плиты. Муть уносится течением, а ослепленные ярким светом пескари и усачи на несколько мгновений замирают на месте. Не успеешь ткнуть вилкой – их уже и след простыл; остается только водворить камень на прежнее место. Учил его Пашка и в норах рыбу брать, но Игорь испытывает панический страх перед раками. Конечно, их можно взять за твердую спину подальше от клешней, но попробуй там, под камнем, разобрать, где у него что...

Пашкина алюминиевая вилка и впрямь оказалась слабой: зубья погнулись, расщеперились в разные стороны.

– На мою, – предлагает Игорь. – Я обойдусь.

Хочется, конечно же, и самому продолжить азартную охоту, но

разве сравнится его мастерство с Пашкиным? А тот без лишних слов поменял вилку и сразу же полез рукой в подмытые водой корни развесистой ивы. Все дальше, дальше – вот уже щекой воды коснулся... и вдруг взвыл не своим голосом.

– Что там, что?! – перепугался Игорь.

– Кака-ая громадина...

Пашка запустил в корни и вторую руку, погрузившись в воду чуть ли не до самой макушки. Вода возле его головы вдруг забурлила, Пашка вскочил и, вздымая фонтаны брызг, ринулся к берегу, прижав к груди яростно рвущуюся рыбину. Только отбежав от реки шагов на двадцать, он решился разжать руки.

Полуметровая щука, словно подбрасываемая мощной пружиной, тяжело запрыгала по траве. Одуревший от радости Пашка прыгал рядом в неистовом дикарском танце.

Щука подсакивала высоко вверх, раз за разом приближаясь к воде, а Пашка зачем-то помчался к прибрежным кустам. Вернулся он оттуда с толстой палкой, которой с размаху ударил рыбину по голове. Потом еще и еще.

– Зачем ты так? – пожалел щуку Игорь.

– А чё ей мучаться? Все равно ведь задохнется.

Пашка вытер все еще трясущиеся руки о мокрые штаны и сел на траву.

– Шабаш. Удачи боле не будет, и так седня крепко повезло, – он протянул вилку. – Жалко, зуб отломился – должно, в камень ткнул. Попадет тебе?

– Бабушка меня никогда не ругает, – заверил Игорь, впрочем, не вполне уверенно.

Пашка стянул с головы глубоко нахлобученную кепку и вытащил из нее намокший сверток. В газете оказалась горбушка черного хлеба, половину которой ой отломил Игорю.

– Держи. Подмокла только малость...

– Ничего, пойдет.

Горбушка была сильно солона, так как впитала насыпанную соль, но все равно показалась Игорю необычайно вкусной. Зато теплая вода, которую он черпал ладонью из реки, пахла тиной и рыбой. Пашка жевал молча, лишь поглядывая искоса на Игоря, и улыбался каким-то своим мыслям. Вдруг, ни с того ни с сего, он расхохотался:

– Ну и здорово... ха-ха-ха... здорово ты вчера за нами гнался!

– Просто я тебя вначале не узнал, – проговорил Игорь облегченно и тоже рассмеялся. – А потом... уж больно смешно ты удира! Головой в тын – и только палки в разные стороны!

Теперь они хохотали уже вместе, катаясь при этом по траве.

– Умора!..

– А я чуть пузо не распорол! Во!

Пашка задрал мокрую рубаху: от пупа до самой подмышки тянулась красная полоса.

– Больно? – спросил Игорь, внутренне содрогнувшись.

– Не-а. Кожу сверху содрал, а мясо-то цело. Жжет, правда, зараза, когда в воду залажу... Но это ничё – главное, что Наташка не схватила. Знаешь, как она в прошлом году Коляна палкой по башке огрела! Его потом аж тошнило.

– Да яблоки-то – кислятина, деревянные совсем. Зачем они вам сдались?

– А, так... – Пашка махнул рукой. – Да ей еще мало! Ты не знаешь, какая эта Наташка вреднющая. Она нарочно в картошке косы разбрасывает, чтобы кто-нибудь напоролся.

– Так, значит, потому ты вышагивал, словно цапля? – догадался Игорь. – Только враки все это, не было там никаких кос.

– Враки, да? Я сам в прошлом году две нашел. За деревню их унес и сломал, чтобы неповадно было.

– Наверное, просто так лежали? – усомнился Игорь. – Что же она, не понимает, что запросто можно ноги насовсем отрезать?

– Вредная она... – повторил Пашка и замолчал, задвигал сосредоточенно челюстями.

Игорь хотел было с ним поспорить, но тут заметил двух незнакомых пацанов. Один, длинный и узколицый, был старше их с Пашкой: мосластые руки далеко торчали из коротких рукавов испачканной мазутом рубашки, протертые на коленях до дыр штаны тоже в мазутных пятнах. «Тракторист», – так сказала бы про него бабушка. Зато второй – словно из витрины магазина: в новеньком костюмчике и в расшитой тюбетейке. Игорь сразу же определил в нем приезжего горожанина.

– Что это вы нашу рыбу здесь ловите? – спросил старший и небрежно цыкнул сквозь зубы слюной.

– В реке рыба ничейная, – ответил Пашка и поднялся.

– Километр от Кинтанова рыба наша, а дальше ченцовская, – пояснил узколицый нахально. – Вы сейчас на Кинтановском участке, значит, половина улова наша. Забирай, Илья, одно ведро!

– А фигу с маком не хотите! – огрызнулся Пашка, сразу став похожим на ошетилившегося ерша. Игорь тоже на всякий случай поднялся.

– Щас мы вас лупить будем, чтобы на нашу территорию не заходили, – пообещал узколицый и двинулся на Пашку.

Однако Пашка ничуть не испугался – расставил ноги пошире, пригнул голову и ждал. Игорь понял, что дружок отступать не собирается, что драки не избежать, и тоже пошел на городского.

Тот в нерешительности топтался возле ведер. Драться он явно не хотел: часто-часто заморгал, словно собираясь заплакать, и стал пятиться. Тогда Игорь вовсе осмелел и для начала толкнул его, правда, несильно. Но и от такого слабого толчка пацан покорно упал, втянул голову в плечи и следил за Игорем округлившимися от страха глазами. Игорь пытался пробудить в себе злость, но, наоборот, стало вдруг жалко этого пухлощекого маменькиного сыночка. Поэтому он просто навалился сверху, поднес к носу пацана сжатый кулак и спросил: – Будешь?

– Не буду! – срывающимся голосом пропищал пацан.

Он не выказывал никаких попыток сопротивления, и Игорь, не зная, что делать дальше, поднялся. Пашка с «трактористом» к этому времени успели обменяться ударами. Пашкина верхняя губа была в крови, но и долговязому, похоже, досталось, потому что он предпочитал держаться на длинной дистанции.

Увидев, что против него теперь двое, пацан отступил и, глянув в сторону все еще лежавшего на траве напарника, крикнул:

– Илья, дуй сюда!

Подождав городского, долговязый показал им с Пашкой испачканный в мазуте кулак и пообещал:

– Ничего, мы еще встретимся! Я вам обоим кровянку из носа пущу!

– Кишка у тебя тонка, головастик! – выкрикнул в ответ Пашка.

– Больно губу? – спросил Игорь, когда пацаны скрылись за поворотом реки.

– Ничё! Зато я этому ка-ак двинул под дых!

– А городской даже подраться испугался, – теперь уже с сожалением вспоминал Игорь.

– А ты ничё, – похвалил Пашка. – Если бы этот не струсил, вдвоем бы мы ему знаешь как накостыляли.

– А завтра куда пойдём? – поинтересовался Игорь – Вдруг длинный опять заявится?

– Сюда, – ответил Пашка, не задумываясь. – Тут, оказывается, самые рыбные места.

При дележе щуку Пашка положил против ведра с раками, а остальную рыбу поделил поровну. Игорь взял раков, отчасти потому, что добытчиком был все-таки не он, а еще потому, что раки были живыми. Задеревеневшая же, словно палка, потускневшая щука висела на измазанном кровью кукане, а от ее жабр вниз тянулись две засохшие черные струйки. Игорю вспомнилось, как они радовались крупной рыбе, на которую сейчас почему-то неприятно было смотреть.

Деревней он шел специально мимо Наташиного огорода, и когда заметил возле кустов смородины ее платье в синий горошек, даже сердце заколотилось. Словно невзначай, брякнул коленом по ведру.

Наташа, заметив его, помахала рукой и, перешагивая через рядки картошки, подошла к изгороди. Ласково улыбнувшись, спросила:

– Что у тебя там, в ведре?

Игорь положил кукан с рыбой на траву и приблизил к тыну подойник.

– У-у-у, какие сердитые! Больно, наверное, если клешней за палец схватит?

– Конечно, больно. Может и до крови, – солидно заверил Игорь.

В этот момент шумная стайка воробьев спикировала на изгородь, оттуда на черемуху, густо облепив ее ветки.

– Вот ведь паразиты, все ягоды обклюют, – Наташа всплеснула руками и, подняв круглый камешек, запустила им в воробьев.

Камень с шелестом пронзил черемуховую листву, стайка воробьев испуганно вспорхнула – но один взъерошенным серым комочком упал на грядку.

– Гляди-ка, попала! – обрадовалась Наташа. Она подошла к грядке, брезгливо, двумя пальцами подняла за ноги маленькую растрепанную птаху и, широко размахнувшись, перебросила ее через изгородь.

Поставив ведро, Игорь поднял теплый комочек – недавно оперившегося птенца. Может, его просто оглушило? Но нет, крохотная головка висит совсем беспомощно, а глаза уже затянулись мертвой сизой пленкой.

Так он и пошел домой: в одной руке ведро и кукан, в другой – мертвый воробей. Наташа что-то говорила ему вслед, но Игорь

не понимал смысла слов – не хотел понимать, не хотел больше слушать.

Откуда-то Лидка подлетела, затараторила:

– Уй-уй-уй, сколько раков! И какие огромные! А что это у тебя – воробья поймал?

– Иди отсюда, рыжая!

– А что это у тебя? Слезы?.. – не унималась Лидка.

– Вали отсюда, пока не схлопотала! – заорал на нее Игорь.

Она все-таки обиделась и отстала.

Дед дома даже очки нацепил.

– Ишь ты, какие важные. Царская еда, – и, разглядывая задумчиво–угрюмых, клешнястых раков, похвалил. – Добытчик...

А Игорь даже ужинать не стал – отыскал в сарае лопату, вытащил из-под ступеньки крыльца спрятанного воробья и пошел за поленницу в крапивные заросли. Там он завернул невесомое тельце в лист лопуха и закопал в податливую землю между крапивными кустами. Обложил холмик камнями, но, отойдя несколько шагов, вернулся, раскидал камни ногой и тщательно заровнял место...

Этой ночью он спал беспокойно, и, когда пробудился, ресницы были мокры от слез. Казалось бы, беспричинные, они катились и катились из глаз, но Игорь их не стыдился – он мечтал, что вот сейчас закроет глаза и умрет. И всем от этого будет только лучше.

Вечером же, придя с речки, он достал с полатей старые, в кожаных заплатках дедовы валенки – и той же ночью оборвал яблоки с обеих Наташиных яблонь. Оборвал и раскидал по грядкам...

Друг Пашка

– Ты ведь не забыл тот случай? – повторил свой вопрос Пашка.

– Помню. Хотя меня тут недавно обвинили в забывчивости... И все-таки твое появление здесь непостижимо. Правда, я сказал, что ждал, но кого угодно, кроме тебя.

– Все очень просто. Вот я – давно ушел из жизни, а ты продолжаешь помнить и меня, и многое другое, что нас объединяло. Это значит, что после смерти человек способен существовать одновременно в двух ипостасях. И продолжаться это будет до тех пор, пока меня здесь вспоминает хотя бы один человек, думающий обо мне хорошо!

– Кого тут только не было! – вырвалось у Игоря.

– Конечно, ведь ты еще при жизни пытаешься уйти, вырвать себя из мира людей, поэтому связь и нарушилась – к тебе стали приходить не только друзья, но и враги.

– Не делай добра – не будет зла...

– Что ты хочешь этим сказать?

Мысли Игоря временами путались – вот и сейчас он вдруг забыл, что имел в виду, поэтому сказал первое пришедшее на ум:

– Пашка, я тебе так рад... – и тут же, вспомнив прерванную мысль, добавил: – Но Блатного и Маринку я не звал и, в отличие от жены, о них даже не вспоминал.

– А на что ты рассчитывал? Думал, что стоит уединиться, подобно ветхозаветному отшельнику, – и все? Твоя связь с этим миром слишком сильна, чтобы могла вот так запросто оборваться. Вспомни: камень в воду бросишь, он уже на дне – а волны расходятся еще долго-долго, колышут поверхность, листья, камыши, так что стрекоза, сидящая на кувшинке у другого конца озера, узнает о камне не скоро. Но отсчет времени падения камня для нее наступает только тогда, когда приходит первая волна. А теперь представь человечество и поверхность планеты, в миллионы раз большую, чем у какого-то озера...

– Ценю твое художественное сравнение, – сказал Игорь с неприкрытым ехидством, – но только сам подумай, что же это получается? Если ушедший остается в памяти других, то есть они не знают о его кончине, – то этот человек как бы продолжает существовать в нескольких виртуальных жизнях?..

– Ну, не совсем так... Мне пришлось бы долго объяснять... Но, вообще-то, большинство людей уже прожили несколько земных жизней. Вот я, к примеру, более десяти, а ты пока еще молод – у тебя только вторая. В первом рождении ты жил в Индии.

– Тебе лучше знать, но я этого почему-то совсем не помню, – сказал Игорь недоверчиво, но, неизвестно почему, его укололи слова о «молодости».

– Помнишь, правда, очень слабо, – Пашка словно не заметил ехидства и недоверчивости, – потому что события одной жизни зачастую незначительны, и важно только то, сколько истинного разума добавилось в твоей внутренней копилке. Вот сейчас ты мучаешься, все подвергаешь сомнению, значит, детство твоего разума закончилось – и началось становление. А кому-то для этого может не хватить и десятка перерождений.

– А знаешь? – поразился Игорь. – Я об этом тоже думал. О том, что в одной жизни человек может ошибиться, и ему нужно дать еще хотя бы один шанс.

– Это постулат индуистского учения.

– Жаль, я считал, что сам первый додумался.

– Не огорчайся. Все умные мысли давно передуманы, но беда в том, что каждому их нужно передумать заново.

Снова в Игоревой голове возник какой-то сумбур, и он потерял нить разговора. Помолчал, перетасовывая обрывки мыслей, пока, наконец, не зацепился за одну из них.

– Постой, постой!.. Если человек живет то в Индии, то в России, то он кришнаит, то христианин, значит, вера в Иисуса Христа – просто заблуждение? То есть Христа-спасителя не было?

– Религия – это не смысл жизни, она служит лишь для украшения ее. Как камень-талисман: изумруд, рубин или алмаз – человек не выбирает его, он просто чувствует, что это его камень. В крайнем случае, ему подсказывают знаки зодиака или планеты, под которыми он родился.

– Да, но ведь разные веры разобщают людей, вместо того чтобы объединять, – не согласился Игорь. – Разве это не бессмыслица?

– Потому и разобщают, чтобы каждый самостоятельно искал истину, не полагаясь на указание свыше.

– Пусть все, что ты говоришь, – правда, и даже про несколько жизней, – разгорячился Игорь, который с начала разговора чувствовал себя глупым внуком умного деда, – но объясни мне, дураку, почему каждый раз, после каждого рождения, поиски истины нужно начинать с нуля?

– Не с нуля – с самой истины! Ребенок знает ее: любит всех, не делай зла и радуйся жизни. А потом человек начинает экспериментировать со своей истиной, определять ее границы, пока, к старости, не приходит к тому же, с чего начал.

– Потому, наверное, мне все чаще и вспоминается детство?

– Именно...

Игорь вдруг вспомнил, что собирался спросить Пашку о чем-то важном, самом главном.

– Паша... Ты-то должен знать... Скажи, Бог есть?

Пашка пристально поглядел на него.

– Видишь ли... Живым это не надо знать наверняка.

– Жаль...

– О Боге вспоминают обычно тогда, когда задумываются о смерти. Ты потому спрашиваешь?

– Не знаю, наверное... Я в последние дни не только задумывался, но даже готовился к ней. Осмысливал, что в своей короткой жизни очень много нагрешил...

– Не очень, – успокоил Пашка. – Во всяком случае не больше других.

Неожиданно Игорь вспомнил слова жены.

– Зато Ленка говорит, что я собственное зло обычно приписываю другим. Значит, я сделал его еще больше, чем думаю?..

– Ну, во-первых, это не жена – это ты сам сказал. Знаешь ведь, что не было здесь никакой жены?..

– Что, не было никого?

– До меня – никого!

– Выходит, я и в самом деле сошел с ума?

– В чем же ты видишь свою ненормальность? – вопросом на вопрос ответил Пашка.

– Ну, эти галлюцинации...

– Ты видишь то, чего не видят другие, ты слышишь то, что никто не слышит. А ты не можешь допустить, что эти голоса и видения существуют на самом деле?

– Я-то могу. Но мне же все равно никто не поверит!

– Конечно, окружающие сразу не захотят поверить, что ты раньше их перешагнул границу, отделяющую ваш мир от другого измерения, но со временем...

– А я что же, перешагнул?! – то ли обрадовался, то ли испугался Игорь.

– Человеческому телу это не дано, только разуму – потому и получается, что разум там, а телесная оболочка здесь.

– Тогда такой человек несчастен и там, и здесь...

– Только здесь. А там его душа вливается в Гармонию. Ведь в мире людей это невозможно. Или ты иного мнения?

– Да, – согласился Игорь, – в этой жизни долгое счастье невозможно.

– Возможно лишь подобие счастья, – продолжил Пашка. – Помнишь, как-то в детстве мы видели голубя в воробьиной стае? Ну, который вместе с воробьями перепархивал с места на место? Мы тогда еще смеялись, что привычки у него стали чисто воробьиные. Среди голубей он, возможно, был самым забитым и несчастным, но

зато в воробьиной стае чувствовал себя самым сильным, почти что орлом. Понимаешь, к чему я веду разговор?

В голове Игоря опять что-то повернулось, разогнав мысли, но он на всякий случай утвердительно кивнул:

– Я всегда старался оторваться от воробьиной стаи и примкнуть к орлам.

– Да, но сейчас ты почему-то забыл, что жить – значит действовать. Даже здесь нельзя было давать себе поблажку, потому что на подъем уходят годы, а скатываешься вниз за считанные дни. Икона и лопата делаются из одной доски.

– Ты стал философом, – поразился Игорь. – Я тебя знал другим.

– Нет, это ты стал философом, – поправил Пашка, – ведь разговариваешь-то сейчас сам с собой.

– Значит, тебя нет?! – Игорь испугался своей догадки и испугался, что Пашка исчезнет.

– Почему? Я есть.

– Тогда, выходит, нет меня?.. – спросил Игорь, со страхом ожидая, что Пашка кивнет головой, подтверждая это.

– Ты тоже есть, – успокоил Пашка. – Но оставаться тебе здесь больше нельзя – завтра мы уйдем...

– Постой! – Игорь вдруг вспомнил. – А что такое туман? Почему он отнимает мою волю, мучает страхом? Откуда это – непонятное чувство постоянной вины?

– Туман – это просто туман, – ответил коротко Пашка. – Ты очень устал, но это скоро пройдет. Читал, поди, о детском переходном возрасте, когда дети становятся непредсказуемыми, капризными? У тебя сейчас похожий перелом, только на более высоком уровне – отсюда и все твои страхи, которые к тому же обострила болезнь...

– Следовательно, я все-таки болен?

– К твоему разуму, поверь мне, это не имеет ни малейшего отношения. То есть ты не сумасшедший – просто у тебя психологический стресс, который наш продолжительный разговор еще более провоцирует. Так что давай просто посидим и помолчим... А еще лучше – растопим печь.

Но Игорю, впервые за все время пребывания на острове, было уютно и тепло даже без печи. Единственное, чего хотелось, это говорить, говорить...

– Я тебе надоел? – спросил он осторожно.

– Нет, что ты, – заверил Пашка, словно прочитав его мысли. – Если нельзя, но очень уж хочется – то можно. Так что продолжай.

– Паш... А мы с тобой встретимся там... когда я умру? – вырвался у Игоря неожиданный даже для него вопрос.

– Не знаю. Может быть, я к тому времени буду проживать еще одну жизнь среди людей?... Хочешь, я тебе как другу открою одну не самую запретную тайну?

– Хочу, – Игорь замер.

– Ад и рай существуют. Ад – это мир, в котором ты живешь, да и я пока еще недалеко. Тысячи лет чистилища – это десятки жизней на этом свете. И лишь потом – рай.

– Спасибо тебе, Паша... – расчувствовался Игорь. – Это такое счастье, что ты здесь, со мной...

– Ложись-ка ты сейчас спать, – предложил Пашка, – потому что тебе нужно как следует выспаться, а для разговоров еще и завтра время будет.

– Значит, ты не уйдешь? – спросил Игорь и даже дыхание затаил в ожидании ответа.

– Конечно же, нет, – заверил Пашка – Как можно тебя, больного, оставить одного? Вот выздоровеешь, тогда уйдем вместе.

Куда они уйдут, Игорь не стал спрашивать, потому что это было не важно. Главное, что его одиночеству пришел конец, а с появлением Пашки конец и всем страхам. Он закрыл глаза и тотчас уснул, словно провалился в небытие.

Остров желтых цветов

Это была первая ночь, за которую он ни разу не проснулся. Сон еще не успел до конца покинуть тело, а Игорь уже ощутил, что за ночь в нем родилось что-то новое и необычное. Он не мог сразу выделить это незнакомое ощущение, понять, что же изменилось, поэтому продолжал лежать с закрытыми глазами и вслушиваться в себя. Как же назвать это восторженное чувство? Ну, конечно – желание жить! Ему впервые хотелось жить!

Только теперь он открыл глаза и окинул взглядом ярко освещенную внутренность избушки. Собака, живая собака, повизгивая, скреблась в дверь и напирала на нее грудью. Она страстно хотела наружу! Игорь поднялся и, пошатываясь от непонятно откуда взявшейся – но не болезненной, а приятной –

слабости, подошел к собаке. Распахнул скрипучую дверь... и увидел нестерпимо голубое небо. Словно бы окунулся в бескрайнее, полузабытое – и одновременно как будто совсем незнакомое – воздушное пространство. Ярко зеленела и словно бы светилась живительным внутренним светом трава у ног. Мир сиял всеми оттенками, благоухал ароматами, дышал, двигался.

Радостно лая, собака тут же стала носиться кругами среди невиданных, круглых, словно воздушные шары, цветов. Прыгая между высоких стеблей, она пыталась хватать зубами эти желтые пушистые шарики, которые, вместо того чтобы падать вниз, медленно уплывали в вышину. А оттуда накатывался незнакомый вибрирующий гул. Звук приближался, окружал, подступал со всех сторон, и Игорь в нетерпении шагнул навстречу, прямо в сладкое благоухание цветов, еще не узнав до конца, но все детальнее, все увереннее вспоминая рокот вертолета...

СКАФАНДР ДЛЯ ГЕНИЯ

Перелет Лидию утомил. Из Санкт-Петербурга до Красноярска она, правда, летела с комфортом, но потом вымотало многочасовое ожидание рейса в Туруханск. А в завершение – еще и крайне тесное кресло в натужно гудящем, загроможденном чемоданами и какими-то тюками да вдобавок заиндевелом, как будто беспрепятственно пропускающем через обшивку забортный холод, Ан-24.

Уже через десять минут ей наскучило глядеть на проплывающую внизу мутно-белую землю с неряшливыми серыми пятнами леса, на замысловатые – напоминающие полустертый магический орнамент – ленты скованных льдом рек и речушек. Все тайга, тайга: ни дорог, ни поселков, лишь прорезают ее через определенные интервалы тонюсенькие, уходящие в бесконечность линии – не то лесоустроительные, не то пожарозащитные просеки.

«Как параллели и меридианы на географической карте...» – подумала Лидия и, отвернувшись от иллюминатора, закрыла глаза.

Вскоре она задремала. Нет, даже не задремала, а, закочнев, погрузилась в состояние анабиоза. Пришло обманчивое безразличие к холоду, и она незаметно ушла в мир обрывочных – роящихся над тонкой гранью сна и сознания – грез попеременно с воспоминаниями...

Вот она будто бы сидит в актовом зале НИИ на научно-технической конференции и слушает доклады, некоторые подробно конспектирует. Она специально – и не без труда – пробилась на эту конференцию, чтобы выбрать тему для дипломной работы, а сейчас растерялась: одно сообщение интересней другого... И вдруг замечает молодого мужчину, который невозмутимо и увлеченно читает какую-то книгу. Непонятно почему, но время от времени ее взгляд возвращается к нему, и когда тот переворачивает очередную страницу, Лидия успевает разглядеть, что это стихи. Чудак какой-то! И тут он отрывается от книги, и взгляды их встречаются...

В перерыве он подходит к ней и, обращаясь как к старой знакомой, говорит:

– Что-то Вы, сударыня, слишком много записываете. Не иначе – студентка?

– А Вам, кажется, здесь совсем неинтересно? – парирует замечание незнакомца Лидия.

– Ни капельки не интересно, – признается тот, – потому, как все это – уже вчерашний день!..

После конференции они с Владимиром, так зовут ее нового знакомого, идут по вечернему проспекту к станции метро. Завтра Новый год по старому стилю, поэтому кажется, что Санкт-Петербург старательно приукрашивается накануне. Как по заказу: и подморозило, и сыплет крупный, словно конфетти, не тающий снег. От этой праздничной искристости и белоснежной чистоты настроение у Лидии тоже праздничное...

– Приезжайте на нашу озерную станцию, – убеждает Владимир, – и я гарантирую, что лучшей преддипломной практики Вам нигде не пройти. Во-первых, Камчатка – это... В общем, куда бы ни глянул, – сам себе говоришь, что такого в природе просто не бывает. Во-вторых, какие там замечательные ребята!.. А уж тему Вам подкинем – потянет не меньше, чем на кандидатскую! Если согласны, то я прямо завтра иду в деканат вашего Гидрометеорологического института и оставляю персональную заявку...

«Чудак, конечно, но уж очень необычный – не похожий ни на одного из знакомых парней!» – думает она, чувствуя, что впитывает, словно губка, каждое слово Владимира, и нет у нее ни малейшего желания мчаться в вагоне метро, а хочется идти медленно и неспешно по белоснежному асфальту до самого дома, слушая увлеченный рассказ о сказочном крае...

И вот она на Камчатке. Действительно, до самого возвращения не уставала восхищаться вулканами, гейзерами, невероятной природой. Вместо ожидаемой напряженной работы – вдруг увлекательный и довольно беззаботный отпуск. Только через месяц опомнилась и заикнулась, что пора собирать данные для дипломной работы, на что Владимир, как всегда шутливо, ответил: «Не забивайте, сударыня, свою красивую головку гнетущими мыслями – их потом оттуда мне архитрудно изгонять. Обещаю, что без малейшего умственного напряжения у Вас будет лучшая работа на курсе. Живите по принципу великого жизнелюба Козьмы Пруtkова: если хочешь быть счастливой – будь!» Но к концу второго месяца Владимир все же стал, как бы между делом,

подсовывать то сводную таблицу, то график, причем каждый раз с шутками, вроде:

– Это, возможно, недоступно женскому уму, но сие есть истина, рождающаяся, как известно, всегда как ересь, но умирающая уже как предрассудок.

Или:

– Сие, сударыня, в корне противоречит прослушанным Вами лекциям, но судить о чем бы то ни было следует, опираясь на разум, а не на общее мнение.

Хотя предлагалось все это как бы мимоходом, она понимала, что за каждым графиком, за каждым обобщением стоит либо огромная исследовательская работа, либо прозрение. Быстро и легко оформившаяся дипломная работа, вне всякого сомнения, претендовала на кандидатскую, поэтому Лидию вскоре начали терзать угрызения совести. В конце концов она не выдержала и заявила Владимиру:

– Да не могу я пользоваться таким материалом – слишком уж напоминает самый беспардонный плагиат. Тут же чья-то готовая диссертация!

В ответ Владимир рассмеялся и успокоил:

– Девочка моя, ты умнеешь не по дням, а по часам: тут действительно – диссертация! Но я могу прямо сейчас предложить тебе пять, десять таких разработок, потому что для меня это – вчерашний день, и я иду дальше. А ты сделаешь нужное дело, если приведешь мои черновики в маломальскую систему. Может, еще кто-то прочитает эту дипломную и учтет твои выкладки в своей работе. Поверь, это ты делаешь мне великое одолжение!..

И тотчас всплыла в памяти камеральная богиня – надменная и ослепительно красивая программистка Виктория. Она обрабатывала очередные данные для дипломной работы Лидии и вдруг – ни с того, ни с сего – холодно обронила:

– Везет некоторым. То есть даже представить себе не могут, как везет...

– Почему, я представляю, – отозвалась Лидия, понимая, что этот камешек в ее огород. – Прекрасно представляю, но я-то здесь поскольку постольку – Владимир Иванович сам на теме настоял.

– Да при чем здесь твоя тема!?! – Вика окидывает ее уничижительным взглядом. – И чем только взяла – не пойму?

– Что взяла? – Лидия никак не может сообразить, о чем идет разговор.

– Что ты дурочкой-то прикидываешься? Будто никто не видит, как он на тебя смотрит!

И тут последние месяцы как бы просвечиваются насквозь ярким прожектором: каждый прожитый здесь день, каждая встреча с Владимиром, каждое его, будто бы случайно сказанное, слово. «Боже, а ведь действительно – какая же я дура!..» – понимает она...

...Начинает давить на уши – значит, самолет уже снижается. Лидия встряхивает головой, пытаюсь согнать остатки дремоты, и тут же зябко кутается в шубу, сразу почувствовав холод! А мысли продолжают течь все в том же направлении...

Она тогда словно прозрела: ведь, что греха таить, приехала не только из-за дипломной работы, но и для того, чтобы еще раз увидеть запавшего в душу чудака, и радуется всему окружающему – каждой минуте, проведенной на станции, – потому именно, что рядом Владимир. И те мысли, которые она так старательно прятала в самую глубину подсознания – эти мысли тоже о нем...

Свое возвращение в институт она оттягивала до предела, даже подала телеграмму руководителю дипломного проектирования, что работа полностью готова и что она прилетит за две недели до защиты. И все равно времени не хватило – последние два дня они почти не выходили из комнаты Владимира: не могли расстаться друг с другом, заверяли, что умрут если не в день ее отъезда, то потом – обязательно, не выдержав двухнедельной разлуки. Лидия пообещала, что, сразу же после защиты вернется. И тогда Владимир признался, что со дня на день ожидает перевода на метеостанцию под Туруханском. И увлеченно, не вполне связно, заговорил о своем открытии, для проверки которого нужно непременно попасть туда – в центр Сибири. «Ну и пусть – она поедет и туда!»

И тогда, целуя Лидию, он поклялся, что примчится на ее защиту, и в Туруханск они полетят вместе... Но, вопреки обещанию, не появился, лишь прислал телеграмму: «Поздравляю уверенностью успехе тчк скучаю безумно». Лидия даже обиделась. И когда, прямо на защите, ей предложили аспирантуру – неожиданно для себя самой согласилась. А Владимир все не прилетал, лишь присылал длинные письма: сначала о том, что скоро опубликует сообщение об открытии, которое должно перевернуть мир и изменить направление развития цивилизации, а потом – с каждым разом все больше и восторженнее – о том, какое замечательное место эта

метеостанция, и что он теперь не представляет их жизни в каком-то ином месте. И в каждом письме звал к себе...

...Ан-24 шел на снижение над заснеженной и бесконечно-широкой, как показалось Лидии, рекой.

– Енисе-е-ей... – уважительно протянул сосед, глянув в иллюминатор, потом, словно бы поправляясь, уточнил: – Енисей-батюшка.

На трапе она замешкалась, ослепнув от бьющего в глаза яркого солнца и невероятной снежной белизны, – и тут же очутилась в руках коренастого крепыша в лохматой шапке и меховой куртке. Его красное, как у индейца, лицо хранило неизгладимый отпечаток величайшей доброжелательности и столь же безграничного жизнелюбия. «Самый настоящий, продубленный ветрами и морозами северянин», – с восхищением подумала она, даже не пытаясь высвободиться из крепких рук.

– Лида?! – то ли спрашивая, то ли утверждая, обратился тот. – Владимир Иванович попросил Вас встретить! Подходи, говорит, к самой красивой девушке – не ошибешься.

– А что с Володей? Что-нибудь случилось? – испугалась она.

– Все окей! Он ждет на метеостанции, а здесь Вас ожидает персональный вертолет. Подробности по пути. Вещи в багаже есть?

Выпалив все это без остановки, он осторожно поставил Лидию на ноги тут же, возле трапа, и ринулся внутрь самолета. На верхней ступеньке все же затормозил на секунду, ткнул себя пальцем в могучую грудь:

– Зовут Семеном!

«Почему же Владимир не встретил сам?.. – мучила себя одним и тем же вопросом Лидия. – Может, его отношение ко мне изменилось, ведь целый год прошел? Но письма, его письма...»

Со скрипом откинулся грузовой люк сбоку самолета, оттуда высунулся довольной жизнью и собой Семен, замахал рукой:

– Лида, что тут Ваше?

Отыскав сумку, он – округло-бесформенный в своих мехах и громадных собачьих унтах – довольно легко прыгнул вниз и, бросив коротко «За мной, славяне!», резво устремился к видневшемуся неподалеку бело-красному вертолету. Едва поспевая за Семеном, Лидия подумала, что своим воистину южным темпераментом он совсем не вписывается в нарисованный ею первоначальный образ и только экзотическим нарядом вполне соответствует «киношному»

бравому полярнику, переживающему перед съемочной камерой сезон лютых морозов. Последнее, правда, вызывало у нее черную зависть, потому как ее искусственную шубу и супермодные, по петербургским меркам, сапоги здешний мороз всерьез не воспринимал.

Помогая Лидии подняться по трапу в вертолет, Семен не уставал вдохновенно тараторить:

– Как поет Костя-остяк: самолета харашо, паракхота нечево, а вертолета лучше всево... И это правда: у нас же, как в столичном такси, – отправление немедленно по посадке, маршрут – строго по прямой, и точнехонько до получателя, к тому же с максимально возможным сервисом! На Севере первое пожелание пассажиру: «Мягкой посадки и недолгой отсидки»!

Через несколько минут закутанная с ног до головы в невероятных размеров собачью доху Лидия уже провожала взглядом уходящее вниз поле аэродрома. Дальше – хаотично разбросанные прямо среди леса домики. «Надо же, – почему-то удивилась она, – и здесь кто-то живет, работает. Морозы, безлюдье – все им нипочем. Вот такая наша бескрайняя страна: на юге еще загорают, на западе льют дожди, а здесь – уже глубокая зима...»

Вертолет прошел над крутым береговым обрывом, над рядом стоящих под ним рыбацких сараюшек-балков, над торосистым, отнюдь не кажущимся с небольшой высоты гладким льдом, потом над пологим противоположным берегом, густо поросшим кустарником. А дальше – только лесотундра, без конца и края...

Унылое однообразие ее Лидии тут же наскучило, и она стала думать о предстоящей встрече с Владимиром. Свидание это уже не представлялось таким счастливым, как прежде – внутри с каждой минутой разрасталась родившаяся на аэродроме обида. Не встретил, перепоручил какому-то суматошному краснокожему вертолетчику...

Неожиданно рядом появился Семен и, тыча пальцем вниз, закричал, перекрывая шум двигателя:

– Посмотри, лоси внизу! Ло-си!

Лидия прильнула к иллюминатору, но ничего не увидела, кроме все того же серого мелколесья с пятачками темно-зеленого, низкорослого пихтача.

– Сейчас Леха еще на один кру-уг зай-дет! – громко пообещал Семен.

Вертолет накренился, стал разворачиваться, одновременно снижаясь. И тогда она увидела трех лосей: массивного, несуразно мощного в холке горбоносого быка и двух поменьше, поизящнее – самок. Вертолет пронесся в сотне метров над головами животных, но когда Лидия снова смогла увидеть их – лоси стояли в тех же позах.

– Не бояться, черти! – восхищенно крикнул Семен. – Их тут, кроме нас, никто не беспокоит – проклятое место. Так и пасутся возле метеостанции!

– Проклятое? – переспросила Лидия, подумав, что ослышалась.

– Охотники так говорят! – Семен наклонился к самому ее уху. – Костя-остяк хотел еще в самом начале, после открытия станции, в гости заехать, так у него «Буран» заглох. Километрах в пяти. Пошел дальше пешком – собака упирается, воеет. А для него собака дороже жены – одну ни за что не оставит. Только «Буран» развернул – завелся, как часы. Он к метеостанции – глохнет. Шибко плохое, говорит, проклятое место...

– Второй Бермудский треугольник!? – Лидия рассмеялась.

– Бермудский не Бермудский, но что-то там определенно есть! Мы тоже будем в стороне садиться, хотя возле дома посадочная площадка расчищена. Пару раз пытались – на подлете двигатель начинает перебои давать. Того и гляди, гробанешься! Мы, вертолетчики, народ не менее суеверный, чем остяки!..

– А когда площадку делали – не знали про аномалию!? – ехидно спросила Лидия, уверенная, что Семен над ней подшучивает. – Техника не глохла?..

– Да кто ж мог знать – там прежде никто и не жил, – сказал Семен и, видимо, устав кричать, махнул рукой и удалился в кабину.

Вертолет резко нырнул вниз. Лидия поискала глазами, но ни малейшего намека на метеостанцию не увидела – лишь большая заснеженная поляна внизу, окруженная кольцом густого пихтача.

Вынырнув из теплого тулупа, она перебралась к противоположным иллюминаторам – но рассмотреть толком метеостанцию уже не успела: и дом, и разноцветные будки-ульи скрылись за кромкой леса, лишь высокая мачта радиостанции видна была еще несколько секунд, пока пилот приноравливался для посадки.

Как только двигатель смолк, Семен вновь очутился рядом и сразу же задал вопрос, видимо, с самого начала мучавший его:

– А что, Вы Владимиру Ивановичу в самом деле невеста?

– Пожалуй... – ответила Лидия не совсем уверенно.

– Сейчас он примчится – с метеостанции вертолет и слышали, и видели. А мы дальше полетим, потому как Вы числитесь всего лишь в качестве дополнительного метеорологического оборудования для Владимира Ивановича. Ну а метеоролог он, я Вам скажу!.. Бог! Или шаман?! Буран лютует, а он по радиации вызывает и говорит, что погоду гарантирует. И что бы Вы думали – тут же солнце по всему маршруту! За полгода ни одной осечки. А до него тут один работал... Что ни пообещает – все наоборот! Как в анекдоте: мол, ваши незначительные осадки сутки всей семьей выкачивали из подвала...

Лидия вполуха слушала местные байки и ощущала, как растет в ней и без того не оставлявшее весь долгий день волнение: будто все в их отношениях с Владимиром должно сегодня начаться сначала, а будущее, как и тогда, в их первую встречу, – зыбко и неопределенно. Действительно, все будет зависеть от первого слова, от первого взгляда. Может быть, этим же вертолетом она улетит назад?.. Что-то уже сейчас начало ее разочаровывать. Ощущение неясной опасности, родившееся из прежних страхов, впервые коснулось сердца острыми коготками...

Поймав вопросительный взгляд Семена, она спросила первое, что пришло на ум:

– У Владимира Ивановича здесь, наверное, много друзей?

– Да я бы не сказал. Мужик он действительно мировой, но живут они с Максимом на станции, как отшельники. Гостей здесь практически не бывает, да им и взяться неоткуда, сами тоже – никуда. Ну, мы иногда прилетаем, да и то загашиваться некогда: наше дело – продукты, оборудование разгрузил и айда назад. Еще Костя-остяк иногда для обмена рыбу привозит... Ну, еще весной – все больше гусей, а осенью – оленину, глухарей доставит... Но из-за суеверия своего товарообмен прямо тут, на площадке, производит, дальше ни-ни – проклятое, говорит, место!

Из-за пихтача вынырнул синий юркий снегоход и, вздымая позади себя шлейф снега, устремился к вертолету.

– Во, Владимир Иванович! – обрадовался Семен. – Я же говорил, что пулей примчится! Лично я бы ни в жисть Камчатку на эту лесотундру не променял. А Вы, я слыхал, вообще – из Санкт-Петербурга? Как декабристка...

Но Лидия уже его не слушала, скатываясь по ступенькам прямо в объятия Владимира. Он подхватил ее, закружил в восторженном танце. И Лидия, сразу забыв обо всех своих сомнениях, зажмурила глаза и летела, летела куда-то, счастливая и безвольная. Потом ощутила на своих губах его жаркое дыхание, а под ногами спасительную твердь земли – и бешено колотящееся сердце остановилось...

«Конечно же, я останусь здесь, я останусь с ним – наплевать на аспирантуру, наплевать даже на любимый Санкт-Петербург». Она прижалась щекой к его пахнущему морозом и бензиновой гарью полущубку и почувствовала, как слезы безграничной радости хлынули из глаз...

Обхватив Владимира сзади и прижавшись лицом к его спине, Лидия ничего не видела вокруг. Когда буквально влетела с мороза в спасительное тепло дома, то первое, что бросилось в глаза, – это заставленный яствами стол.

– Однако вы живете... – невольно вырвалось у нее.

– Красиво жить не запретишь, – отозвался расположившийся на диване в вальяжной позе светловолосый парень. Отложив в сторону гитару, он с ленивой медлительностью распрямил свое почти двухметровое тело и представился: – Макс. Но не Маркс! И лучше бы без фамильярностей, а сразу на ты.

Потом было богатое сибирское застолье: шампанское, коньяк, закуски домашнего приготовления, всевозможная рыба – и непринужденная беседа вперемежку с песнями под гитару. Лидии нравилось все: и тающая во рту строганина из мороженой нельмы, которую она пробовала впервые, и нежная, отдающая дымком копченая осетрина, и заледевшая – прямо с мороза – клюква. И то нравилось, как Макс исполняет старинные романсы, и как смотрит на нее Владимир. Не столько от выпитого, сколько от переполняющей радости, кружилась голова, а сердце сладко замирало от одной только мысли, что этот вечер скоро закончится, и они с Владимиром наконец окажутся вдвоем...

Взявший на себя роль тамады, Макс неспешно произносил остроумные тосты и внимательно следил, чтобы все после этого выпили. Если не брал в руки гитару, тут же снова наполнял бокалы доверху – и начинал следующий тост-притчу:

– Я, как приехал на Север, в первый вечер гостевал у Кости-остяка. На столе было почти то же, что и сейчас, а в центре то-

о-ненько нарезанная колбаса. Я, конечно, сразу же и от души на нельму да на осетрину налег. Когда стали прощаться, Костя – а он мужик бесхитростный – мне и говорит: «Ты, Максима, в гости часто ходи. Ты шибко хороший гость: колбасу не ел, водка совсем маленько пил...» Полосетра, что я съел, – для него не в счет! А то, что мне колбаса в городе осточертела, откуда ему знать... И что под такую закуску водку пить – только зря добро переводить... Вот я и предлагаю тост за то, чтобы пить нам в жизни только коньяк, а закусывать исключительно икрой, причем отнюдь не кабачковой! Кушай, Лидочка, строганину – и, уверяю, тебя никакой алкоголь не возьмет! Как говаривал один мой любимый юморист, «алкоголь малыми дозами безвреден в любом количестве»...

– Что-то сам ты не следуешь столь разумным рекомендациям, – заметила Лидия, видя, что Макс почти ничего не ест и хмелеет на глазах.

– Лично у меня другой принцип, – Макс как-то неожиданно пьяно расхохотался. – Зачем было впустую спиртное переводить, если с застолья трезвым уходишь?

– А вообще-то, чем вы здесь время занимаете, чтобы не заскучать? – поинтересовалась Лидия.

– Вообще-то, вроде как работаем... – ответил Макс, сооротив простовато-недоуменную гримасу.

– Ну, а после работы?

– А после работы немного отдохнем – и поскорее снова за работу, – вставил Владимир, подмигнув Максу.

– Ладно, – она рассмеялась, – сформулируем вопрос конкретней: в чем заключается ваша работа после того, как текущая информация обработана и передана?

– У нас здесь давнишний уговор, – Макс погрозил пальцем, – когда вот так отдыхаем, то о работе ни слова.

– Уговор, так уговор, – легко согласилась Лидия. – Тогда подведем предварительные итоги: за встречу и за гостью – то бишь за меня – тосты были, посему предлагаю самый последний: «За хозяев!» И оставшиеся бутылки убираем подальше. Да, еще за этот гостеприимный дом, который вы, должно быть, сами строили?

– Нет, нет! – Макс хмельно отмахнулся. – Чего не дано, того не дано! Как говорится: «Богу – богово, кесарю – кесарево». А нам все готовенькое привезли: где-то собрали, потом аккуратненько разобрали и здесь заново возвели. Местные собирали, а так как

место у них пользуется славой дурной, то, естественно, шибко торопились. Так что кое-что потом самим доделывать пришлось...

– А место это я выбрал, – дополнил Владимир. – Старая метеоплощадка крайне неудачно была расположена – в низине, а тут и пригорок, и озерцо по соседству... В общем: глянул вокруг – и понял, что хочу жить и работать именно здесь!

– Еще бы: на одном подножном корме можно жить: и клюква, и брусника, и грибов не меряно. А в озере рыбы – как в аквариуме! А охота!.. – Макс энергично разводил руками, показывая размеры рыбы и дичи. – Как говорит Костя-остяк, маленько фарт имеем.

– Этот Костя-остяк – прямо-таки легендарная личность! – заметила Лидия. – Все о нем только и говорят.

– Костя – это челове-е-ек. И собака у него – зве-ерь! Едут на «Буране»: впереди он, позади на сидении – собака, лапы на Костиных плечах лежат. Куда там цирку!.. – Макс взглянул на Лидию затуманившимися глазами и вдруг, ни с того ни с сего, грустно произнес: – Гляжу я на тебя, Лидочка, и чувствую, что мысли мои сейчас только о женитьбе. Из своего великого города с печально-областной судьбой привези ты мне невесту. Непременно красивую, можно даже очень – потому как здесь все равно отбивать некому. И чтобы непременно умела рыбу и грибы солить, пироги печь, песни грустные петь... Но, главное, чтобы не умнее меня была, а то от комплекса неполноценности запью по-черному.

– Слишком много условий, – Лидия рассмеялась

– Тогда вези любую, какая согласится. И пусть будет чуть посимпатичнее мартышки. Еще Сократ говорил своим ученикам: «Женитесь, не задумываясь: достанется хорошая жена – превратитесь в счастливых семьянинов, попадется плохая – станете истинными философами».

– Не ты ли мне еще утром глаголеи, будто так хорошо одному, что не стоит делать жизнь еще лучше? – Владимир похлопал Макса по плечу. – Ладно, на сегодня – хорош, а завтра... нет, послезавтра устроим семейный пикничок на берегу озера. А это, сударыня, – он взглянул на Лидию, – такое место, скажу я Вам!.. Обалдеете!

– Ладно, я удаляюсь почивать. Буду обнимать ту, что приснится, – забрав гитару, Макс направился в свою комнату, но в дверях остановился и на прощание дурашливо пропел:

Цели нет определенной,
Но пузырь тоски зеленой

Мы раздавим под огурчик,
Под соле-е-ный...

Все, наконец-то они с Владимиром остались вдвоем...

* * *

Довольно большое озеро правильной овальной формой и белыми заснеженными склонами напомнило Лидии фаянсовую селедочницу. Густое мелколесье окружало его со всех сторон, но на ровных и довольно пологих откосах – почему-то ни дерева, ни кустика.

– Это и есть мое девятое чудо света, – сказал Владимир, сделав несколько шагов вниз по склону.

Лидии подумалось, что «чудо света» чересчур уж напоминает искусственное водохранилище, и еще удивило, что половина озера оставалась не замерзшей – и это несмотря на державшийся последние дни тридцатиградусный мороз. Может, потому, что из-под снега, прямо меж корней деревьев, сбегал вниз ручей? Откуда он, обманувший снег, мороз и саму зиму, может брать свое начало?

– Да-а... Интересное место, – согласилась она. – Но раз это девятое чудо, где же восьмое?

– Восьмое чудо света – это, конечно же, ты! Тебя я открыл раньше... Кстати, как и тебя, эту жемчужину природы я нашел в первый же день после приезда: решил пройтись на лыжах – и заблудился, – Владимир вскинул руку в направлении Лидии и застыл в позе указующей скульптуры. – Необъяснимая сила, подобно путеводному компасу, каждый раз вела меня к заветной цели...

– А мне почему-то казалось, что это я тебя старательно манила, подобно коварной сирене. Признайся, что на компас ты и не взглянул?

Они рассмеялись и, взявшись за руки, сбегали вниз по едва заметной тропинке, ведущей вдоль ручья. Прозрачная, почти невидимая вода неприметно струилась поверх мелкой бирюзовой гальки и лишь кое-где искрящимися на солнце водопадами перекатывалась через покрытые изумрудно-зеленым мхом камни. На присыпанном девственно-белым снегом склоне ручей этот выглядел как-то уж чересчур, по-бутафорски, живописно.

– Слишком уж тут хорошо. И тепло, – сказала Лидия, отдышавшись. – Словно в ином мире...

– Ну и слава Богу! – произнес Владимир и облегченно, как ей показалось, вздохнул. – Значит, ты из нашей компании. А то приедем новичкам тут почему-то плохо становится.

– В каком смысле плохо?

– В прямом, – отозвался идущий позади Макс. – Тут ко мне сестра приезжала, так у нее, ни с того ни с сего, страшно голова разболелась, а у главного метеоролога, что из управления с ревизией прилетал, вот на этом самом месте микроинфаркт случился.

– Может, радиация? Вон и ручей не замерзает... – Лидия от такого предположения даже остановилась.

– Мы тут каких только замеров не делали: и на радиацию, и на химанализ, и даже на гравитацию и электромагнитные поля. Ничегошеньки! Прямо загадка природы. А на отдельных индивидуумах, – Макс рассмеялся, – как раз наоборот – очень даже плодотворно действует: и в труде, и в любви!

– А вот и врата Рая! – напыщенно, будто со сцены театра, произнес Владимир и остановился, так что идущая следом Лидия чуть не уткнулась носом в его спину.

Каменная, чуть выше человеческого роста отвесная стена блестела, словно полированная. Она как бы специально отгораживала небольшую треугольную площадку там, где ручей вливался в озеро. Всю площадку затянул зеленый и пружинящий, словно ворсистый палас, моховой покров. На плоском камне со словно бы специально сделанной посередине выемкой – кострище. Лидия тут же поймала себя на мысли, что ей хочется упасть на эту манящую природную постель и лежать долго-долго, никуда не спеша, ни чем не думая...

– Как говорится, не верь глазам своим! – воскликнул вдруг Владимир удивленно. – Но мне всегда казалось, что здесь могут улечься только двое, а сейчас прикидываю, что и трое вполне комфортно разместятся...

– Привезете мне невесту, так и на четверых места хватит, – сказал Макс и расхохотался.

По этому беспричинному смеху и по слишком громкому голосу Лидия вдруг поняла, что Макс уже успел выпить. Похоже, это было его обычное состояние.

Владимир, влекомый рыбацким азартом, не теряя времени, уже раздвинул складное удилище и торопливо привязывал

мушку-обманку. Макс же, вытряхнув из рюкзака ровно наколотые березовые полешки, стал охотничьим ножом от одного из них щепать лучину для разжигания костра. По его размашистым и не совсем уверенным движениям Лидия еще раз заключила, что Макс «на взводе», причем основательно.

«Словно алкаш – пьет с утра и в одиночку, – подумала она с раздражением. – Что же Владимир его не одернет?»

Неприятное открытие так поразило ее, что настроение сразу ухудшилось. Решив, что возле костра ей пока делать нечего, Лидия отправилась прогуляться вдоль странного озера. Перебираясь через мелкий ручей по мшистым камням, она наклонилась и зачерпнула рукой горсть голубоватых камешков. Поднесла к глазам – и удивилась их похожести, одинаковости. Более того, они словно бы изготовлены были по двум стандартам: голубые – по форме напоминали кристаллы с правильными гранями, белые же – в форме пуговицы или скорее даже монетки. Геометрически слишком правильные, слишком одинаковые... Что-то в этой схожести, в этой завершенности ей не нравилось.

Возле самого ручья, за границей мха, по-летнему зеленела полоска низкорослой травы, которая дальше, вдоль кромки озерной воды, топорщилась серым будылем. Выше по склону из снежной крупы уже торчали лишь отдельные былинки, а еще дальше – не затронутое ни ветром, ни звериным следом снежное покрывало.

Чем дальше уходила она от ручья, тем глубже становился снег: вот он доходит до середины голенища, вот уже – до верха сапог. Но зато и кромка льда, сковавшего почему-то лишь половину озера, тоже все ближе. Там, за границей странно задержавшейся осени, законно хозяйничает зима... А ведь действительно, возле ручья было совсем тепло, а здесь мороз уже легонько щиплет щеки, покусывает кончики пальцев сквозь тонкие шерстяные перчатки – особенно ту, в которой зажаты камешки. Размахнувшись, Лидия швырнула их в воду – прямо туда, где закуржавела кромка льда. Проследила взглядом за цепочкой фонтанчиков-всплесков и повернула назад.

Пока аккуратно ступала в старые свои следы, какая-то неясная мысль не давала ей покоя. Лидия пыталась вспомнить – что же ее опять насторожило? Перед глазами возникла ледяная кромка, фонтанчики воды на месте падения камешков, круги на воде... Круги! Дальние не были кругами – они расходились только в одну

сторону, а полоска воды вдоль льда так и оставалась неподвижной. Но ведь так в природе не бывает!..

Когда схлынуло секундное замешательство, Лидия со страхом огляделась, боясь увидеть еще что-нибудь непонятное, ранее незамеченное. Нет, все по-старому, и времени прошло совсем немного: Макс все так же сидит на корточках возле воды и чистит картошку для ухи, Владимир вываживает согнувшейся в дугу удочкой бешено рвущуюся рыбу. Ничего не изменилось, во всяком случае внешне... Кроме ее самой.

Никто не обращал на Лидию внимания, и она, набрав побольше странных камешков, снова пошла туда. На сей раз стала бросать по одному – все дальше и дальше. Слабо булькнув, они вздымали фонтанчик брызг – разбегались концентрические круги, которые, удаляясь от центра, постепенно теряли свою выпуклость и правильную форму. Но когда всплески стали приближаться к ледяной кромке, геометрия кругов начала изменяться: волна как бы натывалась на невидимую преграду и, даже не отразившись, пропадала.

Когда очередной фонтанчик поднялся в паре метров ото льда, то на воде родилось полукружье, расходящееся лишь в направлении берега. Замирая от предчувствия чего-то ужасного, она тем не менее продолжала свой эксперимент.

Очередной камешек упал, должно быть, на лед? Лидия поискала его глазами – не нашла и швырнула следующий, который тоже исчез. То же случилось и с третьим, и с четвертым. Пятый, брошенный немного ближе, нарисовал все ту же половинку круга.

Отказываясь верить, она бросала еще и еще... Какая-то невидимая и необъяснимая граница делила озеро на две части. Убеждая себя, Лидия твердила, что этого не может быть – потому что этого не может быть никогда! Если только... Вот именно: если только там не проходила граница какого-то иного измерения? Существуют же и неопознанные летающие объекты, и неземные гуманоиды из летающих тарелок... Это могло хотя бы чуть-чуть объяснить случившееся – но ведь там, снаружи, земное небо, знакомые деревья в снегу, там сибирская зима, в конце концов... А это значит, что именно они трое находятся сейчас в нереальном чужом измерении!

Назад к костру Лидия почти бежала: скорее, скорее – к людям... То, что она увидела, не может являться произведением природы –

это явно нездешнее, неземное: и противоестественная красивость, и то, что озеро не замерзает в морозы, и камешки, будто сошедшие с конвейера...

Ее опять поразило, что возле костра ничего не изменилось: кипела вода в котелке, дым поднимался вертикально вверх, дремал, привалившись спиной к скале, Макс, а Владимир вытаскивал на берег очередную добычу – на лице восторг, охотничий азарт...

Ей же абсолютно все теперь виделось чуждым, ненастоящим. И даже когда торопливо перебиралась по камням через ручей, показалось на миг, что струи свиваются в правильный геометрический орнамент. Кинулась к Владимиру, еще не зная, что скажет, и осеклась, увидев, как удивленно вытягивается его лицо.

– Лида, что-то случилось? С тобой?..

– Нет, со всеми нами! – почти закричала она. – Надо скорее отсюда уходить!

– Да что произошло?! – в глазах Владимира испуг.

– Я не знаю! Но это место страшное – оно в каком-то ином измерении...

– Ну, начинается, – Владимир облегченно улыбнулся. – И ты туда же! Отвыкла за год от настоящей природы. Да мы здесь с Максом через день бываем – и все нормально, и ничего с нами не делается. А расслабляемся так, как ни на каком курорте не отдохнешь...

Его слова словно открыли Лидии глаза.

– Конечно, ведь это место специально создано для отдыха, и все здесь именно для этого приспособлено. Ты же сам говорил, что места едва хватало для двоих, а теперь – уже и для троих. Не могла же площадка расшириться сама?!

– Ладно, иди к костру, – Владимир успокаивающе погладил ее по плечу. – Я еще парочку муксунов поймаю и потом все твои доводы разведу в пух и прах. А то от Ваших испуганных глаз, сударыня, меня даже в жар бросило!

Он скинул куртку и остался в одной рубашке, а Лидия не то чтобы совсем поверила, но к костру все-таки пошла – ровный голос Владимира внушил некоторое успокоение.

Макс дремал. Лидия еще раз внимательно осмотрела площадку. Место посидеть, место для костра, место, где удобно зачерпнуть из озера воду... Подняла мох – скала под ним оказалась не блестящей, а шероховатой, серостью своей напоминающей бетон. Что же,

это все – искусственное?.. И почему тогда Владимир с Максом не замечают? Может, находятся под гипнозом? А она? Не потому ли с самого начала она насторожилась, что, в силу своего характера, не любит завершенности, не любит сухого рационализма?.. Конечно же, она просто-напросто взглянула на это озеро под иным, чем у них, углом зрения!

Она нашла глазами на берегу Владимира – и даже вздрогнула: в лучах низкого солнца всю его фигуру облегал голубой полупрозрачный скафандр. Именно скафандр – угадывалась даже застежка-молния на спине. «А может, и не голубой вовсе, – мысленно поправила себя она, – просто оттеняет его голубая рубашка?»

Лидия отвела взгляд, опустила его – и встретилась с почти трезвыми, внимательными глазами Макса.

– Все увидела? – спросил он тихо. – По лицу вижу, что увидела. Я тоже какое-то время сомневался, но две замеченные случайности – это уже явление, а потом все больше и больше – как лавина...

– А ты давно узнал... об этом? – спросила в свою очередь Лидия.

– В общем-то, не очень. С месяц... или два.

– И что все это означает?

– Подозреваю, что райский уголок, созданный кем-то для двоих мыслящих. Не оставляя одинокими, охраняют наше одиночество...

– Но кто его сделал? Зачем? – Лидия вдруг почувствовала, что вместе с приходящей ясностью внутри растет возмущение и злость.

– Ну, этот вопрос и для меня остается открытым. Если придерживаться основополагающей концепции любезного Владимира Ивановича, к которой, кстати, я тоже все больше склоняюсь, то наша Земля в космическом мире является мыслящим образованием...

– Это уже было у Герберта Уэллса! – Лидия разозлилась, подумав, что Макс, как обычно, начинает ее разыгрывать. – Называется, по-моему, «И вздрогнет Земля...»

– Я не говорю живая, я говорю – мыслящая, – продолжил Макс, не обращая внимания на ее реакцию. – Никого же не удивляет, что металлы запоминают приданную форму, а кристаллы хранят информацию с древнейших времен?.. А знаешь, чем мыслящее неживое отличается от живого?

– По-моему, жуткой фантазией – как у тебя!

Лидия уже полностью пришла в себя и слушала этот, как ей казалось, пьяный треп с раздражением.

– Именно. Фантазия – это присуще только хомо сапиенсу. Неживое не может, например, любить...

– Я думала, ты говоришь серьезно! – опять вышла из себя Лидия, – А ты юродствуешь, как всегда...

– Извини – увлекся, – Макс даже не обиделся. – Говорю серьезно: живое совершенствуется в миллионы раз быстрее. И вот представь, что у мыслящей планеты не остается времени на совершенствование – допустим, близится катастрофа или еще какая заморочка... Что ей остается?

– И что же ей остается? – переспросила Лидия, все еще сомневаясь, всерьез говорит Макс или разыгрывает. – Срочно стать живой?

– Тепло. Вот только превращение из неорганической материи в органическую происходит за миллионы лет. Допустим, такой срок не отпущен – и тогда проще создать еди-и-ный организм. Именно так – не по велению Божьему, а по насущной необходимости появилась на Земле органическая жизнь...

– Ну, положим, есть и другие мнения, – Лидия, видя, что ничего необычного больше не происходит и Владимир с Максом не ощущают ни малейшего дискомфорта, немного расслабилась. – Но, во-первых, ты уклоняешься от темы, а, во-вторых, не дождавшись толкового разъяснения, я бы хотела слышать, по крайней мере, доказательства к вашим теориям.

– А Владимир Иванович буквально в каждой своей работе приводит доказательства! Почитай... И вся природа нужна была только для того, чтобы создать условия для существования человека. Потому как только «человек мыслящий», заботясь о сохранении своей, прошу прощения, задницы, обязан спасти ту планету, на которой живет. Логично?..

– Логично-то логично, но на великое открытие, по-моему, не тянет.

– Ну, это теоретические предпосылки, а суть в практическом подходе: как у любого мыслящего существа или образования – это уж как тебе больше нравится – у планеты должны быть организующие центры. Логично? Обеспечения или того же управления – неважно, как назвать... Магнитное поле, биосфера, погода... И если меня, с моим развитым мыслительным аппаратом, поместить в такую точку, я как бы начинаю воздействовать на волю планеты... Это вроде замены допотопного арифмометра компьютером последнего поколения.

– Говоришь долго и красиво, но непонятно о чем. Какие тут могут существовать доказательства?

– В том-то и дело, что существуют. Возьмем нашу метеостанцию, которая находится как раз в одной из таких – причем многочисленных – точек: у нас с Владимиром хорошее настроение – погода классная, настроение портится – бац, погода тоже!..

– А если наоборот – ваше настроение зависит от капризов погоды?..

– Тут все перере... перепроверено, – Макс зевнул. – Допустим, начинается пурга – а мы специально вызываем вертолет. В ожидании его настроение поднимается – и, пожалуйста, через полчаса ясная погода. Именно от метеостанции до Туруханска. И ни одной осечки!

– Не очень-то убедительно...

– Ну, один глупец может задать такой вопрос, на который десять мудрецов не ответят... – сказал Макс раздраженно. Похоже, ему эта беседа уже наскучила.

Случайно бросив взгляд на берег, Лидия увидела, что Владимир собирает удилище, и поспешно спросила:

– А он?.. Он тоже знает, что все здесь ненастоящее?

– Владимир – гений, посему, как все великие, не от мира сего. Я пытался пару раз поговорить – но он лишь посмеивается да крутит пальцем возле виска: мол, полный чайник молчит, наполовину пустой – шумит... Слушай, а может, у тебя получится?.. Я-то понял, что нам по своей воле отсюда не вырваться никогда, потому и пью... А ты, девочка, если сможешь – беги и не оглядываясь! Блажен, кто знает сладострастие высоких мыслей и стихов...

Макс устало закрыл разом помутневшие глаза и бессильно откинулся спиной на скалу. И Лидия вдруг тоже почувствовала, что теряет силы, теряет сознание...

* * *

...Рядом полные ужаса глаза Владимира, его срывающийся голос:

– Что случилось? Тебе плохо?

– Мне плохо... Потому что ты ничего... вокруг не видишь. И не веришь мне... Все кругом искусственное, а тобой просто управляют, как марионеткой...

– Выбрось эту чушь из головы, – снова начал уговаривать Владимир. – Я понимаю, у каждого свой пунктик, но у тебя, по-моему, перебор... Ну, пусть моя жизнь предопределена, как и твоя, между прочим, пусть даже кто-то ведет меня. Тогда он очень хорошо знает мои потребности и свое дело. Ведь мы с тобой тоже встретились не случайно!..

– На тебя даже скафандр надели...

– Где ты его увидела?

– Там, на берегу.

– Ну и пусть! Но это вовсе не скафандр – это моя аура. Ты ведь читала, что такое аура? Она и у тебя есть. Если мы их потеряем, то погибнем, потому что перестанем быть составляющей нашего замечательного мира. И ты красива, потому что совершенна, и это озеро... Сейчас мы пойдем на метеостанцию, и ты отдохнешь, успокоишься.

– Совершенство не в максимальной приспособленности природы к человеку. Сними свой скафандр и пошли наверх – там настоящая красота, а здесь эрзац!

– Если ты этого хочешь, пожалуйста... Только успокойся.

Невесомый голубой комбинезон удивительно легко сполз, и Лидия с сожалением подумала, что Владимир слишком легко одет для прогулки: джинсы и голубая рубашка в мелкую клетку – куртка осталась там, на берегу. Но в ней жила уверенность, что именно сейчас ей отступать нельзя. С радостным чувством свободы она беспрепятственно поднималась вверх по склону. Было удивительно тихо, мягкий и чистый снег искрился в греющих почти по-весеннему лучах солнца, стайка ярко окрашенных птиц вспорхнула из-под самых ног...

Словно страхась своей свободы, Владимир вдруг замер, оглянулся назад, но Лидия, взяв его под руку, повлекла дальше. От полузабытого ощущения независимости хотелось петь, танцевать, дурачиться. Она случайно взглянула под ноги и увидела, что позади остаются ярко-красные следы. Ягоды... Брусника! Под снегом спелая брусника! Они с Владимиром стали рвать твердые бордовые горошины, горстями заталкивали их в рот, хохотали, глядя друг на друга.

До чего вкусны, до чего ароматны переспелые ягоды, вот только зеленые и глянцево-твердые листочки, словно маленькие ножички, царапают, режут кожу пальцев. И почему-то пятна

от раздавленных ягод так сильно напоминают кровь! А лицо у Владимира все сильнее белеет, и снег на волосах больше не тает – смерзается коркой...

И тогда Лидия до жути пугается, что он сейчас замерзнет в своей слишком легкой одежде. Ей так не хочется возвращаться, но Владимиру все хуже – лицо приобрело уже страшный синюшный оттенок. И обреченно она поворачивает назад – из царства зимы и снега в комфортный, благоустроенный мир. Скорее, скорее – они уже не просто спускаются по склону, а катятся по снегу вниз. Там Владимиру ничего не угрожает, там он снова станет здоровым и жизнерадостным! Но почему же тогда колючий комок растет в горле, а слезы набухают в глазах? Это потому, что она сдалась, она подчинилась...

* * *

И снова наполненные страхом глаза Владимира.

– Тебе лучше? Как же ты меня напугала...

– Ты выздоровел? Я вижу – ты выздоровел...

– Да уж я-то забыл, когда и болел в последний раз! А вот у тебя, сударыня, температура. Мы с Максом по очереди несли. Бегом... Слава Богу, что все обошлось!

– Но мы ведь рвали бруснику из-под снега?

– Далась тебе эта брусника! Ты и в бреду все время про нее.

– Покажи руки.

Владимир недоуменно пожал плечами и показал ладони.

– А откуда... эти порезы?

– Наверное, когда рыбу чистил?..

– А это пятнышко на манжете?

– Похоже на какой-то сок...

– Ты ничего не помнишь... Ни-че-го...

* * *

Лидия находила глазами разбросанные в самых неожиданных местах свои вещи и складывала их в сумку. Владимир, стоя возле окна, неотрывно следил за ней, и в преданном этом взгляде недоумение было смешано с надеждой.

– Объясни же мне, наконец, что произошло? Чем я тебя так обидел?

– Вы оба хороши. Макс такой еще молодой, но эта его бесконечная пьянка при твоём попустительстве...

– Ну, во-первых, ему уже сорок, как и мне. Все как-то не решался тебе сказать о возрасте... Тебя это сильно пугает?

– Теперь уже меньше всего. Да я это к тому же давно подсознательно чувствовала. Здесь происходят вещи пострашнее...

– Это всего лишь твои домыслы. А Макс в состоянии, так сказать, легкого подпития путешествует сознанием в иных цивилизациях. Тебя же не пугает медитация, хотя в ней тоже много необъяснимого?

– Это что же, он таким образом развлекается?

– А если скажем так: работает. Ведь там другие разумные существа, другие отношения. А потом он эти чужие знания систематизирует и записывает. Куда там современным фантастам! За одну лишь Максову запись любой из них отдал бы все!

– А ты? Ты тоже путешествуешь?

– Но я не встречаюсь с другими сапиенсами. Я перемещаюсь только во сне и вижу почему-то лишь пространственные неорганические формы: внутримолекулярные или глобальные космические. Зачастую непонятные. И каждое мое путешествие – всего лишь попытка разгадки чего-то. Иногда удается – иногда нет. Тот невидимый разум, который отвечает на мои вопросы, просто не в силах мне все объяснить, как невозможно растолковать питекантропу устройство телевизора...

– Макс говорил только о воздействии на погоду.

– Он не хотел тебя пугать. Метеорология – это как бы побочный эффект. Правда, не знаю – лишь в этой точке Земли или и в других тоже.

– Допустим, все так, хотя не очень-то верится. Но где же тогда ваши с Максом глобальные открытия?

– Ну, положим, открытий недостаточно, но они пока не очень значимы, потому что именно сейчас происходит переход количества в качество. И зреет, поверь мне, нечто глобальное!

– Допустим. Хотя и в это я не очень верю. Похоже, тебя манят чем-то неведомым, а на самом деле просто-напросто держат под колпаком, чтобы не просочилась малозначащая, по твоим словам, информация. Примером тому моя безуспешная попытка увести тебя отсюда. Я говорю о бруснике...

– Опять ты о ней... – Владимир хотел еще что-то добавить, но, спохватившись, прикусил язык. – Это был просто сон.

– Какой там сон, – возразила Лидия, – если и у тебя, и у меня листьями пальцы изрезаны.

– Здесь бывают странные сны. Макса во сне на другой планете цапнула какая-то тварь – так утром шрам на полруки. А к вечеру только рубец остался...

– Это парапсихология, я про такое читала. Когда Горький писал сцену убийства в «Деле Артамоновых», то у него тоже появился шрам, он еще жаловался жене: «Ты не представляешь, как это больно – ножом в печень!»

– Послушай, тебя невозможно ни в чем убедить, – удивился Владимир. – К каждой моей фразе ты относишься с предубеждением. Ты что, нарочно противоречишь или уже ненавидишь меня?

– Не говори ерунды. Просто до последнего времени мне казалось, что ты сильный, что ты все можешь... – Лидия говорила, а сама боялась заплакать.

– И чем же я Вас, сударыня, разочаровал?

– Я думала, что это и так понятно. Высокие фразы, как ты любишь повторять, не для женского ума, но я скажу – жить надо через «не могу». Больно, страшно, один закрывает глаза и плывет по течению – все равно куда-нибудь принесет, а другой напряжется так, что кровь из-под ногтей брызнет – и против течения, против судьбы.

– Красиво, но это что же: рекорд во имя спортивного интереса? И какое отношение сказанное имеет ко мне?

– Может, и рекорд! Потому что слабые ни за что не выплывут, им главное – чтобы их не трогали, а кто сумеет, только тот и вправе говорить: «Я – ученый! Я – мужчина!»

– Да все это слова: и о праве, и о мужском достоинстве. Даже не ты их придумала – а только повторяешь. Как раз слабаки-то и лезут в горы, накачивают мускулы на тренажерах, потому что у них больше нет ничего за душой – это для них единственный способ самоутвердиться. А я тем временем спокойно делаю свое дело, которое им, как ни накачиваются, все равно не по силам. Нет у меня времени на авантюры! Понимаешь, нет?!..

– Я не о том! Я, наверное, неправильно объяснила... Просто в науке нужна не только железная воля, но нужно еще и рисковать, когда выбираешь самое главное, первостепенное. А ты просто-

напросто состаришься здесь – и ничего после себя не оставишь. Ничего из своих хваленых разработок, потому что они – всего лишь наброски и предположения. Ведь ты даже не ищешь доказательств! Скажешь, что гению достаточно прозрения?! А если все это – лишь бред сумасшедшего?

– Честное скорпионское, при случае схожу к психиатру, но ведь и ты не в себе, потому как явно хочешь меня разозлить? – краска прилила к лицу Владимира, но он еще пытался отшутиться.

– Да, хочу! И еще хочу услышать хотя бы одно доказательство твоих «великих идей и открытий»!

– Ну, это – проще простого. С утра была прекрасная погода, а как только мы с тобой начали конфликтовать – она испортилась. Пока еще в одном лишь нашем регионе, но когда Вы, сударыня, окончательно загубите мне настроение, фронт непогоды будет расширяться до масштаба всей планеты...

– Мне Макс уже об этом говорил. Не верю!

– Пожалуйста, другой пример. Тут, в центральной Сибири – в районе Минусинской котловины, располагается природный энергетический центр. Я его сначала вычислил, а потом стал собирать всевозможные печатные данные. И оказалось, что Рерих по соседству – в горах Алтая – искал легендарную буддийскую Шамбалу, где белые воины-полубоги заботятся о спасении человечества. Это еще что: в четвертом веке до нашей эры китайский философ Лао-цзы предсказывал, что в этом месте произойдет окончательная битва Добра и Зла, а у древних индусов Катунь считалась священной рекой. Представь: где Китай, где Индия – и где Сибирь, где Катунь? А немецкий философ Шпенглер уже в начале нашего века писал, что из центра Сибири выйдет новая совершенная человеческая раса. У древних...

– Любой факт, даже опровергающий теорию, можно, при желании, вписать в свою концепцию, – перебила Лидия.

– Да у меня по этому поводу есть письмо археологов. Они нашли там, возле поселка Майна, глиняную статуэтку возрастом шестнадцать тысяч лет. Назвали Майнской Венерой, потому что она – первое известное в Сибири произведение искусства... О чем этот факт говорит? Да о том, что человек творческий возник именно там, в Сибири, – Владимир говорил взволнованно, жестикулировал. – Вот, у меня карта Земли, – он достал из стола зеленую картонную папку, – на которую я нанес все главные

центры, в том числе и Майну. Раз Макс делился с тобой, то он наверняка говорил и о них...

– А ты сам-то уверен, что это не бред? Макс общается с иными цивилизациями, ты говоришь о человеке созданном... И тут же тащишь теорию эволюции Дарвина. Твоему питекантропу с художественными наклонностями шестнадцать тысяч лет? Тоже мне, величайшее открытие!

– Да заставь маленькую группу цивилизованных людей жить в необитаемых джунглях – они в пятом поколении растеряют все знания, а в десятом одичают. Останутся лишь легенды о предках-богах...

– На Камчатке ты занимался делом, а здесь... разумными планетами. Прогресс?... Сомневаюсь.

– Не знаю, разумное ли образование Земля, но она управляется какими-то силами извне, а вычисленные мной точки – просто уязвимые места... – дождавшись, когда Лидия успокоится, продолжил Владимир.

– И никто до тебя об этом, конечно же, не догадался?

– Да наличие любой из них легко проверить. Главное – это знать, что искать! Их до сих пор не обнаружили просто потому, что не подозревали о существовании.

– Хорошо! И ты готов это опубликовать? Или снова скажешь, что пока всего лишь черновик?

– Да хоть сейчас! И десять, и двадцать публикаций! Вот, хотя бы сама возьми, почитай мою теорию монокристаллической структуры силового поля Земли... Все эти центры в точках схождения граней кристалла... Смотри, я кладу папку в твою сумку!

– Ты должен знать, что такое «эскапизм»?

– Бегство от действительности. Но ко мне это тоже не относится – я не являюсь убежденным отшельником.

– И ты можешь меня сейчас заверить, что готов полететь в Питер? Полететь вместе со мной и выступить у нас в институте, в Академии?

– Запросто! Хотя бы для того, чтобы доказать, что никто меня здесь не удерживает насильно. А если отчасти и держит – то это лишь комфорт, ведь здесь прекрасные условия для работы и для жизни. Ни в каком другом месте я бы не успел столько сделать. Да тебе же и самой сначала здесь так понравилось!?..

– Вначале понравилось. А теперь ощущение, будто я в больничной палате: тепло, стерильно, прекрасное питание, выверенный распорядок... В общем, здоровье поддерживают на уровне, настроение тоже, развлечений отмерено, сколько надо...

– Согласись, что большинство людей просто мечтают о такой жизни: чтобы отдохнуть от неурядиц, от сумасшедшего ритма, чтобы делать то, что хочется?..

– Но я-то уже отдохнула! И теперь для меня между твоей больницей и тюрьмой нет особой разницы. Можно, наверное, привыкнуть – ты же привык, а я не хочу!

– Ладно, не будем спорить на эту тему. Вспомни хотя бы, что ты просто в отпуске – и для нас двоих здесь маленький уютный рай. Ну, и почему ты не хочешь им воспользоваться?

«Действительно, почему? – подумала Лидия. – Неужели я боюсь, что уже не смогу отсюда вырваться? Макс смирился, Владимир пока витает в облаках, и сколько это у него еще будет длиться – неизвестно... Если я отсюда уеду, то выташу и его, чего бы мне это ни стоило!»

– Давай, уедем! – сказала она умоляюще. – В Петербург, на Камчатку, к черту на кулички – куда угодно. Я брошу аспирантуру, буду заниматься домом, буду варить тебе обеды... А здесь нам нельзя оставаться – я это чувствую!

– Давай, уедем, только немного попозже, – вдруг покорно согласился Владимир. – Я ведь тоже не могу без тебя, просто не сумею больше жить один. Всю эту неделю во мне крепнет чувство, что ты – какая-то жизненно важная часть меня, как воздух, как природа...

– Как деталь окружающего тебя комфорта, – добавила Лидия с горечью.

Она снова поймала себя на мысли, что хочет разозлить Владимира, пробить брешь в этом его защитном скафандре, который сейчас, правда, невидим, но который наверняка присутствует. Нужно поколебать его уверенность, нужно сделать больно хотя бы словом, поступком... Она уже не верит в его желание уехать, начинает сомневаться в собственных силах...

Но, заметив, как Владимира передернуло от ее слов, и сразу забыв обо всем, Лидия обхватила ладонями его растерянное лицо и стала целовать в губы, в щеки, в висок, чувствуя, как растет внутри безграничная бабья жалость, как катятся из глаз слезы бессилия...

– Глупенький ты мой, я же тебя так люблю... Только все равно здесь не останусь. И тебя им не оставлю... Я тебя буду ждать. Если понадобится, буду ждать долго, очень долго, только ты приезжай...

* * *

Телефон умолк, но через минуту снова принялся трезвонить. Ректор Санкт-Петербургского гидрометеорологического института, оторвавшись от бумаг, поднял трубку.

– Здравствуйте. С Вами говорит мама аспирантки Лиды Панкратовой... Лидочка очень расстроена, поэтому звоню я. Дело в том, что врачи рекомендуют ей взять академический отпуск, хотя бы на год...

– А что случилось? Что-то серьезное?

– У нее амнезия – частичная потеря памяти. Это случилось в самолете, когда Лида возвращалась из отпуска. А в остальном Лида абсолютно здорова.

– Да, да, я помню эту аспирантку. Что ж, будем надеяться, что через год она сможет продолжить учебу? Будем рады ее снова видеть.

– Врачи обнадеживают, что через год все должно быть нормально. Она и забыла-то лишь события последнего года, начиная где-то с преддипломной практики на Камчатке...

– Хорошо, пусть подает заявление на мое имя.

– До свидания. Большое Вам спасибо, а то Лидочка так расстроена. Учеба для нее – все! Тут, было, замуж собралась – а теперь даже не вспоминает. Я, чтобы не расстраивать, ни о чем и не напоминаю...

Ректор положил трубку и посмотрел в окно. Долговременный прогноз предсказывал весь конец месяца солнечным и ясным, но уже который день небо было непроницаемо-хмурым. Мелкий сеющий дождь с утра сменился мокрым снегом. Люди ежились под зонтами, медленно ползущие машины разбрызгивали серый снежный кисель. От одного взгляда на эту картину на душе стало зябко и неуютно – будто и слякоть эта никогда не закончится, и в будущем ждут только тоска и безысходность...

ПУТЬ ЗЕРНА

*Выбор пути прост:
Идти на свою звезду,
Бросая за горстью горсть
В теплую борозду.*

*В будущее сей мост –
Ведь там семенам взойти.
А чем измерять их рост? –
Мерюю доброты.*

*Смысл нашей жизни прост:
Зла туман разорви
И жизни раскрась холст
Радугою любви!*

Шанс

Аолгое блуждание на ощупь и в потемках измотало до крайности. Вынырнув наконец из темноты на дневной свет, он чуть не захлебнулся от восторга – это было спасение. На сей раз перед ним открылась крыша какого-то гигантского здания или ангара, крытая плоским серым шифером – огромная, словно футбольное поле.

Облегченно вздохнув, расслабленно сделал несколько шагов и... снова ощутил, что падает вниз. Шифер оказался настолько ветхим, что рассыпался в пыль, открыв черную глубину. Сердце остановилось, и он с тоской подумал: «Ну, теперь точно конец!»

Падая в распахнувшуюся бездну, успел разглядеть недалеко внизу, в еще не поглотившем все вокруг сумраке, мощную деревянную балку со шлейфом натянутых вдоль ее проводов. За один из этих проводов – даже не задумываясь, что тот мог оказаться под напряжением – сумел ухватиться. Повиснув, перевел дыхание – и уже в который раз задал вопрос неизвестно кому: «Это спасение или опять только передышка?»

Провод натянулся, ощутимо задрожал под весом человеческого тела и сначала медленно, а потом все быстрее стал подаваться. Уже немного присмотревшись в окружающем полумраке, Денис практически отрешенно наблюдал, как один за другим отрываются от балки белые фарфоровые изоляторы... И опять долгий полет в черную, изматывающую бесконечностью бездну.

Рывок отозвался не только в руках, а во всем до предела уставшем теле. И опять он как-то умудрился не отпустить спасительный провод, несмотря на боль, несмотря на то, что стальная струна, терзая плоть, глубоко врезалась в ладони. И снова ощутил, что летит. Только теперь уже куда-то в сторону...

Стену, вернее, некую вертикальную массу впереди, не то чтобы увидел, а словно почувствовал. Сгруппировался, чтобы смягчить удар – но за мгновение до столкновения ощутил тормозящее сопротивление пружинящей сети из многочисленных проводов, натянутых перед стеной. Предугадав, что сейчас его, словно маятник, качнет назад и потащит в пустоту, в зловещую неизвестность, разжал пальцы и широко раскинул руки – чтобы понадежнее запутаться в металлической паутине. Удалось – зыбкая опора выдержала!

Но вместе с ощущением невесомости снова накатила волна парализующего страха. Нет, не ожидание смерти, к чему за время бесконечного и непонятного путешествия он уже начал привыкать – на сей раз все подавил ужас обреченности. В этой ловушке от его физической силы, от его ловкости и умения ничего не зависело – исход определялся лишь слепой удачей. А вот на удачу, которая давалась либо не давалась кем-то свыше, он не привык рассчитывать, потому как всю жизнь полагался только на себя.

Убедившись – с некоторым даже удивлением – что опора хотя и зыбка, но пока достаточно надежна, попытался спокойно осмыслить ситуацию. И вынужден был обреченно констатировать, что пройденный с невероятным трудом путь вверх придется повторять сначала, причем шансов выбраться наружу почти нет...

И снова он ползет вверх по скобам, торчащим из отвесной бетонной стены. И опять очередная проржавевшая скоба выдергивается почти без усилия...

Самое странное, что Денис никак не мог вспомнить, как очутился в этом пугающе незнакомом здании. Что ему здесь нужно, как давно ползает по предательски ветхим конструкциям? Вся

предыстория осталось где-то там, в прошлом. А сейчас он вроде бы преследовал одну единственную цель – выбраться наверх. Какой же по счету будет эта попытка?..

От умственного перенапряжения сдавило виски, потом в голове что-то звонко и болезненно щелкнуло... Денис открыл глаза – и взгляд его уперся в зеленовато-серую стену, которая была к тому же наклонной. О ее наклонности можно было судить по выпуклому шву странной формы. И еще какая-то тень ритмично колебалась в верхней части стены, на границе видимости, причем ощущение было такое, будто она находится снаружи и непонятным образом проникает сквозь стену. Это видение воспринималось совсем уж фантастическим.

Оттуда же доносились неясные шумы, постукивание металла о металл... Потом чей-то удивительно знакомый голос произнес:

– Пора начальника будить, а то дрыхнет, как трофейная лошадь...

Дэнис медленно повернул голову – и только теперь сообразил, что находится в палатке и лежит на раскладушке...

* * *

Все последующее было как бы продолжением тягучего, лишнего всяческого смысла сна: безвкусный завтрак, сборы, бесконечный путь по таежной тропе.

«...Похоже, я все-таки заболел? – размышлял он, механически переставляя ноги. – Во-первых, этот не проходящий жар, во-вторых, ощущение какой-то нереальности всего окружающего... Вот опять, ни с того ни с сего, упал на ровном месте! Даже не споткнулся, просто потерял вдруг равновесие – и ноги не удержали. Да еще эта, оставшаяся от ночного кошмара, слабость во всем теле, вялость в движениях. Так трудно подниматься после падения, так хочется забыться на прохладной земле... И уснуть...»

Кто-то из спутников молча подхватил Дениса сзади и рывком поставил на ноги.

«...Это, конечно же, Колян по кличке «Ведмедь», – отрешенно отметил Денис. – У него-то силы немеряно. Ничего даже не сказал, не позубоскалил по поводу частых падений начальника. Насчет того, что рубль нашел... Хотя по этому коряжнику все спотыкаются... Но вот падаю почему-то лишь я один...»

Он ускорил шаг, чтобы догнать легко шагнувшего впереди шуплого Саню. Санина спина все не приближалась, а потому, когда возникла неожиданно в полушаге, – не успел остановиться и воткнулся носом прямо в Санин затылок. Тот удивленно оглянулся, но тоже ничего не сказал.

«...Странно, будто никто и не замечает его состояния? Или не видят в этом ничего особенного? Но ведь он же ощущает – что-то не так! Похоже, заболел либо за последние дни вымотался в конец?.. Честно говоря, он ведь и не помнит, как это – болеть? Даже из раннего детства не осталось никаких воспоминаний. Хотя был один случай: не то ветрянки, не то свинки?... А потом вроде бы даже не простывал всерьез ни разу?.. И сейчас с чего бы вдруг скопытиться? Нет, он просто устал от этого однообразия: изо дня в день карабкаться с нивелиром по склонам, рубить деревья, перебираться через затянутые мхом валёжины... Но обычно к утру усталость проходила... Будто сглазил кто!..»

И тут же память услужливо вытащила воспоминание из детских лет. Еще дошкольником он летом жил у бабушки на Ярославщине. И, ни с того ни с сего, у него вдруг заныли все зубы. Собственно сама боль теперь не помнилась, а в памяти всплыло то, как бабушка привела его к старухе-соседке, о которой говорили, что она умеет заговаривать боль. Та была страшной, как Баба-яга из сказок, поэтому Денис ее панически боялся. Старуха что-то пошептала беззубым ртом, потом попросила бабушку положить на нывшие зубы ею смоченную в водке вату. Тогда он впервые узнал вкус водки. Как ни удивительно, однако зубы после такого лечения болеть перестали. Но с тех пор этот непонятный, сродни колдовству, людской дар заговора и наговора пугал Дениса...

Вот опять: вроде бы и не споткнувшись, Денис потерял равновесие – и мешком повалился на тропу. Как будто совсем на чуть-чуть, на короткое мгновение забылся... А открыв глаза, увидел уже над собой склоненное лицо Ведмедя. Мысленно напрягся – но всего лишь мысленно, поскольку на этот раз даже не предпринял попытки подняться. Совсем не осталось сил встать или даже просто пошевелиться. Единственное, чего хотелось, – это забыться, потеряться и лежать неподвижно посреди приторно пахнущего папоротника...

– Ну, ты, начальник, даешь! Меня с похмелья так не мотает! Не выпался, что ли?..

«...Это голос Ведмеда, только где-то далеко-далеко...»

– Да он горячий, как головешка? Блин! Точно заболел! То-то я давно замечаю, что не в себе! Думал, не высыпается с этой работой... Точно надо в лагерь возвращаться!..

«...А это уже Санин голос. Чего он так заволновался-то? Даже если и заболел... Просто надо отлежаться денек-другой...»

А в памяти вдруг ясно всплыло то самое воспоминание болезни: у него высокая температура, и он впервые, наверное, утром не пошел в школу. Лежал целый день в постели, то и дело проваливаясь в омут полубреда и каких-то обрывочных размышлений. Из этого ватного и тягучего, но одновременно донельзя хаотичного водоворота мыслей невозможно было вырваться. С действительностью тонкой нитью связывало только радио. На всю жизнь запомнился репертуар оперетт, которые шли тогда в театрах Ленинграда: «Три соловья, дом семнадцать», «Севастопольский вальс», «Поцелуй Чиниты»... Сейчас он тоже не совсем понимал разговор Саньки с Ведмедем, но из всех сил попытался, как тогда, не оторваться от их голосов, не потеряться в хаосе бессвязных мыслей...

Еще более смутно он помнил, как возвращались в лагерь. Весь обратный путь Денис цеплялся и взглядом, и сознанием за сапоги идущего впереди Саньки. Часто, очень часто валился вперед, втыкаясь лицом в мох рядом со стоптанными резиновыми каблуками. Снова и снова ощущал на плечах или на поясе руки идущего позади Ведмеда. Тот совсем легко, будто Денис и не весил ничего, ставил его на ноги. Все это: и глубоко продавливающие мягкий мох Санькины каблуки, и сильные руки Ведмеда, и пьяно раскачивающаяся тайга – все казалось зыбким и нереальным, словно продолжение кошмарного утреннего сна...

* * *

Потом из ускользающей реальности раз за разом возникало взволнованное лицо поварихи Олюшки. Она поила его чем-то горячим и сладким, пряно пахнущим и все спрашивала: «Денис, тебе плохо? Что у тебя болит?...» Где-то там, в глубине души, его умиляло, что она называла его так, а не принятым в бригаде полуименем-полукличкой «Дэн». Денису хотелось много холодной, просто ледяной воды, но он боялся обидеть Олюшку и пил кипяток кружку за кружкой – однако жажда почему-то не утихала...

То, что повариха Олюшка отличала его от всех остальных, давно заметили уже не только окружающие, но и он сам. Это и собранный ею букетик спелой земляники, который поджидал в палатке на его спальном мешке, и долгие сидения у костра, когда все остальные уже разбредались спать. Это и откровенно ревнивые Санькины взгляды, который, похоже, имел на Олюшку свои виды. У Дениса никаких особых видов не было, просто в общении с ней ему было легко и интересно... И даже сейчас она словно бы оттягивала на себя часть атакующей сознание боли: рука ее была прохладной и целительной, как у мамы или у той деревенской соседки-знахарки, заговаривавшей в детстве зубную боль...

От травяного отвара мысли, правда, на короткое время становились яснее, но потом сознание снова погружалось туда, где весь мир как будто был настроен против него. Теперь уже не только тот, полубредовый, на границе сна и бодрствования – теперь уже и этот окружающий мир тоже ломал, корежил тело, сдавливал невидимыми тисками голову, безжалостно выжигал жаром сознание. Болезнь перестала прятаться и перешла в активное наступление. Скоро, наверное, резерв внутренних сил закончится, и тогда он, Денис – вероятнее всего, даже с облегчением – перестанет сопротивляться ей? Сдастся – и уйдет в небытие, где нет ни испепеляющего жара, ни изматывающего бреда... И лишь испуганное лицо Олюшки оставалось спасительным островком в бушующем океане уже ни на миг не утихающей боли и пожирающего мозг огня...

Время тянулось нестерпимо медленно: в неразличимую вечность слились минуты, часы, день, ночь... Потом возникла грохочущая, болезненно вибрирующая всем корпусом лодка-дюралька и сосредоточенный, то и дело внимательно поглядывающий на него моторист Виктор. Они плыли вниз по Енисею. Да иначе и быть не могло – до ближайшего населенного пункта вверх было сотни две километров. Дениса бросало то в жар, то в холод – и он, в зависимости от этого, либо кутался в грубый, резко пахнущий бензином брезентовый дождевик, либо подставлял грудь встречному потоку утреннего прохладного воздуха. Он мечтал только об одном – чтобы все это скорее закончилось: и бесконечный путь по Енисею, и бесконечный, только что начавшийся день. В поселке, конечно же, найдутся врачи, которые определяют источник его болезни и дадут

спасительное лекарство... Но путь длился и длился бесконечно, как беспорядочно-прерывистые и вместе с тем назойливо-прилипчивые мысли, надоедливой вереницей приходящие из прошлого...

Ни с того ни с сего вспомнилось, как ушел со второго курса института и уехал из Ленинграда в экспедицию. Зачем, почему? Словно подтолкнул кто-то неведомый. А началось все со стихов – да, именно с этого несколько неожиданного, но все больше и больше поглощающего увлечения. Он даже на институтских лекциях, вместо того чтобы вникать в формулы, доставал из сумки чей-нибудь сборник. Попытался писать сам... Потом в сумке появились книги о путешествиях: повести Арсеньева, Федосеева, Куаева. Кое-что он читал и раньше, но теперь как бы открывал заново. Захотелось попробовать такой жизни, испытать себя среди настоящих мужиков. Хотя что он себя обманывает?.. Самую главную роль сыграла, конечно же, однокурсница Нина. Их отношения на втором курсе стали совсем неопределенными, совсем непонятными. А начиналось все так хорошо – тогда, перед первым курсом, когда их всех отправили в совхоз на уборку картошки. А на следующее лето они – должно быть, ее стараниями – попали в разные стройотряды, и у нее появился Андрей... Денису Андрей был крайне несимпатичен, и это еще больше усугубляло душевные страдания. Что Нина в нем такого нашла? Остролицый, прыщавый и какой-то невыразительный... Правда, Андрей играл на гитаре, а гитара Нине всегда нравилась. Только одно название, что играл – просто бренчал... Где-то через месяц работы в стройотряде, на выходные, Денис отпросился у командира и несколько часов трясся в пыльном автобусе... Он отыскал Нину – но в тот же день вернулся назад, окончательно поняв, что он – третий лишний. В сентябре начались занятия в институте, но учеба больше не шла на ум. Терзать сердце каждый день, видя ее на лекциях рядом с Андреем, Денис больше не мог и решил – пусть будет еще хуже: где-то там, среди глухой тайги и безлюдья...

Сейчас, в минуту просветления сознания, он взглянул как бы со стороны и на сидящего в лодке себя, и на проплывающие мимо таежные берега – и четко осознал, что эти несколько месяцев изменили его. В чем?.. Определенно сделали сильнее и, главное, увереннее... Да, так было до сих пор, пока боль не подмяла его, не

поколебала уверенность в собственных силах... И следом за этой мыслью, совсем уж некстати, из прошлого пробилося скулящее чувство заброшенности, одиночества и жалости к себе...

В конце концов, утомленный тягучим однообразием реки, он ненадолго забылся или даже заснул. Но и во сне не прерывалась цепочка воспоминаний – будто он подробно, восстанавливая ничего не значащие детали и подробности, рассказывал какой-то строгой комиссии свою прожитую жизнь. Подчиненные непонятной закономерности, полузабытые события выстроились в цепочку и, дождавшись очереди, настойчиво напоминали о себе, требуя оживить их и пережить заново... Все больше уставая от этого рассказа, он несколько раз пытался вырваться из водоворота воспоминаний, но любая случайная мысль, совершив виток, неизменно снова ввергала в пучину нежеланных видений. Денис давил их сознанием, как надоедливых комаров или оводов пальцами, испытывая одновременно и брезгливость, и злорадство – но меньше их не становилось. Он снова и снова отталкивался от зыбких образов, стараясь отыскать в своем сознании, в своей памяти уголок покоя и забвения. Это напоминало блуждание в катакомбах во время того странного сна...

* * *

В поселковой поликлинике Дэну вдруг стало лучше. Он даже подумал, что напрасно послушался начальника изыскательской партии и согласился ехать – через несколько дней оклемался бы и там, в лагере. Но пожилой терапевт, мельком взглянув на градусник, удивленно покачал головой и спросил:

– Кашель не мучает, молодой человек? Температура-то как при воспалении легких...

– Нет, не мучает.

Потом терапевт долго слушал легкие, постукивая по груди и спине своими сухими пальцами, стучал резиновым молотком по коленкам, зачем-то водил пальцами перед глазами Дениса – и снова прикладывал свой аппарат к его спине и груди. Лицо старика все больше мрачнело.

– Сознание, случаем, не теряли, молодой человек?

– Как будто бы терял... Сам до конца не понял.

– А головные боли мучают? Не похмельные, конечно...

– Да, голова болит не переставая. Сейчас, как будто, полегчало.

– А давно постоянные боли начались?
– Уже несколько дней. Не помню точно... Три... Или четыре...
– Может, клещи в тайге впивались?
– Конечно, и даже не раз. Да они там во всех впивались.
– Дай Бог, чтобы я ошибался, но у Вас, молодой человек, похоже на клещевой энцефалит.

– Но у меня же была прививка! – возразил Дэн, медленно осознавая страшный диагноз.

Перед мысленным взором тотчас возник сосед-инвалид, который жил в квартире напротив, на их лестничной площадке. Сосед был геологом, когда-то работал в экспедициях, но после перенесенного энцефалита у него перестали действовать руки. Чтобы взять стакан, он, гримасничая от напряжения, сдвигал безвольные кисти и потом с трудом подносил его к губам. Движения были словно бы мультипликационными – когда различные части тела действуют совершенно самостоятельно. При этом дядя Миша утверждал, что он еще легко отделался, а могло быть значительно хуже. И Денис, встречая на улице паралитиков, непременно относил их к беднягам, перенесшим клещевой энцефалит. И думал, что, коснись это его, то он лучше бы умер...

– Возможно, прививка была некачественной, например, вакцину ввели просроченную, – продолжал терапевт, – возможно, я ошибаюсь. Чтобы сказать точно, нужно взять анализ крови, пункцию костного мозга...

– И что теперь? – сразу почему-то уверовав, что врач не ошибся, обреченно спросил Денис. – Это неизлечимо?..

– Ну, все от тебя зависит, от твоего организма, – врач перешел на «ты». – Бывает, что и безнадежные выкарабкиваются...

Сообразив, что сказал совсем не то, что в подобных случаях нужно говорить, он поправился:

– Ты еще молодой, крепкий...

Поняв, что и эта фраза прозвучала отнюдь не успокаивающе, врач растерялся и закончил:

– В общем, будем лечить... Лечиться!

* * *

Палата с символическим номером «шесть» находилась на третьем этаже поселковой больницы. Правда, заполнена она была

не психами, а в основном радикулитчиками – монтажниками и шоферами со строительства гидроузла. Самым «тяжелым» считался он, Денис. И дело было даже не в определении врача, а в том, как все сочувственно к нему относились, как угощали домашней снедью из передач, как навязчиво пытались подбодрить. Между ним и остальными больными уже существовала незримая грань, черта некой страшной неизвестности, за которую он, в отличие от остальных, перешагнул...

Денис большую часть времени лежал или, придвинув единственный в палате стул к подоконнику, иногда совсем недолго смотрел на улицу. Вот сороки клюют на дороге что-то плоское и серое. Эта терзаемая бесформенная плоть была когда-то живой: кошкой или собакой. Пока не попала под колеса автомобиля. Может, просто не повезло – и на мгновение отвернулась удача, может, настигла в давно определенный ею момент безжалостная судьба? Никому не дано знать наверняка, каким будет его последний час. И он, Денис, не знает... Ведь у него-то еще есть возможность выкарабкаться, он-то еще жив! Можно, конечно, сжаться от боли и лелеять ее, чтобы не огрызалась, чтобы не пугала в ответ на каждое движение. А можно схватиться с ней: кто – кого! Вот он, шанс: либо уступать шаг за шагом без надежды на победу, а только оттягивая конец, либо вступить с ней в бой – и, возможно, победить...

Самое трудное – это непроходящая головная боль, которая поселилась внутри мозга. Даже кратковременные передышки она давала не ему, а себе – чтобы сгруппироваться и навалиться с удвоенной силой. У болезни была своя тактика: постепенно, шаг за шагом, она отрезала Дениса от внешнего мира. Сначала от внешней информации – будь то новости по радио или телевидению, прочитанная газета или несколько страниц книги... Да что там страниц, он уже одну страницу или даже нескольких строк не мог прочитать – тут же внутри головы вспыхивал огонь, выжигающий только что полученную информацию вместе с очередной частицей памяти, частицей сознания. Болезнь как бы предупреждала: не подчинишься – будет еще хуже! Бороться с набравшей силу болью стало практически невозможно, оставалось только не провоцировать ее и надеяться на скорое воздействие лекарств. Денис утыкался головой в угол, зажимал ладонями уши, закрывал глаза – и так сидел часами, отключив все органы чувств.

Боль чуть ослабляла свои железные тиски в единственном случае – и это трудно было объяснить – когда появлялась Олюшка. Та приходила в туфлях на высоких каблуках и в короткой юбке, открывающей длинные красивые ноги. Это была будто вовсе и не повариха Ольга, Оленька, а привлекательная и знающая себе цену женщина. Правда, рядом с такой красивой и уверенной он испытывал что-то вроде унижения: вот она, такая живая, энергичная, а вот он – беспомощный и ущербный. Но эти муки все-таки не шли ни в какое сравнение с радостью от хотя бы временного облегчения. И лишь когда Ольга уходила и начинала снова подступать боль, вспыхивало запоздалое раздражение: какого дьявола она ходит, зачем травит душу, оставила бы его в покое...

Снова и снова приходилось забиваться в угол и ждать, ждать – пока болезнь, преследуемая многочисленными уколами, не ослабеет, не сожмется в крохотную точку, которую он сможет наконец-то контролировать. И через пару недель уколы, от которых уже болело все тело, сделали свое дело: высокая температура и головная боль отступили.

А потом, еще через неделю, боль вернулась – оказывается, она не ушла совсем, а просто затаилась где-то в самых отдаленных клетках мозга. Болезнь совершила виток и накинута на ослабленный организм с удесятенной энергией – начался возвратный энцефалит. Теперь даже мысли вызвали тошноту, отзывались приступом тупой боли. Потом начался паралич одной половины тела: правые рука, нога и половина лица перестали слушаться. С трудом передвигаясь от больничной койки к умывальнику, он теперь даже среди лежачих больных реанимационной палаты ощущал себя настоящей развалиной...

Только через месяц – после сотен уколов, от которых руки и плечи Дэна покрылись сплошь, словно сыпью, красными точками, а потом синяками – боль снова ушла, теперь уже насовсем. Но после себя она, как бесчестный и коварный противник, оставила сильнейшую депрессию – полное внутреннее опустошение. Хотя, может быть, это была реакция уже самого организма на безграничную усталость. Ничего не хотелось делать, только сидеть или лежать, бездумно уставившись в стену. Поднимался с больничной койки он только при крайней необходимости...

Лечащий невропатолог Елена Петровна, увидев, как Денис с трудом и с остановками поднимается по лестнице, пригласила его

в свой кабинет, где снова заставила присесть. Приседая, Денис каждый раз терял равновесие, хватался за край стола. Попасть пальцем в собственный нос с первого раза он тоже не смог, что повергло его в шок.

Поразмыслив, лежа на своей кровати в палате, Денис пришел к выводу, что дела его плохи. И не испытал при этом ни страха, ни сожаления...

Еще через месяц, выписывая его из больницы, Елена Петровна отводила глаза и повторяла:

– Ничего, ты вон из какой, почти безнадежной ситуации выкарабкался. У тебя молодой, здоровый организм – он обязательно справится. Ты и так моя профессиональная, можно сказать, гордость... Честно говоря, никто уже не верил...

Денис про себя отмечал ее излишнюю, нервную суетливость и то, что Елена Петровна старается не смотреть ему в глаза. Значит, она не была уверена в том, что говорила. Зато он сам был уверен, что теперь-то выкарабкался. Теперь, без боли, можно жить, каждый новый день радоваться своему существованию, строить даже далекие планы. Нелепый случай не вырвал его из этого прекрасного, безоблачного мира. Да, да, именно безоблачного, потому что все неприятности жизни – это пустяки, по сравнению со смертью. Только приблизившийся призрак небытия заставляет ценить не только дни, но даже минуты, секунды продолжающейся жизни. Как много можно еще успеть, если определиться в главном! Что же в его жизни теперь главное? Встретить любовь, написать книгу, совершить подвиг, помочь выкарабкаться еще кому-то?.. До этого смысл существования был в том, чтобы побороть болезнь, а теперь – чтобы начать жизнь сначала. Он ведь еще и не жил, а только готовился: учился, осмысливал, пробовал на ощупь, анализировал. Он двадцать с лишним лет познавал окружающий мир, а теперь этот мир просто испытал его на прочность, на пригодность...

* * *

– ОНИ его нашли. Теперь не отступятся, пока не убьют.

– Мы можем его защитить?

– Нет. ЭТИ теперь не оставят его в покое. Достаточно нам ослабить внимание всего на мгновение... Мы же не в силах все предусмотреть – в следующий раз ЭТИ будут еще изощреннее.

-
- Значит, у него не остается ни малейшего шанса выжить?
 - Есть только один шанс спасти его – это отказаться от него.
 - Но тогда он будет потерян?
 - Пусть просто живет. Он молод – его организм, возможно, справится.
 - Но он очень плох! И у него не будет ни Ангела-хранителя, ни Учителя.
 - Да, он будет очень уязвим, но ЭТИ, потеряв, не смогут его найти среди миллиардов людей Земли.
 - Кем он станет, если выживет?
 - Просто одним из множества.
 - Жаль, у него было высокое предназначение...

Отверженный

Осенью по всей округе полыхали лесные пожары. По ночам было светло от багровых зарев, а днем, наоборот, небо казалось сумеречным. И солнце на небосклоне угадывалось бесформенным и зловещим бордово-красным пятном. Едкий запах гари в конце концов стал почти привычным, а вот дымные сумерки продолжали вызывать чувство неуверенности и даже какой-то животной, неотступной тревоги, оставшейся в нас, должно быть, от первобытных предков. Это был еще не страх, но страшок перед некой незримой опасностью, скрывающейся за серовато-сизой, пахнущей горечью пленой. Она уже поглотила все вокруг – не только дальние, но и близкие горы, она лишила окружающий мир горизонта и перспективы. Вроде бы и понимаешь, что они не могли исчезнуть бесследно – но ведь не видишь их! А неизвестность всегда пугает больше реальной опасности...

Осенью Денис женился на Ольге. В иное время такая скоропалительная женитьба показалась бы неоправданной, но после болезни он торопился жить, словно боясь чего-то не успеть. Любил ли он Ольгу? Себе Денис такой вопрос старался не задавать, а если бы кто-нибудь спросил посторонний, то однозначно ответить было бы крайне сложно. Просто впереди была неизвестность, и ему нужно было к кому-то привязаться, к какой-то опоре, к реальной и осязаемой точке отсчета.

Безкакой-либо словесной подготовки сделал Ольге предложение – и в тот же день они расписались, уломав председателя поселкового Совета. Вот только теще он не понравился с первой встречи – и очень явственно это ощутил. Материнская ревность заговорила, или та сразу ощутила в зяте что-то непонятное, чуждое их семье – этого Денис так никогда и не узнает.

Он был по-своему привязан к жене: торопился домой после работы, ходил с ней в кино, в гости к ее знакомым, тем более что близких друзей у него здесь так и не появилось, а друзья детства остались там, в далеком Ленинграде. Так что теперь самым близким другом стала жена. Но при всем при этом он ощущал себя как бы обязанным ей, особенно когда ловил мимолетный внимательный Ольгин взгляд. И слова любви никогда не говорил, даже ночью. Ольга, чувствуя эту его раздвоенность, тоже не спрашивала, любит ли он ее – главное, что она любила. А он чем дальше, тем чаще задумывался, сможет ли хоть когда-нибудь любить, радоваться, огорчаться так же ярко, как должно, потому что все эти чувства горели внутри словно в полнакала, даже в четверть прежних, теперь уже полузабытых, эмоций. Дело, конечно же, в наследии болезни, которая была побеждена ценой больших нервных разрушений. Но неужели так будет всегда, всю жизнь?..

Когда через несколько месяцев Денис узнал, что у них будет ребенок, – и обрадовался, и испугался одновременно. Испугался, что последствия перенесенного энцефалита могут отразиться именно на ребенке, и в этом вольно и невольно будет виноват только он. Но через положенные девять месяцев родилась здоровенькая и прехорошенькая девочка. Денис был безгранично счастлив, что у него такой красивый, такой подвижный, такой умный ребенок. Ольга же уверяла, что иначе и быть не могло, потому что Танюшка – дитя любви.

Вот кого он теперь любил самозабвенно, так это дочь: первым поднимался по ночам, когда она плакала, сам стирал пеленки, ходил с ней, едва выдавался свободный час, гулять на Енисей и в окрестную тайгу. Укладывая Танюшку спать, он даже пел ей песни, хотя в других обстоятельствах, при посторонних петь стеснялся по причине полного отсутствия слуха. Так что его жизнь потекла по счастливому руслу, и, если бы не периодические головные боли и приступы слабости с тошнотой, повторяющиеся весной, о перенесенной страшной болезни можно было бы вовсе забыть.

С дочерью у них даже установилась некая необъяснимая или, как ее еще называют, телепатическая, связь: когда Танюшка плакала – он сразу понимал, где и что ее беспокоит. Даже находясь в командировке или работая далеко в тайге, странным образом чувствовал, что у дочери подскочила температура или возникли какие-то другие проблемы. А началось это сразу, прямо в день ее рождения...

Они тогда работали на отбивке контура будущего водохранилища гидростанции. Неделю шли дожди, а тут, с утра, ни хмурого неба, ни обычного тумана – на удивление ясно. Решили закончить нивелирный ход по очень сложному скальному участку на одном из притоков Енисея – речке Березовой. Денису в бригаду назначили даже инструктора-скалолаза – для страховки в особо опасных местах.

Речушка-приток после дождей превратилась в мутный бушующий поток, а там, где она прорезала скалу, образовался залом из белых, обглоданных водой деревьев, вершины которых торчали в разные стороны, словно иглы ежа. Вода перехлестывала через запруду и обрушивалась пенными водопадами вниз – на камни. Грохот этой беснующейся воды они слышали еще издали.

Пробираясь по узкой кромке нависающего над водой скального берега, Денис невольно бросал настороженные взгляды вниз – на вращающуюся в гигантском водовороте воду перед запрудой. Он шел замыкающим – громоздкий рюкзак и тренога вынуждали двигаться медленно и осторожно. Вот, растекаясь по скале, сбегает небольшой ручеек. Денис отметил про себя, что в этом месте впереди идущие сгрудились и перебирались через него с особой осторожностью. Увидел, как шагнул ему навстречу скалолаз Сергей, даже успел передать ему треногу – и тут почувствовал, что теряет равновесие. Пospешно схватился за березку, чтобы удержаться на ногах, но корявое деревце удивительно легко отделилось от скалы вместе с корнями. И тогда ощутил, что летит в пустоту...

Упал он, по счастью, не на камни, а в воду. Ушел в нее с головой, а когда вынырнул, то увидел стремительно проносящуюся мимо скалистую стену берега. Темная кромка обрыва нависала где-то высоко над головой, а его несло прямо к залому. Это был конец, поэтому Денис начал изо всех сил грести к песчаной косе на противоположном пологом берегу. Он прекрасно понимал, что не успеет и что шансов на спасение у него практически нет. Но перед

самым заломом водоворот вдруг подхватил его самой крайней своей струей и медленно-медленно потащил назад – по кругу.

Оценив создавшуюся ситуацию, Денис решил было сбросить рюкзак, но тотчас сообразил, что рюкзак не тянет вниз – прорезиненный мешок внутри, в который был уложен спальный мешок, сделал его подобием поплавка. Несколько успокоившись, он бросил взгляд на обрыв и увидел, что Сергей лихорадочно опускает сверху веревку с петлей на конце. «Быстро сориентировался инструктор!» – обрадовался Денис, однако плыть к веревке через жутковатый водоворот не решился, посчитав, что по окружности его должно вынести примерно в нужное место. Но перед самой веревкой его отнесло ближе к центру водоворота – и Денис понял, что промахнулся.

На втором круге все повторилось. Хотя Сергей передвинулся с веревкой выше по течению – точно рассчитать траекторию он не смог. Сам залом Дениса уже не пугал, но он понимал, что если его затащит в воронку – оттуда уже не выбраться. И прекрасно осознавал, что, если ему не удастся ухватиться за веревку на третьем витке, то, вероятно, все будет кончено, так как жуткий холод уже сковал тело, замедлил движения и рук, и ног. Сергей, похоже, это тоже понимал и сверху показывал знаками, что, если сейчас ничего не получится, то он обвяжется веревкой и прыгнет на помощь...

И вдруг Денис почувствовал – что-то изменилось! Окружающий мир разом подобрел к нему, стал понятнее, что ли, – словом, возникла новая, не существовавшая ранее связь с рекой. Вода вокруг уплотнилась и стала теплее, словно давая понять, что ее не нужно бояться, что она готова его поддержать и даже помочь. Хаос струй упорядочился и стал предсказуемым.

И тогда Денис рискнул грести не к берегу, а к воронке – чтобы попытаться, борясь с течением, добраться до спасительной веревки. Уже потом, когда очутился, наконец, на твердой земле, а вокруг облегченно хохотали товарищи, он подумал, что его спасла интуиция. И только вернувшись домой, понял, что его связь с внешним миром образовалась через дочь, так как Танюшка родилась именно в это время...

* * *

Ему нравилась работа в экспедиции, потому что с ранней весны до серьезных морозов приходилось пропадать в тайге. За это время он успевал по-настоящему соскучиться по Ольге, и каждое возвращение домой было как праздник. Тем более, что других друзей у него так и не появилось. Почему так? Дружба – это отношение к другому, как к самому себе. Для этого нужно к потенциальному другу привязаться сердцем, оценить его душу – а на сезонную работу в экспедицию устраивались, как правило, люди случайные и при этом далеко не «цвет нации». Зима казалась бесконечной, и он со своим очередным отрядом всегда был готов к заброске раньше других. Тем более, что остальные начальники отрядов весенний выезд «на полевые работы» и расставание с семьями старательно оттягивали.

Денис попытался разобраться, почему он тяготится жизнью на базе экспедиции, в большом поселке, – и нашел главную причину: чувство одиночества особенно тягостно на людях. Это радуются вместе, а страдают всегда в одиночку. Его же душа, едва Денис попадал в обстановку относительного покоя, начинала ощущать не просто беспокойство, а необъяснимый дискомфорт. Вернее, продолжала ощущать... Потому, наверное, и тянуло его все время ещё глубже в тайгу, в самую глухомань – подальше от людей и от принятых ими жизненных условностей. В первую очередь от коллективных жилищ и обобществлённых вещей – туда, где ты никому не обязан, где ты не должен приспосабливаться к искусственным законам, туда, где существует один практический закон – закон живой природы. Самый справедливый и, если принять его, самый необременительный...

Еще через год, хотя врачи и не рекомендовали, он восстановился в институте на заочный факультет. Только теперь уже по геодезической специальности и в Москве. Почему в Москве, а не в родном Ленинграде? Во-первых, туда прямым рейсом летал самолет, во-вторых, институт был старейшим и наиболее авторитетным по данной специальности. Но главной причиной, наверное, являлась та, что вероятность встретить там бывших однокурсников и Нину была минимальной...

Стал ездить на экзаменационные сессии, которые обычно проводились весной – как раз в самое тяжелое для его физического

состояния время. К концу сессии он был уже никакой – настолько изматывала возобновлявшаяся головная боль. Даже настойка дальневосточного элеутеракокка, которая в другое время обычно помогала и с пяток пузырьков которой он неизменно привозил в Москву, не спасала. После сессий возвращался совершенно вымотанный, но, тем не менее, успешно переходил с курса на курс.

Дочка подрастала: ее лепет стал осмысленным, потом занятым, потом посыпались вопросы. Из детского сада она приносила уйму важных новостей, которыми спешила с ним поделиться. Их невероятная телепатическая связь находила все больше подтверждений. Так, непостижимым образом она чувствовала, когда Денис приедет из командировки. В этот день, по рассказам жены, Танюшка с самого утра то и дело подбегала к двери и радостно кричала: «Папа приедет! Папа приедет!» Правда, в их квартире стали происходить и странные, необъяснимые вещи. Как-то дочь среди ночи тихо вышла из своей комнаты и замерла возле дверей. Денис читал книгу, когда ощутил чужой, тяжелый взгляд – дочь пристально смотрела на него застывшими и совершенно бесстрастными глазами, словно внутри ее находился кто-то другой. Денис взял Танюшку на руки и отнес в кроватку – а она даже не шелохнулась, словно все это время спала. Спала ли?.. Как тогда объяснить чужой осмысленный и будто пронзающий насквозь взгляд? Был и еще один, так и оставшийся необъяснимым, случай – где-то перед самым его отъездом на очередную сессию. Дочь уже спала, когда Денис обратил внимание на странное поведение кошки. Словно бы охотясь за мышью, та подкралась к дочкиной комнате и заглянула в приоткрытую дверь. И тут вся шерсть у нее встала дыбом! Кошка попятилась, потом развернулась и опрометью бросилась в коридор. У Дениса тогда мурашки побежали по коже, потому что он явственно почувствовал постороннее присутствие. Нет, это был не человек – это была какая-то зловещая сила, которая концентрировалась в комнате дочери. В страхе за нее он бросился в комнату... И не увидел ничего: дочь спокойно спала. Но неприятное ощущение присутствия чего-то чуждого не оставляло его еще несколько минут. Так и не найдя тогда правдоподобного объяснения случившемуся, он уехал в Москву с тяжелым сердцем...

Проводилась экзаменационная сессия за четвертый курс, которую по каким-то причинам передвинули на май. Все было как всегда: сдавал экзамены и зачеты, писал письма домой – в одном

конверте отдельно жене и дочке. На этот раз даже головные боли мучили как будто меньше. За два дня до отлета он уже представлял, как окажется дома, как радостно кинется навстречу жена, как он подхватит на руки дочурку, как она будет шумно радоваться подаркам. И вдруг словно натолкнулся на невидимую стену – через тысячи километров, через колышущуюся под ветрами тайгу, через миллионы жилищ и судеб, что были на этом пути в неведомых деревнях и поселках, он явственно ощутил, что жена сейчас с другим...

Прилетев, Денис в этом убедился, едва взглянув ей в глаза. И тут же на пороге квартиры в один миг рухнуло все: искрометная радость их редких встреч, пустячные и вместе с тем очень значимые фразы и слова, пьянящая доверительность поцелуев, безграничная ночная близость и умиляющая беззащитность лепечущей смешные слова дочурки. Все это очутилось в прошлом, а настоящее оказалось преданным, растоптанным, вываленным в грязи. Все, что составляло его жизнь, ее спасительную цельность и значимость – все вмиг рассыпалось. Неоткуда больше было черпать силу и уверенность, которые вели его по жизни, неоткуда черпать доброту и нежность... Впереди – ничего, а позади кровоточащие, наполненные болью осколки сердца. Позади боль, а впереди, еще хуже того, – пустота.

Все это пролетело в сознании за один короткий миг, после чего он повернулся – и ушел. Никого не хотелось видеть, особенно знакомых людей, и он бесцельно, словно в пьяном бреду, бродил по самым дальним улицам поселка. Нестерпимо щемило сердце, невыносимо жгло где-то в самом центре мозга, огнем горело все тело. Не хотелось больше жить. Хотя, нет – он молил не о смерти, а о том, чтобы стало еще хуже, чтобы не своя рука, а тоска и безысходность убили его. В какой-то из особенно невыносимых моментов он обхватил голову руками, сжался весь, как стянутая до предела пружина, – и завыл. Это был уже не стон, не плач, потому что глаза оставались сухими и горячими – это был дикий и протяжный, самый настоящий волчий вой, который пусть и не приносил облегчения, но иначе переполнившееся горем сердце разорвалось бы на части. И поселковые собаки, услышав этот страшный вой, отозвались суматошным разноголосым лаем...

Потом, пошатываясь будто пьяный, он пошел домой. Все вокруг казалось чуждым: улица со старыми тополями, освещенные

окна домов и даже звезды на бесконечно далеком бесстрастном небе. Мир, словно испугавшись его боли, отделился защитным всепоглощающим экраном. Незримый этот кокон проходил, должно быть, прямо по поверхности кожи, потому что Денис больше не чувствовал ни прохлады воздуха, ни запахов летней ночи. Он мог теперь ощущать лишь собственную боль и свою истерзанную душу...

Ольга не спала. С каким-то облегчением она рассказала все, ничего не скрывая: да – приехал из института практикант, да – понравился с первого взгляда. А остальное получилось как-то само собой, помимо ее воли...

– Ты хотела... сама... мне все рассказать? – спросил он останавливающимся, мертвым голосом.

– Нет...

– Если бы ты сказала, что любишь его, я бы тебя отпустил.

– Я знаю... – тихо отозвалась Ольга.

– Тогда зачем тебе был нужен этот обман? Ведь, живя со мной, ты готова была обманывать изо дня в день?..

– Я не знаю... Он говорит, что не может жениться, пока не закончит учебу.

– Значит, он просто не любит тебя. А ты его?

– Я не знаю, что мне делать!..

– А я не хочу, чтобы ты бегала от меня к нему. Разберись в своих чувствах. Разберись сама с собой, в конце концов. Я даю тебе время...

– Я – дура! Ведь ты-то ни в чем не виноват, одна я все погубила. Прости меня, если можешь!..

Воспринимая окружающее как во сне и передвигаясь словно в некой продолжающейся нереальности, Денис достал с антресолей спальный мешок. Расстелил его в комнате дочки и, не раздеваясь, упал поверх. Размеренное дыхание Танюшки через какое-то время вывело его из болевого шока, вернуло способность мыслить. Глядя в сумрак, он думал, как будет жить дальше и для кого. Да, ради этого крохотного родного человечка он готов был, если и не простить жену, то хотя бы не напоминать никогда об измене. Говорят, время излечивает все. С этой мыслью Денис и заснул – словно провалился в черную бездну...

Он проснулся из-за ощущения пустоты. В комнате все так же темно – значит, была еще ночь. Подошел к двери и понял, что жены

на кровати нет. На кухне и вообще в квартире ее тоже не оказалось. Когда осознал это – в мозгу словно граната взорвалась, обдав все тело волной вернувшихся огня и боли. А следом он ощутил волну безграничной, жгучей ненависти к жене и прямо-таки испепеляющей ярости. Значит, она снова обманула его – и теперь уже разрушила все, до конца! Без остатка!

Плохо соображая, что делает, он достал из чехла двустволку и зарядил оба ствола патронами с пулями. Запоздало сообразил, что две ни к чему – ему хватит и одной, чтобы свести счеты с этой жизнью. Настоящее невыносимо, будущее бессмысленно! Только его смерть, которая станет точкой, еще имеет какой-то реальный смысл, как логическое завершение... Потом решил дожидаться Ольги и застрелиться при ней – это будет его последняя и единственная месть!

Время шло. Он сидел на кровати, на которой его бывшая жена была с другим... А теперь он, Денис, упадет на эту проклятую кровать и зальет всю ее своей кровью. Пусть ей хотя бы раз будет так же плохо, как и ему!

Время тянулось невыносимо медленно, а в голове по-прежнему не было никаких мыслей: ни страха, ни сожаления... Вздрыгнул оттого, что скрипнула дверь. Ольга вошла и застыла в дверном проеме. Ее глаза округлились от ужаса.

– Пойди, умойся! – скорее прохрипел, чем проговорил он, чувствуя, что под этим взглядом не сможет ничего сделать.

– Ведь ничего не было! – испуганно закричала жена. – Мы просто говорили!

Но он ей больше не верил – не хотел верить. Взял курки и стал разворачивать ружье стволами к себе. Ольга застывшими глазами следила, как его палец медленно двигал спусковой крючок...

В этот миг из своей комнаты вышла дочка. Краем зрения он увидел ее, и в голове молнией высветилась мысль, что его жестокая месть ударит в большей мере не по бывшей жене, а по этой крохе, которую он безумно любит. Теперь даже больше, чем когда-либо, потому что только сейчас он вспомнил, что это и есть единственная связывающая его с жизнью нить.

Денис уже ощутил начало выстрела и подумал, что не успеет ничего изменить – но все же дернул ружье в сторону. Грохнул выстрел: пуля гулко ударила в стену. Жена так и продолжала стоять с застывшими от ужаса глазами. Дочка громко заплакала от страха.

Он отбросил ружье и подхватил Танюшку на руки, прижал к груди, чтобы успокоить. В квартире стоял кислый пороховой запах...

Никто не прибежал на выстрел, не постучал в дверь. «Бояться, – подумал он. – Сейчас побегут вызывать милицию...» Усталость навалилась неподъемной тяжестью. Он положил всхлипывающую дочь рядом с собой на кровать – и сразу же провалился в небытие.

* * *

Ночью его никто не будил. Что уж там рассказывала Ольга милиции и приезжали ли они вообще, он утром не расспрашивал. Ольга ходила по квартире, глядя в пол, и лицо у нее было закаменевшим – похоже, что не спала всю ночь. К обеду Денис все для себя решил и сказал, что ей надо сегодня же уехать к родителям. Насчет ее отпуска он договорится с руководством экспедиции, документы на развод тоже подаст сам.

Всю дорогу до автобусной остановки он нес Танюшку на руках, хотя та порывалась идти самостоятельно. «Ты не знаешь, – думал он с горечью, – что последний раз сидишь у отца на руках. Когда-нибудь я объясню тебе, и ты должна понять, что иначе я поступить просто не мог...»

В душе сегодня не было ни боли, ни эмоций – лишь пустота и безграничная усталость. Как в самые тяжелые дни энцефалита...

«Почему я так спокоен? От меня навсегда должны уехать жена с моим ребенком, а мне как будто все равно. То есть я осознаю боль разумом. Но не чувствую сердцем – будто снова образовался тот непроницаемый защитный кокон вокруг меня. Снова, как после энцефалита, извне все приходит многократно ослабленным – и боль, и сожаление, и даже ненависть...»

Пока ждали автобус, Ольга не выдержала и попыталась заговорить:

– Скажи хоть что-нибудь, обругай. Только не молчи!

– Что ты хочешь от меня услышать? Что я тебя могу простить? Тот, вчерашний, он еще мог бы простить, но я его убил в себе этой ночью. И тешу себя надеждой, что он никогда больше не воскреснет! На Танюшку деньги буду высылать, даже если не подашь на алименты...

Больше говорить было не о чем. Даже дочь, чувствуя состояние родителей, не приставала с обычными вопросами, только смотрела то на одного, то на другого вопрошающими глазами...

Но, когда пригородный автобус тронулся, Денис чуть было не кинулся следом. Лишь неимоверным усилием воли удержался. То ли от понимания невозвратности происходящего, то ли от последнего страшного усилия – вдруг потемнело в глазах, и он даже подумал, что теряет сознание. Но и тут справился, лишь в горле образовался непроглатываемый колючий ком, а мышцы лица каменно свело судорогой. Отрешенно смотрел, как, оставляя после себя шлейф медленно оседающей пыли, ярко-красный «Пазик» на повороте юркнул, словно бы испуганно, за тополя.

Денис еще несколько долгих минут стоял на дороге, физически ощущая, как эта пыль навечно въедается в его кожу, в сердце, в душу... И только теперь, стоя одиноко посреди дороги, он окончательно и полностью осознал, что уже ничего нельзя вернуть, что он навсегда потерял дочь, а с ней и память о трех годах семейной жизни и даже то, что не успело сбыться. Все это он как бы отдал жене. А что оставил себе? Боль, тоску и одиночество...

* * *

– Он не выдержит в одиночку нагрузок внешнего мира. Его, в конце концов, сломят перегрузки...

– Мы и так защитили его душу коконом. Все неприятности воспринимаются им только наполовину.

– Но и все эмоции, и радость тоже только наполовину...

– Тут чем-то приходится поступиться.

– Он глубоко несчастен, он надломлен. И спасти его сможет только новая любовь...

– Я понимаю твою заботу о бывшем своем ученике, но ведь мы его вычеркнули и не можем вмешиваться. Иначе снова обречем на смерть.

– Просто он был самым талантливым моим учеником, а в самостоятельной жизни совершает ошибку за ошибкой.

– Но он научился не прощать измены, значит, он стал Мужчиной...

Назначенная цена

В определенные моменты начинает казаться, что всё в жизни предопределено. То есть все абсолютно: окружающие нас события, предшествующие замыслы, потом наши поступки и даже ошибки... А свобода выбора предоставляется лишь в каких-то мелочах, которые ничего не могут изменить и лишь представляются нам значительными. С возрастом эта фатальная зависимость представляется еще убедительней – к этому времени мы настолько привыкаем плыть по проторённому предшественниками руслу, что даже сама мысль об изменении образа жизни вызывает не просто душевный дискомфорт, а прямо-таки тошноту, как при отравлении. Но, с другой стороны, мы как будто начинаем предвидеть и предчувствовать грядущие события, видя в этом проявление таинственной и необъяснимой телепатии, а то и мистического провидения в образе некоего индивидуального ангела-хранителя. Верим гороскопам и картам. Но всё равно, если случается что-то серьёзное – то каждый раз неожиданно...

В том, что он сильно загрипповал, не было для Дениса ничего неожиданного – последний месяц он то и дело ощущал какое-то покалывание под лопаткой. А основательно полечиться всё не хватало времени – обходился горчичниками на спину и чаем с малиной внутрь. Простуда как будто отступала, но через некоторое время проявляла себя вновь. Видимо, поэтому и грипп затянулся – прошла неделя, началась вторая, а температура всё держалась возле красной черточки: выше – ниже, выше – ниже. Кончилось тем, что ему выписали направление в кабинет флюорографии.

Рентгенолог, когда Денис пришёл за снимком, мрачно и даже как будто зло сказал:

– Нужно повторить рентген. И через час зайдите.

Через час он выглядел ещё более мрачным и злым. Даже короткий ершик темных волос агрессивно ошетинился в сторону Дениса.

– Могу Вас обрадовать, – произнёс врач тоном, предвещающим как раз обратное. – У Вас туберкулез, к тому же запущенный. Вон куда проникает! – он ткнул растопыренными короткими пальцами в снимок, на котором мозаика светло-серых и темных пятен запечатлела тень грядущей смерти. Денис не усомнился в диагнозе рентгенолога, потому что отчетливее, чем когда бы то ни было,

ощутил вдруг ее холодное дыхание. Все внутри похолодело и даже мысль «Как же так? Почему именно у меня?!» обдала голову не жаром, а таким же смертным холодом.

Поэтому и в больницу он собирался насовсем, уже не надеясь выбраться оттуда. Даже фотографию дочери положил в сумку. Подумал было, что нужно съездить попрощаться, но сама мысль о встрече с бывшей женой показалась неприятной, а в таком его положении – тем более. Весь этот год он старался о бывшей жене не думать, не вспоминать. Однако Ольга так и не подала на алименты, поэтому после каждой зарплаты, отправляя деньги, он в мыслях оказывался там – рядом с дочерью. Только с дочерью, но не с женой, все вещи которой, даже самые пустяковые, отправил в деревню посылками, чтобы не напоминали о ней. С прошлым его продолжала связывать только дочь, да еще, может быть, впервые написанное им стихотворение, родившееся то ли в ту самую ночь, когда он бродил по улицам поселка, то ли уже потом, после их отъезда...

Иссякли горькие слова.
Гнетущих взглядов повторенье...
И ты, неправая, права –
В молчанье тоже нет прощенья.
С тех пор, как черная стена
Незримо встала между нами,
Предавшая меня жена –
Ты ждешь обвал или цунами,
Вселенский мор, войну, потоп,
Пришествие нечистой силы...
Чтоб, как спасительный глоток,
Меня ты снова воскресила.
Вновь будут клятвы с твоих губ –
Невероятные, как ересь...
А вдруг и я в ответ солгу,
На что-то все еще надеюсь?..

Нет, он ни на что не надеялся. И переболев измену так же безысходно и болезненно, как энцефалит, в очередной раз начал жизнь сначала. Трех семейных лет как бы и не было вовсе. Все свободное время, а его стало на удивление много, он теперь отдавал учебе и стихам. И, надо сказать, в обоих направлениях продвинулся вполне успешно: стихов набралась уже целая тетрадь и вскоре должна состояться дипломная защита. Вернее, должна была – ведь

теперь для него уже ничего не должно и не нужно. И он даже не знает, сколько у него осталось времени. Наверное, совсем немного: как раз для того, чтобы завершить наиболее важные дела на Земле? Да ведь и завершать-то как бы нечего!.. Что останется после ухода? Дочь, которую воспитает не он, а другой мужчина, и стихи, которые тоже умрут в тетради, так и не став книгой. Ему даже не с кем поделиться своей бедой. С родителями? Но он своим разводом уже принес им столько горя, что об очередном, еще более ужасном, пусть узнают в самый последний момент. Нет ничего страшнее, если мать будет сидеть все это время возле его больничной койки и видеть, как он умирает. Позвонить Нине? Нет, он и тогда ей не был нужен, а теперь, умирающий, тем более... Пусть лучше она не узнает об этом вообще никогда и остальные ленинградские знакомые тоже! Такой вот жизненный расклад – он пришел к своему последнему дню в одиночестве...

Одиночество нельзя заполнить даже воспоминаниями, ибо они только обостряют его. Если быть предельно честным, он предчувствовал такой конец и часто задумывался, что будто бы заблудился, потерял своё место на Земле. У всех людей – и даже животных – оно есть. Он же вроде и родился как все, учился и работал, даже успел жениться, а места, которое называют родным домом, так и не нашел. Не потому ли преследует его чувство безысходности, не потому ли он не испытывает страха от потери всего, что было, и даже того, что еще не произошло?..

Но ведь случалось же, происходило в его жизни нечто, что страшно потерять, что жалко утратить навсегда?.. Что же? Может, детство на Ярославщине, которое всегда вспоминал будто сказку – романтически-трогательную и зыбко-нереальную. Тем более нереальную, что там ничего уже не осталось: ни родственников, ни знакомых, ни, наверное, самой деревни Дмитриевки... А Ленинград, где прошли школьная юность, короткое студенчество, вспоминается вроде бы и с нежностью, и с лёгкой ностальгией, но не более... Да, от этого города он уже не просто отвык – оторвался напрочь, оборвал все или практически все связующие нити. Кажется, будто пролетело неведь сколько лет, как отделился тысячами километров от его проспектов, от полудиких парков, от ненавязчиво и даже ласково, как теперь вспоминается, морозящих дождей. И от квартиры на девятом этаже, в которой столько было передумано и пережито... Отгородился не только временем, но и

снежными хребтами, и бескрайней тайгой, через которые, как тогда казалось, труднее вернуться. Теперь-то он понимает, что расстояние – это не самое большое препятствие...

Сейчас все объяснить еще труднее, чем тогда! Что погнало его так далеко? Незадавшаяся любовь, неудовлетворенность собой или мачеха-судьба? Кого-то судьба бережно ведет по жизни, а его словно силком по бездорожью тащит...

* * *

С такими мыслями ехал Денис в республиканский туберкулезный диспансер. Но в действительности все оказалось не так страшно – после тщательных обследований выяснилось, что у него просто запущенный плеврит. Обследовавший его врач заверил, что, хотя хорошего мало и придется долго лечиться, но жить Денис будет! А он, как ни странно, этому даже особо и не обрадовался.

И опять его, как когда-то, кололи и прокалывали, вводили лекарства и откачивали скопившуюся в плевре жидкость. Уколы, лекарства и процедуры он принимал отрешенно, будто все происходит вовсе не с ним. Как во время энцефалита, все чувства притупились, а время обезличилось. Синдром обреченности вызвал опять ту же реакцию, что и много лет назад – снова весь мир отгородился от его внутреннего мирка, ставшего вдруг крошечным и ничего не значащим.

Нет, он не испытывал ни полного безразличия, ни отвращения к жизни – просто организм, как и во время прошлой болезни, заключил мозг, психику в защитный кокон. Это произошло, может быть, произвольно – на уровне некоего закрепленного рефлекса. И чтобы снять его хотя бы частично, требовался уже найденный однажды ключ, ведь рефлекс – на то он и рефлекс. Тогда этим ключом была Ольга... Подсознательно Денис понимал это, и даже мелькнула шальная мысль: «А не позвонить ли бывшей жене?» Но он тут же отогнал эту непрошено пришедшую мысль, тем более, что с самого своего поступления в больницу отметил очень красивые и очень сострадательные глаза.

Он ощущал этот изучающий взгляд даже спиной, даже во сне, когда во время ночного дежурства она, должно быть, заходила в палату. Эти глаза пытались вырвать его из ваты безразличия, словно звали куда-то... И принадлежали они молодой женщине – лечащему врачу Ларисе Николаевне.

Так уж устроен человек, что трещина не только личной жизни, но и всего окружающего мира зачастую проходит через его сердце. Раны живой плоти всегда заживают, и от них остаются всего лишь рубцы – с душевными ранами происходит то же самое, только значительно дольше. Проходит время, и ты уже начинаешь сомневаться: да было ли это на самом деле так тяжело? Ведь наша жизнь всегда есть то, что мы думаем о ней в данный момент.

Лариса Николаевна, Лариса – он уже повторял это имя как магическую мантру – оказалась самым целительным лекарством. Неожиданно для себя он вдруг снова начал писать стихи. Потом занялся курсовыми работами и даже стал систематизировать накопленный материал для дипломного проекта. Причем все это делал вперемежку и с одинаковым удовольствием. В нем проснулась потрясающая работоспособность, и Денис готов был работать ночи напролет. Но после одиннадцати в палате выключали свет, поэтому, заканчивая дежурство, Лариса Николаевна оставляла ему ключ от своего кабинета. Таким образом, у него были идеальные условия для работы: занимайся хоть до утра. Если бы только... Да, если бы только не ее глаза, которые смотрели на него то с глянцевого эстампа на стене кабинета, то с отражающего уличные фонари оконного стекла и настойчиво снились по ночам. Если бы только не голос, который он ловил через дверь палаты и при встрече готов был слушать без конца, а потом вспоминать каждое сказанное ей слово. Если бы только не губы, глядя на которые он переставал понимать смысл произносимого, только следил за их движением – и мечтал к ним прикоснуться. В общем, где-то через месяц он уже не мог думать ни о чем и ни о ком, кроме как о ней. Порой даже о дипломном проекте...

Не пишутся стихи,
Ведь помыслы просты:
Глаза закрою – ты,
Глаза открою – ты...

Нет, стихи писались как никогда, просились на бумагу по несколько страниц в день. Вместо курсовых он теперь либо выстраивал теснящиеся в голове строки, либо, лежа на больничной койке и глядя в потолок, представлял их с Ларисой вместе: на улице, в театре, в его квартире, даже в постели. Чем дальше, тем эти мечты становились детальней, а переживания ярче. Защитный

экран истончался: у Дениса уже могли непроизвольно навернуться слезы или он мог расхохотаться над чем-нибудь взхлеб. Это было непривычно и удивительно – снова ощутить давно забытую полноту жизни...

В мыслях он помещал Ларису в святая святых – в деревню своего детства. И не находил, как ни искал, даже малейшей их несовместимости. Представлял, как, словно по живой цепочке, будет отыскивать по соседним, еще сохранившимся деревням своих дальних родственников – хотя бы для того, чтобы составить картину родословной, отыскать свои ярославские корни. Нет, в этом был, пожалуй, другой смысл: чтобы Лариса узнала его лучше, чтобы нашла в нем нечто такое, чего он сам никак не может найти уже много лет. Да, в мыслях он всюду видел себя только с ней – не потому лишь, что ему так хотелось, а просто уже не мог представить в своей дальнейшей жизни никого другого...

...Ночевать они будут в сумеречном, прохладном чулане с крошечным оконцем под самым потолком, в которое лишь на короткое время по утрам заглядывает яркое солнце. Там старый сундук с церковными книгами, зимняя одежда на стене, какие-то узлы в углу... Хотя того чулана наверняка уже нет, и дома тоже нет – всё это будет как-то по-другому. Но зато можно будет устроить себе отдых и спать до отвала, отсыпаясь не только за прошлые недосыпы, но и за будущие – а проснувшись, долго лежать не шевелясь, испытывая забытое блаженство сладкой неги. Состояние, на которое давно уже не хватает ни настроения, ни короткого отпуска. И еще чувствовать безграничное счастье оттого, что любимая и единственная женщина спит рядом с тобой... А еще через несколько дней, когда они уже переживут первые, самые яркие впечатления и даже размеренная, неторопливая деревенская жизнь начнет отдавать обыденностью, – они возьмут палатку, резиновую лодку и поплывут по речке детства с непереводаемым названием Секша. На густо поросшей жёлтыми кувшинками и белыми лилиями поверхности будут замысловато переплетаться водяные струи, раскачивая сидящих на листьях голубых стрекоз, в глубоких тёмных ямах будут ждать большие и сильные рыбы, которых так мечталось поймать когда-то в детстве... Причаливая к берегу в самых уютных и укромных уголках, они будут подолгу сидеть на ласковой, дурманящей голову пряными запахами траве. И он все это маленькое путешествие будет влюбленно глядеть то в голубое небо,

то в голубые глаза. И плыть там – в вышине и в глубине – невесть куда... Плыть – рядом душа с душой – по бездонной голубизне вместе с причудливыми невесомыми облаками. И ощущать её ладонь в своей, и молча сжимать её пальцы – зная, что и без слов она всё понимает... И на всем белом свете будут только они и эта река, деревья и трава, небо и облака... Не об этом ли он мечтал всю жизнь, не за этим ли он уехал когда-то из Ленинграда? И не надо будет по утрам старательно вспоминать казенный перечень дел, не надо будет ежедневно подстраиваться к чуждому водовороту городской жизни. Ведь ритмом всей дальнейшей его жизни будет единый ритм их сердец!..

Откуда возникла эта уверенность, ведь до сих пор он ощущал себя изгоем. Видимо, все дело было в нем самом, в каком-то особом внутреннем состоянии, что родилось совсем иным, чем у большинства людей. И только с этой женщиной он без усилий, без напряжения сможет соизмерить свой жизненный ритм с общим ритмом времени. Он должен благодарить болезнь, которая помогла ему не просто отыскать точку нового жизненного отсчета, а наконец-то поместила в утерянное им на многие годы реальное жизненное пространство.

* * *

Но через два месяца Денис выписался из диспансера, так ничего и не сказав Ларисе. Не излил душу даже в тот момент, когда они прощались в сквере возле больничного корпуса – хотя и чувствовал, и знал почти наверняка, что Лариса питает к нему ответное чувство. Может быть, даже очень сильное... Что его сдерживало? Боязнь повторения истории с бывшей женой или отсутствие уверенности в том, что он сможет любить эту женщину так, как она того заслуживает? Пожалуй, неуверенность в собственных чувствах, до сих пор фильтруемых невидимой оболочкой. Но ведь он за эти два месяца снова научился страдать и в значительной мере ощущать не только боль, но и радость? Но вот только он пока не был в этом полностью уверен...

Еще через неделю он написал Ларисе письмо – а через четыре дня получил ответ! После этого они обменивались письмами почти каждый день. Иногда приходили по два сразу, но если желанного письма не было хотя бы пару дней – Денис не находил себе места,

и все валилось у него из рук. Старые он пересчитывал по много раз, находя потаенный смысл в каждом слове и в каждой запятой...

«...Перед самым первым твоим появлением в палате я видела сон: будто в моем кабинете появилась школьная доска, а на ней мелом написано число, месяц и год. Я понимала, что это дата чего-то очень важного в моей жизни – и утром записала его. А в назначенный день ничего особенного не произошло, и на лечение поступил лишь ты один. У меня было ночное дежурство, я знакомилась с твоей медицинской картой и вдруг подумала: «Боже, вдруг это он?!» Специально зашла в палату – и разочаровалась. Лишь потом, день за днем, сначала заглянув в твои глаза, потом услышав голос и увидев улыбку, все больше убеждалась: «Да, это он – мой единственный!...»

«...В автобусе, по дороге на работу, я отгораживаюсь и практически отрешившись от всего и всех. Это для того, чтобы скорее войти в палату, подойти к койке, на которой ты когда-то лежал, или к столу, за которым ты обычно сидел, – чтобы хоть ненадолго прикоснуться к твоему миру. Наверное, это глупо – но ведь одна эта минутка согревает меня весь день...»

Эта уверенность была в самых первых письмах Ларисы, но уже после того, как они начали постоянно встречаться, порой стал проскальзывать испуг:

«...Я все сильнее убеждаюсь, что кто-то потусторонний препятствует нашим встречам. Причем он не расстраивает их окончательно и бесповоротно, но создает десятки преград – чтобы я отступилась, чтобы повернула назад: автобусы не приходят по расписанию или ломаются по пути, вдруг всплывает крайне неотложное дело. А если встреча все же состоится, то я обязательно расплачиваюсь за нее какой-нибудь неприятностью. Это как бы дань... Я убеждаю себя, что произошедшее – мелочь, что могло быть значительно хуже, и принимаю эту неприятность как необходимость, как нечто обязательное. Ведь за все надо платить... Главное, что мы, хотя бы ненадолго, снова будем вместе!...»

«...Женщины живут дольше, чтобы после реинкарнации души быть моложе мужчины, которого любили в этой жизни, и снова имели возможность выйти за него замуж. Так что не обижайся, но я хотела бы прожить на несколько лет больше тебя. Если только получится...»

У Дениса не было своей машины, и они мотались друг к другу на междугороднем автобусе – не только на выходные, Лариса приезжала и среди недели, когда у нее не было дежурства. Даже на оформление дипломного проекта и дипломную защиту Денис уезжал без радости, потому что уже не представлял два месяца жизни без нее.

В Москве ежедневно и даже ежеминутно торопил время. По несколько раз за вечер спускался на вахту институтского общежития, чтобы посмотреть, нет ли долгожданного письма. Хотя весточки приходили почти каждый день, все равно было мало – вечером звонил ей по телефону. Как-то поймал себя даже на том, что в тексте дипломной работы пишет ее имя... Зато возвращался – как на крыльях летел. Сразу с дипломной защиты поехал в авиакасса. И когда не смог купить билет на самолет до Красноярска, не стал ждать – поехал скорым поездом в Ленинград в надежде, что там повезет с авиабилетом. Сердце его было уже с Ларисой...

В поезде не отрываясь смотрел в окно, мысленно подгоняя состав, когда тот замедлял ход. Что же он так тащится?.. Вот с грохотом пронёсся встречный – поезд сразу начал ускорять движение: быстрее побежали вдоль насыпи телеграфные столбы, потом замелькали всё чаще, словно спешно отмеряя навёрстываемое время. И вдруг всё исчезло: столбы, пестрый кустарник, сплошная лента леса – остались только голубое небо вверх и голубая вода вниз. Поезд парил над широкой рекой...

Словно на картине искусного художника, простирался вдаль речной пейзаж. Летним зноем и одновременно ласкающей теплотой манила широкая песчаная коса на излучине, выше золотистой желтизны песка – сплошная зелень, из которой выглядывали светлые крыши домов. Между ними угадывались взбирающиеся вверх по склону улицы. Выше, выше... А над всем этим, на самой вершине холма, – устремлённая ввысь белоснежная церковь. Словно изготовившаяся для полёта белая птица! И такой невероятный простор вокруг!..

Всё это промелькнуло, как видение, – и снова подступила к самой насыпи стена деревьев. Но перед взором Дениса продолжали стоять крыши городка, песчаная коса с косыми чёрточками вытасненных из воды лодок и широкая чистая река. Ведь он уже видел всё это! Он знает расположение улиц, он помнит облик домов! Но, с другой стороны, он абсолютно уверен, что никогда прежде здесь не был!

Откуда же, из какого закоулка памяти возникла эта непонятная осведомленность?! Жил он здесь в своём прошлом рождении, или это видение уже из будущего?..

Так до самого Ленинграда и просидел он у окна, впитывая проплывающие мимо родные русские пейзажи: и весёлые берёзовые перелески с подразумеваемыми россыпями ядреных подберёзовиков, и поросшие кувшинками, манящие невиданной доселе рыбалкой речки, и просторные поля с перекинутыми через них серыми ленточками дорог, и пестроту лугового разнотравья... Хорошо-то как! Душа пела и звала то на некошеную лужайку, то под дерево на берегу крохотного озера, то в берёзовую рощу. Вот где он должен жить, вот где его родные места, вот где он будет счастлив! Вот где ему всегда будет радостно! И что снова ждет его там, в Сибири?.. Что это он, как же он это забыл – ведь там его Лариса! Нет, это просто мысли случайно коснулись тяжелого сибирского пласта памяти. И ни на секунду он про Ларису не забывал – ведь именно потому так радостно на душе...

* * *

Из аэропорта он помчался напрямик к Ларисе. И был удивлен довольно прохладной, как ему показалось, встречей. Нет, внешне она обрадовалась, повисла у Дениса на шее – но все время отводила глаза и будто чего-то недоговаривала. Он даже подумал было про другого мужчину, но тут же отогнал эту кошмарную мысль. А потом ночь и взаимные ласки все расставили по своим местам – и он уже корил себя за то, что мог в Ларисе усомниться...

Утром, собираясь на автобус, спросил, когда теперь ее ждать у себя.

– Сейчас график работы найду!

Лариса достала из сумочки бумажку. Он протянул руку, взял, развернул и несколько мгновений пытался прочитать непонятные каракули.

– Нет, это, похоже, какие-то анализы...

Лариса выхватила бумажку и поспешно спрятала ее назад в сумочку.

– Это не то! – сказала она, мгновенно залившись краской.

По ее поспешной реакции и сразу севшему голосу Денис понял, что Лариса чем-то напугана. Осторожно спросил:

– Что-то случилось?

– У меня рак, – сказала она, как выдохнула.

Он все понял сразу – и ее отведенные глаза, и ее первоначальную скованность. Понял и стал успокаивать:

– Ну, диагноз – это еще не все. Может, просто ошибка? Я к вам тоже с диагнозом туберкулеза попал... Кроме того, на ранней стадии многие люди излечиваются. Ты его чувствуешь? В каком месте?..

– Пока неизвестно. Это только по крови установили... Но ты не бойся, я выкарабкаюсь...

Денис сжал ее руку и ощутил, что прямо сейчас готов отдать ей половину своего здоровья, даже большую часть, только бы она жила. Нет, он женится на ней немедленно – и они вместе будут бороться со страшной болезнью. А если случится самое страшное, то лучше всего, если умрут в один день...

Словно прочитав его мысли, Лариса попросила:

– Не надо. Ничего не говори...

Он не стал ее утешать, понимая, что кого-кого, а врача не обманешь.

Добавил только:

– Я тебя люблю. Если вдруг совсем не будет сил бороться, поборись еще – для меня.

– Ладно, – сказала она просто. – Я ведь очень хочу жить. И не только жить...

Она прижалась к нему щекой, а Денис сжал ее узкую прохладную ладонь и держал в своей долго-долго, чувствуя, как исчезает граница между их телесными оболочками. Вот они уже стали одним неразделимым целым, одинаково чувствующими и одинаково все понимающими. Как хорошо вместе молчать, ведь этим молчанием, этим соприкосновением душ можно сказать больше, чем любыми, самыми емкими словами.

Но вот Лариса отодвинула свое лицо – и Денис увидел ее усталые, покрасневшие глаза. Значит, он так и не сумел ее успокоить. И, прощаясь, слышал то ли ее шепот, то ли шелест листьев дерева за окном:

– Я выка-раб-ка-юсь...

* * *

К очередным выходным он приплюсовал накопившиеся отгулы. Взял палатку и спальные мешки, попросил резиновую лодку у друзей – и они поплыли вниз по Енисею. Пусть это была не та желанная ярославская речка Секша, но все остальное могло стать таким же, как часто мечталось. Для него это было очень важно, особенно в теперешней ситуации...

Они причаливали к берегу там, где нравилось, разводили костер, варили уху. В отличие от благоустроенного быта квартиры, здесь надо было многое уметь и постоянно как бы опекать Ларису, поэтому Денис ощущал себя сильным и уверенным.

Один раз сказав о своей болезни, Лариса больше ни разу к этой теме не возвращалась и как будто успокоилась. Но Денис прекрасно представлял, что творится у нее на душе, и, как мог, старался отвлечь. Ночевали в палатке, и он, проснувшись раньше Ларисы, долго лежал, замерев и вслушиваясь сквозь размеренный шум реки в ее дыхание...

Это произошло на вторую ночь. Когда он испытал новое для себя ощущение, то просто не успел понять того, что происходит. Во сне вдруг почувствовал, как тело стало гореть, будто после ожога, а следом он вообще задохнулся – будто вместо воздуха вдохнул горячее пламя. Непонятное пугает во сто крат сильнее – и представив, что он, вспыхнув, разлетится на составляющие, на атомы, Денис лихорадочно расстегнул спальный мешок и вылетел наружу. Сразу все прекратилось – и он решил, что дело в плотно застегнутой палатке, в нехватке кислорода... Но когда под утро, уже в полудреме, подобное произошло во второй раз, он понял, что это не приснилось. Но объяснить происходящее опять не смог: возможно, рассуждал он, произошел непонятный энергетический перегрев, возможно, палатка стоит на какой-то аномальной зоне... Снова поспешно выбрался из палатки, но даже со встревоженной Ларисой не поделился своими предположениями – в конце концов, это затрагивает его одного. А в каждом человеке очень много непонятного и непознанного...

На следующую ночь это повторилось – он, словно после чьего-то толчка, вынырнул из плена сна и тут же ощутил уже знакомое удушье. Кожа начала гореть сухим огнем, а непонятный жар, распространяясь по телу, словно выжигал все внутри. Особенно

накавился тот участок тела, которым он соприкасался с Ларисой. Значит, это было все-таки связано с ней?! Из палатки он больше не выскакивал и даже нашел способ тушить пугающий жар: нужно было всего лишь отодвинуться как можно дальше, насколько позволяла палатка – и через некоторое время все проходило само собой. Правда, еще довольно долго сохранялось ощущение, будто тело пронизывают, покалывают падающие сверху невидимые космические лучи.

Поняв, что ничего страшного не происходит, он стал находить этот поток выжигающий энергии даже приятным – после него внутри рождалось ощущение чистоты. Потом он мысленно переключил этот целительный поток на Ларису. И энергия, действительно, оказалась реальной, потому что та вдруг отпрянула. Но ненадолго – потом прижалась к нему опять. Заговорив о непонятной энергии, они пришли к выводу, что, может быть, это и есть лекарство от болезни. Во всяком случае, так хотелось в это верить...

Уже в конце их маленького путешествия Лариса сказала: «Я, кажется, понимаю, что происходит: мы – две половинки какого-то космического приемника. Один из нас заряжается от космоса, чтобы потом зарядить другого. Но я так и не поняла: кто – кого? Но то, что эта энергия целительная, я не сомневаюсь, ведь она рождена нашей любовью...»

А потом начались частые командировки. После окончания института Дениса назначили начальником изыскательской партии, и он мотался из отряда в отряд. Измочаленный, заезжал к Ларисе вечером, а утром снова ехал в тайгу – что-то организовывать и налаживать. Часто летал в Красноярское управление, а то и в Москву за оборудованием. Понимал, что слишком мало уделяет ей внимания, но тешил себя надеждой, что вот разгребет самые неотложные дела – и тогда уж... Лариса же, давшая во время того сплава по Енисею согласие переехать к нему, почему-то все оттягивала этот переезд. А он, теперь так же редко появляющийся и в своей квартире, активно не настаивал...

За два дня до Нового года он, даже не позвонив предварительно, приехал с шампанским и цветами, чтобы сделать официальное предложение. Мечтал, что этот праздник они встретят у него и больше он уже никуда ее непустит.

На звонок дверь открыла дальняя родственница Ларисы, с которой она однажды его знакомила.

– О, да тут полный дом гостей! – воскликнул Денис. – Почему не слышно музыки?

– Да я вроде как уже и не гостья, – несколько растеряно ответила открывшая.

– Да и я вроде как не гость...

– Я теперь здесь не гостья, а хозяйка, – поправилась женщина.

– А Лариса что, переехала? – опешил он. – И меня не предупредила...

– Она вообще уехала и квартиру на меня переписала.

– Куда уехала? – ошарашенно спросил Денис, чувствуя, как все внутри его холодеет. – Надолго?

– Лариса не сказала куда, но уехала навсегда. Обещала как-нибудь позвонить...

– Она какую-нибудь записку для меня оставила?

– Да, письмо...

Вскрыв конверт, Денис стал читать, с трудом улавливая смысл...

«Я до последнего момента не решалась написать тебе это письмо. Что лучше: если ты всегда будешь считать меня живой или через какое-то время узнаешь, что меня больше нет? Не знаю, так и не решила окончательно... Но я люблю тебя и не хочу стать обузой. Мой приговор я знала еще несколько лет тому назад. И тогда же решила ни с кем не связывать свою жизнь. А когда встретила тебя, подумала: у меня никого нет – пусть хотя бы ненадолго будешь ты. Но я не думала, что так привяжусь к тебе, что ты станешь для меня дороже остатка жизни... А болезнь, к моему изумлению, стала отступать. В это трудно поверить, потому что было против всех законов – но именно потому я и согласилась тогда на твое предложение жить вместе. Я прошу у тебя за это прощения... А потом мне показалось, что ты охлаждаешь ко мне, и болезнь будто только этого и ждала – вернулась. Тогда я решила уехать, чтобы ты не видел, как я дурнею и угасаю. Я не могу допустить, чтобы ты меня увидел такой... Я благодарна тебе за все...»

Перед глазами у него все поплыло. Чтобы родственница не видела покотившихся слез, Денис резко повернулся и на негнущихся ногах пошел вниз по лестнице. Куда – он и сам сейчас не знал...

* * *

У него даже не осталось Ларисиной фотографии – та не хотела фотографироваться ни с ним вместе, ни одна. Фотография – это память, а она готовилась умирать, поэтому старалась, чтобы ничто потом не напоминало о ней. И уехала, не оставив адреса, не оставив никакой надежды. Денис не искал ее, понимая, что это практически невозможно, и еще потому, что она сама так захотела. Лишь однажды был междугородний телефонный звонок. Денис снял трубку и несколько минут слушал молчание, явственно ощущая ее присутствие на другом конце провода.

Он был уверен, что это звонила Лариса. Сколько бессонных ночей провел он потом в палатках, слушая, как когда-то с ней, шум реки. Сколько раз видел во сне ее глаза... Сколько писем, нежных и страстных, он написал! Нет, не на бумаге – в уме, потому что некуда было их отправить...

«...Я часто ловлю твою неясную, но узнаваемую тень в зеркале – оно ведь тоже помнит твое присутствие. И я нередко мысленно превращаюсь то в кресло, обнимающее тебя за плечи, то в палас на полу, помнящий твои ноги. Даже в страницы книги, которую ты читала, – чтобы ощутить прикосновение твоих пальцев. И только в себя тогдашнего превратиться не могу... Почему? Потому что я теперь всего лишь половинка себя – и без второй половины мне уже никогда не суждено стать целым...»

Умом Денис понимал, что Ларисы нет на сотни, а, может быть, и на тысячи километров вокруг. Но надежда умирает последней – и он каждый раз вздрагивал, увидев похожую фигуру, прическу или походку. Оглушительно начинало стучать сердце, он почти бегом кидался за женщиной – и либо сразу понимал, что ошибся, либо, обогнав и заглянув в лицо, испытывал одновременно и разочарование, и успокоение. Иногда ноги непроизвольно сворачивали на улицы, по которым они вместе ходили, или к зданиям, где они бывали. Он садился на те скамейки, на которых они когда-то сидели, и, забывшись на какое-то время, начинал даже ощущать ее присутствие...

Денис понимал бессмысленность своих поисков, ведь если бы болезнь отступила – Лариса непременно позвонила бы. Это было несправедливо по отношению к ним обоим, но изменить он ничего не мог, поправить тоже. Возможно, ее уже нет на Земле, но, пока жив один из любящих, история их любви не закончена...

Иногда Денис приезжал только для того, чтобы посмотреть на окна бывшей ее квартиры. Правда, ни разу так и не зашел в подъезд. А случайно проходя мимо городского кладбища, вспомнил, что однажды они были здесь с Ларисой. В родительский день, кажется? Здесь был похоронен кто-то из ее дальних родственников. Зайдя тогда в маленький магазинчик у входа, они купили свечку и, проплутав целый час по одинаковым дорожкам между рядами оградок, гранитный памятник так и не нашли. Проходя мимо какой-то старой, осевшей могилы без оградки и даже без креста, поставили в заросшую травой яму свечу и зажгли. Свеча разгоралась с трудом, грозя потухнуть, и, несмотря на абсолютное безветрие, язычок пламени метался из стороны в сторону, словно неприкаянная безымянная душа...

Сейчас Денис без труда отыскал ту безымянную могилу. Ее кто-то подновил, должно быть кладбищенский смотритель, и даже поставил простенький деревянный крест без имени и дат. А свеча на этот раз горела ровно, только все время почему-то тянулась в сторону Дениса...

Он и на этот раз не зашел к родственнице насчет новостей, заранее зная, что их не будет, – поехал домой. На автовокзале женщина-диспетчер объявляла прибытие и отправление автобусов, объявляла голосом Ларисы. И каждый раз, когда она говорила «Счастливого пути!», сердце Дениса замирало от знакомой интонации. Представлялось, будто это говорится именно ему. Хотя до его рейса нужно было ждать еще два часа, он так и просидел на жесткой скамейке, слушая этот голос. Поначалу хотел было пройти в автовокзал, чтобы взглянуть на загадочную женщину, но тут же отогнал эту мысль – пусть все останется чудом, пусть это говорит живая Лариса!

Бывает любовь-радость, делающая жизнь ярче и красивей, а бывает любовь-болезнь, которая постепенно сжигает сердце и душу, оставляя в ней только воспоминания. Может быть, она дана ему как расплата – слишком счастлив Денис был до этого. Наверное, все именно так, недаром эта мысль приходит снова и снова... Ведь ничего в жизни не дается просто, за все нужно платить свою цену. Сразу или потом. Или, может быть, это его плата за другую жизненную радость – за стихи?...

Тенью черною в глазах тоска,
Черной птицей бьется боль в висках,
Думы длинные, как ночь в январе...
Белый-белый Божий храм на горе.

Невозможно затеряться в глуши,
Или просто – помолиться в тиши,
Нет спасенья в горьком вине...
Белым облаком печаль в вышине.

Бесполезно говорить о любви,
Если женщина сожгла корабли.
Так любила, а уйдет – что убьет!..
Белой памятью как птица плывет.

Не спасет воды холодной ушат,
Коль скулит и прошлым бредит душа.
Но, как первый тонкий снег во дворе, –
Белым утром лист стихов на столе...

* * *

- Его болезнь? Снова ЭТИ нашли его и попытались убрать?
- Нет. На сей раз – это просто болезнь...
- Потеряв любовь, он страдает еще сильнее, чем в прошлый раз.
- Зато научился любить по-настоящему и научился говорить о любви.
- Но, чтобы говорить о любви, нужно выстрадать каждое слово. А для этого нужно мучиться по-настоящему...
- Да, душа поэта должна вывернуться наизнанку: уметь плакать от счастья и смеяться над неудачами, в каждой строке метаться в бесконечности между любовью и ненавистью.
- Именно то, от чего мы попытались его защитить! Кроме того, для него это означает оказаться на виду у тысяч, а то и десятков тысяч людей... ЭТИ его снова вычислят!..
- Что поделаешь, если душа его, подобно проросшему весной зерну, устремлена к Свету – она мечется и не находит покоя...
- Но твой ученик не сможет самостоятельно выбраться из этого лабиринта. Сейчас, как никогда, ему нужен Учитель!
- Нет. Я снова повторяю – мы ничем не можем помочь. Любая помощь сразу станет убийственной. Ведь он действительно талантлив, и ЭТИ сразу поймут исходящую от него опасность.

– Да, но он сам притягивает эту опасность, потому что выбирает далеко не спокойную и не простую жизнь.

– Он интуитивно нащупывал самую интересную и яркую жизненную струю. И уже достиг ступени, которую не каждый осиливает даже при помощи Учителя. Он научился любить и стал Поэтом...

– Но как ему это удалось с нашим охраняющим душу коконом?

– Очень просто – снял защитный кокон!

– Как это, снял? Ведь это невозможно!

– Если бы я знал, как ему это удалось!..

Откровение Боруса

Подновленные свежим снегом, пять вершин Боруса ослепительно сверкали впереди. Казалось, их белоснежные склоны начинались совсем рядом – сразу же за нежной дымкой уже готовых одеться в листву ближайших деревьев. Весенняя прозрачность тайги, открыв видимость, скрадывала расстояния. Зимой пространство скрадывал снег, летом – закроет густая зелень...

Только к середине лета Борус остается без снега, и в некоторые годы промежуток этот весьма короток – всего месяц-полтора. Тогда оттаявшие вершины принимают красноватую окраску – цвет голого камня. Но даже тогда, в самую жару, в узких распадах, что ближе к главному пику, можно отыскать островки оплавленного солнцем плотного снега. В общем, как на настоящем высокогорье: во-первых, Сибирь, а во-вторых, как-никак высота более двух тысяч метров.

На основании этих двух факторов местные альпинисты успешно готовились к покорению более серьезных вершин и даже участвовали в громких международных восхождениях. Лет двадцать тому назад на плато, в окружении вершин Боруса ими была построена избушка, названная впоследствии в честь погибшего альпиниста «Приютом Пелехова». Этакая альпинистская Мекка местного масштаба, юбилеи которой праздновали неукоснительно, да и дату завершения строительства приюта – практически ежегодно.

Пару раз на такие мероприятия Денис поднимался даже с громоздкой тяжелой видеокамерой и штативом. И подъем тогда давался ему довольно легко. Но сегодня на последнем участке

подъема на «тягуне» он почувствовал себя откровенно неважно. Дело даже не в том, что давно не испытывал подобных нагрузок, ибо к ненадтренированности можно приспособиться, сделать скидку на временную «слабосильность», – и в отсутствии попутчиков, перед которыми приходится «держаться марку», вносить соответствующие поправки в ритм подъема. То есть идти медленно и размеренно, почаще отдыхать. Нет, на этот раз ощущение было такое, словно недавно перенес тяжелую болезнь и до сих пор от нее не оправился. Но в том-то и дело, что свое физическое состояние он даже во время отпуска поддерживал на уровне, а недавняя эпидемия гриппа его благополучно миновала... Тем не менее, сердце готово было выскочить из груди, а ноги, будто налитые свинцом, с трудом повиновались.

Тайга красива в любое время года, но сегодня ни она, ни открывшаяся сверху панорама горных вершин не вызывали у Дениса обычного чувства душевной приподнятости. Скорей бы уж этот «плановый турпоход» закончился в желанной избушке-приюте! Там ждут его Гриша Поленов с компанией, там можно отдохнуть и обсушиться возле горячей печки!

То, что группа альпинистов, о которых он собрался писать документальную повесть, давно в приюте, Денис не сомневался, ибо Гриша клятвенно пообещал привести их туда в пятницу вечером. Ключевым звеном данного мероприятия предполагались не только невероятные истории и ностальгические воспоминания, показательные подъемы и спуски, но и неформальное общение за «рюмкой чая». А где еще так распахиваются сердца суровых мужчин, как не в дружеском застолье? Если бы не это обстоятельство, Денис не тащился бы сейчас по крутой тропе, а давно бы уж пожалел бунтующий организм и повернул назад. И уже часа через два пил бы горячий кофе в своей квартире, цитируя в оправдание слова известной песни: «Я эти горы в телевизоре видал...»

Спуск с перевала в долину дался полегче, но все равно добирался он до избушки-приюта с частыми передышками – словно какой-то неопытный «чайник». Хорошо хоть, что никто из знакомых его при этом не видел!

Силуэт темного треугольника крыши на фоне неба Денис различил уже в сумерках прямо перед собой. Хотя какие там сумерки... Если бы не отвсечивающий первозданной белизной

снег, на фоне которого можно было еще что-то рассмотреть, время суток следовало бы назвать потемками.

Самое странное, что света в окне приюта не было. Зато на скамейке возле избы сидел, подняв лицо к небу, какой-то человек. На появление постороннего он никак не отреагировал и продолжал оставаться совершенно неподвижным – так что Денис невольно подумал: «Не замерз ли, часом?» Но как только сделал пару шагов в его направлении, странный человек повернулся – и Денис ощутил его испытующий взгляд. Он даже не понял, откуда сделал такое заключение, ведь даже лица незнакомца – по всей видимости молодого парня – в темноте практически не было видно. На приветствие Дениса он просто молча качнул головой...

В избушке никого не оказалось. Печь была еще теплой, но дрова прогорели: то ли незнакомец собрался уходить на ночь глядя, то ли сидит на своей скамейке довольно давно. Выходило, что альпинисты вместе с Гришей где-то подзадержались. «Что же они по тропе с фонариками добираться будут?» – удивился Денис. Но тут же подумал, что у профессионалов могут быть свои причуды...

Пока он растапливал печь, пока чистил принесенную им по разнарядке картошку для большого ужина на всех, про парня попросту забыл. Поэтому, когда за спиной открылась скрипучая дверь, – даже вздрогнул. Еще большее удивление вызвало то, что через порог шагнул не долгожданный Гриша Поленов, а все тот же странный парень с охапкой дров. При ближайшем рассмотрении он оказался не таким уж и молодым, как показалось в темноте, – было ему, пожалуй, за тридцать.

– Добрый вечер, – поздоровался тот, будто только что увидел.

– Да вроде как виделись...

Денис не удержался от маленького ехидства, поскольку странный парень своим молчанием первым установил некую дистанцию. Да и все то же неважное самочувствие оставалось причиной его совсем не лирического настроения. Отдышаться к этому времени он уже отдышался, но во всем теле, в каждой его клеточке продолжала гнездиться усталость. Что было, в общем-то, состоянием непривычным. В качестве успокаивающего довода он мысленно процитировал известное высказывание, что «здоровый человек – это не тот, у которого ничего не болит, а тот, у которого каждый раз болит в другом месте». Но глубокая мысль

не успокаивала – уж не болеет ли он, в самом деле? Совсем некстати...

Парень глянул на кастрюлю с начищенной картошкой и спросил:

– Ждете кого-нибудь?

– Тренера Гришу с его альпинистами.

– Сегодня уже не придут, – заверил парень. – Так поздно еще ни разу никто не приходил.

– А Вы что, тут часто бываете? – поинтересовался Денис.

– Вообще-то, в первый раз, – признался парень. – Но зато, можно сказать, заслуженный абориген – живу здесь четвертую неделю.

«Вот те на! – сказал про себя Денис и даже мысленно выругался. – Стоило мучиться и тащиться в эту даль, чтобы провести вечер, да еще и ночь с каким-то чокнутым или, того хуже, бомжем. Определенно, бомж, ведь для интеллигентного отшельничества место здесь совсем не подходит – и шумно, и тесно, особенно по выходным...»

Будто угадав его мысли, парень уточнил, причем весьма витиевато:

– Вдруг осознал, что заблудился и не знаю, куда идти дальше. Здесь, на Борусе, временно отрешился от мира, ушел в себя и начал поиск своего места в жизни...

– Бывает... – осторожно поддакнул Денис, со стопроцентной уверенностью констатируя, что у парня «тараканы в голове».

– А здесь осознал, что мой земной путь – это служение людям, – продолжал тот. – И сделал шаг к духовному обновлению, вернее, внутрь самого себя – к тому, что называют высшим Я или Божественной искрой. Никто из живущих на Земле не даст человеку больше, чем он может дать сам себе...

«Рериховец...» – чуть поколебавшись, решил Денис, на этот раз окончательно. Заключение это с некоторым облегчением, но без особой радости, ибо против рериховцев – сам не знал, почему – у него тоже было давнишнее предубеждение.

– Нет тех знаний, которых бы не было в каждом человеке, – продолжал словоохотливый незнакомец то ли для Дениса, то ли рассуждая сам с собой, – и нет того могущества, которое было бы помимо человека. Человек обладает всем... «Ищите – и обрящете», – говорил Иисус, который пришел в мир обыкновенным человеком...

«Может, адвентист? – вновь засомневался Денис. – Немудрено, что в приюте, против обыкновения, кроме него нет никого – такой цитатами из Библии мертвого замучает!»

Что и говорить, вечер ему предстояло провести далеко не в самом приятном общении – как рериховцы, так и адвентисты раздражали Дениса упертым догматизмом и витиеватостью выражения мыслей. В последнее время их в поселке развелось великое множество, и все настойчиво старались влезть в душу, порой прямо на улице. Денис поначалу пытался с ними полемизировать, но потом стал прерывать общение в самом зародыше. Действительно, если у тебя есть собственные мысли, то не цитируй после каждого слова Библию, а если ты не можешь выразить свои мысли просто и ясно – значит, сам толком не понимаешь, о чем говоришь...

Вот и сейчас Денис решил использовать тот же прием. Раз готовить общий ужин не потребовалось, он просто выпил чаю со сгущенкой и, распаковав спальный мешок, улегся поверх него с мыслью «раньше ляжешь – быстрее наступит утро».

Однако сон не шел – определенно, что-то в его организме разладилось, и мысли раз за разом скатывались в воронку больничной темы. «Если мыслить философски, – рассуждал он, – то здоровье – это всего лишь перерыв между двумя болезнями. Вторую же половину жизни вообще приходится утешать себя афоризмами вроде «Лучше десять раз тяжело заболеть, чем один раз легко умереть» или «Лучше гипс и кровать, чем камень и ограда». Что там еще было сказано классиками по данному поводу? Нет, хватит думать о здоровье, надо переключаться на что-то другое, а то можно совсем раскваситься!..»

Сквозь прикрытые ресницы он стал наблюдать за соседом, вернее, за его затылком. Парень неподвижно сидел перед горящей свечой – так же, как тогда на улице. «Сидя спит, что ли?.. Нет, скорее всего, медитирует... – терялся Денис в догадках. – Оч-чень разносторонняя личность!..»

К медитации Денис как раз относился без предубеждения, ибо сам одно время был в том грешен. Во время последней экзаменационной сессии в институте, в Москве, он параллельно окончил школу трансцендентальной медитации. Самое странное, что где-то за полгода этому предшествовал вещий сон, то есть все было предопределено. Будто идет он по мрачному подземному туннелю в группе людей, а сопровождают их похожие на монахов

охранники – с факелами и в надвинутых на самые глаза капюшонах. Они именно охраняли, потому что, когда процессия проходила мимо темных разветвлений подземелья, оттуда каждый раз веяло угрозой и ужасом. Потом все вышли будто бы в некое обширное помещение – потрескивающие факелы не освещают ни стен, ни потолка, но чувствовалось, что размеры пространства огромны. После непродолжительного ожидания прозвучал голос: «Сегодня ничего не будет...» Или, может быть: «Сегодня Его не будет...» Сейчас некоторые детали вспоминались уже неоднозначно... На этом месте он тогда проснулся, но через несколько дней снова увидел тот же сон или, вернее, его продолжение. Только теперь они вышли уже в слабо освещенную пещеру гигантских размеров. Противоположная стена была вырублена в виде гигантской ступеньки, и на ней стоял зажженный огарок свечи. В его мозгу тотчас родился невероятный до абсурдности вопрос: «Каковы размеры этой свечи – десятки, сотни или, может быть, миллионы километров?..» Совершенно абсурдная мысль и абсурдные расстояния!.. Яркий, как солнце, огонек высвечивал прислоненный к каменной стене портрет человека в белом... И тут вдруг изображение начало отделяться и приобретать объемные формы. Вот уже человек в белой, сияющей неземным светом накидке стал спускаться к нам по воздуху – и чем ближе он подходил, тем его размеры странным образом приближались к обычным, человеческим. Вот он уже среди них и начинает говорить. Удлиненное лицо, маленькая борода... Денис почему-то плохо запомнил черты, но и лицо, и тело говорившего были божественно прекрасны! Восторг переполнял оттого, что он видит, и оттого, что он слышит... Но вдруг он с ужасом осознал, что говорится все на незнакомом языке, и он не понимает ни слова. Денис даже похолодел, поняв это. И тогда где-то внутри, словно бы в мозгу, прозвучал успокаивающий голос: «Не бойся, когда будет нужно – ты все вспомнишь и поймешь...»

Вспомнился сон в той самой школе медитации, когда преподаватель-американец начал читать молитву посвящения на древнеиндийском языке. И еще: на придвинутом к стене столе, как бы образующем ступеньку, горела свеча перед портретом человека в белом – учителя Махариши...

Парень сидел перед свечой минут двадцать – все это время Денис изучал его неподвижный затылок. Наконец шевельнулся, медленно повернулся и спросил:

– У Вас проблемы со здоровьем? Я ощущаю Ваше сильно деформированное поле. Особенно нарушена нижняя его часть.

– Не то чтобы проблемы, а так... Сам не пойму, в чем дело!.. – неожиданно признался Денис, откровенно удивленный проницательностью незнакомца. И тут же предложил: – Знаешь что, по возрасту мы не сильно отличаемся, так что давай будем на ты!

Тот кивнул утвердительно и продолжил:

– Чтобы сохранить физическое здоровье, надо сознательно чувствовать пульс жизни, который находится в гармонии со звездным ритмом разумной Природы...

– Ты не обижайся, но нельзя ли изъясняться как-то попроще? – перебил Денис, пожалуй, несколько бесцеремонно.

Парень опять кивнул и закончил свою заумную речь совсем неожиданно:

– Вообще-то, если не возражаешь, я могу поработать с твоей энергетикой, подкорректировать...

– Только давай уж для начала хотя бы познакомимся, – предложил Денис, осмысливая сказанное и оттягивая ответ. – Денис Лидин.

– Анатолий Каржавин, – представился парень и снова предложил: – Я давно работаю с человеческой энергетикой и умею ее корректировать. Если не боитесь... Если не боишься, конечно.

– Я с некоторых пор уже ничего не боюсь, разве что зубной боли, – отшутился Денис.

– Муки душевные страшней физических. Но есть Любовь – великая Истина жизни, которая разрушает все противоречия...

Денис больше не стал его прерывать – похоже, что выражать мысли обычными словами Анатолий просто не умел.

Тот сел напротив и сделал руками движение, будто снял с Дениса что-то из верхней одежды. Потом стал это невидимое поворачивать между раздвинутых ладоней. Денис настроился скептически улыбнуться – и тут же напрягся, потому что возникло довольно неприятное ощущение натянутых струн, соединяющих его мозг с пальцами Анатолия. Невидимые нити то до предела натягивались, либо вообще рвались. Не сказать, чтобы было больно, но достаточно неприятно. Денис так и не понял, почему тут же не прекратил это издевательство над собой...

– Твоя энергетика до предела запакована, – заключил Анатолий. – И еще, она сильно деформирована на связь с прошлым. Может, какой-нибудь страшный сон или встреча с неприятным старым знакомым?

– Не-ет... – ответил Денис недоуменно, но тут же вспомнил и поправился: – Вот если только книга стихов, которую недавно закончил... В ней почти все взято из прошлого. Пока составлял сборник, словно бы заново им переболел...

– Не ожидал встретить здесь настоящего поэта, – Анатолий в первый раз открыто улыбнулся. – А о чем стихи?

– Так сразу не ответишь... – несколько даже растерялся Денис. – История собственной жизни, череда потерь и духовных исканий, ошибок и размышлений... В общем, коротко не перескажешь – стихи ведь нужно читать.

– Да, духовные искания – это всегда непросто, – собеседник сразу посерьезнел, – и прошлое выступает тяжелым грузом...

– Каким бы тяжелым ни было, но иногда возникает желание его переосмыслить – продолжил свою мысль Денис, подумав, что ответил невнятно. – Стихи ведь пишут не для того, чтобы, а потому, что...

– Насколько я могу судить, – предположил Анатолий, – ты перетащил в настоящее какую-то агрессивную сущность. Теперь она борется, чтобы не возвращаться назад, поэтому и оборвала твою связь с Космосом...

«Вот уж загнул так загнул... А я стал было ему верить!» – Денис хотел рассмеяться, но тотчас подавил желание, вспомнив о разрывающихся нитях и о нескольких связанных с этим неприятных минутах.

– Нужно попросить прощения у Учителя, – сказал Анатолий, не обратив внимания на реакцию Дениса.

– За что?

– За те разрушения в Мироздании, которые ты сделал, пусть и невольно.

Слова Анатолия снова вызвали внутреннюю усмешку, но Денис старательно упрятал ее и закрыл глаза. Обращаться напрямую к Создателю, право, было неудобно – поэтому он обратил свои мысли к абстрактному Учителю. Подчиняясь указаниям Анатолия, начал старательно выстраивать их в некое подобие молитвы: «Учитель,

прости меня...» Честно говоря, он плохо сознавал, о чем просит – практически ни о чем. Просто признавал свою вину...

Да, он виноват, причем больше всего – перед самыми близкими людьми. Перед Олюшкой, на которой женился без любви. Какой верности можно требовать от женщины, которая знает, что ты ее не любишь, а женитьбой как бы сделал одолжение. Он виноват перед дочерью Танюшкой, которая всю жизнь будет чувствовать себя обделенной в самом главном – в отцовской любви. Дочь так никогда и не станет частицей его, вернее, его частичным отражением... Он виноват...

* * *

И тут из глаз хлынули слезы. Пусть не потоки с рыданиями и размазыванием по щекам, но побежали два неуправляемых ручейка – это уж определено. Денис сразу почувствовал себя крайне неудобно, представив себя со стороны, – сидит взрослый мужик перед малознакомым посторонним человеком и плачет.

– Это слезы сердца, – успокоил проникательный Анатолий. – Сейчас станет легче не только на душе, но и вообще. Очень хорошо, когда слезы, а то встречаются люди, не умеющие плакать, – у них душа умирает раньше тела, и они как бы пусты изнутри. Эти не плачут...

Действительно, вскоре наступило внутреннее расслабление. А потом Денис словно бы погрузился сознанием в одно из своих стихотворений: ясно увидел зеленую террасу на берегу Енисея, окружающие ее горы, голубую воду реки, белые облака над головой... и темные силуэты сгрудившихся конников. Происходило жестокое сражение...

«Так вот оно, зло! Я, окунувшись в историю, вытащил из прошлого людскую жестокость и ненависть, средневековый деспотизм и бесчеловечность...»

Осознав увиденное, Денис стал собирать эти расползающиеся тени – как бы сгребать руками в кучу. Темная масса росла, росла... и вдруг стала сама по себе забрасываться землей, пока на месте ее не образовался курган. Тут же подумалось: «Вот почему над мертвыми возводились высокие земляные насыпи! Это не столько дань их доблести и память о битве – это для того, чтобы дух жестокости и зла не выбрался наружу, на землю, а устремлялся прямо в космос через островерхую, устремленную в небо вершину...»

Какая-то чернота за клубилась вокруг, и Денис стал погружаться в нее. Неясный желтый блик замерцал перед глазами – это была маска из желтого металла, правда, плохо различимая за клубами черного тумана. Раскосые, вытянутые к вискам щели для глаз, искаженные зловещей улыбкой губы. Он почувствовал, что за маской скрывается какая-то злая сущность – она стремится к нему, хочет во что бы то ни стало приблизиться. Огромным усилием воли Денис удержал ее на расстоянии. Чья воля победит? Он оказался сильнее – и расстояние между нами стало увеличиваться. То, что скрывалось за маской, издало неслышимый, но бьющий по нервам жуткий вопль и обрушило на него волну испепеляющей ненависти. Денис испытал леденящий холод во всем теле и устремился вверх, пытаясь вынырнуть из вязкой тьмы...

Тут черный туман стал серым и будто бы потеплел. В нем засияли желтые искорки – словно россыпи мельчайших золотых песчинок. Их все больше, больше – стали проявляться зеленые проблески, пока зеленый цвет совсем не вытеснили желтый. Следом красная звездная россыпь наполнила тот же клубящийся серый туман. И тут наконец сверху открылось окошко фиолетового неба. Почему неба? Трудно сказать – ему так подумалось. Видимо, потому, что фиолетовая краска была необыкновенно прозрачной и чистой...

Именно туда, в зенит, улетал человек в белой накидке, держа кого-то невидимого за руку. Нет, в белом был не он – и это было Денису откуда-то известно. Он был тем, вторым, – невидимым. Прозрачным было его астральное тело... Так, кажется, называют эту сущность начитанные люди, а он-то мог и заблуждаться, ибо не читал ни Блаватскую, ни Лазарева, ни даже, стыдно сказать, полностью Рериха...

Сколько все это длилось: минуту, десять, час? Неизвестно. Спрашивать у сидящего напротив Анатолия показалось неудобным, однако увиденное являлось столь необычным, что он кратко пересказал ему свои ассоциации.

– Ты последовательно прошел все уровни: от низшего до вершины – Великой Любви! Тут возникла такая связь, такая мощная связь! – восторженно заговорил Анатолий. – Даже сейчас еще осталась связующая энергетическая нить с Космосом. Может, с твоим Учителем?.. Кстати, ты пробовал с ним общаться?

Глаза Анатолия просто сияли чем-то таким... Светом вдохновения что ли? И на этот раз Денис даже не усомнился в его словах.

– Даже не знаю, есть ли он у меня, – ответил он неуверенно.

– Учитель есть у всех, – заверил Анатолий, – но вот услышать его можно где-то после тридцати лет. Или не услышать вообще... Имеющий уши да услышит, так что попробуй мысленно заговорить с ним. Честно признаться, я чего-то подобного ждал – с самого утра чувствовал твое приближение...

Денис больше не улыбался его словам. А почему бы и нет? Сегодня и так произошло столько удивительного, чему при иных обстоятельствах он попросту бы не поверил. И эти видения, и странные ощущения во время полета...

– Я просто не думал... – начал он, и вдруг мелькнувшая мысль-озарение все расставила по своим местам: – Я просто до сих пор не знал, как это делается! А сегодня там было ощущение какого-то всезнания. Показалось даже, что стоит захотеть – и я могу получить ответ на любой вопрос. Вот только самый важный, самый нужный так и не родился – в огромном океане непросто найти маленький островок...

– Спроси для начала, где ты был, – подсказал Анатолий.

Денис мысленно задал вопрос, и тотчас внутри его и одновременно откуда-то со стороны зазвучал голос: «Сформулируй вопрос для себя, ибо понятный ответ можно дать только на конкретный вопрос...»

Анатолий уловил его замешательство и стал подсказывать:

– Внутри себя?.. В центре Галактики?.. В центре Вселенной?..

«В центре Вселенной, – прозвучал ответ. – Это наиболее близкое понятие».

– Все верно, – обрадовался Анатолий. – Человек – это Бог, Творец – это вся Вселенная, а самая разумная сила – Любовь... Ты проходил уровни от низшего физического до Гармонии Вселенной...

Он устремил на Дениса сияющие глаза и попросил:

– Спроси у своего Учителя, много ли вокруг нас людей, стремящихся к Гармонии?

Денис мысленно сформулировал вопрос. Вместо ответа перед глазами встала довольно четкая картина: темный город – он почему-то знал наверняка, что это его поселок – а по нему в одиночку и небольшими группами рассыпаны большие и маленькие фигуры в светящихся не то плащах, не то накидках со скрывающими головы капюшонами. Денису показалось, что фигур довольно много.

– Много, – ответил он Анатолию.

– А сколько: сто, двести, триста?

«Сто», – был ответ, но Денис понял, что это не число, а некая группа – как отряд или единица.

– Здесь такое большое их количество? – удивился Анатолий.

– Но тогда в других местах может быть ни одного... А спроси еще, как далеко лично я смог продвинуться на этом пути?

В ответ даже не прозвучало, а всплыло в памяти число «семнадцать». Денису оно ничего не говорило, поэтому он вопрошающе уставился на Анатолия. Но и тот, похоже, пребывал в недоумении. Потом проговорил с некоторым сомнением:

– Сатя Баба как-то сказал, что он постиг двадцать первый уровень...

Денис же в это время почему-то подумал об остальных людях, не вошедших в «сотню», и спросил о них.

«Все равны, – был ответ, – но Учителя питают предпочтение к тем, кто достигает высокого уровня...»

В этом месте Денису показалось, что невидимый Учитель улыбнулся – похоже, он остался доволен вопросом. А взглянув на Анатолия, Денис поразился его лицу: оно буквально светилось, глаза жадно впитывали, а уши ловили каждое слово... Нет, Анатолий не управлял его сознанием, чего Денис подспудно опасался, – он внимал!

– Спроси о предназначении высших уровней, – подсказал Анатолий.

«Они – отраженный щит», – был ответ.

Денис не мог точно сформулировать это не прозвучавшее, а оформившееся на мгновение в мозгу понятие: то ли «отраженный», то ли «отражающий» или даже «опрокинутый»... Хотел повторить вопрос – и тотчас увидел перед глазами яркую картину: вдалеке, в абсолютной темноте находился сияющий гранями кристалл, который одновременно казался почему-то городом, цивилизацией. Вдруг из темноты в него ударил тонкий белый луч и, отразившись под тем же углом, ушел в черноту. Пока Денис пересказывал видение Анатолию, злой убийственный луч ударил с другой стороны – и снова отразился.

– Говоришь, ты видел город? – спросил Анатолий. – Опиши его.

Тогда Денис уже явственно увидел не кристалл, а именно город: каменные дома, кажущиеся серыми в сумеречном свете,

вплотную подступали к высокой набережной – город располагался то ли на берегу реки, то ли моря. Он казался безлюдным, даже безжизненным. За причудливыми в несколько этажей зданиями просматривались высокие силуэты островерхих, устремленных в небо сооружений.

– Индийские пагоды? – заинтересовался Анатолий.

– Да, – ответил Денис, и тут же ему дали понять, что он ошибся, потому что перед глазами снова встала картина города – на заднем его плане на фоне серого неба возвышались попеременно и христианские церкви с крестами, и мусульманские мечети, и индийские пагоды.

– Где находится город, в каком государстве? – поспешно спросил Анатолий.

«Нет такого государства...» – был ответ.

– Правильно, – подтвердил Анатолий, – религий много, и каждая из них – это собрание заблуждений, а Вера – она одна. Это вера в высокое предназначение человека. Я, например, не кары Господней, не наказания боюсь, а того, что ОН во мне разочаруется.

И тут Денис вдруг ясно осознал, что этот город – Шамбала, а люди в белом светящемся одеянии – ее воинство. Осознал и удивился – потому что до этого момента Шамбала ассоциировалась для него с чем-то эфемерным, населенным призрачными небожителями. Выходит, Шамбала – это всего лишь символ?..

– Такая концентрация «просветленных» здесь произошла невольно или этих людей собирают в определенных местах? – перебив его мысли, спросил Анатолий.

«Собирают. Время им знать друг друга. Но при этом не должно быть непререкаемых авторитетов, каждый обязан быть сам по себе...»

– Почему? – это спросил уже Денис.

«Истина находится внутри каждого либо исходит от Учителя. Один заблуждающийся принесет больше вреда, чем сотни врагов...»

– Спроси, – встрепенулся Анатолий, – мы с тобой нужны друг другу? Мы должны и дальше встречаться?..

«Вдвоем вы сильнее, но встречаться должны как можно реже», – был ответ.

– Почему это? – удивленно и как бы даже уязвлено спросил Анатолий.

«Потому, что будете торопиться в получении новой информации, а главное – это думать. Истина и знания находятся внутри каждого из вас...»

И снова Денис отмел мелькнувшую мысль о гипнозе со стороны Анатолия – ответ поступил совсем иной, а не которого Анатолий ожидал. И прозвучал даже до того, как Денис сумел его сформулировать, не то что задать. Выходило, что во время общения с Учителем он, Денис, связан со всеми знаниями мира, нужно только определиться, на какие вопросы он хочет получить ответ. Но в этом предощущении бесконечного знания почти невозможно выделить отдельные вопросы – вот тут-то и нужен Анатолий, который через него как бы открывает вселенскую энциклопедию и выборочно, как по алфавиту, получает справки...

– Слушай, – заинтересовался вдруг Анатолий, – а ты общаешься с Учителем каким образом? Голосом?..

Денис не мог ответить, поэтому обратился к Учителю.

«Нам невозможно общаться при помощи голоса – ты воспринимаешь мысль...»

– Тогда почему я слышу информацию как бы из определенной точки пространства?

«Так легче для тебя, привыкшего воспринимать звук. Потому что не отвлекаешься на анализ, а легко различаешь поступающую информацию и собственные мысли...»

– Но иногда голос начинает звучать как бы внутри меня?..

«В этот момент я нахожусь очень близко, как сейчас...»

И Денис вдруг явственно ощутил, что Учитель стоит позади него. С усилием повернул голову и увидел... ступни в сандалиях и край белой накидки. Как он ни старался поднять глаза выше – ничего не получалось.

«Тебе еще рано меня видеть. Это время пока не пришло...»

Анатолий не слышал диалога, но по его глазам было видно, что он чувствует необычность происходящего.

– Ты видишь Учителя?

Денис отрицательно покачал головой, хотя мог бы кивнуть утвердительно.

– Спроси, каким путем можно получить истинную информацию?

«Есть два пути: от Учителя и став частицей Мира...»

Ответ Анатолию был непонятен, и он задал уточняющий вопрос:

– Как это – частицей Мира?

И снова Денис увидел прозрачную сферу, окружающую, по всей видимости, нашу Землю. Она состояла из уровней, и чем выше, тем тоньше они становились, – где-то ближе к верхней части должен находиться Анатолий! А самый верхний – тончайший и сверхпрочный – и был тем самым отражающим щитом. Выше находилось только то, что было названо Миром... Может быть, Денис не все понял правильно, но переспросить не мог, потому что ему как будто не положено было это знать. Да, то и дело он упирался в границу дозволенных знаний. Ни слово «Бог», ни слово «Создатель» не прозвучало ни разу – вместо них использовались «Он» и «Нечто». Понятия «Добро» и «Зло» принимались неохотно – и все время переводились в понятия «Свет» и «Тьма». И сам пришел пример на ум Денису или был направлен, трудно сказать: дарить женщине розы – это добро, но перед этим нужно совершить зло – срезать их с куста. То есть нет абсолютного добра и зла, зато существуют абсолютные Свет и Тьма, от которых можно отталкиваться, как от точек опоры.

Мысли в голове Дениса постепенно утрачивали ясность, так что даже задаваемые Анатолием вопросы приходилось сначала осмысливать, затем заново выстраивать самому.

– Я уже с трудом перевожу мысли в слова, и наоборот... – признался он Анатолию.

– Еще один, последний вопрос, – попросил Анатолий. – Какой литературе можно доверять?

«Я повторяю, – прозвучал ответ, – верь только самому себе или своему Учителю».

– Последний вопрос! – взмолился Анатолий.

«Последний уже был», – ответил Учитель, и Денис подумал, что он опасается за его, Дениса, разум. Действительно, он очень устал – мысли не то чтобы путались, просто со все большим трудом формулировались.

– Все люди, в конце концов, получают своих Учителей? – спросил Анатолий.

«Нет, потому что осталось очень мало времени».

Денис не стал уточнять, до какого события, – это было ясно и так, спросил лишь:

– Сколько?

Перед глазами возникли два отрезка какого-то пути, вернее, путь, разделенный на две неравные части: пройденный и его продолжение – тот, что оставался. Если путь измерялся от Рождества Христова, то отрезок составлял больше века... А вот если от рождения Дениса, то, похоже, не более пяти лет...

– И что же, человечество погибнет? – задал он главный вопрос.

«Нет. Но если вы не выстоите – то Он от вас откажется...»

На протяжении всего общения Денис оставался абсолютно спокойным, даже как бы безучастным – и тут не встрепенулось сердце, не екнуло внутри. Он наконец-то задал самый главный вопрос и получил на него самый исчерпывающий ответ. Он был допущен к Великому Знанию. И отныне, зная часть Истины, он должен оставаться всегда готовым сражаться за нее... Не только он, но и Анатолий, и те – в святящихся накидках...

Осознав, что общение закончилось, Денис поднялся, но голос Учителя остановил его:

«Нужно прибраться после себя...»

Он оглянулся и увидел, что на том месте, где сидел, на полу растеклась свинцовая лужа. «Что это? Неужели все это стекало с него?...»

Он взглянул на Анатолия – тот, похоже, ничего не видел.

– А ты сможешь убрать вредную энергетику с пола? – спросил его Денис.

– Какую?

– Вот здесь, – Денис руками обвел круг на полу.

– Попробую... – ответил Анатолий неуверенно.

Он поднял руки кверху ладонями вниз и на некоторое время замер. Денис явственно увидел, как сверху, между его рук, опустился призрачно-белый столб и уперся в поверхность лужи. Через несколько мгновений белизна снизу столба стала уплотняться и подниматься вверх по вертикальному каналу. Вот уже остались только жгутики тянущегося вверх белесого тумана на полу...

– Все? – спросил Анатолий.

– Как будто...

Под его недоуменным взглядом Денис толкнул скрипучую дверь и шагнул через высокий порог. Снаружи было светло: яркая луна освещала своим ровным неоновым светом избушку, подступившие к ней кедры и призрачные горы. Снег разноголосым

хоровым скрипом возмущался по поводу вторжения нарушителя спокойствия – то есть Дениса. Эти невероятно громкие звуки, метнувшись несколько раз среди кедров и скал, устремлялись вверх – к ритмично мерцающим мириадам крупных звезд – и замирали в вышине, чтобы снова покой и белое великолепие воцарили в этом уединенном мире, под вечным звездным куполом...

Во сне Денис летал. Нет, совсем не так, как птица, – а без малейших усилий. Правда, поначалу он по крупичам – по движениям и усилиям – вспоминал, как это делается. Сперва чуть-чуть оторвался от земли, потом переместился, не касаясь ее подошвами, после этого потянулся вверх... Зато, вспомнив все забытое, он дал волю восторгу: стрелой взмывал к зениту, мчался неведомо куда, раскинув руки наподобие крыльев, а то, сложившись так, что руки и ноги оказывались вместе, резко менял направление полета. Ему не надо было тратить усилий, чтобы поддерживать себя в воздухе, – он мог замереть и висеть неподвижно, мог перемещаться спиной вперед. Он ощущал только упругость воздуха, слабое дуновение ветерка. Эта способность пьянила своей новизной и... тем, что он нечто подобное как будто уже испытывал когда-то.

* * *

– Ты открылся ему и беседовал с ним... Теперь и ЭТИ знают, кто он!

– Он и так слишком громко заявил о себе. Его все равно бы скоро вычислили, вопрос короткого отрезка времени... И именно сейчас, перед лицом смертельной опасности, мы нужны ему как никогда!

– Меня и так удивляет, что, оставаясь беззащитным перед случайностями, он до сих пор цел и невредим.

– Он научился защищать себя сам, он научился предвидеть опасности.

– Похоже, он стал тем, кем должен был стать...

– Да, он стал Воином... Которого можно убить, но невозможно сломить. Хотя он еще и не подозревает об этом...

– И он ведь без нашей помощи прошел этот путь! Если зерно посажено – оно должно было прорасти! А из зерна пшеницы никогда не вырастет сорняк...

Зов будущего

Утром Анатолий, на правах старожилы и хозяина, угощал завтраком. О вчерашнем общении с Учителем он не напоминал – будто ничего и не было. Только время от времени бросал на Дениса мимолетные пытливые взгляды.

Наконец, видимо не выдержав, Анатолий спросил:

– Ты никогда не составлял на себя подробный гороскоп? Многие считают, что их судьбы предначертаны...

– Нет, – ответил Денис, и это было правдой.

– Но ты веришь астрологическим предсказаниям? И, вообще, нашей подчиненности законам Космоса?

Вместо ответа Денис пожал плечами. В свое время он попытался во всем этом разобраться, но вскоре убедился, что в поисках истины все дальше от нее уходит. Действительно, как тут объяснишь?.. Как-то одна его знакомая, окончившая Академию астрологии в Москве и подрабатывающая составлением гороскопов-прогнозов для городских бизнесменов, взялась составлять ему такой гороскоп. Через некоторое время она отодвинула справочники со звездными картами в сторону и сказала: «Знаешь... Я могу, конечно, составить, но он вряд ли сбудется. Мне вообще впервые попадаете такое сочетание. Если в момент рождения человека на его небосклоне присутствует звезда, то она вносит очень сильные коррективы, а у тебя их целых семь. Так что не верь ни одному гороскопу...»

Он не стал пересказывать Анатолию эту давнюю историю – на откровения сегодня не тянуло. И вообще, после вчерашних событий Денис ощущал себя будто бы не в своей тарелке. Более того, сегодня его смущала вчерашняя откровенность с незнакомым, в общем-то, человеком. Но, помня настойчивость Анатолия в расспросах, решил просто переменить тему разговора:

– Я хочу спросить насчет твоих манипуляций с энергетикой. Ты где-то учился или, так сказать, постиг через долгий путь самообразования?

– Нет, никакой оккультной или эзотерической литературы никогда не читал. Истинных Учителей или даже просто единомышленников тоже не встречал. То, что знаю, – просто знаю.

– Но ты задумывался, откуда все это знаешь?

– Ниоткуда. Просто знаю – и все тут... Однажды, например, открыл, что могу читать на санскрите или... Вот, смотри!

Он взял у Дениса из рук сборник стихов, который тот, доставая печенье, вытащил из кармана рюкзака, и зажал его между ладоней. Так его и держал минут десять-пятнадцать, разговаривая при этом с Денисом, потом вернул и со вздохом сказал:

– Хорошие стихи, особенно вот эти...

Он закрыл глаза и стал читать, медленно, будто вспоминая слова:

Ну, зачем дураку жар-птица?
Нет ее – и печали нет.
Пусть царям еженощно снится
На песке оставленный след.

Этим сказку подай на блюде –
Всяк желанной добыче рад;
Им плевать, что живое чудо
Превратится в дворцовый клад.

Ведь такой прихотливой птице
Жизнь в палатах – тюрьма и гнет!
Даже наша дура-синица
В клетке песен своих не поет.

Ни к чему дураку жар-птица...
Но, когда на душе серо,
Достает он из старой тряпицы
Полыхающее перо!

Денис мог поклясться, что книгу тот не открывал. Более того, Анатолий не мог ее видеть до этого – это был только что полученный из издательства сигнальный экземпляр новой книги, который предназначался в подарок Грише Поленову.

– Невероятно! Но как это у тебя получается?

– Следует пробуждать в себе желание проникнуть в глубинные загадки бытия, тогда открываются даже высшие космические тайны...

Денис поморщился, и Анатолий, заметив его реакцию, поправился:

– Сам не знаю, как получается – просто держу книгу, а информация идет...

«Ничего не скажешь, – еще раз мысленно констатировал Денис, – насколько загадочная, настолько же и противоречивая личность – этот его новый знакомый. Верить такому – дико, не верить – глупо...»

Пока пили чай, пошел густой снег, потом разыгралась настоящая метель. Денис обреченно следил за плотными снежными зарядами, которые яростными протуберанцами проносились мимо окон избушки, и ближе к полудню окончательно понял, что и сегодня Гриша с компанией не придут. Надо и ему возвращаться, чтобы успеть засветло...

Собираясь в обратный путь, под выложенной из рюкзака запасной одеждой нашел свой диктофон – включил, помнится, по привычке, во время вчерашнего разговора, да так про него и забыл. Естественно, батарейки за ночь сели.

– Наша встреча ведь не случайна, – сказал на прощанье Анатолий. – Как в Библии сказано: «Ты не знал Меня, а Я тебя нашел...»

– Чем хороша Библия, так это тем, что ее можно цитировать абсолютно по любому поводу, – попытался отшутиться все еще обескураженный Денис.

Однако Анатолий не улыбнулся, только пристально посмотрел ему в глаза. И такая в его глазах была бесконечная глубина, и такая печаль, что Денису стало жутковато.

– Наш Путь – это путь зерна. Нас уже посеяли... – произнес Анатолий очень серьезно. – И знаешь что?.. Ты не очень-то афишируй свои возможности – это опасно...

* * *

Дома, проходя мимо книжного шкафа, он случайно – во всяком случае, произвольно – вытащил книгу Николая Рериха. Открылся томик на статье «Сердце Азии», и первое слово, которое попало Денису на глаза, было – Шамбала. Да и вся строка «Величайшие поручения даются Шамбалой, но на Земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях...» его поразила не столько смыслом, сколько тем, что где-то он ее совсем недавно слышал: то ли от нового знакомого, то ли от Учителя, то ли давно знал, но позабыл. Нет, не из книги Рериха, которая простояла в книжном шкафу несколько лет. Доселе он ее не открывал – это точно. Решил прослушать диктофонную запись с Боруса, но на кассете, к удивлению Дениса, не оказалось никакой записи. Более того, ее пришлось попросту выбросить, так как она оказалась безнадежно испорченной...

Встреча с Анатолием теперь не выходила у него из головы – она вдруг заставила не просто задуматься, а по-новому взглянуть как на жизнь прожитую, так и на жизнь предстоящую. Значит, ничего в его прошлой судьбе не было случайным и жизненный путь был попросту предопределен? Кто-то из поэтов сказал: «Нет неудач, а есть ступени духа, по коим ты, карабаясь, идешь...» Значит, и болезни, и трудности, и даже семейные катастрофы – это ступени его духа?.. Вспомнилось вдруг, как однажды в действующем православном храме, куда Денис зашел в общем-то случайно, к нему подошел старый, седой и сгорбленный священник и поделился: «Забыл меня Господь – давно уж я не болел...» А вот его, Дениса, выходит, никогда не забывал...

Тогда они довольно долго просидели в крохотной келье старца. О чем говорили? Сейчас Денис уже и не помнит. В памяти четко запечатлелись лишь два момента беседы. Это когда старец сказал: «А я тебя давно здесь жду» – и это прозвучало так значительно, как будто старец обещал ему приоткрыть дверь во что-то неведомое, главное в жизни. И еще поразило то, что седой старик разговаривал с ним не как наставник, а как равный с равным. Но только сейчас созрел в нем вопрос: ведь что-то означала эта встреча в его судьбе, в его поисках смысла жизни?..

Да, по словам Учителя, у каждого есть предназначение, о котором он зачастую и не подозревает – просто не положено, не нужно ему знать до поры. Возможно, он никогда даже и не узнает, что вот наступил этот момент, – если не сумел укрепить свою душу, не успел подготовить себя духовно. Не успел вырасти из зерна потому, что вовсе не телесная оболочка должна выполнить предназначенное, а то потаенное, что запрятано внутри души, внутри всей земной жизни. Именно оно предназначено вырваться из слабого тела, даже из тесной сферы земной – и развернуться в бескрайнем Космосе во что-то огромное и совершенное. Как спиральная Галактика... И не несет это великое предназначение никакой избранности в среде человеческой, потому что бренное земное тело требует пищи и удовольствий, а связанные с ним сиюминутные помыслы житейские не имеют ничего общего с высоким и неохватным, сокрытым, должно быть, только в общем разуме всего земного или всекосмического человечества...

Почему же многие, вернее, даже большинство людей никогда не задумываются об этом? Потому видимо, что лишь в зрелом

возрасте, и редко кто раньше, обретя мудрость от задаваемых себе вопросов и мыслей нескончаемых о смысле жизни, люди начинают чувствовать слабые и неясные отголоски вечного зова Шамбалы. А до этого, что же, живут они на земле как хотят, не соблюдая ни десяти заповедей общечеловеческих, ни космических высших законов? Их ли в этом вина, или силы тьмы, действительно, борются за душу каждого человека? Ведь просто жить так легко – ни о чем не задумываясь, и всегда остается оправдание, всегда можно сослаться на незнание. То есть на то, что не ты именно предназначен совершить сокрытое и потаенное... Но, с другой стороны, разве это оправдание, если каждый человек – кокон, в который заложено нечто? Значит, изначальное предназначение в том и заключается, чтобы внутри кокона сохранять незапятнанной вложенную в тебя душу, не ожесточить ее, не разменять на пустяки. Ведь так легко заляпать ее прилипчивой грязью и тем самым сделать непроницаемой отделяющую тебя от всего космического оболочку...

Денис с удивлением стал ловить себя на том, что мысли его теперь строятся столь же многословно и витиевато, как речь Анатолия. И в этом все нарастающем многословии, определенно, была какая-то прослеживающаяся, но непонятная закономерность... Видимо, такое происходит, когда начинаешь мыслить уже не земными образами, а космическими понятиями. Образ всегда ассоциируется с чем-то конкретным, понятие же – со всеобъемлющим, не имеющим четких границ...

Случайно открыв свою тетрадь с выписанными афоризмами и цитатами, Денис с удивлением осознал, что только сейчас ему открывается то глубокое и сокрытое, что прежде он чувствовал лишь интуитивно. Раздумывая о конкретном и абстрактном, он так и этак прокручивал в голове мысль Льва Толстого о том, что «если тебя ударили по щеке, – подставь другую». Нет, это наверняка было сказано не о тривиальном мордобитии, а о смирении собственной гордыни. Если ударил тебя наглый, пьяный хулиган, то подставлять физиономию во второй раз – глупо, а вот если сделали больно твоей душе, то не спеши отвечать и причинять ответную боль. Наверное, заслужил ты этот укол, ведь есть за тобой какой-нибудь грешок, который спровоцировал негативное отношение? Подставь вторую щеку – и, если человек просто погорячился или был не

прав, он одумается и попросит прощения. И впредь постарается не причинять боли другим...

Определенно, со знаменательного посещения Боруса в голове Дениса словно бы открылась дверца – и удивительные по гениальной простоте, по абсурдности мысли вихрем ворвались внутрь, не давая теперь покоя ни днем, ни ночью. Это было непривычное, потрясающе новое чувство: спорить с самим собой – и при этом никогда не соглашаться, строить логическую цепочку – и шутя разбивать ее в пух и прах, отмечать самое вероятное – и доказывать абсолютно абсурдное... Раздумья стали увлекательнейшей, никогда не надоедающей игрой для мозга.

«...А что, если наша жизнь на Земле является тем самым адом, которым пугают два тысячелетия? И в горниле этого чистилища души ежедневно и еженощно испытывают невозможные в ином месте муки любви и ненависти, радости и печали... А что, если мы не дети Божьи – а сами частицы Бога? Доказательство?.. Естественно, что в общей массе мы – всезнание, но и отдельные личности, минуя самые элементарные знания, умудряются получать информацию. Так, малообразованные, с нашей точки зрения, йоги или ламы зачастую оперируют такими философскими и научными категориями, которые доступны только большим ученым, опирающимся на книги, на эксперименты, на опыты... А это означает, что знания можно получать вовсе не путем научного осмысления опыта предшественников. И что, если люди только для того и живут на Земле, чтобы пополнять своими заблуждениями и догадками развивающееся и совершенствующееся информационное поле, некую мыслящую субстанцию?..»

Денис чувствовал также, что перестраивается внутри. С одной стороны, это происходило как бы помимо его воли, а с другой – он сам страстно желал этого. Неясно только, Анатолий был тому первопричиной или Учитель? Скопились и другие пока неразрешимые вопросы, но без посредника Денис, как ни пытался, не мог выйти на Учителя, не мог получать требуемую информацию. Можно было, конечно, пойти к Анатолию домой – но Денис помнил предостережение Учителя и, как мог, оттягивал встречу. Была, правда, и еще одна объективная причина – все свободное время он теперь активно писал, и на все остальное, даже на общение, было жаль времени...

«...Процесс совершенствования мироздания и процесс человеческого созидания, вероятно, пошли каждый своим путем. Может быть, в конце концов они даже взаимоисключают друг друга – если людям не удастся осознанно обуздать собственный технический прогресс. Большое заблуждение, что быстрый прогресс – это благо, на самом деле вооруженность человечества опережает приобретаемые им знания о законах мироздания. Поэтому человечество может непреднамеренно или намеренно в один момент уничтожить Землю, а вот о значимости планеты в космическом устройстве никто не знает. Не является ли она единственной мыслящей? Не пора ли уже вводить одиннадцатую запрещающую заповедь «Не навреди Космосу!»?..»

«... Творчество – вот что укрепляет энергетическое поле Земли. И кто знает, может быть, не только Земли?.. Творчество – это единственная созидаящая, а не разрушающая сфера деятельности человека. Творчество – это духовность, а духовные ориентиры проверены временем – это тот маяк, который светит людям уже тысячи лет и до сих пор не разочаровал их...»

Но сбылось и предостережение Анатолия – Денис стал постоянно ощущать рядом присутствие некой мрачной сущности. Она то нависала над ним наподобие тяжелых свинцовых туч, то формировалась за спиной в гнетущую массу... Она возникала всегда неожиданно – и днем, и ночью. Иногда, проснувшись, он еще чувствовал ее недавнее присутствие – тело боялось и буквально верещало от страха. Именно сонное тело боялось смерти, но проснувшийся разум был сильнее – он принимал вызов. В первый раз Денису даже пришлось укреплять дух молитвой – и это получилось случайно, когда он начал шептать «Отче наш...» Единственную молитву, которую знал от покойной бабушки, да и то не до конца. Перед молитвой эта злая сила отступала...

Кроме молитвы, Денис не призывал на помощь больше никого, потому что знал – это была его война и его каждодневные маленькие, но очень важные победы. А в случае поражения кому-то другому придется занять его место, потому что противостояние его и этой злой сущности, скорее всего, закончится когда-нибудь именно так! Денис знал, что сражается не один. И если выстоит большинство, то «ОН от них не откажется». Так, кажется, сказал Учитель?

* * *

Анатолия нашли через три недели на лестничной площадке возле дверей его квартиры. Врачи констатировали инсульт, но Денис был уверен, что смерть не была случайной. Та агрессивная сущность сумела уничтожить Анатолия то ли как более опасного для нее, то ли подбираясь к нему, Денису, окольными путями. Он накрепко запомнил последние слова Анатолия тогда на вершине Боруca – и теперь ждал своей очереди. Он не боялся, потому что, может быть, в этом противостоянии и заключается его предназначение. Или, может быть, в тех пока еще не оформившихся записях, которым суждено стать новой книгой. Эта мысль пришла, когда другая случайно взятая в руки книга открылась на странице с азиатской мудростью: «Больше пользы от дурака, который рассказывает о том, что видел, чем от мудреца, который молчит о том, что знает».

На похоронах Анатолия Гриша Поленов сказал: «Когда-то я камешек с нашего Боруca оставил на вершине Эвереста, а камешек с Эвереста привез сюда. Таким образом я породнил две горы. Анатолий камешки своей веры и человеческой мудрости вкладывал в души многих, породнив нас таким образом между собой...»

Денис не представлял теперь, как без Анатолия сможет услышать Учителя, и жалел, что не подумал об этом раньше. Возможно, что при втором или третьем контакте он нашел бы самостоятельный путь к информации, теперь же в каких-то мелких случайных событиях или проявлениях искал связь, сигнал. Это могла быть, как уже не раз случалось до этого, попавшаяся на глаза строчка. Так, в тибетских пророчествах о Шамбале и Майтрейе прочитал такое: «Знаками семи звезд откроются врата». Это перекликалось с его гороскопом. Хотя, может быть, просто случайное совпадение?..

Запоем прочитал «Агни Йогу» и нашел в ней много для себя нового – чего не увидел или, может быть, не обратил на это внимания в Библии. В размышлениях Дениса это поэтическое учение не вступало в противоречие с христианским, просто было более объемлющим.

«Сражение Света и Тьмы происходит, вне всякого сомнения, не на физическом, а на духовном уровне. Но нельзя же слепо подчиняться конкретной идее, конкретному учению, ведь до сих

пор все они были ошибочными. Ближе всего к истине, должно быть, идея Христа-Спасителя: своим воскрешением Христос доказал всем, что со смертью тела человек не исчезает, а возносится к Богу. Это с радостью приняли все. Но ведь своей смертью он еще показал людям, что жизнь на Земле нужно прожить достойно и так же достойно принять смерть. А вот этого осознать уже не захотели, потому как жизнь проще и, главное, намного легче измерять богатством, положением в обществе, количеством доступных развлечений... И тогда Человека-Бога отделили от простого смертного, сделали недостижимым! Чтобы человечество прозрело дальше, нужно, наверное, еще одно пришествие?..»

«Если все мы – частица Бога, то чутко вслушивайтесь в себя, и душа сама подскажет путь к истине. Не всегда кратчайший, потому что каждый обязан пройти свой собственный путь...»

Работая над новой книгой, Денис снова и снова задумывался: что дала силам Тьмы смерть Анатолия? И почему именно Анатолия? Дьявол или кто там еще смущает всех, но уничтожает далеко не каждого, ибо в этом случае душа убиенного уже неподвластна ему. Устранение через уничтожение плоти – это крайность. Охота обычно идет за «просветленными» – так их, помнится, называл Анатолий – которые отличаются от обычных людей. Человек, как сказано в Библии, это «подобие Бога». Сжимающаяся и расширяющаяся Вселенная – эти процессы схожи с теми «вывертами», которые происходят с человеком при его смерти и рождении: то он внутри Мира – то мир внутри Его. Можно всю земную жизнь готовиться к «выверту» – и в конце просто не успеть! Может быть, безвременно погибший или бездарно проживший жизнь человек – это целая погибшая Галактика...

Денис неожиданно осознал, почему он оказался именно здесь: в Сибири, возле Бурса, рядом с Анатолием. Действительно, судьба все время словно бы обрубала его попытки уехать в другое место. Так, собиравшись в командировку за границу, уже оформил все документы – и простудился, слег с плевритом. Только сейчас наступило прозрение, что обстоятельства все время привязывали его к этой земле: привязывали болезни, привязывали женщины, привязывала дочь... А отныне он уже навсегда и осознанно будет привязан к этому месту – здесь передовая его личной битвы...

* * *

На сороковой день Денис ездил на могилу Анатолия. День был теплый, ласковый, вокруг кладбища благоухало луговое разноцветье – и как-то не верилось, что Анатолия больше нет, что он пал на той незримой войне, которая проходила, пока, как будто мимо Дениса...

Это произошло, когда он возвращался с кладбища. Погруженный в воспоминания, Денис сидел в автобусе и в очередной раз перебирал в памяти их первую и последнюю встречу на Бурсе. С каждым разом эти воспоминания делались все отчетливей, вспоминались детали, казалось бы ничего особого не означающие слова вдруг приобретали особый смысл...

«Друзей выбирают не умом, а сердцем. Это только нужных людей – умом». Так, помнится, сказал Анатолий. А еще он спросил: «Писатель, это ведь особенный, тоже избранный человек. От обычных людей он отличается тем, что в каждом своем произведении проживает еще одну, параллельную жизнь. Как правило, более яркую и значимую. Я сейчас говорю даже не о том, что каждое произведение накладывает свой отпечаток на дальнейшую жизнь человечества... Мне просто интересно знать, когда же писатель бывает настоящим: там или тут?»

«Именно в книгах я настоящий, – только теперь смог уверенно ответить Денис, – потому что создаю свой мир и живу в нем по своим законам, без внешней шелухи и наслоений...»

Мысль неожиданно оборвалась – Денис вынырнул из водоворота размышлений и воспоминаний, потому как ощутил, что у него странно немеет затылок. Нет, даже не немеет – он просто перестал затылок чувствовать, и мысли словно бы улетали в образовавшуюся пустоту. Попытался проанализировать это незнакомое ощущение, и вдруг понял, что кто-то пытается проникнуть в его сознание. Словно сотни тончайших прилипчивых нитей вползали сзади под черепную коробку и присасывались к его мозгу. Мысленно он стал отрывать их, но этих нитей с каждым мгновением становилось все больше, они опутывали уже и руки, двигать которыми даже в виртуальном пространстве становилось все труднее и труднее.

И тогда – опять же мысленно – Денис достал большой нож. Нет, это был меч – длинный и узкий. Но теперь даже меч с трудом справлялся с неотступающими, опутавшими уже все тело нитями-

щупальцами. Вскоре лезвие меча раскалилось до белого каления, а пространство позади заполнилось какой-то густой темно-зеленой жидкостью. Единственное, чего удалось достичь – это временного равновесия сил...

Денис менял тактику, нанося то удар «взмах веера», то «змейку», то «капюшон кобры» – он и сам не мог понять, откуда в голове рождались такие названия – но густая стена щупальцев тут же заполняла прорубленную мечом брешь. Удивляясь, что он откуда-то знает все эти боевые приемы, искал выход – ибо такое противостояние могло продолжаться как угодно долго. Вернее, до тех пор, пока он, Денис, не выдохнется.

А неведомый противник уже пытался охватить его с флангов и полностью отрезать от окружающего мира. И тогда Денис применил «купол» – огненное лезвие раз за разом описывало сферу от головы вокруг его тела, рубя и кромсая до самой поверхности земли враждебную плоть. Словно бешено вращающиеся лопасти вертолета! Но и этот прием, похоже, давал не победу, а лишь временный паритет сил и передышку. Зато полностью освободилась левая рука – и в ней откуда-то появился короткий трезубец. Пока Денис сосредотачивался для решительного удара, три металлических зубца раскалились до такого же белого цвета, что и меч. Этим огненным трезубцем он и ударил того, кто находился сзади – прямо в черные провалы глазниц. И сразу же ощутил удивительную легкость в голове и во всем теле...

Поднимаясь с сиденья, Денис не удержался и обернулся – позади сидел какой-то тип довольно неприятного вида, с бледным лицом мертвеца. Глаза его были плотно закрыты. Похоже, что незнакомец находился в глубоком обмороке...

Выходя из автобуса, Денис повесил на спину зеркальный отражающий щит – на случай, если незнакомец вдруг очнется. Лучшая защита, чтобы тот не смог его проследить. Дениса уже не удивлял неизвестно откуда возникающий боевой арсенал – он просто знал, для какой цели служит каждое оружие. А так же и то, что такой щит у него есть...

* * *

Ночью Денису снился удивительный сон: будто бы откуда-то издалека, но очень ясно и подробно он видит город. Некий стилизованный город вне времени – то ли средневековый, то

ли современный. Узкие улочки, серый камень, на загроможденной людской массой площади возвышается не то эшафот, не то деревянный помост. На нем стоит человек в мантии и с маленькой короной на голове – царь или правитель. Широкоплечий, чернобородый, двумя руками держит обнаженный меч – а внутри, в душе, страх и отчаянье. Толпа окружила помост и жаждет крови – в устремленных взглядах трусливая ненависть. Почувствовав далекий взгляд Дениса, чернобородый как бы прислушивается к небу – и в его душе рождается надежда. Он как будто и до этого все ждал и надеялся на какую-то помощь со стороны... Может, именно со стороны Дениса?.. Вот он поднимает горящий белым пламенем меч над головой – и толпа шарахается, словно стая увидевших льва шакалов...

И уже утром, перед самым пробуждением, привиделся еще один – нет, даже не сон, а возникшее перед глазами колеблющимся миражом видение. Он увидел высокую каменную стену то ли монастыря, то ли большого города. Как и в первом сне, увидел очень близко, осознавая при этом, что находится бесконечно далеко от данного места. Вокруг то ли пустыня, то ли просто песок. Возле самой стены стоит ребенок лет десяти. Не ясно, мальчик это или девочка... Ребенок смугл, бос и почти гол. Очень низкое, по всей видимости вечернее, солнце освещает стену – и ребенок напряженно всматривается в сторону горизонта. Он чего-то, вернее, кого-то ждет. И Денис, находясь очень далеко, смутно чувствует, что ребенок ожидает именно его, причем уже не первый день. Он, Денис, как бы перелистывает мысленно всю прошлую жизнь этого маленького человека. В ней вера и ожидание... Тут он замечает, как ребенок встрепенулся – видимо почувствовав возникшую между ними связь. Нет, уже не просто мысленную связь, ведь Денис летит через пространство и стремительно приближается – чтобы стать его опорой, чтобы стать его силой.

Странные порой приходят сны...

* * *

– Поразительно, но он справился с Черным Воином, не прибегнув к помощи Хранителя!

– А я всегда говорил, что это очень способный ученик. Теперь уже мой бывший ученик...

– Ты снова от него отказываешься? Почему?

– Нет, это он отказался от своего Учителя. Ответы на все вопросы он привык находить сам...

– В конце концов, однажды он просто заблудится!

– Может быть. Но он снова самостоятельно найдет правильный путь, как находил его до этого. Он пойдет дальше – и скоро сам станет Учителем. В какой-то степени он им уже стал...

Послесловие

МОЙ СОВРЕМЕННИК – ПУШКИН

Утверждают, что человек с его укоренившимися привычками, стереотипами мышления и собственным мировоззрением почти полностью формируется за первые пять лет жизни. Во всяком случае, именно за этот период времени он получает основополагающую часть внешней информации. Не оттого ли само понятие Родины у меня ассоциируется не с огромным городом Ленинградом, где жил, а с маленькой ярославской деревушкой Дмитриевка, куда отвозили меня родители на лето – с деревянным домом, с речушкой Рушей, с дедом Александром и бабушкой Евгенией?

Дом был срублен из толстого елового кругляка, с топорщившимся в пазах потемневшим мхом, с повестью и чуланом, с огромной русской печью, полатами и широкими деревянными лавками. Еще запомнилась керосиновая лампа, висящая на длинном крючке, – электричество в эту глухую российскую деревушку проведут только в шестидесятых годах, когда я уже буду заканчивать школу...

Огромный блестящий самовар на выскобленном добела столе и темный иконостас с горящей по праздникам лампадкой в переднем углу – все это легко вписывалось в атрибутику сказок Пушкина, которые читал вечерами дедушка Александр. Он тщательно протирал смятой газетой закопченное ламповое стекло, водружал на нос очки с круглыми стеклами и, подкрутив свои пшеничные усы, клал в обозначенный лампой на столе световой круг толстую книгу в темном переплете. Читал он не только для меня, но и для неграмотной бабушки, которая плохо видела все, что вблизи, и для разглядывания картинок использовала линзу в бронзовой оправе – должно быть от старинной подзорной трубы. Голос деда звучал неспешно, почти напевно, позволяя мне осмысливать каждое слово, каждый

оборот пушкинской речи... Бабушка при этом неизменно пряла – то овечью шерсть, то льняную кудель, а я сидел на коленях деда или на лавке, закутавшись в огромный, пахнувший овчиной тулуп.

По моим тогдашним детским понятиям, действие сказок разворачивалось где-то рядом: в близлежащем лесу, на невидимом из окна конце деревенской улицы и даже в закутках нашего дома – на ветренном чердаке, в пугающе темном подполе... Тем более, что, кроме ярких звезд и луны в незанавешенном окне, выхватываемые из полутьмы неровным светом лампы, со стен на меня глядели темные лики икон, выставленные в прямоугольнике иконостаса, портреты Ленина и Сталина в тонких рамках, оживляемый медленно ползущими стрелками жестяной циферблат часов-ходиков, и еще большие красочные плакаты.

На одном из плакатов были изображены две ослепительно красивые китайки в национальных одеждах, на другом – смуглый юноша с бакенбардами, в почти обычной – по сравнению с экзотическими восточными – одежде, приветственно вскинувший руку.

Эти портреты являлись для меня как бы составляющими деталями окружающего мира взрослых людей. Боги – это строгие судьбы, живущие где-то очень далеко, – так же, впрочем, как и красивые китайки с их картинно-замысловатой природой. Добрый дедушка Ленин в смешном галстуке с белыми горошинами давно умер, но я знал, что именно он создал далекий город Ленинград, нашу деревню и, как ни странно, все, привозимое в деревенский магазин. Человек в военном френче, седыми усами схожий с моим дедом, отстоял страну от страшных врагов и тоже умер, но совсем недавно – скорбный день его смерти накрепко отложился в моей неизбирательной детской памяти. Правда, он так и не успел уничтожить всех врагов, и портрет одного из них – невероятно толстого, с острыми зубами, обнимающего огромный мешок с деньгами, пугающе скалился из самого отдаленного и самого темного угла. Имя этому страшному жадине было – Буржуй.

А смуглый юноша, по моим тогдашним понятиям, был жив, потому что продолжал писать свои замечательные сказки. Его несколько странные одежда и прическа меня не смущали – сказочник ведь не может одеваться как обыкновенные люди. Тем более что он, в отличие от всех глядящих со стен, был очень

МОЙ СОВРЕМЕННИК – ПУШКИН

похож на моих деревенских знакомых и смуглостью летнего загара, и мягкой задумчивостью лица, и непринужденной позой, а главное, он был так же юн, как прекрасные китайки или соседка-школьница Тонька. Значит, он должен был жить еще долго-долго – как и я... Ведь именно ко мне заодно обращался Александр Пушкин с того красивого плаката: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!...»

Владимир Борисович **Балашов**

Призрак единственной

Повести

Художник

Светлана Косовская

Редактор *Е.В. Чезыбаев*

Компьютерное обеспечение: *Д.А. Чезыбаев*

Подписано в печать 10.10.2010. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Печ. л. 20, 0. Тираж 300 экз.
Заказ №...

Автономное учреждение Республики Хакасия
«Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н,
тел.: (3902) 24-43-54, 24-30-39

